

Рис. Степановъ. Imp. par Paul Petit. Lith. par Victor.

Съ молоду я былъ хорошъ собою ловко танцовалъ мазурку и нравился женщинамъ....

Изъ моихъ воспоминаній.

Рис. Степановъ Imp. par Paul Petit. Lith. par Victor.

Рис. Степановъ — Imp. par Paul Petit. — Lith. par Victor.

— Вы изволили прочесть мою повѣсть?
— Прочелъ. ничего. недурна. мѣстами есть промахи поверхностный взглядъ на предметы. .

(Съ глубокомысленною важностію)

Знаете повѣсть ваша собственно не повѣсть а патологическое развитіе
— Извините. Вы можетъ быть изволили забыть что это мнѣніе г-на М.. которое [illegible] при посылкѣ повѣсти?

Петербургскій Томъ Пусъ

Imp lith Paul Petit

Рис. Степановъ. Imp. par Paul Petit. Lith. par Victor.

Ну вотъ и прекрасно!

Генеральная репетиція оперы Эсмеральда

Композиторъ — Да гдѣ же остальные?

Служитель — Завтра на представленіи будутъ всѣ. —

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

АЛЬМАНАХЪ,

ИЗДАННЫЙ

И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ.

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Февраля 26-го дня 1848 года.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ И КАРТИНОКЪ:

СТАРУШКА, разсказъ **А. Н. МАЙКОВА**.

ЗАБОРОВЪ, повѣсть **Е. П. ГРЕБЕНКИ**. *Съ 13 картинками* г. **АГИНА**, и др.

Исторія капитана Копѣйкина въ лицахъ (*), три картинки **А. А. АГИНА**.

Два Помѣщика, рисунокъ г. Ф**.

(*) Читателямъ извѣстно изданіе г. Бернардскаго «Сто рисунковъ къ поэмѣ Гоголя Мертвыя Души». Большая часть этихъ рисунковъ уже вышла въ свѣтъ, остальные приготовляются и скоро выйдутъ; какъ образчикъ этихъ остальныхъ рисунковъ мы, по желанію г. Бернардскаго, помѣстили здѣсь эти три рисунка. Нельзя не замѣтить, что изданіе г. Бернардскаго во второй половинѣ своей сдѣлало значительный успѣхъ сравнительно съ первой.

СЕМЕЙСТВО ТАЛЬНИКОВЫХЪ

ЗАПИСКИ

НАЙДЕННЫЯ ВЪ БУМАГАХЪ ПОКОЙНИЦЫ

СОЧИНЕНІЕ

Н. СТАНИЦКАГО

СЕМЕЙСТВО ТАЛЬНИКОВЫХЪ.

ЗАПИСКИ, НАЙДЕННЫЯ ВЪ БУМАГАХЪ ПОКОЙНИЦЫ

ГЛАВА I.

Въ комнатѣ, освѣщенной нагорѣлой свѣчей, омывали тѣло умершей — шестимѣсячной моей сестры. Ея глаза съ тусклымъ и неподвижнымъ взоромъ наводили на меня ужасъ. Въ комнатѣ была тишина; ни отецъ мой, ни мать не плакали; плакала одна кормилица — о золоченомъ повойникѣ и шубѣ, которыхъ лишилась по случаю слишкомъ преждевременной смерти моей сестры: погоди она умирать пять, шесть мѣсяцовъ, дѣло кормилицы было бы кончено, и обѣщанная награда не ушла бы отъ ея рукъ.

Въ первую минуту смерть произвела на меня сильное впечатлѣніе, но по совершенному равнодушію окружающихъ, по отсутствію отца и матери, я заключила, что смерть не важная вещь. Періодическія ссоры матери съ бабушкой казались мнѣ гораздо важнѣе, по изобильнымъ слезамъ бабушки и грознымъ крикамъ матери, которая требовала отчета: куда дѣвались деньги, выданныя на расходъ, и зачѣмъ такъ скоро вышла провизія?... Я была всегда на сторонѣ плачущихъ, потому ли, что сама много плакала — не знаю; но плачущую бабушку мнѣ было больше жаль, чѣмъ сердившуюся мать. За продолжительной ссорой слѣ-

довало примиреніе, и новыя слезы бабушки, только уже не печальныя, а радостныя, заключали сцену до слѣдующаго мѣсяца, то есть до новой закупки провизіи....

Когда я начала помнить себя, мнѣ было около шести лѣтъ. Въ домѣ у насъ жило много родныхъ: двѣ сестры матери, сестра и мать отца. Бабушку мы очень любили, потому-что она насъ баловала.... Маменька мало о насъ заботилась, а отецъ, занятый службой, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на своихъ дѣтей, число которыхъ аккуратно каждый годъ увеличивалось. У меня ужь было двѣ сестры — Катя и Соня, три брата — Миша, Ѳедя и Ваня.... Мы не питали особенной нѣжности къ родителямъ, которые съ своей стороны также не очень насъ ласкали. Помню одинъ случай: разъ маменька уѣзжала лечиться на цѣлое лѣто на воды. Наступилъ день, когда она должна была возвратиться: весь домъ ожидалъ ее, но въ тотъ день она не пріѣхала. Насъ уложили спать; но я не могла заснуть: мнѣ очень хотѣлось видѣть маменьку. Когда всѣ ушли изъ комнаты, я тихонько встала съ постели, сѣла у окна и начала смотрѣть на улицу и прислушиваться къ шуму. Но маменька не ѣхала! Я готова была плакать, сердце у меня сильно билось при малѣйшемъ шумѣ въ другихъ комнатахъ. Наконецъ весь домъ заснулъ, заснула и я, измученная ожиданіемъ, и мнѣ приснилось, что маменька крѣпко цалуетъ и держитъ меня на рукахъ: мнѣ стало такъ весело. Вдругъ слышу: маменька пріѣхала! Я сбѣжала внизъ и первое мое движеніе было — кинуться къ ней. Она, казалось, удивилась моей радости и поцаловала меня. Я заплакала.... Меня обступили, начали спрашивать, чтó со мною, о чемъ плачу? Я сказала: рада, что вижу маменьку. Всѣ засмѣялись, маменька, улыбаясь, взяла меня на руки. Я обхватила ея шею, крѣпко прижалась къ ней и пуще прежняго зарыдала. Она стала уговаривать меня, предлагала гостинцевъ, но я отъ нихъ отказалась и продолжала плакать, закрывъ лицо руками.... Мать рѣшила, что я больна и сказавъ: «посмотрите, какъ она дрожитъ», велѣла отвести меня въ дѣтскую и уложить спать. Я стала проситься опять къ ней, но меня не пустили....

Мать насъ мало ласкала, мало занималась нами, зато мы мало отъ нея и терпѣли; но свирѣпость, въ которую иногда впадалъ отецъ, была для насъ слишкомъ ощутительна. Въ минуты

своей раздражительности онъ колотилъ всѣхъ встрѣчныхъ и ломалъ все, чтó попадалось ему подъ руку. И билъ ли онъ дѣтей, или свою лягавую собаку, выраженіе лица его было одинаково — желаніе утолить свою ярость. Онъ вонзалъ вилку въ спину собаки съ такимъ же злымъ спокойствіемъ, какъ и пускалъ тарелкой въ свою жену. Помню, разъ мнѣ и трехлѣтнему брату случилось испытать порывъ его бѣшенства. Была вербная недѣля; отецъ пришелъ откуда-то домой, спросилъ завтракъ и выпилъ цѣлый графинъ водки. Въ углу той же комнаты играла я съ братомъ въ вербы. Отецъ вздумалъ принять участіе въ нашей игрѣ и предложилъ брату бить себя вербой, сказавъ: «увидимъ, кто больнѣе ударитъ....» Братъ съ восторгомъ ударилъ отца, но вслѣдъ за тѣмъ получилъ до того сильный ударъ, что вскрикнулъ отъ боли. Отецъ сказалъ: «Ну, теперь опять твоя очередь. Не плачь! на то игра: верба хлесъ, — бьетъ до слезъ!...» Но братъ продолжалъ плакать, за чтó получилъ новый ударъ, за которымъ послѣдовало еще нѣсколько медленныхъ, но не менѣе жестокихъ ударовъ. Отецъ славился своей силой: онъ сгибалъ въ узелъ кочергу. Сперва я не смѣла вступиться за брата: о правахъ родителей я имѣла такое понятіе, что они могутъ не только наказывать, но и убивать дѣтей, а несправедливости я еще не понимала. Но вопли брата заставили меня все забыть: я кинулась къ нему и заслонила его собой, оставляя на жертву отцу свою открытую шею и грудь. Ничего не замѣтивъ, отецъ сталъ бить меня. То умолкая, то вскрикивая сильнѣй, я старалась заставить его прекратить жестокую игру, но онъ, блѣдный и искаженный отъ злости, продолжалъ хлестать вербой ровно и медленно.... Не знаю скоро ли кончилась бы эта сцена и чтó было бы съ нами, еслибъ на крикъ нашъ не прибѣжала мать и не оттащила отца. Мы были окровавлены: мать, какъ я помню, въ первый разъ въ жизни, прижала меня къ сердцу, но нѣжность ея была не продолжительна: опомнясь, она велѣла мнѣ итти въ дѣтскую и грозила наказать, если я осмѣлюсь еще разъ безъ ея позволенія играть въ спальнѣ. Отецъ молча ходилъ по комнатѣ, какъ-будто пріискивая новую пищу своему бѣшенству. Наконецъ онъ спросилъ еще графинъ водки, выпилъ весь, взялъ шляпу и вышелъ. Пронзительный визгъ собаки, попавшейся ему въ прихожей, раздался по всему дому.

Въ такое расположеніе духа отецъ впадалъ обыкновенно отъ непріятностей по службѣ, неудачъ въ волокитствѣ, ревности жены. Помню, разъ онъ при матери поцаловалъ какую-то хорошенькую женщину. Я готова была кинуться на него, видя слезы матери, которая нисколько не скрывала своего гнѣва; отецъ ушелъ въ бѣшенствѣ, вмѣстѣ съ гостьей....

Между тѣмъ семейство съ каждымъ годомъ прибавлялось. Родители признали нужнымъ для насъ воспитаніе и заставляли насъ сидѣть за столомъ съ книгой по два часа въ день. Ученіе наше не простиралось далѣе затверживанья басень съ правоученіями въ родѣ: «раскаяніе не помогаетъ», и нѣкоторыхъ молитвъ, въ которыхъ мы ни слова не понимали. Но ими ограничивалась вся наша религія.

Мы очень часто старались опредѣлить себѣ, что́ такое чортъ, котораго мы ясно видѣли по ночамъ или въ темныхъ комнатахъ, благодаря нелѣпымъ разсказамъ нянекъ и кормилицъ; съ распросами о немъ мы прибѣгали къ тетушкамъ, которыя, нельзя сказать, чтобъ тоже пользовались жизнію и свободою, а потому намъ не мало доставалось и отъ нихъ: недовольные матерью, онѣ вымѣщали свой гнѣвъ на насъ. Отвѣтъ на наши распросы былъ обыкновенно коротокъ и выразителенъ: «прочь! надоѣли! выдеру уши», и часто любознательный возвращался съ красными ушами, чтобъ снова принять участіе въ преніяхъ о чортѣ....

Никакихъ книгъ кромѣ азбуки я не видала, потому сказки кормилицы казались мнѣ чѣмъ-то необыкновенно-привлекательнымъ. Если герой или героиня страдали, то мы плакали и просили кормилицу сдѣлать ихъ счастливыми, обѣщая ей за то сухарей. Сухари играли между нами роль ходячей монеты. Намъ давалось въ день по четыре сухаря, и они составляли единственную собственность, бывшую въ полномъ нашемъ распоряженіи. Но мнѣ не рѣдко приходилось замѣнять сухари своими куклами, потому-что меня безпрестанно оставляли безъ чаю. Торговля у насъ процвѣтала: даже личныя оскорбленія выкупались сухарями. Разъ, раздраженная насмѣшками и разными выходками старшей сестры, мѣшавшей мнѣ играть, я увлеклась гнѣвомъ и, пренебрегая послѣдствіями, ударила ее въ лицо. Оскорбленная съ радостію бросилась къ двери и угрожала пожаловаться отцу, который въ такихъ случаяхъ жестоко нака-

зывалъ виновную, не разбирая причинъ, заставившихъ прибѣгнуть къ такому сильному средству. Зная, что могу откупиться, я была спокойна и предложила сухари. Но на этотъ разъ сестра, по чувству оскорбленнаго достоинства, отвергла такой обыкновенный выкупъ и предложила мнѣ слѣдующее условіе: «подавать и убирать ея игрушки, когда она прикажетъ, въ продолженіи пяти лѣтъ». Я приняла условіе, расчитывая на его нелѣпость, но ошиблась въ расчетѣ. Послѣдствія были печальны. Не знаю почему, жалобы и оправданія мои не имѣли никакого вѣсу не только у старшихъ, но даже у братьевъ и сестеръ; самые младшіе могли безнаказанно рвать мои куклы и платья, щипать и толкать меня, проходя мимо, не потому ли, думала я, что я очень черна, но старшій братъ былъ также черенъ, однакожь не страдалъ отъ своей черноты, напротивъ даже пользовался нѣкоторымъ вѣсомъ, по своей силѣ и упрямству. Сестра нарочно принаровляла свои приказанія такъ, чтобы безпрестанно отрывать меня отъ моихъ куколъ. Наконецъ однажды терпѣніе мое лопнуло: я отказалась исполнять ея приказанія. Она побѣжала жаловаться тетенькѣ.

Тетенька находила особенное удовольствіе наказывать меня. Угрозы градомъ посыпались на мою черную голову. Но я не смутилась и наотрѣзъ объявила, что «ужь довольно: цѣлые три года я была дурой, и слушалась сестру́, а теперь больше носить ей игрушекъ ни за что не буду....» Уши, мои бѣдныя уши всегда страдали первыя! Тетенька за ухо повела меня въ уголъ; я начала плакать и жаловаться, но дорого заплатила за свое сопротивленіе: объявили, что не дадутъ мнѣ ѣсть цѣлую недѣлю. Меня такъ часто оставляли безъ чаю, безъ обѣда, безъ ужина по цѣлому мѣсяцу, что такое наказаніе обратилось мнѣ въ привычку, и я страдала только въ такихъ случаяхъ, когда забывшись подойдешь бывало къ столу и вдругъ закричатъ: «а вы-то зачѣмъ? развѣ забыли, что вы сегодня безъ чаю!...» Тогда я злилась и плакала.... Разъ меня оставили безъ пирожнаго. Тетенька вздумала подшутить надо мной при постороннихъ, и сказала съ злой усмѣшкой: «дай свою тарелку, я положу тебѣ пирожнаго!...» Я вся вспыхнула, но тотчасъ оправилась и отвѣчала, что докторъ запретилъ мнѣ ѣсть это пирожное..... Ярость исказила лицо тетушки, она торжественно объявила гостямъ, что я безчувственная: смѣю еще шутить, когда нака-

зана, и прибавила, что мнѣ нужно наказаніе посильнѣе. Послѣ обѣда она привела въ исполненіе свою мысль....

Но за исключеніемъ этихъ маленькихъ непріятностей, до десятилѣтняго возраста мы жили весело и свободно, предаваясь играмъ безъ различія пола, потому-что родители насъ тоже не различали. Наказаніе розгами было въ одинаковомъ употребленіи какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Не сѣкли только старшую сестру, которая считалась смирной, умной, прилежной дѣвочкой. Бывало, если у меня нѣтъ своего горя, я вступалась за обиженнаго и за него получала наказаніе, но сестра ничѣмъ не трогалась, спокойно смотрѣла, какъ при ней обижаютъ невиннаго и никогда не плакала....

Смерть бабушки положила конецъ золотымъ днямъ нашего дѣтства — золотымъ, потому-что скоро мы лишились и тѣхъ радостей, которыми при ней пользовались. Бабушка сдѣлалась очень больна, и какъ ей было уже 60 лѣтъ, то она и не могла перенести трудной болѣзни. Въ одинъ вечеръ больной сдѣлалось очень дурно; насъ всѣхъ уложили ранѣе обыкновеннаго, что̀ всегда дѣлалось въ торжественныхъ случаяхъ. Не знаю какъ, но у меня достало духу спрятаться въ темномъ углу комнаты, освѣщенной одной лампадой, и я видѣла, какъ рыдала дочь бабушки — тетенька Александра Семеновна; мать моя тоже плакала, но ея слезы совсѣмъ не походили на тетенькины и не трогали меня; отецъ былъ серьёзенъ. Бабушка всѣхъ ихъ благословила образомъ, простилась съ ними и потребовала внучатъ, но мать сказала, что она можетъ проститься съ ними заочно. Больная не настаивала и, усиливъ голосъ, требовала, чтобъ мать и отецъ поклялись передъ образомъ не обижать сироту, которая рыдая лежала у ея ногъ. Мать что-то много говорила умирающей бабушкѣ, та отвѣчала едва слышными вздохами и качаніемъ головы, какъ-будто въ знакъ благодарности, — и вдругъ голова ея быстро наклонилась на бокъ Отецъ оттащилъ громко зарыдавшую мать отъ постели и увелъ ее въ другую комнату, оставивъ у ногъ почти уже мертвой старухи одну ея дочь.... Мнѣ стало страшно, я бросилась въ дѣтскую, гдѣ было тихо и темно, мигомъ раздѣлась и легла....

Утромъ насъ разбудили повторяя: «вставайте, ваша бабушка умерла!» Я вскочила и прямо побѣжала въ комнату, гдѣ наканунѣ бабушка благословляла мать и отца, но остановилась на порогѣ

какъ прикованная, оцѣпенѣвъ отъ ужаса: сморщенное и неподвижное тѣло омывали на полу двѣ женщины, грубо вывертывая окоченѣвшія руки и ноги; лица я сначала не могла видѣть, потому-что оно было закрыто склоченными сѣдыми волосами; но когда одна изъ женщинъ схватила волосы и откинула назадъ, чтобъ ихъ мыть, я узнала бабушку — чуть не вскрикнула отъ страху и убѣжала. Замѣтивъ мою блѣдность, стали спрашивать о причинѣ: — «я видѣла бабушку, ее моютъ какія-то женщины!» отвѣчала я дрожа. Меня грозились наказать за любопытство, но за недосугомъ ограничились угрозой. Когда я потомъ увидѣла бабушку, лежавшую на столѣ въ бѣломъ чепцѣ и капотѣ, то не могла понять, отчего такъ сильно испугалась ее утромъ.

Почти всѣ жильцы дома перебывали у насъ посмотрѣть на безчувственное лицо бабушки и на плачущую тетеньку. У гроба читалъ что-то въ носъ дьячекъ съ маленькой косичкой, котораго мы развлекали расспросами и разсказами. Нѣжность матери къ тетенькѣ отъ меня не укрылась: она при всѣхъ безпрестанно цаловала ее, сажала возлѣ себя и уговаривала ѣсть. Мнѣ было очень жаль тетеньку.... Наступилъ день похоронъ. Мы радовались, что насъ повезутъ на кладбище, а рѣшились взять насъ потому, что нé съ кѣмъ было оставить дома.... Комната, гдѣ стояло тѣло, наполнилась народомъ. Заунывное пѣніе причетниковъ, странныя взвизгиванія матери стѣснили мнѣ дыханіе, я также начала горько плакать. Началось прощанье: холодно и задумчиво подошелъ къ гробу отецъ нашъ и поцаловалъ свою мать, которой очень рѣдко приходилось видѣть ласку сына при жизни; за нимъ съ криками приблизилась маменька отдать послѣдній долгъ женщинѣ, потерпѣвшей отъ нея много горькихъ слезъ и униженія. Поцаловавъ бабушку, она начала биться, протяжно стонать и упала у гроба. Ее оттащили и принялись ухаживать за ней. Наступила очередь дочери, я думаю, единственнаго существа, любившаго покойницу и имѣвшаго право на послѣдній поцалуй. Тихо рыдая прильнула она къ посинѣлымъ губамъ своей матери, потомъ къ глазамъ, потомъ опять къ губамъ, — и долго бы оставалась въ такомъ положеніи, еслибъ отецъ не оторвалъ ослабѣвшую сестру свою отъ покойницы и не передалъ ее на руки скучавшихъ родственниковъ. Наступила наша очередь, и я отъ тяжелаго впечатлѣнія дрожала

вся и рыдала, цалуя въ послѣдній разъ бабушку. За нами послѣдовали съ постными лицами родственники и посторонніе, за ними прислуга. Вдругъ наступило молчаніе, никто уже не подходилъ прощаться, но какъ-будто невольно медлили накрыть гробъ. Священникъ спросилъ: — всѣ ли простились съ усопшей? — Отвѣта не было и онъ сдѣлалъ рукою знакъ. Когда наложили крышку на гробъ, мнѣ сдѣлалось такъ тяжело и душно за бабушку, какъ-будто меня заколачиваютъ вмѣстѣ съ ней, — и первый ударъ молотка до того потрясъ меня, что я закрыла руками лицо и заплакала. Не знаю, долго ли я плакала, но меня вывелъ изъ этого состоянія братъ, который толкнулъ меня и сказалъ: «Наташа, бѣги скорѣй въ карету! а то опоздаешь, останешься одна дома!» Испуганная, я побѣжала за нимъ изъ комнаты.

Медленный поѣздъ за гробомъ закачалъ меня, и я очень сладко заснула. Когда же насъ высадили изъ кареты, я тотчасъ побѣжала въ поле, которое увидѣла теперь въ первый разъ въ жизни. Я собирала цвѣты и разныя мелкія травки, бѣгала за бабочками и даже одну поймала, что доставило мнѣ неописанную радость; потомъ я сжалилась надъ ней и дала ей свободу летѣть, но бѣдная бабочка тоскливо била крыльями и вертѣлась у меня на рукѣ, — тутъ только я замѣтила, что по неосторожности сломала ей одно крылышко.... Я готова была плакать, какъ вдругъ услышала пѣніе, которое напомнило мнѣ, гдѣ я и зачѣмъ я здѣсь. Я бросила бабочку и какъ стрѣла пустилась на встрѣчу пѣнію. Запыхавшись я примкнула къ шествію, и мы вошли въ садъ съ каменными куклами, какъ мнѣ тогда показалось. Процессія остановилась у приготовленной могилы. Мнѣ бросился въ глаза червякъ, длинный, предлинный, который вертѣлся съ необыкновенной быстротой на взрытой землѣ. Я начала вглядываться и увидѣла множество червей, которые отчаянными усиліями старались выползти изъ земли, чтобъ вновь съ быстротой въ нее же скрыться. Вдругъ меня кто-то дернулъ за платье, я обернулась и увидѣла двухъ безобразныхъ, морщинистыхъ старухъ въ черныхъ салопахъ страннаго фасону и въ черныхъ платкахъ.

— Кого это хоронятъ, изъ вашихъ, что ли?

— Да, это мою бабушку хоронятъ.

— А которая ваша маменька, полная или худая?

— Нѣтъ, полная.

— Ахъ, она, моя голубушка! какъ хорошо плачетъ! чтожъ, это ея мать умерла?

— Нѣтъ, та̀ бабушка жива.

— Такъ это она, моя родная, плачетъ о чужой матери!

— Какъ о чужой? она бабушка.

— Такъ вотъ она этой худой-то мать?

— Да, это наша тетенька.

— А кто вашъ отецъ?

— Мой отецъ? — И я пріостановилась. — А вотъ показался, вотъ онъ!

— Нѣтъ-съ, мы хотимъ знать, гдѣ онъ служитъ?

— Онъ музыкантъ.

— Что̀? спросила одна старуха. — Му-зы-кантъ?

Старуха произнесла это слово очень протяжно; я повторила имъ: музыкантъ!

— У твоей бабушки были деньги? снова спросила старуха рѣзкимъ тономъ. Мнѣ показалось страннымъ, что она вдругъ начала называть меня «ты». Я отвѣчала холодно:

— Какія деньги?

— Ну, оставила ли твоя бабушка денегъ твоей теткѣ?

— Нѣтъ!

Я сказала это на зло старухамъ, сама не зная, были деньги у бабушки или нѣтъ.

— Ахъ, она бѣдная! сирота безъ отца, безъ матери!

Тутъ обѣ старухи принялись вздыхать и соболѣзновать о горькой участи сироты. Но онѣ скоро замолкли, обративъ вниманіе на суету, происходившую въ процессіи. Начали опускать гробъ въ могилу, съ криками, плачемъ и пѣніемъ. Я не могла безъ отвращенія подумать, что бабушку оставятъ одну въ землѣ и съ такимъ множествомъ червей.... Начали бросать землю на гробъ. Мать моя довольно трагически бросила свою горсть земли въ могилу, потомъ она взяла тетеньку за руку и отвела ее отъ могилы, сказавъ: «полно, полно, теперь ужь все кончено!» Тетенька въ первый разъ вскрикнула и упала на грудь маменьки. Я видѣла эту сцену и плакала, а когда тетенька упала, я хотѣла обѣжать могилу, чтобы стать къ ней ближе, но одна изъ старухъ схватила меня за руку и сказала:

— Чтó же ты не бросила земли своей бабушкѣ? видишь, всѣ бросаютъ!

— Оставь меня! я не хочу бросать червей въ могилу къ бабушкѣ.

— Вотъ! не все ей равно — однимъ больше, однимъ меньше! подхватила другая старуха съ отвратительнымъ смѣхомъ.

— Если не бросишь, такъ твоя бабушка сегодня же ночью придетъ къ тебѣ въ саванѣ и....

Не дослушавъ страшныхъ словъ старухи, я въ испугѣ бросила въ могилу цвѣты, вырвала свою руку и побѣжала за матерью. Старухи провожали меня смѣхомъ похожимъ на воронье карканье.

Прибѣжавъ къ церкви, я была тотчасъ втиснута въ карету, уже наполненную братьями и сестрами. Мать спросила у сидѣвшей съ нами дѣвушки: «всѣ ли тутъ?» та отвѣчала: «всѣ-съ», и потомъ уже начала пальцемъ считать насъ; по счету оказалось восемь, то есть ни больше, ни меньше того, сколько насъ было... Мы двинулись, но, сдѣлавъ нѣсколько сажень, карета должна была остановиться. На встрѣчу несли маленькій гробъ; за нимъ въ изнеможеніи, спотыкаясь, бѣжала блѣдная женщина. Она ломала руки и кричала, какъ-будто желая остановить шествіе. Въ первый разъ въ жизни видѣла я такое сильное отчаяніе и очень удивилась, какъ можно такъ горько плакать о маленькомъ ребенкѣ, вспомнивъ смерть своей сестры, о которой никто не плакалъ. Маменька кстати поспѣшила меня вывести изъ затрудненія своимъ замѣчаніемъ. «Вотъ дура! о чемъ плачетъ», сказала она вслѣдъ рыдающей женщинѣ. — «Какой кладъ потеряла. Видно первый! Дала бы я ей столько!»... И тутъ она выразительно показала головой на нашу карету, и потомъ сердито закричала нашему кучеру: «болванъ! что стоишь?» Кучеръ вздрогнулъ отъ неожиданнаго привѣтствія, и, какъ чрезъ электрическій ударъ, его испугъ разрѣшился на костлявыхъ бокахъ лошадей, которыя, вздрогнувъ въ свою очередь, благополучно двинулись послѣ двухъ или трехъ отчаянныхъ усилій.... Дорога показалась мнѣ очень коротка; каждый изъ насъ разсказывалъ свои впечатлѣнія и похожденія на кладбищѣ: кто говорилъ про червей, кто про покойниковъ, которыхъ было въ тотъ день довольно много.

Мы пріѣхали домой. Комнаты наши совершенно измѣнились. Вмѣсто гроба я увидѣла длинный столъ, отягченный разнаго роду бутылками. Гостей было очень много; скоро всѣ усѣлись за столъ, кромѣ дѣтей, которымъ не оказалось мѣста, потому-что за нашъ столъ усадили дьячковъ. Начали подавать кушанье.

Тишина воцарилась страшная, такъ-что я выглянула изъ другой комнаты, чтобъ узнать, не опять ли хотятъ заколачивать гробъ бабушки. Но меня успокоили довольныя лица гостей, вмѣсто гроба — бутылки, вмѣсто запаху ладона — пріятный запахъ ухи и огромной кулебяки. Обѣдали много и долго, такъ-что мнѣ даже стало скучно смотрѣть, какъ все жуютъ да жуютъ, а медленное покачиваніе отуманенныхъ головъ наводило на меня унынiе....

Несмотря на трехдневный страхъ, я провела время похоронъ пріятно, потому-что я въ первый и послѣдній разъ въ моемъ дѣтствѣ чувствовала себя свободной, вѣроятно по той причинѣ, что никто не думалъ о моемъ существованіи....

ГЛАВА II.

Нѣжность маменьки скоро истощилась: она въ тотъ же день простилась съ тетенькой Александрой Семеновной очень холодно, а утромъ сердилась на нее за безпорядки въ кухнѣ и дѣтской. Тетенька, не дожидаясь шести недѣль, вступила въ права наслѣдства, которое состояло изъ образа, стараго салопа и двухъ пуховыхъ подушекъ. Взамѣнъ нѣжности и участія, маменька дала ей неограниченную власть въ дѣтской и ограниченное управленіе въ кухнѣ.

Скоро произошли у насъ большія перемѣны. Мать нашла излишнимъ видѣть дѣтей въ залѣ и въ своей комнатѣ, потому входъ туда былъ намъ запрещенъ подъ строжайшимъ наказаніемъ. Даже десятилѣтній обычай былъ отмѣненъ: мы болѣе не прощались съ отцомъ и съ матерью. «Дѣти» говорила она: — «и безъ того надоѣдятъ въ теченіи дня, да и здоровье не позволяетъ мнѣ возиться съ ними!» И, можетъ быть для поправленія разстроеннаго здоровья, она просиживала не только цѣлые дни, но и ночи на пролетъ за картами. Страшно было приближаться

къ ней иногда; ночь безъ сна, значительный проигрышъ до того раздражали ее, что она нерѣдко сама отмѣняла утреннее цалованіе руки, страшась за послѣдствія. Отецъ былъ недоволенъ страстью жены своей къ картамъ. Частыя ссоры изъ-за денегъ больше и больше ожесточали маменьку противъ дѣтей. Для успокоенія своей совѣсти, она даже принялась вести счеты, изъ которыхъ отецъ ясно могъ усмотрѣть, что страсть къ игрѣ стоитъ ей какія-нибудь сотни въ годъ, а на дѣтей идутъ тысячи. Въ самомъ же дѣлѣ было на оборотъ. Утро было особенно тягостно для всѣхъ въ домѣ. Повара бранили за то, что онъ не умѣлъ сотворитъ чуда—накормить двадцать пять человѣкъ тѣмъ, чтó едва доставало для десяти. Тетенькѣ доставалось за все: за неисправность прислуги, за то, что гости выпили много вина, за дѣтей, которыхъ она въ тотъ день не видала въ глаза; словомъ, мать кричала и наказывала не по мѣрѣ надобности, а по мѣрѣ проигрыша.... По какому-то предопредѣленію, я всегда попадалась подъ первые порывы ея раздражительности. Разъ, замѣтивъ меня въ зеркало, передъ которымъ тетенька чесала ей голову, она потребовала меня читать по-русски. Чтеніе началось; за каждую ошибку я получала толчокъ то въ голову, то въ спину. Слезы мѣшали мнѣ читать, и я какъ на зло дѣлала ошибки на каждомъ словѣ. Въ бѣшенствѣ она наконецъ ударила меня такъ сильно по рукѣ, лежавшей на книгѣ, что книга полетѣла вверхъ, а рука моя хруснула и какъ гиря спустилась внизъ. Я взвизгнула и поблѣднѣла отъ боли.

Отецъ явно обрадовался горячности своей жены: онъ самъ былъ удаленъ отъ управленія домомъ и дѣтьми за свою вспыльчивость, а притомъ теперь ему представился случай попрекнуть жену страстью къ игрѣ, производящею такія послѣдствія. Онъ началъ осматривать и вытягивать мою руку; я горько плакала.... Наконецъ онъ велѣлъ мнѣ итти въ дѣтскую, я пошла, освободившись такимъ образомъ отъ чтенія, но боль не помѣшала мнѣ уходя слышать ихъ разговоръ:

— По вашему ей не нужно учиться читать?...

— Да чтóжь за толкъ, если ты выучишь ее читать, а писать ей будетъ нéчѣмъ?

Тутъ мать начала говорить очень скоро, и когда я подходила къ дѣтской, разговоръ ихъ превратился въ крики и слезы.

Этотъ-то роковой случай рѣшилъ нашу участь. Родители положили нанять намъ гувернантку. Къ несчастію, случай скоро представился. Одна знакомая дама отказала своей гувернанткѣ за излишнюю грубость съ дѣтьми. Несмотря на страшное стѣсненіе корсетомъ, которому подвергалась добровольно, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, эта двадцати-четырехъ-лѣтняя дѣвица, говорившая, что ей двадцать одинъ годъ, любила въ обращеніи съ дѣтьми полную свободу: уши бѣдныхъ малютокъ были всегда въ крови; она нарочно отращивала себѣ средній ноготь и стригла его остроконечно, чтобъ невинное наказаніе было чувствительнѣй. Если корсетъ мѣшалъ ей поднять высоко руку, то она приказывала жертвѣ становиться на колѣни, тянула за ухо или за волосы къ верху и требовала, чтобъ жертва присѣдала внизъ. За ослушаніе наказаніе увеличивалось. Она брала линейку и дѣлала напередъ такое условіе: если хорошо будешь подставлять ладонь, получишь десять ударовъ, если станешь хитрить—двадцать.

Примѣрная строгость и одинаковый взглядъ на воспитаніе покончили дѣло очень скоро: она была нанята за четыреста рублей ассигнаціями въ годъ, учить всему, чему хочется, смотрѣть за нравственностью какъ заблагоразсудитъ, наказывать сколько душѣ угодно и какъ угодно; даже ей предоставлялось право, если окажется нужнымъ, требовать на помощь лакея, при наказаніи братьевъ, которые были довольно сильны.... Для представленія гувернанткѣ, насъ вымыли, вычесали и пріодѣли. Меня представили, какъ лицо подозрительное, требующее неусыпнаго надзора и особенной строгости, выражаясь такъ:

— Она совершенный мальчикъ, даже все съ ними играетъ, а ужь какая лѣнивица! Какъ за книгу, такъ и въ слезы!

Гувернантка успокоила мать надеждой на мое исправленіе, сказавъ мнѣ:

— *M-lle Nathalie*, вы должны исправиться, а нето я буду наказывать васъ вмѣстѣ съ мальчиками.

Физіономія гувернантки никому изъ насъ не понравилась. Ея рыжіе волосы были убраны съ необыкновенной тщательностію, ея каріе и злые глаза то быстро перебѣгали, то останавливались на одномъ предметѣ, какъ бы желая проникнуть его насквозь; ея большой ротъ безпрестанно улыбался, что̀ придавало ея большому и круглому лицу, поминутно краснѣющему и

покрытому безчисленнымъ множествомъ веснушекъ и какимъ-то бѣлымъ порошкомъ, выраженіе злое и приторное. Талія ея превышала всякое вѣроятіе: она была до того стянута, что ея плечи, довольно толстыя и широкія, изобильно покрытыя коричневыми веснушками, совершенно багровѣли и уподоблялись кускамъ сырой говядины.

Костюмъ ея былъ также непріятенъ, какъ она сама. Ея руки, бѣлыя и мягкія, были обезображены синими ногтями и безчисленнымъ множествомъ колецъ и перстней, въ которыхъ, по тщательному разысканію одной изъ тетушекъ, изумруды и рубины оказались поддѣльными. Впрочемъ такое открытіе нисколько не помѣшало ихъ дружбѣ; разные секреты и одолженія по части туалета совершенно погасили на время враждебныя ощущенія, возникшія въ тетушкахъ по поводу французскаго языка, знаніе котораго составляло преимущество гувернантки. Мы замѣтили, что лица у тетушекъ также вдругъ побѣлѣли....

Что̀ касается до насъ, то прежде всего мы превратились изъ Сони, Кати, Наташи — въ *Sophie, Catherine, Nathalie,* а братья — въ *Jean, Michel*, и т. д. Тетенекъ гувернантка называла *ma chère;* онѣ начали называть ее тоже *ma chère.*

— *Ma chère Catherine* надо сегодня наказать.

— Хорошо, *ma chère,* я оставлю ее безъ гостинцевъ, которые сегодня обѣщаны.

Наказанія были такъ расчитаны, что гувернантка и тетушки всегда получали двойную порцію пирожнаго или десерта.... Намъ же приказано было звать гувернантку: *Mademoiselle.* Во французскомъ языкѣ мы оказали быстрые успѣхи: *Permetez-moi sortir*, — *pardonnez-moi,* — послѣднее я очень скоро заучила.

Нашу свободу еще больше стѣснили. Дѣтей всѣхъ заключили въ одну комнату; другая, смѣжная съ ней, превратилась въ классную, въ швейную, въ спальню трехъ тетушекъ и гувернантки и въ столовую. (Нужно замѣтить, что ни мы, ни тетеньки за общимъ столомъ со смерти бабушки не обѣдали). Входить туда въ неклассные часы намъ запрещалось.... Комната, куда насъ запрятали, была очень мала для восьми человѣкъ дѣтей, что̀ однакожь не помѣшало сдѣлать въ ней антресоли, куда складывали грязное бѣлье со всего дома, разный хламъ, дѣт-

скій гардеробъ, очень непышный. Но взамѣнъ его тамъ помѣстилось такое множество тараканов, что въ комнатѣ никогда не могла воцариться полная тишина: какъ скоро шумъ смолкалъ, явственно слышался глухой таинственный шорохъ, напоминавшій поэтическое трепетаніе листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ. Горе забыть тамъ что-нибудь съѣстное, тотчасъ все пожиралось хищными усачами.... Съ самого дня рожденія ребенка, кормилица поселялась съ нимъ на антресоляхъ, въ обществѣ прачки, имѣвшей обычай напиваться до чортиковъ. Мать шесть недѣль не видала ребенка, ссылаясь на то, что перемѣна воздуха для ребенка вредна, а ей взбираться вверхъ по лѣстницѣ не позволяетъ здоровье.... Дочерей она особенно не любила, разсуждая такъ:

— Мальчикъ подросъ — и съ глазъ долой, а дѣвчонку держи, пока за мужъ не выдетъ, да кто и возьметъ-то? У отца ничего нѣтъ, а ужь на лицо никто не польстится.... И не знаю въ кого онѣ такія родятся? Отецъ не дуренъ, мать, кажется....

Тутъ она останавливалась, давая время договорить какой-нибудь знакомой, нуждавшейся въ ея помощи. И когда та замѣчала, что: — Вы матушка, Марья Петровна, можно сказать королевна, и что уродись въ васъ дочки-то ваши, ихъ бы съ руками оторвали безъ приданаго, она заключала: — да-съ, нечего сказать, наградилъ Богъ уродами.... Еслибъ вы видѣли, какія у нихъ ноги.... ужасъ! По-крайней-мѣрѣ съ-мои....

Надо замѣтить, что у самой у ней ноги были чрезвычайно огромны и безобразны, и потому, говоря о комъ-нибудь, она обыкновенно начинала съ ногъ, нападая на нихъ съ непомѣрнымъ ожесточеніемъ, особенно если онѣ были недурны, а потомъ уже доходила до головы; вообще она не любила пропускать ничего, перебирая недостатки своихъ дочерей съ такимъ наслажденіемъ и восторгомъ, какъ иная нѣжно любящая мать говорить о достоинствахъ дѣтей своихъ, не пропуская ни одного самого незначительнаго и даже въ избыткѣ горячности изобрѣтая небывалыя... Если кормилица сходила внизъ, то ей выговаривали, зачѣмъ она толкается по всѣмъ комнатамъ, и запрещали сходить внизъ безъ зова.

Само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ вещей за больными дѣтьми ухаживали очень плохо.

Разъ въ зимній вечеръ мы сидѣли на антресоляхъ, освѣщенныхъ ночникомъ, устроеннымъ въ помадной банкѣ, куда налито было постное масло съ поплавкомъ. Стоны больного ребенка, смѣшанные съ разнымъ бредомъ тутъ же спавшей прачки, невольно заставили насъ прекратить игру въ дурачки и заговорить о больномъ братѣ.

— Что́ если онъ умретъ?... Вѣдь будетъ страшно сидѣть на антресоляхъ!...

Вдругъ раздался въ углу на кровати какой-то странный крикъ. Вздрогнувъ, мы оглянулись и видимъ прачку, которая съ растрепанными короткими волосами, съ блѣднымъ лицомъ, вся дрожа, приподнималась съ кровати. Мы испугались и назвали ее по имени. Она вскочила и, кинувшись къ намъ, закричала:

— Прочь, черти! вы хотите меня задушить!

Съ шумомъ и воплемъ мы побѣжали къ лѣстницѣ, опрокинули ночникъ и не сбѣжали, а почти скатились внизъ. На крикъ нашъ прибѣжали нянька и кормилица и, распросивъ насъ, отправились на антресоли. Тамъ все было вверхъ дномъ. Подушки на полу, скамейка опрокинута, наши салопы на полу.... Заглянули въ люльку и нашли брата въ страшныхъ конвульсіяхъ. Черезъ пять минутъ страданія его прекратились. Бѣднаго ребенка, вѣроятно, испугали....

Мать сидѣла въ то время за картами, и когда ее извѣстили о смерти сына, она, къ общему удивленію, начала кричать и плакать. Приказано было какъ-можно скорѣе хоронить ребенка, потому-что сердцу матери зрѣлище смерти родного дѣтища еще тягостнѣй его страданій.... Съ воплями удалилась она къ себѣ, но не надолго.... На другой же день къ вечеру ребенка похоронили очень просто и тихо, и если надъ нимъ проливались слезы, такъ развѣ слезы сестеръ и братьевъ, поссорившихся за какую-нибудь игрушку и поколотившихъ другъ друга. Похороны происходили обыкновенно такимъ образомъ: нанималась карета; приходили докладывать отцу и матери, не угодно ли имъ проститься съ тѣломъ? Мать переносила такія тяжкія минуты съ удивительнымъ спокойствіемъ, дѣлающимъ честь ея твердости, и оканчивала сцену очень скоро. Она подходила къ гробу, крестила ребенка и небрежно цаловала его въ лобъ, говоря: «Богъ съ нимъ! не о чемъ плакать; довольно еще осталось!»... Впро-

чемъ она могла бы и вовсе не произносить утѣшительныхъ словъ, потому-что на лицахъ присутствующихъ ясно выражался запасъ мужества, достаточный для перенесенія такой утраты. Отецъ, не любившій сидѣть дома, не всегда бывалъ при выносѣ тѣла.

Такимъ образомъ умерло и схоронено три сестры и одинъ братъ....

. . . .

. . . .

. . . .

ГЛАВА III.

Гувернантка очень скоро обнаружила систему воспитанія, совершенно согласную съ требованіями нашихъ родителей, и тѣмъ заслужила полное ихъ расположеніе. Съ ея вступленія, дѣтскаго смѣху вовсе не было слышно, а наши безпрестанныя слезы доказывали, что люди, которымъ насъ ввѣрили, неусыпно пекутся о нашей нравственности и спокойствіи родителей.... Духъ угнетенія былъ сильно развитъ въ гувернанткѣ; можетъ быть она хотѣла примѣнить къ дѣлу систему тиранніи, въ которой сама была воспитана, — и нельзя сказать, чтобъ сѣмена упали на безплодную почву. Никакая шалость не ускользала отъ ея зоркихъ глазъ; съ непонятнымъ терпѣніемъ разыскивала она преступника, и если ей не удавалось открыть его по разнымъ признакамъ и допросамъ, она покорялась волѣ судьбы и равно наказывала праваго и виноватаго. Случалось, меньшіе братья, запуганные угрозами и толчками, выдавали старшихъ: тогда наступалъ для нея истинный праздникъ.... Но средства не всегда позволяли ей удержаться до конца на приличной высотѣ. Съ величіемъ объявивъ приговоръ, она иногда сама нисходила до роли палача.... Потомъ изъ палача она превращалась въ нашего шпіона, но иногда дорого платилась за унизительную роль свою: замѣтивъ съ антресолей ея приближеніе, мы старались завлечь ее нашими разговорами, спрашивая другъ друга: что̀ будетъ на томъ свѣтѣ тому, кто подслушиваетъ? «Сожгутъ на медленномъ огнѣ».— Нѣтъ, колесуютъ. — «Вытянутъ жилы!» И потомъ на голову гувернантки лилась вода, ле-

тѣла цѣлая туча пуху изъ распоротой подушки.... Разумѣется, удача сопровождалась хохотомъ, который выдавалъ насъ догадливой наставницѣ. Стыдъ мѣшалъ ей приступить тотчасъ къ расправѣ, но при случаѣ мы дорого платились ей за минутное торжество. Впрочемъ старшія сестры розгамъ не подвергались. А братъ Миша часто избѣгалъ наказанія своей отвагой и силой. Еслижь удавалось его наказать, онъ всячески мстилъ гувернанткѣ и тетушкамъ, къ неописанной нашей радости: грубилъ имъ, смѣялся надъ ними, — такъ-что наконецъ онѣ стали его бояться и избѣгали съ нимъ ссоръ.... Я же и остальные братья расплачивались за всѣхъ, подвергаясь всевозможнымъ наказаніямъ, безъ границъ и разбору. Расправѣ обыкновенно посвящался седьмой день; между виновными кстати наказывались и невинные въ зачетъ будущихъ преступленій....

Прочитавъ молитву, мы садились за ученье въ девять часовъ утра; въ часъ ученье оканчивалось; приносили завтракъ, котораго мнѣ почти никогда не приходилось попробовать. Я была охотница передразнивать и передразнивала такъ удачно, что заставъ меня врасплохъ, тотчасъ догадывались, кого я хотѣла представить, а иногда гувернантка, любившая доказывать свое усердіе числомъ наказанныхъ, ни съ того, ни съ сего обращалась ко мнѣ и извѣщала, что я сегодня безъ завтрака. Въ утѣшеніе себя я отвѣчала въ полголоса, что «сама не хотѣла ѣсть», а пришедъ на антресоли, брала квасу, хлѣба и соли и наѣдалась изъ опасенія, чтобъ не оставили еще и безъ обѣда. И часто опасеніе мое оказывалось основательнымъ....

Послѣ обѣда часа въ четыре мы снова садились учиться. Во время класса учить уроковъ намъ не позволялось. Мы писали по диктовкѣ, а всего чаще читали священную исторію. Одинъ читалъ вслухъ, остальные слушали. Время отъ времени гувернантка неожиданно приказывала продолжать другому, и малѣйшее замѣшательство влекло за собой строгое наказаніе. Виновному приходилось выстоять на колѣняхъ весь классъ, продолжавшійся до семи часовъ.... Гувернантка сама тяготилась продолжительностію классовъ, потому-что не легко самому геніяльному наставнику занять дѣтей часовъ десять въ сутки; но маменька, предоставивъ насъ въ совершенное распоряженіе гувернантки, одного строго отъ нея требовала взамѣнъ безпредѣльной довѣренности — ежеминутнаго пре-

бывания при дѣтяхъ.... Въ будни она рѣшительно не позволяла ей выходить со двора, а тетеньки какъ два дракона стерегли нашу наставницу. Если она кончала классъ десятью минутами раньше, онѣ дѣлали ей замѣчаніе и грозились сказать маменькѣ....

Гувернантка любила военныхъ и такъ сильно, что рѣшительно не могла противиться своей страсти. Заслышавъ полковую музыку, завидѣвъ офицерскіе эполеты, она тотчасъ бросалась къ окну. Иногда офицеръ, вѣроятно не подозрѣвая въ ней наставницу столькихъ дѣтей, дѣлалъ ей ручкой, — тогда она возвращалась къ столу вся красная и долго не замѣчала безпорядковъ, возникшихъ въ ея отсутствіе.... Но тетеньки, которыя постоянно сидѣли въ той же комнатѣ и потихоньку за нами подглядывали, тотчасъ все ей пересказывали, язвительно намекая на ея слабость къ офицерамъ. Отъ намековъ дѣло доходило до колкостей, за которыми градомъ сыпались взаимные упреки: притиранья, кокетство, виды на замужство, тайные помыслы и невинныя хитрости, — ничто не забывалось въ такія минуты. Крикъ былъ страшный — говорили всѣ вмѣстѣ — движенія рѣзкія, странныя. Чтеніе прекращалось; мы слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, но къ великой нашей досадѣ являлась тетенька Александра Семеновна и разнимала разгоряченныхъ дѣвъ.... Но долго еще время отъ времени перекидывались онѣ ругательствами и злобными взглядами. Такъ послѣ сильнаго пожара изъ почернѣвшей массы вдругъ взовьется пламя, освѣтитъ на минуту страшное разрушеніе, а тамъ опять все покроется мракомъ, до новой вспышки пламени въ другомъ мѣстѣ....

Въ такіе дни мы могли шалить и грубить тетушкамъ безнаказанно; гувернантка даже поощряла насъ. Впрочемъ примиреніе ихъ совершалось очень скоро и просто, безъ всякихъ объясненій и извиненій. Онѣ знали, что не остались другъ у друга въ долгу, и, наскучивъ молчать и дуться, тотчасъ возвращались къ любимымъ своимъ разговорамъ, секретамъ и планамъ, и снова дружно, соединенными силами преслѣдовали дѣтей.... Тетенька Александра Семеновна, занятая по хозяйству, не имѣла времени участвовать въ наказаніи своихъ племянниковъ и племянницъ.... да вѣроятно и не хотѣла: она была добра и кажется любила насъ.... Но сестры матери не могли не ожесточиться противъ ея дѣтей: сидячая жизнь, заключенная въ од-

ной комнатѣ, чуждая всякаго разнообразія, вѣчное шитье, вѣчныя сплетни, — такая жизнь можетъ ожесточить даже самыхъ кроткихъ дѣвицъ, а тетушкамъ было уже за 25 лѣтъ, и надежда на замужство согрѣвала ихъ сердца съ каждымъ днемъ слабѣе. Правда, по праву стараго знакомства, къ намъ въ дѣтскую ходили мужчины, но до того бѣдные и жалкіе, что даже тетеньки не рѣшались на нихъ расчитывать. Исключеніе оставалось только за молодымъ человѣкомъ, по имени Кириломъ Кирилычемъ. Высокой, худощавый, съ длиннымъ носомъ, съ краснымъ лицомъ, съ глазами кролика (за исключеніемъ простодушнаго выраженія), съ длинными бѣлокурыми волосами, — онъ не отличался особенной красотой, но ловкость, любезность, хорошее состояніе съ избыткомъ замѣняли недостатокъ красоты. Сердца тетушекъ, и безъ того легко воспламенявшіяся, запылали.... Даже маменька оказывала Кирилѣ Кирилычу особенное вниманіе, которое не укрылось отъ ея сестрицъ и гувернантки, а слѣдовательно и отъ насъ: мы съ своихъ антресолей постоянно наблюдали кокетство тетушекъ и гувернантки и подслушивали ихъ дружескіе разговоры, въ которыхъ мы играли важную роль. Какимъ образомъ?... Въ стѣнѣ надъ печкой, почти подъ самымъ потолкомъ, открыли мы маленькую щель; понемногу я сдѣлала изъ нея отверстіе въ родѣ слухового окна и, забравшись въ промежутокъ между печкой и потолкомъ, не только слушала, но и все видѣла, что́ дѣлали въ другой комнатѣ наши враги.... Мы довольно долго наслаждались нашимъ изобрѣтеніемъ, употребляя иногда выраженія, подслушанныя у тетушекъ, которыя въ такихъ случаяхъ быстро переглядывались, спрашивая глазами другъ друга: «откуда они все это знаютъ?» Но наконецъ наблюденія наши прекратились, и очень печальнымъ образомъ!

Разъ какъ-то, отправляясь на печку, я неосторожно подняла пыль, которая предательски бросилась мнѣ въ горло и въ носъ, какъ-будто желая отмстить за нарушеніе ея спокойствія. Я крѣпилась, жмурилась, но къ ужасу моему вдругъ громко чихнула. Говоръ затихъ внизу, — я могла бы еще спастись, но къ несчастію однимъ разомъ не кончилось: я чихнула еще, потомъ еще, и когда наконецъ я успѣла освободить изъ засады половину своего тѣла, мнѣ ужь не пришлось заботиться о другой: за меня трудилась гувернантка, которая впилась въ мои уши какъ

бульдогъ. Я очутилась въ дѣтской, окруженная яростными тетушками, которыя хоромъ бранили меня. Когда первый порывъ негодованія прошелъ, гувернантка поставила меня на колѣни, не приказавъ давать мнѣ ни чаю, ни ужина, а между тѣмъ я въ тотъ день была безъ обѣда и очень расчитывала на ужинъ. Спать меня также не отпустили; я простояла на колѣняхъ до двухъ часовъ ночи. Наконецъ гувернантка отпустила меня спать, пообѣщавъ завтра новое наказаніе. Съ мучительной болью я встала съ колѣнъ и насилу дошла до дѣтской; здѣсь царствовала тишина, братья и сестры крѣпко спали.... Мнѣ стало тяжело, рыданія мои разбудили брата Ивана. Онъ досталъ изъ-подъ подушки кусокъ хлѣба, тихонько сунулъ мнѣ его въ руку и сказалъ: ѣшь поскорѣе, Наташа! пожалуй, рыжая опять придетъ насъ обыскивать!

— Какъ же ты, Ваня, спряталъ его?

— Я его положилъ себѣ въ сапогъ. Вѣдьма пришла насъ обыскивать, не спрятали ль мы чего-нибудь для тебя; но осталась съ носомъ. Понюхала, слышитъ: пахнетъ гдѣ-то хлѣбомъ, а гдѣ? — не можетъ найти.

— Неужели не догадалась?

— Нѣтъ, надулъ, проклятую! всю постель перешарила, велѣла мнѣ встать.... Зато ее Миша славно толкнулъ; знаешь, будто со-сна: я, говоритъ, испугался, самъ не помню, что̀ сдѣлалъ?

— Меня завтра опять будутъ наказывать.

И я заплакала.

— Не плачь, Наташа! она завтра забудетъ.

И послѣ такого утѣшенія, которому самъ нисколько не вѣрилъ, братъ заснулъ. Я была не такъ счастлива, и, кончивъ хлѣбъ, смоченный моими слезами, я очень долго не могла заснуть, а во снѣ во второй разъ вытерпѣла все, что̀ было со мной наяву....

Дни шли, Кирило Кирилычъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ вѣсъ въ нашемъ домѣ. Въ туалетѣ маменьки произошла разительная перемѣна, волоса ея причесывались гораздо тщательнѣе, разъ въ недѣлю она добровольно подвергала себя пыткѣ, то есть выдергиванію изъ своей головы сѣдыхъ волосъ, едва начинавшихъ показываться. Свѣжесть лица ея стала удивительна, чему способствовало то растеніе, которое впослѣдствіи про-

извело переворотъ въ сахарномъ производствѣ. Ея талія, наслаждавшаяся уже четырнадцать лѣтъ свободой, вдругъ была заключена въ корсетъ, халаты замѣнились платьями, въ залѣ появились даже пяльцы, за которые она прежде не садилась ни разу въ жизни. Съ перваго взгляда она могла показаться красивой: высокій ростъ, умѣренная полнота, придающая женщинѣ въ извѣстныя лѣта особенную привлекательность, лицо небольшое, носъ прямой, ротъ довольно хорошій (пока она молчала), зубы необыкновенно бѣлые и ровные, наконецъ — рѣдкость у женщинъ, даже красавицъ — горло прекрасной формы, въ красотѣ котораго она могла бы поспорить съ Маріей Стюартъ; словомъ, все въ ней было не дурно. Одни глаза нарушали гармонію ея лица, небольшіе, вѣчно тусклые и строгіе, они бѣгали быстро, и улыбка никогда не отражалась въ нихъ, какъ-будто они были созданы для одного гнѣва. Впрочемъ этотъ недостатокъ, кажется, не слишкомъ поражалъ, потому-что ее вообще находили очень красивой женщиной, въ чемъ она, кажется, была больше всѣхъ увѣрена. Въ манерѣ ея кокетства ясно выражались грубость ея натуры и необразованность: оно состояло въ непріятномъ и часто неумѣстномъ смѣхѣ, кривляніи рта и рѣзкихъ движеніяхъ.

Съ нѣкотораго времени все въ домѣ подчинилось Кириллѣ Кирилычу; обѣдъ, чай, даже карты, — все зависѣло отъ его вкуса и расположенія. Маменька сама начала заказывать обѣдъ, говоря такъ: «Сашинька, прикажите сдѣлать такое-то блюдо, Андрей (то есть ея мужъ) очень любитъ его... А дѣтямъ можно разогрѣть что-нибудь вчерашнее». Отецъ очень часто обѣдалъ особо, гораздо раньше, смотря какъ позволяли служебныя занятія, охота и бильярдъ. Не замѣчая ничего, что̀ дѣлалось вокругъ него, онъ казался совершенно постороннимъ человѣкомъ въ домѣ и возвышалъ голосъ только за обѣдомъ, когда находилъ блюдо дурнымъ. Если онъ входилъ въ дѣтскую, то единственно для птицъ, которыхъ развѣсилъ у насъ въ комнатѣ клѣтокъ пять. И, глядя на его попеченія о жаворонкахъ, пѣночкахъ, канарейкахъ, снѣгиряхъ, нельзя было не признать въ немъ сердца любящаго и нѣжнаго; съ какой заботливостью заглядывалъ онъ въ каждую клѣтку — вычищена ли она, есть ли кормъ и питье? какъ онъ сердился за малѣйшую неисправность на сестру Катю, которой поручилъ физическое благоустройство

птенцовъ своихъ! и съ какимъ примѣрнымъ терпѣніемъ самъ онъ развивалъ въ нихъ душевныя силы и таланты, насвистывая часа по два сряду на манеръ чижика или постукивая ножомъ въ тарелку, чтобъ подзадорить жаворонка!... Радость блистала въ его глазахъ, когда жаворонокъ наконецъ заливался пронзительнымъ крикомъ, будто вдругъ почувствовавъ неистощимую нѣжность своего благодѣтеля и принявъ твердое намѣреніе щедро заплатить за нее. Съ неутомимой заботливостью отца многочисленнаго семейства, родитель нашъ чистилъ ноги своимъ жаворонкамъ; замѣтивъ томность въ которой-нибудь изъ своихъ собакъ, ввѣренныхъ также нашему присмотру, давалъ ей шарикъ изъ сѣры, а на другое утро никогда не забывалъ потребовать отъ насъ отчета: лучше ли собакѣ? Понятно, что ему уже не оставалось времени ни для чего другого! Иногда онъ отрывалъ насъ отъ ученія, приказывая намъ ловить мухъ и тараканов. Въ дѣтской воцарялась глубокая тишина, нарушаемая только изрѣдка радостными восклицаніями: «ахъ, какая жирная! ахъ, какой черный!...» Отецъ, сидѣвшій у стола въ нетерпѣливомъ ожиданіи полакомить птицъ, говорилъ наконецъ: — довольно!... Мы подходили къ нему точно къ какому-нибудь индѣйскому божеству съ своими приношеніями; оборвавъ ноги, крылышки и усы у нашихъ жертвъ, печально жужжавшихъ, мы клали ихъ на столъ. Опасаясь за здоровье своихъ птицъ, отецъ очень сердился, когда замѣчалъ муху съ ниточкой или таракана съ краснымъ сургучомъ. А такихъ попадалось довольно. За недостаткомъ игрушекъ, мы, привязавъ къ ногамъ мухи длинную ниточку, любили слѣдить за ея полетомъ: муха летала безъ устали, пугала другихъ мухъ и тѣмъ утѣшала насъ въ долгое классное время. А какъ, бывало, боялись мы, когда такая муха, вооруженная длиннымъ хвостомъ, откуда ни возьмется, жужжа полетитъ по комнатѣ и вдругъ сядетъ на голову угрюмому и озабоченному отцу.... что̀ если онъ замѣтитъ?... Съ тараканами происходила другая исторія. Вырѣзывалась изъ картъ лошадь, подъ каждую ногу которой сургучомъ приклеивался прусакъ. Тоже дѣлалось съ бумажными гусями и утками, и часто цѣлая стая такихъ невиданныхъ звѣрей бѣжала съ необыкновенной быстротой къ щелямъ при радостныхъ нашихъ крикахъ....

Ни товарищей у братьевъ, ни подругъ у насъ не было; пом-

ню только одну — дочь прачки, поступившей къ намъ послѣ той, которая все пила. Ее звали Ульяной, а мы называли Улей. Она штопала чулки братьямъ и мыла носовые платки тетушкамъ. Я часто ей помогала, чтобъ она могло поскорѣй итти играть съ нами въ куклы. Она учила насъ разнымъ пѣснямъ. Мы хоромъ затягивали:

«Заинька сѣренькой,
Гдѣ ты былъ, побывалъ?
Былъ, былъ, пане мой,
Былъ, былъ, радость мой....»

Посланная въ лавочку, она возвращалась къ намъ запыхавшись и разсказывала, какъ ее обнялъ кучеръ. Я совѣтовала ей бить такихъ грубіяновъ....

— Вишь какія вы, барышня!... Они вѣдь сильные!

— Ну, такъ возьми впередъ табаку, да и брось въ глаза! съ жаромъ учила я Улю.

Она намъ тоже разсказывала свои похожденія: какъ разъ, когда она жила въ нянькахъ, одинъ чиновникъ предлагалъ ей банку помады, двѣ пары бумажныхъ чулокъ и два двугривенныхъ.

— Ахъ, Уля, какая ты дура! зачѣмъ не взяла?... Могла бы купить себѣ двѣ куклы....

— Да, барышня, а матушка-то....

— Она не узнала бы.

— Нѣтъ, барышня, узнала бы! Онъ все просилъ меня поцаловать его, а если мужчину поцалуешь — бѣда: всѣ узнаютъ!

— Отчего же?... я сама видѣла, какъ тебя сколько разъ Лука цаловалъ, а вѣдь ничего....

— Вы не знаете, барышня, что́ я хочу сказать! отвѣчала таинственно Уля.

— Ахъ, скажи, голубушка Уля!

И мы ближе подвигались къ ней. Она съ важностью разсказывала намъ, какъ одна ея пріятельница взяла отъ кого-то подарокъ и какъ потомъ мать била ее и выгнала отъ себя.

— А почемъ же она узнала, Уля?

Уля улыбнулась.

— Ахъ какія вы глупыя, барышни!...

Маменька стала по вечерамъ посѣщать дѣтскую, благодаря Кирилѣ Кирилычу, который иногда приходилъ побсеѣдовать съ тетиньками. Если онъ съ ними шутилъ — маменька сердилась, если съ нею — сердились тетушки; словомъ, между ними ладу никогда не было.... Нельзя сказать, чтобъ посѣщенія маменьки улучшили наше положеніе: чтобъ мы ее не безпокоили, гувернантка тотчасъ же укладывала насъ спать; если же было еще очень рано,то разставляла насъ по угламъ, и дѣтская начинала походить на фамильный склепъ, украшенный статуями. Маменьку нисколько не поражала могильная тишина нашей комнаты, и только при нашемъ нечаянно прыснувшемъ смѣхѣ она съ удивленіемъ спрашивала:

— Развѣ дѣти не спятъ?

— Нѣтъ еще, отвѣчала гувернантка съ гордостью: — они сегодня наказаны.

Маменька, обративъ иногда вниманіе на своихъ дѣтей, удивлялась, что они ростутъ какъ другіе.... Въ самомъ дѣлѣ, мы крѣпли въ борьбѣ и росли на славу....

Сестра Софья росла всѣхъ замѣтней и, несмотря на старанія держать ее какъ дѣвочку, начала обращать на себя вниманіе мужчинъ.... Ей было 14 лѣтъ, а талія ея не знала еще прикосновенія корсета, что̀ можетъ быть способствовало ея скорому развитію. Коротенькое платье, вѣчно узкое, панталоны, которыя иногда были шире платья и которыхъ фасонъ, кажется, былъ взятъ съ матросскихъ, маленькая пелеринка, едва закрывавшая ея пышныя плечи, — вотъ костюмъ сестры. Огромные волосы ея, разчесанные на двѣ косы, доходили до колѣнъ, лицо отличалось необыкновенной свѣжестью, взглядъ привлекательностью.... Разъ, когда я въ залѣ держала маменькѣ шерсть, къ ней пришла одна бѣдная дама и просила ее крестить, объявивъ, что крестнымъ отцомъ обѣщалъ быть Кирило Кирилычъ. Увидавъ сестру Софью, которая въ то время проходила черезъ залу, дама сказала: — Ну, Марья Петровна! какъ ваша Софья Андревна выросла, какъ похорошѣла! вотъ невѣста такъ невѣста!

Маменька измѣнилась въ лицѣ и, пристально осмотрѣвъ свою дочь съ ногъ до головы, съ сердцемъ сказала: — Да что̀ имъ дѣлается, мать и отецъ трудись, а они только толстѣютъ!

— Ну, Марья Петровна, не долго вамъ потрудиться для нее, я думаю Софьѣ Андревнѣ ужь есть у васъ женишки на примѣтѣ; чѣмъ не пара вотъ хоть Кирило Кирилычъ? Слава Богу, станетъ чѣмъ прокормить жену и дѣтей.

Ударъ въ лобъ, сопровождаемый словами: «гляди, спускаешь!» вывелъ меня изъ напряженія, съ которымъ я слушала разговоръ; руки мои невольно опустились и (только тогда) мотокъ дѣйствительно спутался. Маменька очень внимательно занялась его распутываніемъ....

Я все передала сестрамъ, но не долго мы трунили надъ Софьей, называя ее невѣстой Кирила Кирилыча: маменька, отговорившись слабымъ здоровьемъ, послала ее вмѣсто себя крестить съ Кириломъ Кирилычемъ....

Зимой мы никогда не имѣли моціону, и еслибъ сами тихонько не бѣгали на дворъ, гдѣ точно сорвавшись съ цѣпи прыгали, валялись въ снѣгу, кувыркались, то могли бы задохнуться отъ дурного воздуха въ дѣтской. Но лѣтомъ, во время каникулъ, когда гувернантка отдыхала отъ тяжкихъ трудовъ воспитанія, мы два мѣсяца наслаждались полной свободой: намъ брали билетъ въ одинъ публичный садъ; каждое утро насъ отводили туда и оставляли безъ всякаго присмотра. И если даже пойдетъ дождь и сдѣлается буря, за нами не приходили раньше, чѣмъ слѣдовало намъ возвратиться домой.... Братья наводили ужасъ на всѣхъ: лазали на деревья, на крыши бесѣдокъ, — все рушилось, къ чему они прикасались.... Я очень часто принимала участіе въ ихъ играхъ, обыкновенно разыгрывая роль жертвы, которую хотятъ похитить разбойники (то есть братья), а другіе мальчики представляли казаковъ, которые иногда разгорячась не шутя начинали драться съ разбойниками. Тогда жертва принималась разнимать.... Но ни чѣмъ нельзя было убѣдить ихъ; какъ пѣтухи, отдохнувъ, они опять кидались другъ на друга, и только изнеможеніе прекращало битву....

Быстро и незамѣтно пролетали два мѣсяца; гувернантка возвращалась къ намъ еще требовательнѣй, и опять духота и безпрестанная мука до новаго лѣта. Но и рѣдкіе промежутки свободы и счастія скоро для насъ кончились: на третій годъ садъ закрыли, и съ тѣхъ поръ мы уже не гуляли и лѣтомъ.

Зимой Кирилѣ Кирилычу вздумалось танцовать, и дѣтская наша превратилась въ танцовальную залу; тетеньки пустились

припрыгивать, сестры Катя и Соня тоже, гувернантка очень ловко вальсировала, съ граціею образованной дѣвицы. Меня, какъ меньшую, забраковали. Въ досадѣ, я принялась одна танцовать въ другой комнатѣ; наконецъ научилась всему, чему учили сестеръ и тетенекъ, и даже успѣла передразнить всѣхъ, не исключая самого Кирила Кирилыча, который въ танцахъ не имѣлъ соперниковъ.... Разъ недостало кавалера, меня вытребовали и хотѣли учить, но я съ гордостію выказала свое знаніе и такъ удачно выполнила роль отсутствующаго кавалера, что меня нѣсколько разъ заставили повторить....

Маменька, по желанію Кирила Кирилыча, обѣщала сдѣлать балъ въ Рождество.... Настало и Рождество, гувернантка уѣхала домой къ своей матери, мы вздохнули свободнѣе, тетеньки гадали всякой вечеръ, но Степанидѣ Петровнѣ никакъ не выходилъ женихъ.... Разъ она выбѣжала спросить перваго прохожаго: какъ зовутъ? чтобъ узнать имя будущаго своего мужа. Ей отвѣчали: Матрена! Она очень сердилась и аккуратно каждую ночь клала себѣ подъ подушку чернаго таракана, заключеннаго въ аптечную коробочку, а на другое утро разсказывались безконечные сны.... Наконецъ день бала настала: дѣло было накунѣ новаго года; мы радовались, что увидимъ наряженныхъ и танцы, но къ ужасу нашему утромъ явилась гувернантка вся въ папильоткахъ и тотчасъ успѣла кого-то лишить чаю и конфектъ. Суета была страшная: маменька сердилась и кричала, тетенька Александра Семеновна какъ Фигаро старалась всюду поспѣть. Явились полотеры, и къ нашему плачу и хохоту присоединилось визжанье и шарканье.... Насъ одѣли — очень не хорошо: все было коротко и узко. Сестрамъ зачесали косы, что̀ очень не нравилось гувернанткѣ и тетушкамъ, и только настойчивое ходатайство Александры Семеновны передъ маменькой спасло прическу сестеръ. Маменька разодѣлась въ-пухъ. Гувернантка поссорилась съ тетенькой Степанидой Петровной за меня: всѣ желали, чтобъ я ихъ одѣвала: такъ ловко стягивала я корсеты и платья, къ чему никто другой въ домѣ, по испытанной слабости силъ, не годился.... Но гувернантка, по праву наставницы, рѣшительно объявила, что не отпуститъ меня, пока сама не одѣнется.... Начался ея туалетъ. Умывшись, она принялась возить по мокрому лицу своему красной суконкой, опускаемой по временамъ въ пудру, съ такимъ стараніемъ,

что я подумала, не хочетъ ли она съ лицомъ своимъ сдѣлать того же, что̀ сдѣлали полотеры съ поломъ.... Но, къ удивленію моему, ея лицо все гуще и гуще покрывалось чѣмъ-то бѣлымъ, наконецъ брови, рѣсницы, веснушки, — все исчезло, и только изъ тучи инея блистали каріе, злые глаза, жадно впиваясь въ зеркало, передъ которымъ я держала свѣчу. Гувернантка чѣмъ-то провела надъ глазомъ — рѣзко обозначилась бровь, лицо стало кривое.... Но вскорѣ все пришло въ порядокъ: рѣсницы перестали напоминать человѣка, только-что пришедшаго съ морозу, губы, помазанныя розовой помадой, походили на два красныхъ земляныхъ червяка, растертыя щоки какъ-то странно алѣли. Началась уборка волосъ: жидкія пряди ихъ, почувствовавъ прикосновеніе раскаленныхъ щипцовъ, жалобно запищали; съ нихъ сняли папильотки, и каждый волосокъ, взбитый до невѣроятности, образовалъ особую пуклю, такъ-что гувернантка превратилась въ рыжую болонку. Тогда изъ коммода явилась на свѣтъ толстая коса, которую я держала, пока гувернантка мазала, расправляла и чесала ее; потомъ гувернантка привязала ее, искусно спутала съ своей собственной тощей косой, пришпилила невѣроятнымъ множествомъ шпилекъ, отчего голова ея на минуту стала похожа на заборъ, утыканный гвоздями отъ воровъ, и наконецъ, устроивъ все какъ слѣдуетъ, улыбнулась, довольная своей роскошной куафюрой.... Пока гувернантка пристально разсматривала въ зеркалѣ свое лицо, платившее ей тѣмъ же, я усердно вдергивала въ корсетъ новыя красныя веревки, снятыя съ пучка перьевъ (никакія другія не выдерживали тяжкаго испытанія, нерѣдко ослабѣвая и лопаясь въ самыя роковыя минуты)... Гувернантка неохотно отошла отъ зеркала: ей повидимому очень нравилось лицо, таращившее на нее глаза съ безконечнымъ упоеніемъ. Началось стягиваніе: я тянула ее съ невѣроятнымъ рвеніемъ, пока она чуть не раздѣлилась на двѣ половины; ея шея и лицо, не смотря на цѣлую коробку истраченной на нихъ пудры, побагровѣли.... Надѣвъ безчисленное множество юбокъ, она облачилась въ бѣлое кисейное платье съ такимъ лифомъ, что еслибъ не снурокъ, поддерживавшій его на плечахъ, онъ непремѣнно упалъ бы окончательно. Но снурокъ, впившись въ ея пухлое тѣло, совершенно исчезалъ въ немъ: такъ была сильна мѣра предосторожности, внушенная скромностію! Окончивъ туалетъ,

гувернантка отпустила меня къ Степанидѣ Петровнѣ, а сама приступила къ украшенію ушей и пальцевъ своихъ разными серьгами, перстнями и кольцами. Степанида Петровна и ея сестра, увидѣвъ гувернантку, пришли въ такую ярость, что приняли ея нарядъ за личное оскорбленіе и голосомъ сконфуженной невинности закричали: «*Ma chère*, намъ стыдно будетъ за васъ!...» Совѣты и упрашиванія надѣть «*modestie*» полились рѣкой, но гувернантка только получила новую увѣренность въ несокрушимой прелести своего наряда: она знала завистливыхъ тетенекъ... Процессъ туалета тетенекъ былъ тотъ же, какъ и у гувернантки, съ тою только разницею, что онѣ не привязывали себѣ косъ, которыя у нихъ были собственныя. Турнюръ тетушекъ значительно увеличился, а лифы онѣ подшили такъ, что скромность гувернантки въ свою очередь могла оскорбиться.... Не скоро вѣроятно кончился бы ихъ туалетъ, еслибъ нечаянный аккордъ музыки не возвѣстилъ, что пора. Всѣ засуетились, заахали, гувернантка кинула въ зеркало прощальный взоръ своему встревоженному лицу и, собравъ насъ всѣхъ, готовилась двинуться въ залу. Тетушки еще разъ провели по лицу красной суконкой, отчего румянецъ ярко взыгралъ на ихъ щекахъ, и тоже примкнули къ намъ.... Мы вошли въ залу, ярко освѣщенную; гостей уже было много. Увидѣвъ маменьку, великолѣпно разряженную, тетушки перемигнулись и пожали плечами, вѣроятно соболѣзнуя о заблужденіяхъ своей старшей сестры. Начались танцы; точно на зло тетушкамъ и гувернанткѣ, насъ безпрестанно ангажировали, — даже одну кадриль я танцовала съ адъютантомъ. Я сидѣла возлѣ Степаниды Петровны, когда онъ подошелъ ангажировать.... Степанида Петровна не сомнѣвалась, что ее, — тотчасъ начала натягивать перчатки и даже немного привстала со стула, но задрожавъ рухнулась на него обратно, потому-что я въ ту минуту въ отвѣтъ на приглашеніе поспѣшно подала руку своему кавалеру..... Я стала *vis-à-vis* ее.... Она сидѣла какъ на иголкахъ, кидая кругомъ грозные взгляды, предвѣщавшіе что-то недоброе.... А Кирило Кирилычъ въ то же время будто на зло маменькѣ любезничалъ съ сестрами и все танцовалъ съ ними.... Маменька разсердилась и даже сказала: не пора ли дѣтямъ спать, ато они мѣшаютъ. Тетушки и гувернантка только того и ждали: тотчасъ намъ приказано было отправиться въ дѣтскую. Мы чуть не пла-

кали, и гувернантка, вѣроятно опасаясь нашего покушенія возвратиться въ залу, лично присутствовала при нашемъ раздѣваніи, и, отобравъ у насъ башмаки, а у братьевъ сапоги, заперла все къ себѣ въ коммодъ.... Положеніе наше было ужасно! Говоръ, шарканье и музыка не только не давали намъ спать, но томили и мучили насъ.... Когдажь до насъ долетѣлъ визгъ и хохотъ масокъ, мы всѣ разомъ, будто по командѣ, вскочили съ постелей и кинулись къ дверямъ залы.... Въ одну секунду старшіе заняли лучшія мѣста, а младшіе — кто съ помощію стула очутился надъ головой, кто скорчившись пріютился у ногъ старшихъ, — и всѣ жадно впились глазами въ щель, сквозь которую выходила яркая полоса свѣту.... Вдругъ.... о, ужасъ! Увлеченный эффектомъ зрѣлища, кто-то сильно налегъ на дверь.... Дверь съ шумомъ раскрылась, и мы попадали на полъ залы, стулья тоже, — одна старшая сестра успѣла укрыться.... Гости кинулись къ намъ, но забывъ со страху боль, мы въ-мигъ всѣ разбѣжались и съ сильно біющимися сердцами кинулись на свои постели. Но быстрота бѣгства не спасла насъ. Стулья, распростертые въ дверяхъ, какъ руины свидѣтельствовали, что здѣсь процвѣтала жизнь; гувернантка не сочла нужнымъ входить ни въ какіе распросы, прямо скомандовала намъ всѣмъ встать съ постелей; мы встали; прочитавъ краткую мораль, въ которой обѣщала насъ завтра оставить безъ чаю, безъ обѣда и безъ ужина, она разставила всѣхъ по угламъ. Потомъ, заперевъ на ключъ дверь въ залу, она ушла черезъ прихожую вновь предаваться упоительному вальсу. Такая мѣра лишила насъ послѣдней возможности наслаждаться праздникомъ, такъ долго ожиданнымъ.... Единодушно, почувствовавъ угнетеніе, мы разразились проклятіями на гувернантку.... Братъ Миша кинулся къ ея постели, всѣ за нимъ и въ минуту постель перевернута вверхъ дномъ; стащивъ на полъ перину, мы били ее, топтали ногами, плевали на нее съ такимъ остервѣненіемъ, будто въ нашихъ рукахъ была сама притѣснительница. Утоливъ первый порывъ злости, мы начали хладнокровно придумывать мщеніе. Посыпали соромъ и полили водой ея кровать, напускали въ нее прусаковъ и другихъ насѣкомыхъ, подушками вытерли весь полъ.... Наконецъ, прикрывъ все одѣяломъ, мы успокоились, но братъ Миша сказалъ, что еще ей мало: онъ придумалъ заманить ее въ дѣтскую и въ темнотѣ

подставить ей «ножку». Мы приняли его выдумку съ восторгомъ; онъ славился искусствомъ подставлять ножку: какъ подкошенный колосъ падала его жертва! Мы погасили ночникъ, а масломъ отъ него полили путь, по которому неизбѣжно приходилось проходить гувернанткѣ. Миша притаился у двери. Мы, чтобъ привлечь жертву, взялись за руки, составили кругъ и съ неистовыми криками, визгомъ и свистомъ пустились скакать и вертѣться какъ изступленные; волосы наши развѣвались; почти неодѣтые, мы походила на дикихъ, которые плясками готовятся къ жертвѣ. Родные звуки скоро долетѣли до слуха гувернантки; вырвавшись изъ рукъ своего кавалера, она кинулась въ дѣтскую, — мы уже тихо лежали въ постеляхъ, когда, раскрывъ дверь и сдѣлавъ шагъ за порогъ, она съ визгомъ растянулась на полу.... Мы едва дышали: нѣкоторые изъ насъ вскрикнули, будто съ просонья.... Люди принесли огня; гувернантка, кинувшись къ свѣчкѣ, дико и съ ужасомъ начала осматривать свое платье, покрытое масломъ, и чуть не заплакала.... Несчастіе это такъ поразило ее, что она лишилась теперь даже обычной своей догадливости... Сначала она пробовала разныя мѣры, но скоро съ горестью убѣдилась, что нѣтъ никакихъ средствъ исправить платье, а такъ явиться нельзя.... Она раздѣлась съ отчаяніемъ и чтобъ чѣмъ-нибудь вознаградить себя, приказала всѣмъ намъ стать на колѣни возлѣ ея кровати... Счастливые удачей, мы окружили ее съ удовольствіемъ. Она безпрестанно вертѣлась на своей кровати, музыка душила ее, она готова была отдать полъ-жизни, чтобъ снова явиться въ залу, но платья другого не было, и она закрывала глаза, усиливаясь заснуть.... Мы жалобно пищали на разные голоса: «*mademoiselle*, *pardonnez-moi*» и кажется первый разъ наши вопли, которые она прежде слушала съ явнымъ наслажденіемъ, терзали ее. Она сердилась, запрещала намъ просить прощенія, но мы нарочно усиливали нашъ пискъ, — мы всѣ пищали, одинъ братъ Миша странно хрипѣлъ, выговаривая: «*pardonnez moi*». Наконецъ она потеряла терпѣніе и отпустила насъ, пообѣщавъ расправиться съ нами завтра. Мы улеглись, но долго еще шептались, передавая другъ другу подробности нашего торжества. Гувернантка тоже не спала, долго кашляла и вертѣлась, отъ сильныхъ ощущеній бала или отъ послѣдствій несчастнаго паденія — не знаю; а можетъ быть и наши переселенцы способ-

ствовали ея безсонницѣ. Мы же въ первый разъ въ жизни заснули, безотчетно чувствуя въ себѣ какую-то гордость и силу....

ГЛАВА IV.

На другой день гувернантка все разузнала и всѣхъ оставила безъ обѣда; брата Мишу она покушалась наказать построже; но онъ такъ погрозилъ ей отмстить, что она увидѣла невозможность бороться съ такимъ врагомъ, и объявила маменькѣ, что не въ силахъ справиться со старшими мальчиками.... Мишу отдали въ гимназію. Надѣвъ мундиръ, онъ сталъ еще высокомѣрнѣй. На меня и меньшихъ братьевъ даже нагналъ страхъ: онъ безпощадно ломалъ намъ руки, щипалъ и билъ насъ жгутомъ, а тетушкамъ и гувернанткѣ грубилъ на каждомъ шагу.... Успѣхи его въ наукахъ шли плохо, зато умѣлъ онъ дѣлать коробочки, придумывать загадки, играть въ три листа, чему и насъ всѣхъ выучилъ. Еще любилъ онъ и легко заучивалъ стихи. Ходилъ онъ въ гимназію неохотно, всегда въ сопровожденіи собакъ, которыхъ приманивалъ костями, наполнявшими его карманы, — шелъ не иначе, какъ посреди улицы, оглядываясь съ удовольствіемъ на бѣгущую за нимъ стаю. Выбравъ удобное мѣсто, онъ выбрасывалъ кости, уськалъ голодныхъ собакъ, собаки съ жадностью бросались на добычу; рвали ее другъ у друга, шипѣли, оскаливались и грызлись. Братъ забывалъ все: присѣвъ на тумбу, онъ страстно слѣдилъ за битвой, — если ярость собакъ ослабѣвала, снова раздражалъ ихъ и любовался.... Такъ изучая характеры собакъ, онъ не рѣдко пропускалъ классъ, и собаку побѣдительницу, самую дерзкую и азартную, награждалъ въ знакъ отличія кускомъ говядины...

Около того времени, къ тетушкѣ Еленѣ Петровнѣ присватался женихъ, очень некрасивый, ничтожный и бѣдный: онъ расчитывалъ на приданое невѣсты и на протекцію нашего отца. Предложеніе свое сдѣлалъ онъ черезъ сваху, а самъ не показывался. Но тетенька Елена Петровна готова была вытти хоть за обезьяну: такъ хотѣлась ей имѣть мужа; а маменька радехонька была сбыть свою сестру за человѣка, который не могъ оскорбить ея самолюбія своими достоинствами. Такимъ образомъ

сваха не успѣла заикнуться, какъ уже дѣло и сладилось.... Приготовленія къ принятію жениха сопровождались страшной сутой. Наконецъ онъ явился. Весь красный какъ вареный ракъ, низенькой, съ вѣчной улыбкой, по милости которой одинъ уголъ его кривого рта постоянно пребывалъ подъ ухомъ, съ тупымъ и маслянистымъ взглядомъ. Маменька отрекомендовала жениха Еленѣ Петровнѣ, видѣвшей его въ первый разъ, и съ того дня она стала считаться невѣстой.... Зависть къ тетушкѣ-невѣстѣ совершенно измѣнила гувернантку: она стала невнимательна въ классѣ, все о чемъ-то думала; мы безнаказанно грубили тетушкамъ Степанидѣ и Еленѣ Петровнѣ. Разъ онѣ за меня поссорились съ гувернанткой. Невѣста приказала мнѣ стянуть ей платье, я отказалась; она оставила меня безъ чаю; я разсердилась и сказала, что мы ждемъ не дождемся, когда Богъ избавитъ насъ хоть отъ одной тетушки, и обѣщала поставить свѣчу Николаю Чудотворцу, когда ея не будетъ. Слезы брызнули изъ глазъ чувствительной невѣсты. Сестра ея не выдержала и, какъ ястребъ распустивъ кохти, хотѣла вцѣпиться мнѣ въ волоса, но я успѣла спасти ихъ, быстро накинувъ себѣ на голову передникъ.... Блѣдная отъ злости, Степанида Петровна стучала мнѣ въ голову кулакомъ такъ, что искры сыпались у меня изъ глазъ, но я нарочно смѣялась и увѣряла, что мнѣ совсѣмъ не больно.... И она также расплакалась и требовала, чтобъ гувернантка строго наказала меня; къ удивленію моему, гувернантка сдѣлала мнѣ очень деликатный выговоръ,— и только. Невѣста и сестра ея возмутились легкостью наказанія и приписали такое потворство зависти къ чужому счастію... Гувернантка, зардѣвшись какъ зарево, съ презрѣніемъ объявила, что не стоитъ такой дряни завидовать, а если захочетъ, то найдетъ себѣ жениха получше и поумнѣе.... Такой презрительный отзывъ о женихѣ тетушки привелъ сестеръ въ страшную ярость. Вспыхнула жестокая ссора, которая легко могла кончиться кровопролитіемъ, но къ счастію подоспѣла тетенька Александра Семеновна и разняла ихъ.... На другой день маменька выслушала двѣ жалобы: обѣ стороны доказывали, что онѣ обижены....

Женихъ ходилъ къ намъ каждый вечеръ. Приходя, онъ подходилъ къ ручкѣ своей невѣсты, садился въ уголъ, на вопросы отвѣчалъ отрывисто, а самъ никогда не рѣшался ихъ дѣлать,

выпивалъ два стакана чаю съ ромомъ, вставалъ, подходилъ снова къ ручкѣ своей невѣсты и уходилъ домой....

Разъ онъ явился краснѣе обыкновеннаго, еще сильнѣй улыбался, смотрѣлъ на свою невѣсту какъ-то странно, и даже къ общему удивленію сдѣлалъ два вопроса; кажется, одинъ состоялъ въ томъ, нельзя ли дать ему рому безъ чаю? Насидѣвшись въ углу, онъ всталъ и неровными шагами подошелъ къ невѣстѣ, которая, думая, что онъ идетъ проститься, по обыкновенію протянула ему руку.... но онъ вмѣсто руки чмокъ ее въ губы; удивленная невѣста отшатнулась, а женихъ, потерявъ балансъ, наткнулся на стоявшую вблизи гувернантку.... Она съ визгомъ отскочила, и женихъ растянулся на полу. Мы сбѣжались на пронзительный визгъ гувернантки; она стояла въ углу и, закрывъ руками лицо, кричала:

— Ахъ! *ma chère,* онъ меня хочетъ цаловать!

Женихъ всталъ, улыбнулся, поклонился и вышелъ изъ комнаты. Взбѣшенныя тетушки накинулись на гувернантку, посмѣвшую предполагать такое постыдное намѣреніе въ женихѣ. Особенно закричала Степанида Петровна, но гувернантка посмотрѣла на нее съ такимъ оскорбительнымъ изумленіемъ, что она тотчасъ прикусила языкъ, злобно взглянувъ на сестру, а гувернантка сказала невѣстѣ:

— *Ma chère,* извольте сказать своему жениху, чтобъ онъ не забывался и держалъ себя приличнѣй съ благородной дѣвушкой!...

Невѣста, блѣдная отъ злости, отвѣчала:

— Съ чего вы взяли, *ma chère*, что онъ хотѣлъ васъ поцаловать? Онъ споткнулся, и нечаянно!

— Вотъ хорошо, нечаянно! Вы вѣрно не замѣтили, какъ онъ протянулъ ко мнѣ губы, да я слава Богу успѣла оттолкнуть его.... а онъ, бѣдный, такъ сегодня слабъ, что упалъ....

Гувернантка засмѣялась.

— Неправда, вы лжете, съ сердцемъ возразила невѣста.

— Очень жаль, что вы не вѣрите, но я ужь давно собиралась сказать вамъ, что онъ глядитъ на меня слишкомъ пристально: точно я его невѣста; я, признаюсь, къ такимъ вещамъ не привыкла, и мнѣ очень конфузно....

Невѣста отъ ревности зарыдала, тетенька Александра Семеновна попробовала потушить ссору, но слезы сестры побѣдили

ревнивую злобу Степаниды Петревны, она не вытерпѣла и вступила въ споръ съ гувернанткой :

— А скажите, пожалуйста, давно ли вы стали такъ конфузливы? Я сама видѣла, какъ вы вѣшаетесь всѣмъ на шею!

— Какъ! я вѣшаюсь! Нѣтъ, ужь извините, *ma chère!* Я не въ васъ, не позволю цаловать себя Петру Лукичу, — я вѣдь видѣла, какъ вы вчера въ передней прощались....

Степанида Петровна вскочила, очень близко подошла къ гувернанткѣ и грозно закричала :

— Ктожь я по вашему? Ну, сказывайте?.. Вишь заважничала, что знаетъ по-французски!

— Это ужь слишкомъ, *ma chère,* вы забываетесь! Только горничныя могутъ такъ говорить!

— Такъ я горничная! И ты смѣешь мнѣ говорить, что я горничная?...

Дальше я даже не могла понять, чтó они говорили и какъ бранились.... Наконецъ, услышавъ крики, маменька прислала человѣка сказать, чтобъ уняли дѣтей.... Тогда онѣ начали перебраниваться шопотомъ, дополняя слова свои взглядами и жестами....

Узнавъ поступокъ жениха, маменька поспѣшила привесть дѣло къ концу и дала сестрѣ денегъ на покупку приданаго. Здѣсь невѣста оказала такое знаніе дѣла и такую предусмотрительность, которая могла ввести въ заблужденіе, что она ужь третій и послѣдній разъ идетъ за-мужъ. Ни одинъ обычый не забытъ, никакая мелочь не упущена : куплено полотно, изъ котораго скроены простыни, до того длинныя и широкія, что каждая могла служить парусомъ большому кораблю. Скроены и сшиты рубашки жениху, который, по приказанію невѣсты, принесъ въ одинъ вечеръ свою рубашку на мѣру. Когда онъ ушелъ, гувернантка язвительно спросила невѣсту :

— Какъ, *ma chère,* вы не постыдились взять у мужчины рубашку?

— Чтóжь тутъ такое? Онъ мой женихъ! съ гордостью отвѣчала невѣста, и каждый вечеръ шила вмѣстѣ съ сестрой рубашки своему жениху, нарочно обращая вниманіе приходящихъ на свою работу....

Дошло дѣло до меблировки; невѣста отправилась съ сестрой на новую квартиру, заготовленную женихомъ. Я попросилась съ ними, и онѣ охотно взяли меня, потому-что нужно было нести узелъ. Мы вошли въ небольшія низенькія комнаты, на половину пустыя, въ которыхъ запахъ лаку и дерева тотчасъ извѣщалъ о новой мебели.... При видѣ двуспальной кровати невѣста вскрикнула:

— Ну, такъ! коротка и узка!.... Кто-нибудь да упадетъ! Еще въ лавкѣ я говорила, что мала, а ты съ купцомъ увѣряла: хороша!

Степанида Петровна, раздраженная сватебными приготовленіями своей младшей сестры, обидѣлась и, заливаясь слезами, говорила:

— Такъ вотъ какъ ты благодаришь сестру за всѣ ея хлопоты!

Явился женихъ, красный по обыкновенію, и въ утѣшеніе ей сказалъ улыбаясь:

— Полноте-съ, не плачьте, Степанида Петровна... Ей Богу будетъ хорошо!

Осушивъ слезы, она бросилась на кровать, растянулась на ней во весь ростъ и спросила невѣсту:

— Ну, что, узка?... мало что ли тебѣ останется мѣста? а?...

Успокоенная невѣста пошла разсматривать другія покупки, ревниво приглашая за собой сестру. Но, развернувъ одѣяло, она опять поблѣднѣла и всплеснула руками.

— Ахъ, онъ безсовѣстный! подсунулъ вмѣсто односпальнаго два маленькихъ одѣяла!

И тутъ невѣста, швырнувъ одно, потомъ другое одѣяло, въ свою очередь заплакала и начала жаловаться на свое несчастье и на людей, которые всѣ безъ исключенія желаютъ ей зла. Красный женихъ опять улыбнулся и сказалъ:

— Полноте-съ, не плачьте, Елена Петровна!... Ей Богу будетъ хорошо!...

Я слушала ихъ разговоръ очень внимательно, обошла кругомъ кровать и нашла, что на ней легко будетъ уложить всѣхъ гостей, которые соберутся на сватьбу.... Когда я воротилась домой, прачка и горничная приступили ко мнѣ съ распросами о квартирѣ жениха. Я подробно имъ все разсказала....

Накануне сватьбы невѣста съ прачкой и горничной отправилась въ баню, куда пригласила и гувернантку.... Воротились онѣ часа черезъ четыре, и теперь ужь невѣста вполнѣ приходилась подъ пару жениху: также красна какъ онъ.... Вечеромъ Степанида Петровна, завивая ей голову, шепталась и перемигивалась съ гувернанткой, а невѣста сердилась и по временамъ говорила: «какъ же, позволю! извините, ошиблись!»... Утромъ на другой день къ ней пришла ея мать, а наша бабушка, и все что-то шептала ей, а она грубо отвѣчала: «я все знаю!» Но бабушка продолжала шептать.... Насталъ вечеръ; невѣсту пошли одѣвать. Тетенька и гувернантка наперерывъ подавали ей шпильки и булавки.... Наконецъ, уже совершенно одѣтую, въ подвѣнечномъ платьѣ, вывели ее въ залу, наполненную разряженными гостями. Мать и отецъ невѣсты начали благословлять ее, и она вдругъ зарыдала, къ великому моему удивленію.... Въ слезахъ повезли ее въ церковь, а насъ не взяли, хоть мы плакали не меньше ея....

Черезъ часъ все засуетилось: невѣста торжественно вошла въ залу, подъ руку съ женихомъ, который походилъ на рака въ бѣломъ галстухѣ. Ихъ посадили за роскошно убранный столъ, начали подавать шампанское, гости что-то прокричали, и молодые поцаловались, — мнѣ стало такъ стыдно, что я убѣжала на антресоли и легла спать. Дикой гулъ разбудилъ меня; я сбѣжала внизъ съ сонными глазами и увидѣла опять цалованіе жениха съ невѣстой; красные гости съ бокалами въ рукахъ покрывали своими криками неистовую музыку. — Встали изъ-за стола, и началось прощаніе съ новобрачными. Бабушки и дѣдушки на лицо не оказалось: ихъ давно уже отвезли въ каретѣ домой, потому-что старики, вѣроятно отъ усталости, не стояли на ногахъ. Маменька заступила ихъ мѣсто: она поцаловала невѣсту въ лобъ, перекрестила и пожелала ей спокойной ночи.... Потомъ стали прощаться гости, которые странно улыбались.... Прощаніямъ и желаніямъ не было бы конца, если бы сама невѣста не потащила своего жениха, который съ тупымъ взглядомъ и шатаясь послѣдовалъ за ней.

Проснувшись на другой день, я очень удивилась, узнавъ, что тетенька-невѣста не ночевала дома. Явились молодые, маменька ихъ встрѣтила подаркомъ довольно дорогимъ: разговаривая съ ней, молодая краснѣла, а красный молодой уси-

лилъ свою всегдашнюю улыбку.... Онѣ пришли въ дѣтскую. Надменный видъ молодой взволновалъ гувернантку; поздравивъ ее, она очень громко сказала: «вы вѣрно устали, *ma chère?* Вы такая блѣдная».... Молодая посмотрѣла на нее съ презрѣніемъ и отвѣчала: да, *ma chère*, я очень устала! а потомъ тихо прибавила: вы вѣчно глупости говорите!

Сватьба мнѣ дорого обошлась, — я часто выбѣгала въ сѣни смотрѣть, какъ горятъ плошки, и вѣрно простудилась; къ вечеру я почувствовала тягость въ головѣ и боль во всѣхъ костяхъ, ночь не спала и вся горѣла, а днемъ я лежала почти въ какомъ-то забытьи. Сначала мнѣ не вѣрили, говорили, что притворяюсь, лѣнюсь, пробовали засадить за урокъ; но видя, что я ничего не ѣмъ, успокоились. У меня сдѣлалась изнурительная лихорадка, которая все болѣе и болѣе меня разслабляла. Ни мать, ни отецъ не замѣчали, что я ужь двѣ недѣли не являлась имъ на глаза, а сказать про мою болѣзнь имъ никто не рѣшался, потому-что мать всегда бранила тетеньку Александру Семеновну, когда она просила у нея денегъ на лекарство. — Вы бы имъ больше давали ѣсть! говорила она.

Какъ лицо средняго рода, не то дѣвочка, не то мальчикъ, и никѣмъ не любимое, я была предоставлена природѣ. Одинъ случай сдѣлалъ переломъ въ моей болѣзни и можетъ быть спасъ меня отъ смерти. Разъ я лежала въ жару, не далеко отъ брата, который сладко спалъ; кругомъ меня было тихо; дыханіе спящихъ братьевъ и сестеръ наводило на меня ужасъ. Мнѣ казалось, что они не спали, а умерли, и лежали не въ кроватяхъ, а въ гробахъ. Я закрывала глаза, но мнѣ вдругъ казалось, что не братъ, а огромный черный таракань лежитъ подлѣ меня и прикасается ко мнѣ своими усами. Я садилась на постель, дико озиралась вокругъ, удивлялась самой себѣ и будила брата, который въ просонкахъ спрашивалъ:

— Что тебѣ, Наташа?

— Я боюсь!

— Ну, закрой голову одѣяломъ!

И подавъ такой совѣтъ, братъ въ ту же минуту снова заснулъ. — Я послушалась его и долго лежала вся дрожа отъ видѣній. Вдругъ слышу какой-то стукъ въ передней, дверь въ сѣни съ шумомъ раскрылась, и незнакомый задыхающійся голосъ кричалъ: «воды, горитъ, горитъ!» Волосы зашевелились

у меня на головѣ отъ ужасу. Скоро все засуетилось, начали хлопать дверьми и всѣ забѣгали по комнатамъ. Я была увѣрена, что если загорится комната, то меня забудутъ и оставятъ, а выбѣжать сама я была не въ состояніи, и мнѣ казалось, что я начинаю уже горѣть. Я хотѣла кричать, но не могла... Вдругъ скрыпнула дверь и явился мой отецъ; блѣдный, держа въ одной рукѣ свѣчу, а другою заслоняя свѣтъ, осторожно и медленно началъ онъ обходить кровати и глядѣть въ лица спящимъ дѣтямъ.... Когда очередь дошла до меня, я приподнялась; я смотрѣла на него умоляющимъ взоромъ и хотѣла просить взять меня и спасти, но его строгой и холодный взглядъ оковалъ мой языкъ.... Онъ спросилъ: «отчего ты не спишь?» Вся дрожа, отвѣчала я: «боюсь пожара!» — Онъ нахмурилъ брови и страшнымъ голосомъ сказалъ: «если ты посмѣешь разбудить кого-нибудь, тогда берегись!...» И тутъ онъ сдернулъ съ меня одѣяло и завѣсилъ окно, въ которомъ начиналъ уже появляться красноватый блескъ.... Потомъ онъ еще разъ обошелъ и осмотрѣлъ своихъ дѣтей. Я пристально слѣдила за нимъ... Въ ужасѣ, я сдѣлала къ нему умоляющее движеніе рукой, но онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ, а потомъ осторожно ушелъ и заперъ за собой дверь на ключъ. Черезъ минуту раздался стукъ подскакавшихъ пожарныхъ и трескъ грохнувшейся стѣны, — я стала зажимать носъ, закрывать глаза отъ дыму, который наполнялъ комнату; я задыхалась.... Вдругъ антресоли загорѣлись, я чувствовала, какъ огонь жегъ меня, видѣла спящихъ сестеръ и братьевъ въ пламени, а посреди комнаты огромный черный тараканъ пищалъ и вертѣлся... Наконецъ явился отецъ, онъ страшно улыбался и грозилъ мнѣ пальцемъ, и вдругъ съ громомъ и трескомъ на меня рухнулись антресоли....

Когда я очнулась, былъ уже день; голова моя была обвязана, и Александра Семеновна сидѣла у моей постели. Явился докторъ, а за нимъ и маменька. Докторъ, внимательно посмотрѣвъ на меня, попробовалъ пульсъ и наклонясь спросилъ: не жарко ли мнѣ? я отвѣчала: нѣтъ, и попросила пить. Маменька сама подала мнѣ питье, но мнѣ ужь не хотѣлось пить, и я сказала, что хочу спать.... Докторъ попробовалъ мою голову и сказалъ маменькѣ: жару почти нѣтъ; бреду больше не будетъ... Ну, благодарите Бога, ваша дочь спасена! но скажите, чѣмъ она была такъ потрясена и отчего ея болѣзнь такъ запущена?

— Право не знаю, все была здорова, легла спать, а утромъ начала кричать, что она горитъ, и что ея сестры и братья горятъ!

Докторъ ушелъ, сказавъ: надо ее теперь беречь!

Маменька кажется обидѣлась такимъ совѣтомъ и, уходя вслѣдъ за нимъ, проворчала: право, ужь не знаю, какъ ихъ еще беречь!

ГЛАВА V.

Попеченія обо мнѣ скоро кончились; какъ только докторъ сказалъ: «ваша дочь спасена», меня предоставили природѣ, которая и постаралась оправдать такую лестную довѣренность: вскорѣ я попрежнему сидѣла за ученьемъ, голодала и часовъ по пяти сряду выстаивала на колѣняхъ. Гувернантка со дня свадьбы замѣтно стала худѣть; вечера сдѣлались скучны; Степанида Петровна гостила у молодыхъ, а Александрѣ Семеновнѣ было не до дружескихъ изліяній. Въ классѣ наставница наша задумывалась, вздыхала и часто принималась что-то писать; наконецъ, въ одно утро, когда мы сидѣли за уроками, гувернантка объявила тетенькамъ, что она желаетъ ѣхать на отъѣздъ, и прочла условіе, наполненное такими подробностями и соображеніями, которыя доказывали глубокое знаніе практитеской жизни:

«Я, нижеподписавшаяся благородная дѣвица, имѣющая «атестатъ, берусь учить семерыхъ дѣтей, дѣвочекъ и маль«чиковъ, французскому и нѣмецкому языку, исторіи, гео«графіи, ариѳметикѣ, закону Божіему и всѣмъ другимъ нау«камъ, — дѣвицъ хорошимъ манерамъ и музыкѣ, а мальчиковъ «приличію, вѣжливости, а въ случаѣ надобности и танцамъ. «Мнѣ же: 1200 въ годъ ассигнаціями, экипажъ крытый рессор«ный, — черезъ воскресенье, — обращаться со мной какъ съ «благородной дѣвицей, родственники молодые люди, если есть, «должны вести себя со мной какъ можно вѣжливѣе, а лакеи «вставать, когда я буду проходить мимо, и называть меня не «какъ-нибудь по своему, а барышней. Обѣдъ одинъ и тотъ же «и за однимъ столомъ съ господами, мѣсто посреди стола, а не «на концѣ. Чай и кофей четыре раза въ день. Особую компату

«съ приличнымъ освѣщеніемъ и меблировкой; въ полное распоряженіе дѣвку, умѣющую чесать, одѣвать, шить, и дѣвчонку «лѣтъ десяти, умѣющую вязать чулки. Нитокъ на двѣ дюжины «чулокъ, холста домашняго на дюжину рубашекъ, дюжину полотенецъ, дюжину двуспальныхъ простынь....»

— Какъ, *ma chère*, двуспальныхъ? А зачѣмъ онѣ вамъ? перебила Степанида Петровна: — развѣ вы хотите тамъ за-мужъ вытти?

И она язвительно засмѣялась.

Гувернантка покраснѣла и объявила, что ей двуспальныя простыни выгоднѣе, потому она ихъ и написала; но видя, что тетушка продолжаетъ подтрунивать, она наконецъ воскликнула:

— А еслибъ и такъ, чтожь тутъ страшнаго! Если ваша сестрица вышла за-мужъ, отчего же я не могу вытти?

— За кого? иронически спросила тетушка.

— Боже мой, *ma chère!* почему же я знаю? Ну, можетъ быть за какого-нибудь помѣщика....

Тетушка поблѣднѣла. — Хороша помѣщица! прошептала она.... А гувернантка такъ разцвѣла отъ мысли сдѣлаться помѣщицей, что позабыла неконченное условіе, задумалась, наклонила на бокъ свою рыжую голову и улыбаясь что-то чертила на лоскуткѣ. Мы потомъ его видѣли весь исписанный, вдоль и поперекъ: «помѣщица такого-то села», слѣдовало имя ея и отчество, а потомъ нѣсколько точекъ, вѣроятно замѣнявшихъ фамилію будущей супруги, и наконецъ великолѣпный росчеркъ, или просто: «помѣщица, помѣщица»....

Радость наша была такъ велика, что мы не вѣрили нашему счастію до самого дня отъѣзда гувернантки. Я очень сожалѣла о дѣвочкѣ, которую она требовала себѣ въ полное распоряженіе, и бѣдныхъ дѣтяхъ, которыя въ невинности своей не предчувствуютъ, что ихъ ждутъ страданія жажды и голода.... Съ тетушкой Степанидой Петровной гувернантка простилась очень трогательно (онѣ даже дали слово писать другъ къ другу какъ можно чаще), но маменька, недовольная, что гувернантка отходитъ и тѣмъ на время нарушаетъ порядокъ въ домѣ, разсталась съ ней холодно. Прощаясь съ нами, гувернантка прослезилась; но, увидѣвъ наши сіяющія радостью лица, она такъ огорчилась нашей безчувственностью, что непремѣнно бы наказала насъ, еслибъ ее не торопили ѣхать.

Вечеромъ, когда отецъ воротился домой, мы услышали голосъ маменьки вмѣстѣ съ именемъ гувернантки. Тихонько подошли мы къ двери. Маменька говорила съ жаромъ: «пусть попробуетъ, никто не станетъ держать такую дрянь!» Отецъ, предвидя непріятный разговоръ о дѣтяхъ, съ недовольной гримасой сказалъ лѣниво: ну, найми другую!

— Нѣтъ-съ, извините! я и съ одной довольно пострадала! Меня просто въ гробъ загонятъ вѣчныя хлопоты да заботы!

И маменька залилась слезами, которыя въ такихъ случаяхъ всегда имѣли полный успѣхъ: отецъ, съ разу запуганный, не рѣшался противорѣчить ничему. — Ну, полно, дѣлай какъ знаешь и какъ хочешь. И махнувъ рукой, онъ подперъ голову руками. Маменька обратилась къ Кирилу Кирилычу, долго разсказывала, какъ ее мучатъ дѣти, и заключила такъ:

— Всѣхъ ихъ пора раздать по училищамъ.... дома только балуются. Вотъ Мишка опять не ходилъ въ гимназію.... Ты, Андрей, его хоть бы высѣкъ....

— На него никакое сѣченье не дѣйствуетъ, проговорилъ отецъ и положилъ голову въ подушку, давая знать, что онъ теперь совсѣмъ не расположенъ разсуждать о воспитаніи дѣтей.

— Я ихъ всѣхъ раздамъ! горячо воскликнула маменька: — дѣвчонки могутъ бросить свои книги и заняться шитьемъ; я вотъ слава Богу и безъ книгъ живу, дай Богъ имъ такъ жить; да еще увидимъ, кто ихъ возьметъ, даромъ что ученыя! (маменька усмѣхнулась). — Михайлу отдамъ къ учителю, авось онъ его вышколитъ... Что же мнѣ больше дѣлать?... Слышишь, Андрей?

Отецъ отвѣчалъ выразительнымъ «гм».

Маменька продолжала: — Ѳедора къ брату Семену, пусть учится рисовать.

Тутъ она остановилась, выжидая вдохновенія, куда пристроить остальныхъ дѣтей.

— А который годъ вашей Натальѣ, спросилъ Кирило Кирилычъ.

Маменька смѣшалась. Убавляя себѣ лѣта, она рѣшительно потеряла счетъ годамъ своихъ дѣтей.

— Кажется, десять, отвѣчала она, — и ошиблась: мнѣ былъ уже тринадцатый....

— А Ивану?

Маменька разсердилась.

— А кто ихъ знаетъ, кому какой годъ!

Отецъ, подумавъ по внезапному возвышенію голоса, что жена о чемъ-нибудь его спрашиваетъ, опять промычалъ «гм....»

Кирило Кирилычъ присовѣтовалъ отдать меня учиться музыкѣ.

— Прекрасно! воскликнула маменька: — ну, а тѣхъ двухъ меньшихъ въ гимназію, да на полный пансіонъ! Такъ, Андрей?

Вмѣсто отвѣта раздалось храпѣнье.

— Вотъ изволите видѣть! воскликнула маменька съ гнѣвомъ: — все на мнѣ лежитъ!

Узнавъ нашу участь, мы побѣжали къ тетенькѣ Александрѣ Семеновнѣ, окружили ее и заговорили всѣ вдругъ, куда кого отдадутъ.

— Мишу отдадутъ къ учителю.

— И хорошо!... Только вы ей скажите, тетенька, — если меня будутъ бить, я учиться не буду.... я самъ уйду въ солдаты!

Миша говорилъ такъ рѣшительно, что тетенька испугалась и начала его уговаривать.

— А Ѳедю къ дядинькѣ учиться рисовать....

— Ну, братъ, онъ тебя научитъ писать вывѣски.

— А мы съ Наташей будемъ странствующіе музыканты.... Надо же пособлять маменькѣ.

— А васъ, тетушка, съ Степанидой Петровной, вотъ погодите, она отдастъ учиться танцовать.... вы будете играть Сильфиду....

— Перестаньте говорить глупости....

Тетенька сердилась, мы смѣялись, а Миша все больше свирѣпѣлъ и грозился уѣхать на Кавказъ.

— Поѣзжай, братъ! кричалъ ему будущій музыкантъ: — я тебѣ сочиню маршъ, когда ты будешь полковымъ командиромъ.

Весь остатокъ вечера прошелъ въ разсужденіяхъ о нашей будущей жизни. Меньшіе братья, Петръ и Борисъ, горько плакали. Тетенька Александра Семеновна на другой день попробовала заикнуться, что они еще очень малы, но маменька отвѣчала съ гнѣвомъ: «Балуйте ихъ! они малы! да въ ихъ лѣта другія дѣти кормятъ ужь своихъ родителей!...» Точно: въ то время два мальчика, немного постарше моихъ братьевъ, разъѣз-

жали по Европѣ, давали концерты и собирали большія деньги. Они посѣтили и Петербургъ. Маменька въ первый разъ въ жизни рѣшилась купить ложу и забрала насъ послушать ихъ.... И ни на минуту во весь концертъ не переставала она напѣвать намъ, что вотъ какія бываютъ дѣти: отца кормятъ, а вотъ у ней не двое, а восемь человѣкъ, да никто ни къ чему не способенъ, а только ее огорчаютъ....

Разсортировка наша началась и кончилась очень скоро. Миша отправился къ учителю, котораго маменька пріискала по своему вкусу. Меньшіе братья, въ своихъ новыхъ мундирахъ, горько плакали, разставаясь съ игрушками, которыя отдали мнѣ на сохраненіе, и наказывали пораньше прислать за ними въ субботу. Александра Семеновна тоже прослезилась и дала имъ по гривеннику. На другой день маменька сдѣлала ей строгой выговоръ за баловство; она воротилась къ себѣ вся въ слезахъ... Мы вслухъ бранили и проклинали шпіоновъ, очень хорошо зная, что на нее насплетничала Степанида Петровна, которая послѣ такого подвига обыкновенно убѣгала къ своей матери и возвращалась только на другой день, когда буря стихала.

Дяденьку, къ которому отдали учиться брата Θедора, мы не любили, какъ человѣка необычайно грубаго. Онъ находилъ, что братьевъ мало сѣкутъ и говорилъ такъ: «ужь если бы мнѣ дали васъ высѣчь, ужь вы бы у меня!...» И голосъ его звучалъ такимъ чувствомъ, какъ-будто то были самыя пріятныя мечты его и желанія въ жизни. Фигура его была очень оригинальна: лицо длинное и рябое съ вѣчно глубокомысленнымъ выраженіемъ, носъ большой и топорный, руки, ноги, — все неуклюже; сѣрые небольшіе глаза до того не выразительные, безмысленные, что не дѣлай онъ движенья ногами и руками, его можно было бы принять за дурно сдѣланную чучелу. Грубость натуры и необразованность выказывались въ немъ на каждомъ шагу. Походка его была тверда и медленна, одну руку онъ вѣчно держалъ за спиной, какъ-будто она приросла тамъ. Являясь въ дѣтскую, онъ цаловалъ въ лобъ свою любимую племянницу Соню, а для приличія и Катю: «ну, здравствуй, Соня, здравствуй, Катя...» Когда же очередь доходила до меня, онъ отворачивался и сухо говорилъ: «ну, здравствуй, мамзель Наталія». Затѣмъ неизбѣжно слѣдовало восклицаніе: «а какъ у меня

болитъ поясница, Сашинька!» такъ онъ называлъ тетеньку Александру Семеновну, или: «а какой у меня геморрой, Сашинька!» Съ родной сестрой своей онъ здоровался очень холодно: они не любили другъ друга, и Степанида Петровна явно надъ нимъ смѣялась. Онъ очень любилъ разсказывать, но говорилъ такъ, что никто не могъ понять его; кончивъ разсказъ, онъ громко смѣялся. Я всегда присоединялась къ нему: меня ужасно смѣшилъ глубокомысленный его видъ и увѣренность, что онъ очень умно говоритъ. Ему случилось долго быть въ Курскѣ, и всѣ свѣдѣнія, которыя онъ вывезъ оттуда, состояли вотъ въ чемъ:

— Представьте себѣ, Сашинька.... ха, ха, ха!... тамъ виноградъ гривна фунтъ.... ха, ха, ха!... Здѣсь просто дрянь, а ужь въ Курскѣ я видывалъ, такъ съ аршинъ....

— Хорошъ городъ Курскъ, дяденька? спрашивала я съ насмѣшкой.

— Хорошъ! идешь, такъ тебѣ и суютъ виноградъ, право, кисть въ аршинъ, мужики ѣдятъ.... ха, ха, ха!...

Онъ жилъ съ своими родителями. Я часто гостила у бабушки и видѣла, какъ они жили. Квартира у нихъ была маленькая, всего три комнаты и кухня, прислуги никакой: бабушка сама отправляла должность кухарки и горничной. У дѣдушки были свои любимыя занятія, которыхъ онъ не уступилъ бы никому въ свѣтѣ: топить печки, чистить самоваръ, подсвѣчники и ножи. Дяденька занимался живописью и служилъ въ герольдіи, но служба была легкая, частной работы мало, и потому онъ проводилъ время въ раскладываніи грандъ-пасьянса, въ медленномъ куреніи коротенькой трубки и въ грызеніи своихъ ногтей, чѣмъ онъ такъ обезобразилъ свои руки, что мнѣ дѣлалось дурно, когда я на нихъ смотрѣла. А иногда онъ, заложивъ руку за спину, прохаживался по комнатѣ и напѣвалъ:

«Молодой матросъ корабли снастилъ»,

такъ печально, что мнѣ дѣлалось страшно; я прижималась къ бабушкѣ и просила ее разсказать мнѣ что-нибудь о своей жизни. Но главную роль въ его жизни игралъ сонъ. Часто онъ ложился послѣ обѣда, а просыпался только на другой день къ вечеру, и то благодаря бабушкѣ, которая, испугавшись, что ея сынъ такъ долго остается безъ пищи, рѣшалась наконецъ раскачать его. Онъ раскрывалъ распухшія глаза и грубо говорилъ: «что

вы ко мнѣ пристали съ вашимъ чаемъ?... не дадутъ заснуть хорошенько, только ляжешь и будятъ: «вставай, Семенъ....»

- Только приходя къ намъ, онъ увѣрялся, что ужь давно другой день.

— Дай-ка мнѣ, мамзель На-та-лія, сегоднешнюю афишу.

Я подавала афишу. Глубокомысленно посмотрѣвъ число, онъ разражался хохотомъ.

— Ха, ха, ха, Сашенька! я легъ седьмого, а теперь восьмое... ха, ха, ха!...

Ему-то маменька ввѣрила воспитаніе брата Өедора; дяденька встрѣтилъ его такими словами: «ну, братъ Өедоръ, не лѣнись, а то засѣку», и сдержалъ слово. Забитый и засѣченный, бѣдный мальчикъ сдѣлался заикой и когда являлся домой, то походилъ между нами на юродиваго.

— Что, Өедя, тебя сѣкли и нынѣшнюю недѣлю? спрашивала я.

— Да.... пятттъ.... раааазъ, отвѣчалъ онъ съ страшнымъ усиліемъ.

Я плакала, когда онъ опять шелъ къ дяденькѣ....

Къ счастью Өедора, его баловала бабушка, которую мы всѣ любили: она каждое воскресенье приносила намъ гостинцу, обходилась съ нами ласково и никогда не читала намъ наставленій....

Замѣтивъ, что бабушка потихоньку кормитъ внучка, дядюшка бранился и грозилъ запирать его въ особую комнату. Сначала онъ сѣкъ брата прутьями изъ вѣника; но бабушка сердилась и долго не давала вѣника, увѣряя, что онъ ей нуженъ — кухню мести.... Наскучивъ одолжаться и замѣтивъ, что хитрая старуха начала носить изъ бани вѣники тощіе, дядюшка купилъ цѣлый возъ прутьевъ у чухонца, который кричалъ на дворѣ: «метла! метла!», — велѣлъ сложить ихъ въ чуланъ, гдѣ лежали дрова, а при свиданіи съ маменькой потребовалъ истраченныя деньги...

Разсердившись за какую-нибудь кривую линію, дяденька приказывалъ племяннику принесть розогъ изъ чулана: «да смотри хорошихъ, а нето самъ пойду, хуже будетъ!» Племянникъ, будто получивъ приказаніе принести стаканъ воды, уходилъ молча. Сначала онъ пробовалъ тронуть своего палача, плакалъ, кидался передъ нимъ на колѣни, умолялъ; но палачъ

медленно ходилъ по комнатѣ, курилъ и молчалъ, не обращая вниманія на бѣднаго брата... Блѣдный и дрожащій мальчикъ съ посинѣлыми губами продолжалъ стонать и рыдать, умоляя хоть отложить наказаніе, но дядюшка молчалъ. Въ отчаяніи онъ ползъ на колѣняхъ за дядюшкой и цаловалъ его ноги, — ничто не помогало!... И братъ наконецъ оставилъ безполезныя попытки. По первому приказанію, онъ шелъ къ бабушкѣ за ключомъ отъ чулана.

— Что, Ѳедя, развѣ опять? спрашивала она съ ужасомъ.

— Да, бабушка, опять.

И братъ плакалъ, тронутый ея участіемъ.

— Да не дамъ же я ключа.... скажи своему злодѣю!

Но братъ умолялъ ее дать ключъ, говоря: хуже будетъ, онъ меня до смерти засѣчетъ!

Бабушка сама бѣжала съ нимъ въ кладовую, повторяя: «Боже мой, Боже мой! вотъ жизнь-то моя! ребенка мучатъ, а я гляди, да еще розги давай.... Хуже всякой каторги! Доставъ пучокъ прутьевъ, бабушка съ внукомъ начинала выбирать розги.

— Вотъ тебѣ, Ѳедя, хорошая розга, говорила бабушка.

— Что вы, бабушка? возражалъ внукъ и съ испугомъ отбрасывалъ жиденькій прутъ, чтобъ избѣгнуть соблазна.

— Ну, такъ вотъ....

— Нѣтъ ужь, бабушка, оставьте! я самъ выберу; вы мнѣ даете все жиденькіе да сухіе....

И онъ усердно выбиралъ лучшіе прутья.

Дяденька встрѣчалъ его радостной улыбкой. Сжавъ чубукъ въ зубахъ, онъ бралъ розги, съ любовью осматривалъ каждую, размахивалъ ею по воздуху, и розга изгибалась и что-то нѣжно шипѣла ему на ухо. Онъ отвѣчалъ ей ласковой улыбкой, будто страстно любимой женщинѣ. Племянникъ между тѣмъ устроивалъ себѣ эшафотъ: онъ бралъ доску, клалъ ее на два стула и укрѣплялъ ихъ веревкой, чтобы они не разъѣхались; потомъ ложился на доску пробовать ея прочность. Наконецъ, приготовившись какъ должно, онъ ждалъ пытки, поминутно мѣняясь въ лицѣ.... Дяденька медленно ходилъ и курилъ.... Докуривъ трубку, онъ говорилъ: ложись. Вздрогнувъ и взглянувъ на суровое лицо палача, племянникъ молча исполнялъ его волю. обхватывалъ доску руками и крѣпко прижималъ ее къ сердцу.

которое хотѣло выскочить изъ его груди и громко стучало въ доску какъ маятникъ.... Засучивъ по-локоть рукава, разогнувъ свои члены, палачъ заносилъ вооруженную руку. . . . .

Наконецъ онъ кричалъ: вставай, а самъ шелъ набивать себѣ трубку, напѣвая: «Молодой матросъ корабли снастилъ».

Рыданія племянника сливались съ его заунывнымъ пѣніемъ; онъ на минуту останавливался, спрашивалъ: «ага! хорошо?» и снова затягивалъ: «Молодой матросъ корабли снастилъ....»

При видѣ истерзаннаго внука, бабушка заливалась горькими слезами, жаловалась на свою лютую участь, кормила его пирогомъ, сейчасъ вынутымъ изъ печи, и обѣщала сварить ему послѣ обѣда кофею. Потомъ она шла къ сыну, пробовала уговаривать его, называла душегубцемъ и живодеромъ и въ отчаяньи уходила, восклицая: «въ кого ты злодѣй такой уродился?»

— Разумѣется не въ васъ, кричалъ онъ вслѣдъ ей съ гордостью.

Дѣдушка также разъ попробовалъ защитить своего внука, но сынъ мрачнымъ голосомъ попросилъ его не мѣшаться не въ свое дѣло.... Послѣ того дѣдушка, великій трусъ, въ такихъ случаяхъ убѣгалъ въ сѣни и, зажимая уши, кричалъ: «Господи! убьетъ! убьетъ! и у кого онъ, злодѣй, выучился такъ драться? я его никогда пальцемъ не тронулъ....» Первая такая сцена произвела волненіе во всемъ домѣ; заслышавъ неистовые крики, жильцы высунули изъ оконъ встревоженныя лица. Но скоро всѣ привыкли, а наконецъ и братъ, видя,что его вопли сильнѣй ожесточаютъ дяденьку, пересталъ кричать. Съ тѣхъ поръ наказанія происходили молча, и только мальчики жившаго въ томъ же домѣ портного не переставали слѣдить съ жаднымъ любопытствомъ за подвигами дядюшки, которые имѣли на нихъ благодѣтельное вліяніе. Блѣдныя лица ихъ замѣтно повеселѣли; они не только примирились съ своей судьбой, но даже благословили ее, убѣдившись собственными глазами, что сѣчь можно и еще больнѣй, чѣмъ сѣчетъ ихъ хозяинъ.... Зато хозяинъ-нѣмецъ потерялъ къ себѣ всякое уваженіе, которое все перешло къ строгому дядюшкѣ. Встрѣчаясь съ нимъ въ сѣняхъ, онъ низко ему кланялся, а увидавъ бабушку, говорилъ: какой вашъ сынъ молодецъ!...

ГЛАВА VI.

Я очень любила гостить у бабушки, и дни, которые я у ней проводила, были самые счастливые въ моемъ дѣтствѣ. Я стряпала вмѣстѣ съ ней, раскладывала огонь къ ужину, осыпала ее распросами, и добрая бабушка охотно и ласково отвѣчала мнѣ... Въ такія митуты я была совершенно счастлива.... Дѣдушка, безпрестанно ворчавшій на бабушку, придирался иногда и ко мнѣ, когда я что-нибудь уроню или переставлю, но его гнѣвъ ограничивался однимъ ворчаньемъ....

Ему было лѣтъ 60; онъ былъ высокъ и страшно худъ. Щоки впалыя, ноги похожія на сухіе прутья; носъ длинный-предлинный, какъ-будто тоже отъ худобы погнувшійся не много на криво, маленькіе глаза, огромный ротъ, голова небольшая, покрытая жидкими русыми волосами почти безъ сѣдинъ, — вотъ его фигура. Бороду брилъ онъ только разъ въ недѣлю — изъ экономіи, и оттого еще страшнѣе казался съ перваго взгляду. Походку имѣлъ скорую и шагалъ очень широко; словомъ, онъ очень походилъ на Донъ-Кихота, за исключеніемъ спокойнаго и величественнаго выраженія въ лицѣ: дѣдушка былъ труслнвъ какъ ребенокъ.... Лѣтъ десять ходилъ онъ въ одномъ и томъ же бараньемъ тулупѣ, покрытомъ зеленой нанкой, которая превратилась въ черную съ блестящимъ отливомъ; а отъ мѣху остались только клочки; тѣлеснаго цвѣта нанковыя панталоны, завязаныя внизу тесемками, толстые чулки и неуклюжія туфли, въ родѣ калошъ, — вотъ его костюмъ. Но особенно кидался въ глаза его исполинскій галстухъ, дѣлавшій шею дѣдушки обширнѣе его таліи. Сдѣлалъ его самъ дѣдушка въ припадкѣ бѣлой горячки, когда ему чудилось, что какіе-то бѣсы хотѣли его задавить. Галстухъ отличался необыкновенной толщиной и упругостію, которая назначалась задерживать дѣйствіе враждебной веревки, еслибъ ее накинули дѣдушкѣ на шею. Съ тѣхъ поръ онъ ужь никогда не снималъ спасительнаго галстуха, а если шелъ куда-нибудь, то повязывалъ на него косынку. Впрочемъ такіе случаи бывали очень рѣдки. Онъ не выходилъ изъ дому больше двухъ разъ въ годъ, боясь оставить свою кровать, въ которой заключалось все его сокровище. Вышедши по болѣзни въ от-

ставку съ пенсіономъ, онъ сталъ копить деньги и пряталъ ихъ подъ тюфякъ въ старыя ноты. Опасаясь, что украдутъ его деньги и выпьютъ ромъ, онъ никому не позволялъ прикасаться къ своей кровати, которая стояла у самой печки. Натопивъ печку до послѣдней крайности, онъ закрывалъ ее съ огнемъ и растягивался во весь ростъ головой къ печкѣ, кряхтѣлъ отъ удовольствія и скрипѣлъ зубами.... Онъ не зналъ угара и не вѣрилъ въ его существованіе, и когда бабушка лежала безъ памяти, онъ приписывалъ ея головную боль вину, ворчалъ, бранился, а самъ тихонько тянулъ ромъ изъ бутылки, спрятанной въ кровати. Начавъ копить деньги, онъ сталъ прижимать бабушку; вынувъ синюю ассигнацію на расходъ, онъ клалъ ее на столъ возлѣ себя и дразнилъ ею бабушку, говоря, что у ней глаза запрыгали при видѣ денегъ. Проворчавъ часа четыре, онъ наконецъ отдавалъ деньги, но весь тотъ день попрекалъ ее, что она его разоряетъ.

Дѣдушка занимался и чтеніемъ, но читалъ постоянно одну книгу: Брюсовъ календарь. Приставивъ къ одному глазу зажигательное стекло, а другой прищуривъ, онъ держалъ книгу четверти на двѣ отъ себя и читалъ мнѣ вслухъ, что «такая-то отроковица, родившаяся между 15-мъ такого-то мѣсяца и 15-мъ «такого-то, упряма, мотовка, любитъ рыбу, склонна къ нѣгѣ; «снаружи духовнаго поведенія, но внутренно жестокою заражена любовью. Вышедъ за-мужъ, не будетъ мужа любить, но по«слѣдуетъ прежней склонности», — и восклицалъ: вотъ портретъ твоей бабушки!... Я просила прочесть толкованіе на день его рожденія; въ пылу своей горячности, онъ начиналъ: «Отроче, родившійся отъ 15-го октября до 13-го ноября: тотъ бы«ваетъ холоденъ и влаженъ, натуру имѣетъ женскую, притомъ «скупъ и жестокъ во гнѣвѣ....» Ну, это хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, Наташа. И дѣдушка закрывалъ календарь или возвращался къ бабушкѣ, доказывая мнѣ, что слова: «жестокою заражена любовью» намекаютъ на ея страсть къ вину.

Дѣдушка всѣми силами старался помѣшать бабушкѣ лечь спать послѣ обѣда. Видя, что она скоро уберется въ кухнѣ, онъ кидался на большую кровать съ ситцовыми занавѣсками, которая въ старину была ихъ брачнымъ ложемъ, и съ наслажденіемъ ждалъ появленія бабушки.... Увидавъ растянувшагося дѣдушку, я бѣжала сообщить мое горе бабушкѣ, съ которой хотѣла лечь,

чтобъ слушать ея сказки и разсказы о прошломъ житьѣ-бытьѣ.... Что́ было дѣлать? какъ выжить дѣдушку? Я уходила въ его комнату, нарочно съ шумомъ что-нибудь роняла и пряталась за дверь. Услышавъ стукъ, онъ вскакивалъ и бѣжалъ къ себѣ, а я бѣжала къ бабушкѣ съ извѣстіемъ, что кровать свободна. Мы ложились и въ свою очередь съ торжествомъ ожидали дѣдушку. Онъ приходилъ, садился къ столу, барабанилъ пальцемъ и наизустъ читалъ изъ Брюсова календаря, что бабушка мотовка и сварливая, любитъ нѣгу и роскошь. Мы притворялись спящими, я нарочно храпѣла, и дѣдушка, поскрипѣвъ зубами, съ ворчаньемъ уходилъ къ себѣ. Мы тихонько смѣялись нашей хитрости, и я упрашивала бабушку что-нибудь разсказать мнѣ.

Бабушкѣ было слишкомъ пятдесятъ лѣтъ. Ея лицо сохранило еще признаки прежней красоты, несмотря на долгіе труды, нужду и вино, къ которому пріучило ее горе. Родныя дѣти обращались съ ней и съ дѣдушкой съ презрѣніемъ. Иногда выведенная изъ терпѣнія ихъ грубостью и ворчаньемъ мужа, она выпивала лишнюю рюмку и грозилась всѣхъ прибить, но даже и въ такія минуты она ласкала своихъ внучатъ, приговаривая: «Знаю, все знаю, Наташа, мать и отецъ васъ не любятъ, всѣ мои дѣти злыя, а я бѣдная...» И тутъ она плакала, а отъ слезъ переходила къ угрозамъ:

— Я ихъ всѣхъ прибью! Вишь ругаться пьяницей, да я хоть и пьяница, а не стану мучить родныхъ дѣтей. Небось выкормила на свою же шею злодѣевъ!

Она измѣнила голосъ и продолжала:

— «Вы насъ срамите — мы васъ знать не хотимъ!...» Да я васъ сама знать не хочу! Ахъ, вы, безсовѣстные! Я, бывало, за столомъ по недѣлѣ кромѣ чернаго хлѣба ничего не видала, да дрогла въ холодной комнатѣ съ шестерыми дѣтьми малъ-мала-меньше, тутъ радъ Богъ знаетъ чего выпить, лишь бы согрѣться. Бывало, Наташа, сосѣдка услышитъ за стѣной, что я плачу вмѣстѣ съ груднымъ ребенкомъ, придетъ съ рюмкой, да и упроситъ выпить: говоритъ, молока больше будетъ и ребенокъ перестанетъ плакать. Ну, и выпьешь: въ самомъ дѣлѣ станетъ теплѣе и заснешь крѣпче. А какъ вашъ дѣдъ-то придетъ тоже весь закоченѣлой, у него не то, что у вашего отца съ матерью шуба

не шуба, а просто фризовая шинель была, да ты знаешь ее, Наташа.

— Знаю, бабушка; съ воротничками?

— Ну, да! Такъ вотъ онъ въ морозъ-то въ ней ходилъ; день-то и вечеръ проиграетъ въ оркестрѣ, а ночью побѣжитъ куда-нибудь на балъ играть, и вѣришь ли, часовъ въ пять ночи Богъ знаетъ откуда придетъ пѣшкомъ, извощика не на что нанять. Вотъ бы согрѣться, отдохнуть, а комната холодная, высѣчешь ему огня да зажжешь огарокъ, нарочно для него берегла, а вечеръ безъ огня просидишь. Самъ-то отъ холоду ничего не можетъ взять, хлопаетъ, хлопаетъ руками — насилу отогрѣетъ. Вынешь ему изъ печки чуть теплыя щи, либо каши, что́ отъ дѣтей останется. Раздѣнется и станетъ ѣсть, а мнѣ-то глядѣть на него жаль, такой худой-расхудой..... Бывало, спроситъ: «Настя, ты ужинала?» — Да, ужинала, а сама думаешь: какъ же! еслибъ поѣла, такъ тебѣ-то нечего было бы перекусить.... Дѣдъ-то вашъ, Наташа, не былъ прежде такой злой, ей-Богу, правда! «То-то, скажетъ, Настя, я могъ бы и такъ лечь, у меня есть чѣмъ погрѣться». Вынетъ изъ кармана шинели бутылочку, выпьетъ и мнѣ поднесетъ, говоритъ: хлѣбни, Настя, согрѣешься. Сперва, бывало, ротъ такъ и зажжетъ отъ одного глотка, а потомъ и рюмочки по двѣ пивала. Слава Богу, выкормила всѣхъ на свое горе. А какъ за-мужъ выдавала вашу-то маменьку, вотъ-то мы работали — день и ночь: все мнѣ хотѣлось сдѣлать получше, а теперь она тоже меня гонитъ, какъ придешь въ залу: «Подите, маменька, въ дѣтскую, вамъ тамъ пуншу сдѣлаютъ». Лучше не срамила бы меня при всѣхъ.... А вотъ еще злодѣй-то дядя твой, какъ захворалъ оспой, — онъ не былъ такой рябой, мальчикъ былъ славный, оспа, кажись, и душу-то ему испортила, — вотъ натерпѣлась-то горя твоя бабушка! Дѣдъ-то сколько денегъ потратилъ, все дарилъ фельдшера. А вишь выкормили какого живодера; да еслибъ я знала, что онъ будетъ такой, такъ ябъ его сама своими руками задушила, прости Господи!

Бабушка подходила къ шкафу, наливала себѣ рюмочку, выпивала залпомъ, морщилась и продолжала:

— Охъ, Наташа, было плохо твоей бабушкѣ: бывало, уложишь дѣтей спать, а сама сидишь, спать не можешь, такъ сердце и ноетъ: что-то больной сынъ? вѣдь одинъ только и былъ

мальчикъ, а то все дѣвочки. Заложишь гвоздемъ дверь; замка-то совсѣмъ не было; до насъ тутъ жилъ какой-то сапожникъ, — замо́къ-то вѣрно его мальчишки сорвали да продали. Стала я просить новый у домоваго хозяина, а онъ говоритъ: «да что́ у васъ красть-то?» Правду сказать: бѣдно жили! жалованье маленькое; нужно чисто одѣваться, просто хоть съ голоду умирай, не то, что ваша мать съ отцомъ!... Дѣтское бѣлье, кой-какія платьишки старыя, теплый капотишко, да и тотъ на плечахъ, — смерть, бывало, холодно зимой-то, — вотъ и все богатство... А все-таки чуть грѣхъ не вышелъ.... Разъ вечеромъ сижу одна и слышу какой-то шорохъ. Домъ-то былъ гадкой; кто тутъ не жилъ? и татары, и жиды, даже бѣглые дня по два приставали. Вишь домъ-то застроили большой, да до половины дошли и остановились — Господь ихъ знаетъ, капиталу ли не хватило, тяжба ли завязалась; такъ половина и стояла безъ оконъ, тамъ и цѣлая шайка разбойниковъ могла спрятаться. Мастеровые жили разные и словно разбойники ходили по двору, а дворъ-то былъ проходной, поди сыщи вора! Лѣстница деревянная, — вишь каменной-то не собрались сдѣлать, — подгнила, развалилась, и мы съ другими жильцами ходили по стремянкѣ мѣсяцовъ шесть, ужь насилу сдѣлали потомъ изъ старыхъ досокъ лѣстницу, почитай не лучше стремянки. Бывало станемъ жаловаться хозяину: ходить, молъ, нельзя, а онъ свое: важные господа! и такъ влѣзутъ, какъ поѣсть самимъ да дѣтямъ захочется!... Просто, разбойникъ!... Разъ было вздумалъ меня обнять, да я его порядкомъ проучила. Иду вечеромъ изъ лавки, въ одной рукѣ кувшинъ съ квасомъ, въ другой дѣтямъ патоки несу, только-что хотѣла ногу занести на стремянку — глядь, красная рожа стоитъ тутъ. — «Куда изволили ходить?» — Въ лавочку. — «Вы, говоритъ, напрасно себя мучите; вы такая красивая; да и мужъ-то ничего не узнаетъ, а я вамъ дамъ квартиру сапожника за ту же цѣну и лѣстницу сдѣлаю....» А самъ такъ вотъ и лѣзетъ ко мнѣ. Я ему говорю: «оставьте меня, ничего не хочу отъ васъ», а онъ какъ схватитъ меня да какъ чмокнетъ въ щоку. Мнѣ такъ стало гадко, что я бъ его на мѣстѣ убила; говорю: «Ахъ ты старый грѣшникъ, я вотъ и бѣдная, а съ такой рожей знаться не хочу!» да какъ плесну ему въ лицо квасомъ, а сама ну карабкаться на стремянку. Онъ ну чихать, кашлять и тоже за мной, да я молодая-то проворнѣй была, успѣла до дверей до-

браться, а онъ до половины долѣзъ и испугался да ну меня ругать на чемъ свѣтъ стоитъ. Ты, говоритъ, такая и такая; погоди, говоритъ, проучу тебя, моя голубушка, будешь меня квасомъ обливать; я, говоритъ, и стремянку-то отниму, да и посмотрю какъ ты запоешь, какъ твои волченята захотятъ ѣсть. Ни жива, ни мертва пришла я домой: дѣти просятъ пить, а у меня въ кувшинѣ только на донышкѣ, итти въ лавку опять боюсь, думаю: какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ стремянку отыметъ, я и останусь въ низу. Насилу уняла дѣтей, ужь поскорѣе имъ чаю съ патокой сдѣлала, такъ замолчали.

— Зачѣмъ вы не пожаловались на него дѣдушкѣ? спросила я въ негодованіи на хозяина.

Бабушка усмѣхнулась и отвѣчала:

— Хорошъ вашъ дѣдъ-то, всегда былъ трусъ. Разъ увидѣлъ вора, такъ словно малый ребенокъ испугался. Зато ваша бабушка всегда была казакъ-казакомъ, ужь самъ воръ назвалъ меня лихой бабой!

— Какъ, бабушка, вы говорили съ воромъ, и онъ не убилъ васъ?

— Нѣтъ, ничего не сдѣлалъ, только испугалъ. Вотъ, можно сказать, натерпѣлась-то я на своемъ вѣку!

И бабушка подперла рукой голову и задумалась. Просидѣвъ такъ минуты три, она махнула рукой, снова подошла къ шкафу и начала тянуть ужь прямо изъ графина.... Я удивлялась, что̀ за охота ей пить такую горечь. Разъ изъ любопытства я попробовала изъ выпитой рюмки одну каплю, такъ и тутъ цѣлый часъ горѣло во рту....

— Бабушка, а бабушка! закричала я, соскучась смотрѣть на нее.

Бабушка вздрогнула, поспѣшно поставила графинъ на мѣсто и застучала вилками и ножами, будто убирала въ шкафу:

— Бабушка, разскажите мнѣ про вора.

— Постой, Наташа, дай я уберусь, отвѣчала бабушка недовольнымъ голосомъ, захлопнула шкафъ и легла на постель, на которой я ужь давно ее ожидала. — Охъ, о-охъ ты, Наташа, устала твоя бабушка-то! сегодня я бѣгала, бѣгала по Сѣнной; ноги и руки такъ и закоченѣли, насилу кулекъ донесла домой.

— Бабушка, голубушка, разскажите про вора!

И я крѣпко цаловала бабушку.

— Ну, полно, Наташа, мнѣ больно, ты такъ крѣпко цалуешь. Слушай, разскажу; ну, на чемъ бишь я остановилась?

— Бабушка, вы сидѣли однѣ вечеромъ и услышали, какъ воръ за дверью шуршитъ, подсказала я бабушкѣ скороговоркой.

— Ну, вотъ я сижу одна и слышу, что кто-то дверь качаетъ. Я спрашиваю: кто тамъ? думаю, жилецъ за огнемъ; молчатъ!... Вижу, дѣло неладно; дверь еще сильнѣй закачалась. Думаю себѣ: ну, что если воръ какой-нибудь! оберетъ послѣднее дѣтское бѣлье, да чего добраго разбудитъ дѣтей, тѣ закричатъ, а онъ, разбойникъ, пожалуй задушитъ ихъ! Такъ стало страшно, что морозъ пробѣжалъ по кожѣ; что̀ дѣлать? Думаю, дай закричу, будто не одна сижу, и ну звать: «Иванъ! Иванъ вставай! кто-то тамъ ходитъ. Ну, хоть ты, Ѳедоръ, встань да отвори!» Кто-то сталъ красться отъ двери, но черезъ минуту снова зашаталъ дверь. Я опять кричать: «да встаньте, ребята, посмотрите, кто-то шалитъ дверью!...» Схватила старые сапоги вашего дѣда, натянула себѣ на ноги, зѣвая и потягиваясь подошла къ двери, а у самой слезы такъ и просятся на глаза, сердце такъ и стучитъ со страху. Слышу кто-то сходитъ по лѣстницѣ; я какъ размахну дверь да какъ закричу басомъ: «Кто тамъ шалитъ? убью!...» А сама поскорѣй захлопнула дверь и едва стою на ногахъ. Заложила опять гвоздемъ дверь внизу, да и вверхъ еще другой гвоздь положила и начала ходить по комнатѣ, пристукивая сапогами и на разные голоса говорить, да чихать и кашлять.

— Что̀ же они ушли, бабушка?

И я вся дрожала отъ страху.

— Какое ушли! послушай. Вечеромъ ужь поздно слышу стучатъ въ дверь, словно домъ горитъ. — Кто тамъ? «Отвори скорѣе!» я обрадовалась — голосъ дѣда, вынула гвозди и отскочила отъ двери, — такой онъ былъ блѣдный, весь дрожалъ. Что̀ ты, Петръ Акимычъ? что̀ съ тобой? спросила я. Насилу могъ сказать онъ, что кто-то въ сѣняхъ спитъ — онъ споткнулся и чуть не упалъ. Я стала смѣла вдвоемъ-то, говорю: посвѣти, Петръ Акимычъ, я пойду посмотрю, — а сама себѣ думаю: знать мой молодчикъ улегся! Выхожу въ сѣни и вижу лежитъ огромный мужчина въ красной рубахѣ, рыжій такой и храпитъ себѣ на полу, словно дома. Я его ногой въ бокъ. Онъ вскочилъ

какъ шальной, осмотрѣлся, насъ оглядѣлъ, да какъ шмыгнетъ внизъ.... Мнѣ даже смѣшно стало, я и говорю дѣду, который свѣчу поставилъ на полъ, а самъ въ комнату спрятался: чего же ты ему не посвѣтилъ? чего добраго упадетъ на нашей лѣстницѣ съ непривычки! Мы посмѣялись; я стала ужинъ сбирать и говорю: теперь боюсь одна итти въ сѣни за кушаньемъ, возьми свѣчу и пойдемъ вмѣстѣ. Отворила дверь у шкафа, — чортъ ее знаетъ, не совсѣмъ раскрывается? Нагнулась я, глядь — между шкафомъ и дровами торчитъ сапогъ, слышу храпитъ кто-то, я ну тянуть за сапогъ. Изъ-за дровъ сперва показалось что-то косматое.... У! не домовой ли? Я ну молитву творить, да вижу вылѣзъ мужикъ, черный, рябой, такой дюжій. Волосы словно шапка, борода склокоченная.

— Ну, что́ кричишь, баба?... Но тутъ онъ увидалъ дѣда, который успѣлъ ужь навострить лыжи къ дверямъ.

Я ему говорю, разбойнику: что ты тутъ дѣлалъ?

— Развѣ не видишь, что спалъ!

— Я вижу, что спалъ, да развѣ тутъ твое мѣсто?... а?... Отправляйся-ка домой, коли домъ у тебя есть, а нето достанется!

А онъ, разбойникъ, какъ поглядитъ на насъ пристально да какъ закричитъ:

— А что̀ мнѣ достанется? что́ я сдѣлалъ? укралъ что-ли у васъ что́?... а?...

Я испугалась, попятилась назадъ, да потомъ и сама на него закричала: Потише, братъ, потише! у насъ и красть-то нечего!» — Онъ, душегубецъ: «да и впрямь, говоритъ, нечего!» почесалъ затылокъ, заглянулъ въ шкафъ.... «Дай, говоритъ, тетка, испить квасу, ей Богу уйду. Мочи нѣтъ, въ горлѣ пересохло». Я ему и говорю: не мудрено, вишь ты во всю ивановскую храпѣлъ! — «Знаю, говоритъ, ужь съ такимъ порокомъ родился. Разъ чуть себя не сгубилъ, а что́ дѣлать? пословица не даромъ сказана: горбатаго могила исправитъ...» Нечего дѣлать, подала ему кувшинъ; онъ его весь выдулъ, обтеръ бороду рукавомъ, усмѣхнулся, да и говоритъ: «Тетка, а тетка! дай ужь и закусить вотъ хоть говядины....» А самъ къ шкафу такъ и наровитъ. — Ахъ, ты, говорю, грѣховодникъ! вѣдь сегодня середа?.... А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Да что, тетка, ты ужь дай только, а грѣхъ-то на мою душу пойдетъ,

— не первой!» — Ну, возьми. Онъ положилъ себѣ въ пазуху кусокъ говядины и хлѣба и сказалъ: «Спасибо тебѣ, тетка, давно бы такъ, чѣмъ кричать-то! Хоть ты баба и лихая, а я бы все-таки съ тобой сладилъ. А вонъ ту сосульку, я пальцемъ бы уложилъ», — онъ указалъ на вашего дѣдушку, который дрожалъ какъ листъ на порогѣ.... Мнѣ признаться стало смѣшно.... — Ну, дядя, съ Богомъ! говорю мужику: — полно балагурить-то!... Мужикъ надѣлъ шапку на бекрень, свиснулъ и сказалъ: «Прощайте, спасибо за угощеніе». Я про себя подумала: а васъ за посѣщеніе....

Я послѣ долго боялась одна по вечерамъ, не пришелъ бы опять за чѣмъ мой черный воръ. На другой день рано утромъ выхожу въ сѣни, глядь, лежитъ на полу ножъ, такой славный... Я, признаться, обрадовалась, у насъ такого большого ножа не было, — пригодится въ хозяйствѣ. Кажись, ужь теперь годовъ двадцать, какъ я имъ стряпаю, весь сточился....

— Бабушка, такъ это ножъ вора, что̀ вы зелень-то чистите?

Но бабушка ничего не отвѣчала.... Она то закрывала глаза, то вдругъ ихъ открывала, бормоча: «вотъ я тебя.... пьяницей!...» а остальное договаривала губами, безъ словъ, вздыхала, тяжело и слегка храпѣла.... То вдругъ звала меня громко: Наташа! Наташа!

— Что̀ вы, бабушка?

— А, ты здѣсь? тихо спрашивала бабушка.

— Здѣсь.

— Ну, спи же, и бабушка твоя тоже заснетъ: вѣдь я деньто умаялась!... Чѣмъ моя жизнь теперь лучше? а, Наташа, чѣмъ лучше?... комната теплѣе да свѣтло, зато.... ей Бо....гу....

Бабушка чуть внятно договорила послѣднія слова и замолкла.... Ночникъ едва горѣлъ и страшно моргалъ; взволнованная, я съ испугомъ смотрѣла на стѣнные часы, которые казались мнѣ живыми: въ однообразномъ стукѣ маятника я находила сходство съ біеніемъ моего сердца.... Ну, если это не часы, а живой человѣкъ, котораго какая-нибудь колдунья превратила въ часы? И что если я тоже превращусь въ часы, буду вѣчно висѣть на стѣнѣ — дни и ночи, безъ отдыху уныло качаясь?... Мнѣ стало страшно, я пробовала заснуть, не могла; когда я опять открыла глаза, мнѣ показалось, что циферблатъ улыбает-

ся, а маятникъ еще скорѣе закачался. Я отвернулась, но мнѣ казалось, что часы начали двигаться и опять очутились противъ меня, только ужь теперь они не улыбались, а жалобно мигали мнѣ.... Я соскочила съ постели, и гири вдругъ передернулись, стукнули, я побѣжала — и часы бѣжали за мной, постукивая... съ шумомъ отворила я дверь къ дѣдушкѣ и громко закричала:

— Дѣдушка, вы спите?

Дѣдушка соскочилъ съ кровати и долго озирался кругомъ.

— А! кто меня зоветъ?

— Я, дѣдушка.

— А.... ты, Наташа? зачѣмъ ты бѣгаешь. Что̀ бабка, вѣрно, спитъ?

— Спитъ, дѣдушка.

— Вишь дворянка какая! туда же послѣ обѣда отдыхать легла!

И онъ шелъ къ бабушкѣ въ комнату, я за нимъ. Страхъ мой исчезъ.... Дѣдушка поднесъ свѣчу къ циферблату, съ которымъ его голова приходилась почти наравнѣ, хоть часы висѣли очень высоко.

— Наташа! ужь седьмой часъ, пора бабку будить — самоваръ ставить!

Я ничего не отвѣчала, а все разсматривала часы и прислушивалась къ ихъ стуку: все было какъ обыкновенно. Совершенно успокоившись, я брала Брюсовъ календарь, а дѣдушка садился у кровати, барабанилъ по столу и своимъ ворчаньемъ будилъ бабушку....

ГЛАВА VII.

Скоро я перестала гостить у бабушки: мнѣ съ братомъ Иваномъ приказали каждый день ходить къ учителю музыки. Учитель нашъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, не отличался ни умомъ, ни образованіемъ, но былъ довольно добръ къ намъ.... Родители наши когда-то оказали ему услугу, не знаю какую, и маменька очень ловко намекнула ему, что теперь прекрасный случай отплатить за нее. Онъ имъ воспользовался, то есть согласился учить насъ даромъ, — и съ тѣхъ поръ ни проливной дождь, ни вьюга, ничто не могло остановить насъ; что̀ бы ни

дѣлалось на землѣ и на небѣ, мы шли себѣ къ учителю, удивляя прохожихъ своимъ костюмомъ.... Братъ ходилъ въ шинели, изъ которой давно выросъ; меня насильно облекли въ старый маменькинъ теплый капотъ, котораго юбку подшили, отчего она сдѣлалась въ половину короче таліи, приходившейся почти наравнѣ съ моими колѣнями. Калоши, тоже маменькины, безпрестанно спадали у меня съ ногъ, не смотря на огромное количество набитой въ нихъ ваты; наконецъ я ухитрилась сдѣлать изъ нихъ сандаліи, и только тогда они оказались полезными.... Въ глубокую зиму на насъ надѣвали длинные бѣлые мохнатые сапоги, называемые «васьками», которые замедляли нашу походку и дѣлали насъ издали похожими на медвѣжатъ, сорвавшихся съ цѣпи....

Учитель нашъ былъ женатъ, и часто семейныя дѣла отвлекали его отъ уроковъ, къ неописанному восторгу брата Ивана. Жена вышла за него по любви: учитель покорилъ ея сердце примѣрнымъ безразсудствомъ: въ тридцать градусовъ морозу по цѣлому дню бродилъ онъ мимо ея оконъ.... Такое самоотверженіе до того плѣнило молодую дѣвицу, что она, несмотря на сопротивленіе родственниковъ, сдѣлалась его женой.... Съ тѣхъ поръ въ доказательство любви своей каждый день припоминала она ему, что отказалась отъ многихъ выгодныхъ партій для бѣднаго музыканта, — и учитель былъ счастливъ! Онъ вполнѣ вѣрилъ ей, да и нельзя было не вѣрить послѣ безпрестанныхъ нѣжностей, которыми она осыпала его при всѣхъ.... А о нѣжностяхъ, которыми она осыпала одного молодого человѣка наединѣ, онъ не зналъ. Вся квартира учителя состояла изъ двухъ комнатъ. Изъ спальни въ залу, гдѣ мы учились, дверь притворялась не плотно, и я часто видѣла въ зеркало какъ жена учителя любезничала съ своимъ мужемъ при молодомъ человѣкѣ, и съ молодымъ человѣкомъ, когда учитель, вырвавшись изъ ея объятій, уходилъ къ намъ. Молодой человѣкъ почти жилъ у нихъ. Онъ былъ очень бѣденъ, а жена учителя очень благотворительна: она упросила мужа приглашать его каждый день къ обѣду.... Такъ текла ихъ жизнь, пока жена учителя не начала уходить по утрамъ, говоря, что у ней болитъ голова, и что ей нуженъ воздухъ. Разъ ея не было дома, а учитель занимался съ нами; вдругъ прибѣгаетъ запыхавшись молодой человѣкъ и что-то шепчетъ на ухо учителю. Учитель поблѣднѣлъ, схватилъ шля-

ну, накинулъ шубу и въ одну минуту, въ халатѣ и туфляхъ, исчезъ съ молодымъ человѣкомъ. Мы очень обрадовались, что урокъ нашъ остановился такъ неожиданно.... Черезъ нѣсколько минутъ въ спальню вбѣжала жена учителя; она перемѣнила шляпку и салопъ и опять ушла, сказавъ намъ, чтобъ мы не смѣли говорить, что она приходила домой.... Явился учитель въ такомъ бѣшенствѣ, что мы перепугались: онъ все ходилъ по комнатѣ, хваталъ себя за голову и все повторялъ: «убью, убью его — и тебя тоже!» Молодой человѣкъ ходилъ за нимъ и старался его успокоить, но когда услышалъ, что раздраженный учитель хочетъ и его убить, онъ спросилъ обиженнымъ тономъ:

— За что́ же меня-то? я чѣмъ виноватъ?

— Зачѣмъ раньше мнѣ не сказалъ! ты самъ говоришь, что сегодня не въ первый разъ....

Разговоръ ихъ былъ прерванъ приходомъ жены учителя, которая съ улыбающимся лицомъ пришла въ комнату и протянула губы къ мужу, сказавъ:

— Здравствуй, Кокоша....

Учитель съ гнѣвомъ отшатнулся отъ своей жены и громовымъ голосомъ спросилъ:

— Гдѣ ты была?

— Я гуляла, Кокошенька.

— Очень хорошо знаю, что ты гуляла.... даже и не одна....

Жена учителя посмотрѣла съ удивленіемъ на своего мужа, потомъ на молодого человѣка и сказала:

— Ты съ ума сошелъ, Кокошка!

— Нѣтъ! воскликнулъ учитель: — я не сошелъ съ ума! Мы видѣли какъ вы кинулись въ сани, завидѣвъ насъ. Я узналъ вашу черную шляпку.... Еслибъ тутъ случился извощикъ, я бы васъ догналъ, сударыня!

И онъ грозно прошелся по комнатѣ.

— Когда? какъ! съ кѣмъ? въ чемъ!

И вопросы оскорбленной супруги посыпались градомъ....

— Да вы посмотрите, что на мнѣ надѣто, какая у меня черная шляпка? взгляните!...

И жена учителя бросила въ лицо мужу свою желтую шляпку. Учитель и молодой человѣкъ смутились. Мужъ побѣжалъ смотрѣть салопъ, а жена успѣла между тѣмъ съ гнѣвомъ погрозить молодому человѣку рукой и назвать его подлецомъ. Учи-

тель принесъ салопъ жены и поднесъ его къ самому носу изумленнаго молодого человѣка, съ вопросомъ:

— Развѣ такіе бываютъ мѣховые салопы?

Жена учителя горько заплакала и сказала:

— Вотъ что́ значитъ жалѣть людей и дѣлать имъ добро! Выслушай меня, Кокоша! онъ за мной давно ухаживаетъ и хотѣлъ оклеветать меня за то, что я не хотѣла тебя обманывать и грозилась все сказать тебѣ.

Вопль оскорбленной добродѣтели наполнилъ комнату. Молодой человѣкъ видимо остолбенѣлъ отъ такого оборота дѣла; онъ раскрылъ ротъ, но его оправданія были заглушены криками, угрозами и проклятіями мужа. «Вонъ, мерзавецъ! такъ вотъ какъ ты платишь за нашу хлѣбъ–соль? Долой съ глазъ моихъ или я убью тебя!» И мнѣ казалось, что учитель въ самомъ дѣлѣ готовъ убить молодого человѣка, который все кричалъ:

— Да позвольте....

— Вонъ! вонъ!

— Она васъ....

— Замолчи, мерзавецъ!

А жена учителя между тѣмъ изъ-за плечь мужа дѣлала носы молодому человѣку и всячески дразнила его.... Наконецъ его вытолкнули въ дверь, которая чуть не расшиблась, такъ сильно ее за нимъ захлопнули.... Женѣ учителя не много требовалось времени, чтобъ изъ торжествующей физіономіи сдѣлать угнетенную и вздыхающую.... Учитель, послѣ напряженно-бурнаго состоянія духа, вдругъ совершенно оторопѣлъ и не зналъ какъ подойти къ женѣ. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, онъ рѣшился сказать:

— Пиписша, не сердись, я его выгналъ.

— Еще бы вы его разцаловали!

И она сердито отвернулась отъ мужа.

— Ну, прости меня, я дуракъ, теперь никогда ничему не буду вѣрить!

— Скажите, пожалуйста, какъ вы могли принять за меня другую?...

И жена учителя улыбнулась.

— Видишь, пиписша; я такъ былъ взбѣшенъ, такъ убитъ, что самъ себя не помнилъ: вижу идетъ дама въ мѣховомъ салопѣ съ какимъ-то мужчиной.... Я къ нимъ, а они въ ту самую ми-

нуту сѣли на извощика и какъ нарочно поѣхали такъ скоро, ну, я и подумалъ, что ты....

Жена учителя залилась звучнымъ хохотомъ. Учитель, видя что жена его хохочетъ, тоже началъ хохотать. И они хохотали минутъ пять сряду....

— Ахъ, пипиша! посмотри: я въ туфляхъ... такъ и ходилъ... ха! ха! ха!

И опять хохотъ, а потомъ послышались нѣжные поцалуи. Учитель, вспомнивъ насъ, велѣлъ намъ отправляться домой.

Съ того дня учитель предоставилъ женѣ полную свободу. Очень часто, перемигнувшись съ какимъ-то мужчиной въ окно, она нѣжно прощалась съ мужемъ и уходила, а чрезъ минуту я видѣла, какъ не далеко отъ дому, она садилась въ сани съ тѣмъ же мужчиной и уѣзжала....

Когда учитель уходилъ на урокъ, оставляя насъ однихъ протверживать старое, дверь въ нашу комнату затворялась и я слышала за стѣной мужской голосъ, смѣхъ жены учителя и поцалуи....

. . . .

Мы переѣхали на новую квартиру; антресолей уже не существовало.... Въ будни я страшно скучала, дожидаясь съ нетерпѣніемъ субботы, когда соберутся братья.... Сестры Соня и Катя превратились въ большихъ дѣвицъ, а тетенька Степанида Петровна, напротивъ, помолодѣла, убавивъ себѣ нѣсколько лѣтъ и начавъ зачесывать волосы какъ сестры.... Ей не хотѣлось казаться старше ихъ....

Однообразіе дѣтской нарушалось только посѣщеньми одного бѣднаго чиновника, Якова Михайловича, который обыкновенно уходилъ на нашу половину, когда другіе гости садились за карты.... Ему кажется очень нравилась сестра Софья, которая кокетничала съ нимъ отъ скуки... Но Степанида Петровна частыя посѣщенія его приняла на свой счетъ, и надежда на замужство снова запылала въ ея сердцѣ.

Дядинька между тѣмъ ѣздилъ къ намъ чаще и чаще. Страсть къ картамъ произвела въ немъ переворотъ: онъ сдѣлался разсѣянъ, рѣже наказывалъ своего племянника, онъ даже началъ видѣть сны, — въ которыхъ главную роль играли карты, — чего съ нимъ прежде рѣшительно не случалось.... Церемониться съ племянницами онъ не любилъ; поздоровавшись обыкновеннымъ

своимъ способомъ, посидѣвъ и поговоривъ единственно для собственнаго удовольствія, потому-что никто другой не обладалъ тайною находить его слова остроумными и даже понятными, дядюшка вставалъ, бралъ со стола свѣчу и мѣрными шагами удалялся. Возвратившись минутъ черезъ пять, онъ съ тою же спокойной важностью ставилъ свѣчу на столъ, потиралъ руками и, обращаясь къ которой-нибудь изъ насъ, говорилъ: «дасъ исъ кальтъ»,—выраженіе, которымъ ограничивались познанія его въ иностранныхъ языкахъ.... Въ залу онъ входилъ глубокомысленно.

— Здравствуйте, Кирила Кирилычъ! здравствуй, сестра!

— Здравствуй, Семенъ! холодно отвѣчала маменька.

— Ну, сестра! какъ я сегодня высѣкъ Ѳедора!

И дядинька чмокалъ, приложивъ къ губамъ пальцы свои безъ ногтей....

— Чудо! если не подѣйствуетъ, такъ ужъ я право не знаю!

Онъ просиживалъ за картами часовъ до трехъ ночи, а по утрамъ мрачно ходилъ по комнатѣ, бормоча себѣ подъ носъ:

— Ахъ я дуракъ, дуракъ! мнѣ бы пойти съ десятки, — или бранилъ домашнихъ....

Разъ подходя къ дому, мы увидѣли дѣдушку, какъ всегда, въ фризовой шинели, съ безчисленнымъ множествомъ воротниковъ, и въ высокой четвероугольной шапкѣ съ такимъ козырькомъ, который въ длинѣ не уступалъ его носу. Дѣдушка на улицѣ и не въ праздникъ—такое явленіе насъ удивило. Мы подбѣжали къ нему.

— Здравствуйте, дѣдушка!

Дѣдушка шелъ скоро и что-то говорилъ самъ съ собою; наше неожиданное привѣтствіе испугало его.

— А! кто меня зоветъ? закричалъ онъ вздрогнувъ, но увидавъ насъ прибавилъ: — А, вы! ну, здравствуйте!

— Вы къ намъ, дѣдушка? спросила я.

— Кудажъ больше? Сынъ родной выгналъ.... чуть не ударилъ.... а бабка ваша чуть тоже не прибила.... Ахъ, Господи ты мой! не даромъ сказано: родившемуся подъ планетою Сатурна въ разсужденіи душевныхъ качествъ — злость и негодная жизнь, любятъ нечистоту; словомъ имѣютъ всѣ негодныя качества душевныя и тѣлесныя.

И дѣдушка кашлялъ.

— Пойдемте, дѣдушка! На насъ смотрятъ.

— Пусть смотрятъ! я всѣмъ скажу, что меня родной сынъ выгналъ.... Фу! какъ усталъ! бѣжалъ какъ угорѣлый. Такой разбойникъ! а та и рада, что ея родной сынъ буянитъ. Да какой сынъ — онъ антихристъ какой-то!

И дѣдушка качалъ головой и махалъ руками, какъ сумасшедшій....

Мы пришли домой. Дѣдушка настоятельно пожелалъ тотчасъ же видѣть маменьку. Ее уже предупредили о ссорѣ отца съ сыномъ; она поздоровалась съ дѣдушкой очень холодно и прямо спросила:

— Чтó у васъ опять тамъ?

— Ахъ! И слезы мѣшали дѣдушкѣ продолжать....

— Да говорите же, батюшка, что у васъ съ Семеномъ?

— Да что! сынъ родной чуть не ударилъ отца, — вотъ какія времена пришли! Такой разбойникъ.... а вашего сына до смерти засѣчетъ!

— Ну и хорошо сдѣлаетъ!

Маменька посмотрѣла на насъ.

— Ужь ей Богу не знаешь, что дѣлать, что говорить: сынъ выгоняетъ отца, жена ругаетъ мужа, мать раздуется, какъ сына мучатъ!

Дѣдушка зажалъ себѣ уши и въ какомъ-то изступленіи началъ ходить по комнатѣ....

— Да скажите, что же я буду дѣлать? Ну, вы поссорились съ своимъ сыномъ?...

— Поссорился?...

И дѣдушка весь задрожалъ.

— Нѣтъ! онъ меня чуть не ударилъ! Я жаловаться пойду!

И онъ заплакалъ.

— Полноте вздоръ-то городить!

Маменька хотѣлъ уйти, но дѣдушка удержалъ ее, закричавъ:

— Да погодите! выслушайте отца, котораго сынъ родной....

Маменька перебила его:

— Чего же вы хотите?

— Я не могу жить съ женой; она мотовка! Какъ въ куражѣ, съ ней не сладишь, такъ и лѣзетъ драться....

— Гдѣ же вы хотите жить?

— Гдѣ-нибудь, только не съ женой! Тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ: все шло хорошо! Вдругъ какъ бѣлѣны объѣлась: каждый день давай денегъ, ругается зачѣмъ мало даешь, грозится всѣ деньги отнять.... А какія у меня деньги? откуда? А все, я вамъ скажу, проклятое вино: баба дура, выпила и пошла бѣситься!

— Ну, знаю, знаю!... перебила маменька. — Хорошо, я вамъ дамъ комнату, платите мнѣ тридцать пять рублей въ мѣсяцъ; обѣдать будете въ дѣтской.... Хотите, такъ оставайтесь....

И она ушла, не дождавшись отвѣта.

Дѣдушка задумался: тридцать пять рублей его поразили, но страхъ побѣдилъ скупость.

— Лучше буду послѣдніе отдавать, да не жить съ ними! воскликнулъ онъ рѣшительно, и только теперь замѣтивъ, что маменька уже ушла, прибавилъ въ отчаяніи: — вотъ до чего дожилъ: сынъ буянитъ, жена ругается, дочь не хочетъ слушать. Господи!

Чтобъ успокоить дѣдушку, ему предложили водочки. Выпивъ, онъ сталъ говорить складнѣе.

— Сегодня я всталъ, вижу жена такъ и шипитъ, словно змѣя, пьяна ужь третій день сряду! Входитъ сынъ, я ему поклонъ, да и говорю: Уйми свою мать, Семенъ, она меня прибьетъ. А онъ разбойникъ держитъ въ зубахъ трубку и молчитъ, точно безъ языка! Жена ну кричать и ругаться, такъ и лѣзетъ ко мнѣ. Я плюнулъ и прочь отъ грѣха.... Извѣстно, баба дура: умретъ, а на своемъ поставитъ, въ рѣкѣ тонетъ, а два пальца выставила, да и показываетъ, что стриженый, стриженый...

Дѣдушка всегда приводилъ въ примѣръ женскаго упрямства знаменитую басню о бритомъ и стриженомъ.

— Да за что же вы съ дядинькой поссорились? спросилъ кто-то изъ насъ.

— Отцу старыя кости погрѣть не дадутъ!... Разхорохорился, началъ кричать на отца: «не закрывать рано трубу: угаръ будетъ!» (Тутъ дѣдушка передразнилъ голосомъ своего сына). Я ему говорю: «такъ по вашему дрова даромъ, что ли жечь?

на воздухъ топить?»... А онъ на меня какъ закричитъ, а жена-то, мотовка, стоитъ въ дверяхъ, зубы скалитъ, да приговариваетъ: «такъ и надо, хорошенько его, Семенъ!» Ну, ей Богу онъ ударилъ бы, не убѣги я изъ дому: думаю, пропадай себѣ добро, уйти отъ бѣды, да поскорѣй и навострилъ лыжи....

— Полноте, дѣдушка.

— Нѣтъ, я ужь давно замѣтилъ, что они какъ-то странно на меня поглядываютъ, у нихъ глаза-то точно у злодѣевъ....

Наконецъ намъ надоѣло слушать дѣдушку, мы по немногу разошлись и онъ остался одинъ. Облокотясь локтемъ на столъ, онъ поддерживалъ рукой свою голову, скрипѣлъ зубами, прихлѣбывалъ пуншъ и по временамъ повторялъ:

— Разбойникъ! отца гнать... Тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ... не даромъ сказано....

И въ сотый разъ повторивъ то́, что̀ недаромъ сказано, онъ съ разу допилъ стаканъ и улегся....

Отъ сидячей, затворнической жизни, отъ болѣзни, отъ старости дѣдушка съ каждымъ годомъ становился трусливѣй и легковѣрнѣй. Братъ Иванъ въ нѣсколько дней совершенно завладѣлъ имъ: онъ такъ его понялъ, что угадывалъ его желанія, и только отвѣтами брата удовлетворялся любопытный дѣдушка. Иванъ спалъ въ одной съ нимъ комнатѣ. То-то раздолье дѣдушкѣ! Надѣвъ бѣлый вязаный колпакъ, старикъ вытягивался во весь ростъ на кровати, покрывался истертымъ шерстянымъ одѣяломъ, выставивъ одно худое лицо свое, съ длиннымъ, немного кривымъ носомъ, и пускался въ безконечные разсказы о томъ, какъ родной сынъ хотѣлъ выгнать его изъ дому, какъ тридцать лѣтъ жилъ онъ съ мотовкой, женой своей, какъ въ несчастный день ничего не должно предпринимать.... Братъ давно спалъ, но дѣдушка все еще говорилъ, говорилъ, пока шевелился языкъ.... Но особенную дѣятельность обнаруживалъ дѣдушка по утрамъ, когда топили печь. Едва огонь охватывалъ дрова, онъ вооружался длинной кочергой, садился противъ печки и сладострастно слѣдилъ за возрастающимъ пламенемъ, прислушивался къ треску дровъ, которому вторилъ поскрипываніемъ зубовъ. Дрова пищали, свистѣли, иногда стрѣляли, при чемъ старикъ вскрикивалъ и сердился, зачѣмъ сыры дрова и зачѣмъ дорого куплены. Клѣтка дровъ разрушалась, падала въ безпорядкѣ; дѣдушка съ любовью подталкивалъ головѣшку въ пламя,

постукивалъ ее и радовался, когда она опять загоралась. Наконецъ, когда дрова превращались въ огненную гору, а дѣдушка въ розовый уголь, онъ загребалъ уголья къ одной сторонѣ, подозрительно оглядывался, не слѣдятъ ли за нимъ, и если въ комнатѣ никого не было, поспѣшно закрывалъ трубу и становился къ печкѣ, чтобъ отвлечь отъ нея вниманіе.... Его сожалѣніе, что не позволяютъ ему завѣдывать печками цѣлаго дома, не имѣло границъ!

По воскресеньямъ, когда собирались братья, дѣдушка никогда не могъ высидѣть обѣдъ до конца. Нашъ безпрерывный говоръ, мѣшавшій ему говорить, называлъ онъ своеволіемъ и восхвалялъ старое время, когда говорили по старшинству.... Если мы разсказывали другъ другу что-нибудь любопытное, дѣдушка хотѣлъ непремѣнно знать: за что? почему? какъ? кого? а между тѣмъ былъ тугъ на ухо. — «А? что? не слышу!» И дѣдушка чистилъ себѣ мизинцемъ ухо и подставлялъ его къ самому рту разскащика.

— Кто, а?

— Маменька проиграла въ карты.

— Слышу, слышу.... Вишь какъ кричитъ, точно домъ загорѣлся! Ну, онъ пріѣхалъ, мать выиграла?...

Ваня мигомъ избавлялъ насъ отъ докучливаго сосѣда, и вотъ какимъ способомъ. Дѣдушка, вычитавъ въ Брюссовомъ календарѣ, что между 15 февраля и 15 марта должно опасаться покушенія на жизнь, очень боялся насильственной смерти. Братъ объявилъ ему, что въ лунныя ночи на него находитъ какое-то бѣшенство — все хочется душить и рѣзать. Дѣдушка заглянулъ въ календарь: такъ точно! «Отроче, родившійся подъ такой-то планетою, подверженъ припадкамъ безумія, ему очень вредна говядина».

А братъ нарочно протягивалъ тарелку во второй разъ:

— Тетушка, пожалуйте еще говядины!

Дѣдушка вертѣлся на стулѣ, охалъ и говорилъ:

— Господи! взбѣсится! взбѣсится! Посмотрите: у него ужь и такъ глаза налились кровью!...

Братъ дѣлалъ: брр! моталъ головой и таращилъ глаза на дѣдушку... Старикъ въ ужасѣ вскакивалъ изъ-за стола, махалъ руками и кричалъ:

— Нашло! нашло!...

Вечеромъ часовъ пять сряду онъ доказывалъ тетушкѣ вредъ говядины, ссылаясь на свой календарь; но на брата долго сердиться не могъ, а тотчасъ опять подчинялся его вліянію и даже ничему не вѣрилъ, чего не подтверждалъ братъ. Если брату хотѣлось пряниковъ и сухарей, онъ отправлялся къ дѣдушкѣ.

Старикъ лежалъ растянувшись на своей кровати и поскрипывалъ зубами.

— Дѣдушка, говорилъ братъ.

— Чтò тебѣ, Ванюша?

— Да что-то болитъ голова.

— А зачѣмъ давеча оралъ на весь домъ? до сей поры въ ушахъ звенитъ!

— Ахъ, дѣдушка! поневолѣ станешь кричать, взгляните на мѣсяцъ: сегодня полнолуніе.... Нашло, такъ говядины и хочется, — пойду съѣмъ!

Но дѣдушка быстро вскакивалъ съ кровати, шарилъ въ ней и вытаскивалъ далеко запрятанный пряникъ.

— На, только Бога ради не ѣшь говядины!

Довольный внукъ убѣгалъ, а старикъ потихоньку высовывалъ голову въ дѣтскую и, увѣрившись, что внука тутъ нѣтъ, таинственно говорилъ тетушкѣ:

— Дайте вы Ванюшѣ къ чаю сухарей!

Тетушка пыталась его образумить: напрасно! Онъ ссылался на календарь, потомъ переходилъ къ сыну-разбойнику, къ женѣ-мотовкѣ и заключалъ басней о бритомъ и стриженомъ....

Дѣдушка сердился, что ему рѣдко доводилось видѣть зятя и дочь, но жаловаться не смѣлъ. Случалось, отецъ нашъ приходилъ завтракать въ дѣтскую, тогда дѣдушка выходилъ изъ своей комнаты, низко кланялся ему и говорилъ иронически:

— Наконецъ увидѣлъ васъ! кажется, недѣли двѣ не видались. Какъ ваше здоровье?

— Здоровъ, батюшка. А ваше?

— Что мое.... плохо-съ! (Дѣдушка кашлялъ). Проклятый кашель душитъ.

— Да вы бы пошли прогуляться, погода хорошая.

— Прогуляться? нѣтъ, покорно благодарю.

— Отчего же, батюшка?

— А вотъ мѣсяцовъ шесть тому вышелъ я погулять, да чуть живъ домой пришелъ: шумъ, крикъ, суета! Улицу хочешь пе-

рейти, не дають разбойники, такъ и ѣдутъ на тебя, будто не видятъ, что человѣкъ идетъ. А какъ гаркнутъ: «пади!» - ноги подкосятся отъ страху! На тротуарѣ толкотня. «Ну, не видишь, что ли? важная птица! давай дорогу!....» Дѣдушка плевалъ въ сторону и махалъ рукой. — Бывало, каждый давалъ дорогу другъ другу, а нынче такъ и лѣзутъ на тебя, точно задавить хотятъ!

— Вы устарѣли, все дома сидите, вотъ вамъ такъ и кажется.

— Нѣтъ-съ, извините, нынче времена такія. Сказано, что настанетъ время, когда братъ будетъ брату злодѣй, - гдѣ море, тамъ земля будетъ, — исчезнутъ цѣлые города и на ихъ мѣстѣ дремучіе лѣса выростутъ, лютыми звѣрями обильные....

— А скоро будетъ такое время, батюшка? смѣясь спрашивалъ отецъ.

— Смѣйтесь! вамъ все смѣшно, а вотъ Ванюша.... онъ намѣдни мнѣ предсказалъ, говоритъ: къ худу.... Такъ и вышло!.. А все сѣверное сіяніе....

— Какое сѣверное сіяніе?

— А вотъ какое: сижу вечеромъ безъ свѣчки — вижу: на небѣ сѣверное сіяніе, такъ и играетъ.... Я за Ванюшей; указалъ ему на небо: «Видишь, Ванюша?» — Вижу, дѣдушка. — «Ну, къ худу или къ добру?» — Къ худу, къ худу, дѣдушка. — И чтожь бы вы думали? разбилъ чашку! самъ не знаю какъ выскочила изъ рукъ!

— А вотъ я вашего пророка высѣку.

— Такъ! зналъ, что не повѣрятъ! Только бы сѣчь да бить! Вотъ и сынъ родной, такой же злодѣй....

Дѣдушка сердился, упрекалъ, грозилъ, припоминалъ сына злодѣя, жену мотовку и наконецъ въ отчаяніи убѣгалъ изъ дѣтской, крича:

— Господи, Господи, какія времена!...

Разъ, чтобъ сколько-нибудь разсѣять дѣдушку, отецъ принесъ ему какой-то старый журналъ:

— Вотъ вамъ, батюшка, почитайте, получше вашего календаря....

Дѣдушка съ сожалѣніемъ улыбнулся, взялъ книгу и читалъ ее ровно годъ, потому-что, если ему замѣшаютъ, онъ ужь никакъ не могъ найти, гдѣ остановился, и опять начиналъ съ пер-

вой страницы. Удивляясь умной головѣ издателя, который, по его мнѣнію, одинъ сочинилъ такую огромную книгу, онъ раздѣлялъ свое удивленіе съ нашимъ человѣкомъ Лукой, когда тотъ стоялъ съ огромнымъ подносомъ, пока тетушка поставитъ ему стаканы съ чаемъ. Дѣдушка, кажется, считалъ унизительнымъ повѣрять слугѣ свои семейныя тайны, и потому разговоръ ихъ вертѣлся всегда около литературы и политики. Лука былъ очень добрый человѣкъ, малорослый, съ гладкой лысиной и сморщеннымъ лицомъ, напоминавшимъ мерзлое оттаявшее яблоко. Прежде онъ служилъ деньщикомъ, былъ въ турецкой компаніи и, разсказывая братьямъ свои походы, всегда говорилъ «*мы* взяли крѣпость, *мы* побили турку». Дѣдушка, завидуя, что его слушаютъ, старался сбить и сконфузить его, озадачивалъ его вопросами изъ календаря и злобно смѣялся его невѣжеству. Но братья на зло дѣдушкѣ заставляли Луку разсказывать про стараго барина и походы.

— Вотъ-съ мы отправились въ походъ, идемъ-съ.... морозъ страшной.... кто носъ, кто ухо, кто ноги.... Вошли въ тепло, хвать — ужь и поздно! фельдшера за бока: рѣзать!

При словѣ рѣзать дѣдушка мѣнялся въ лицѣ и поскорѣй перебивалъ Луку:

— А хитеръ турка, даромъ-что у нихъ пасха бываетъ въ пятницу.... а вотъ у жидовъ такъ въ субботу.

— Да-съ, видалъ и жидовокъ.

И глаза Луки, пристрастнаго къ жидовкамъ, принимали нѣжнѣйшее выраженіе.

— А что́, хороши?

— Кажись, нѣтъ ихъ лучше, даромъ-что нехристь: глаза черные, черные, носъ длинный, бровь дугой — черная, черная... Разъ баринъ увезъ жидовку къ себѣ: плачетъ, болтаетъ на своемъ проклятомъ языкѣ, размахиваетъ руками.... смотришь, ничего не понимаешь, — языкъ показывать начнетъ! Барина-то дразнить не смѣла, такъ меня, — чудная такая! Жидъ, отецъ ея, пріѣхалъ, — въ ноги, — а баринъ мой молодецъ: глаза черные, волосы черные, а ужь сила просто́ чертовская: хватитъ, такъ дня три ухомъ не слышишь — шумитъ! Вотъ-съ, продолжалъ Лука, подвигаясь къ столу, чтобъ принять стаканы: — началъ онъ жида-то таскать да приговаривать, — такой шутникъ: вотъ тебѣ жидъ проклятый, вотъ тебѣ дочь!

— Смотри, уронишь стаканы! кричалъ дѣдушка.

— Нѣтъ-съ, не уроню, мы въ походахъ и раненыхъ таскивали на плечахъ, да не роняли!

— Чаю! раздалось восклицаніе маменьки, которая отличалась удивительно звонкимъ голосомъ, замѣнявшимъ ей колокольчикъ. Все засуетилось, и смущенный воинъ, вмѣсто раненаго собрата, потащилъ въ залу огромный подносъ.

Какъ только онъ ушелъ, дѣдушка началъ увѣрять братьевъ, что онъ все лжетъ, ничего не знаетъ, а по возвращеніи Луки съ язвительной насмѣшкой спросилъ его:

— Ну, ты бывалъ въ походахъ, а знаешь ли, что́ такое Сатурнъ?

— Какъ же-съ, мы штурмомъ и крѣпости брали.

— Ну, такъ, угадалъ! Сатурнъ — планета, планета! Родившіеся подъ ея вліяніемъ бываютъ: скупы, хитры, нелюдимы!

— Дѣдушка, такъ вы вѣрно подъ ея вліяніемъ родились?

— Постой, не перебивай!... Нелюдимы, нелюбимы, памятозлобны, но трудолюбивы.... Въ сіи годы примѣчать должно, какія перемѣны бываютъ: весна холодная, лѣто холодное съ вѣтромъ, но іюль теплый. Осень холодная, но ноябрь теплый. Жнивы мокрыя, яровыя худы, вина мало, прибыточно закупать. Молнія и громъ рѣдко, рыбы мало. Младенцы весною страдаютъ оспой, корью, кашлемъ и....

— Знаемъ, все знаемъ, дѣдушка! Лучше пусть Лука разсказываетъ про жидовку!

Но дѣдушка безъ запинки продолжалъ, стараясь перекричать братьевъ:

— Великія перемѣны въ нѣкоторомъ государствѣ; новый образъ правленія въ нѣкоеей республикѣ; славное побоище, великій государь воцарится; а всего такого должно ожидать 1841 или 1869, а нето въ 1925 году.

— Ай, дѣдушка! да ужь васъ тогда и на свѣтѣ не будетъ... сгніете!...

Дѣдушка съ ужасомъ вскакивалъ, хваталъ себя за голову и кричалъ: «Ну, дѣти! слова старшему сказать не дадутъ!» А братья топали, выли волками, свистѣли, и онъ наконецъ убѣгалъ въ свою комнату, оставляя ораторствовать одного Луку, который сопровождалъ бѣгство своего соперника побѣдоносно-нымъ взглядомъ.

— Ну, Лука, скажи намъ теперь о жидовкѣ?

— Ну, вотъ-съ, мы живемъ; жидовка наша плакала, плакала, да и перестала, только блѣдная, знаете, такая стала. Баринъ все ее держитъ, ему говорили товарищи: «брось ее, вишь какіе у ней глаза-то», нѣтъ - говоритъ — вышколю! Разъ говоритъ ей: поцалуй руку, а она смотрѣть начала, точно не понимаетъ. А вѣдь я навѣрно зналъ, понимала по-нашему! Баринъ показываетъ ей руку: поцалуй! — качаетъ головой. А онъ, царство ему небесное, былъ горячь, разъ лошадь не послушалась, онъ соскочилъ съ нея, да какъ порснетъ саблей въ животъ, такъ и хлопнулась! А послѣ самъ говаривалъ, что онъ ее страхъ какъ любилъ, да, знаете, часъ такой....

— Ну, а жидовка?

— Ахъ! и Лука тяжело вздохнулъ. — Не поцаловала, дура. Хоть кого злость возьметъ, баринъ какъ вскочитъ да хлопъ ее въ лицо, та и покатилась, я вамъ говорю, точно муха и лежитъ.... Мы ее терѣть тѣмъ, другимъ — все лежитъ, только, знаете, вздрагиваетъ. Баринъ ушелъ, а мнѣ не велѣлъ уходить; сижу. Она, какъ вы изволите думать? встала да бухъ мнѣ въ ноги. Дай я, вишь, ей ножикъ. Нѣтъ, говорю, не дамъ. Она плакала, плакала, а потомъ принесла мнѣ денегъ, много денегъ; все баринъ ей надавалъ, ужь чего онъ ей не дарилъ? Я говорю ей: боюсь! Сами изволите знать, дай ей ножъ — пожалуй и самого зарѣжетъ. Легла на кровать. Слышу копошится, глядь, а она и виситъ да ногами подергиваетъ. Я такъ и обмеръ, бѣгу вонъ, ну кричать: сюда, сюда! Собрались, развязали: еле дышитъ. Баринъ пришелъ блѣдный какъ смерть, — за фельдшеромъ, за докторомъ! Пустили кровь, наша жидовка открыла глаза и такъ чудно смотритъ.... Съ тѣхъ поръ стала тихая такая, даже весела бывала, — вино съ бариномъ пила.... Вотъ пили они да пили, вдругъ разъ прихожу домой: жидовки нѣтъ, а баринъ лежитъ на полу весь въ крови: горло бритвой перерѣзано!...

Въ ту ночь мы долго не могли заснуть, и намъ снились страшные сны.

ГЛАВА VIII.

Народонаселеніе дѣтской неожиданно увеличилось. Въ одно утро маменька возвратилась съ похоронъ сослуживца своего мужа вся въ слезахъ, съ дочерью покойника — дѣвочкой лѣтъ четырехъ. Покойникъ былъ вдовецъ; дочь лишилась въ немъ единственной опоры, даже родныхъ у нея не было. Долго толковали, что́ дѣлать съ сиротой, но никто не рѣшался взять ее. Тогда маменька выступила впередъ, взяла у няньки дѣвочку и, поцаловавъ ее, сказала: «бѣдная сирота, я замѣню тебѣ мать!» Она прижала ребенка къ сердцу и заплакала, ребенокъ также заплакалъ и закричалъ: «няня, няня!» Гости пришли въ умиленіе, но, удивляясь великодушію маменьки, говорили ей: «мало вамъ своихъ, — еще чужого берете!» на что́ маменька отвѣчала съ достоинствомъ: «такъ по вашему ребенка оставить безъ пристанища, на рукахъ няньки? нѣтъ, это безчеловѣчно!» И она зарыдала и еще разъ поцаловала ребенка, который занялся разсматриваніемъ ея серегъ и дѣятельно вертѣлъ ей ухо. Она очень сердилась, что кормилица, прощаясь съ ребенкомъ, плакала, и запретила ей приходить къ нему.... Отецъ, замѣтивъ прибыль въ домѣ, сказалъ женѣ: «вотъ охота возиться, мало своихъ, что́ ли?...» и больше ужь никогда не интересовался судьбой сироты.

Наигравшись въ куклы, къ вечеру ребенокъ захотѣлъ спать, звалъ свою няню, плакалъ и злился. Маменька сдала его въ дѣтскую и приказала уложить. Множество чужихъ лицъ еще сильнѣй напугало дѣвочку, она кричала: «хочу домой! няня! няня!» и крики ея были страшны; она какъ-будто предчувствовала свою участь и хотѣла отъ нея избавиться. Маменька, утомленная криками своей воспитанницы, сама пришла ее утѣшать, но дѣвочка не унималась. Потерявъ терпѣніе, благодѣтельница погрозилась высѣчь сироту и ушла за карты, а гостямъ объявила, что ребенокъ плачетъ по ней и очень удивлялась инстинкту дѣтей, которыхъ довольно разъ приласкать, чтобъ привязать къ себѣ навсегда.... Мы совершенно измучились съ дѣвочкой, которую звали Лизой. У ней сдѣлался жаръ. Она уже не могла ни плакать, ни кричать, а только стонала. Наконецъ

братъ Иванъ ухитрился утішить ее разными разсказами и увѣреніями, что няня сейчасъ придетъ. Лиза крѣпко обхватила его своими рученками, положила ему на шею свою головку всю въ огнѣ и заснула. ..

Съ того времени братъ Иванъ сдѣлался ея второй няней. Она бѣжала подъ его защиту, если за ней съ угрозой гнался меньшой братъ. Если ей хотѣлось ѣсть, Иванъ тотчасъ чувствовалъ припадокъ бѣшенства, и дѣдушкины сухари утоляли голодъ Лизы. Игрушки брата перешли въ ея владѣніе; гостинцы онъ тоже отдавалъ ей; когда ей хотѣлось что-нибудь видѣть, а другіе заслоняли, онъ бралъ ее на руки....

Дѣдушка также полюбилъ Лизу. Она охотно его слушала, охотно отвѣчала на его безконечные распросы: что̀ дѣлается въ дѣтской, въ кухнѣ? гдѣ сколько горитъ свѣчей, какъ печи закрываютъ?.. Съ своей стороны онъ разсказалъ ей, какъ родной сынъ хотѣлъ выгнать его изъ дому, какая у него жена, и объявилъ ей, что отроковица, родившаяся между 15-мъ іюня и 15-мъ іюля (время рожденія Лизы) будетъ «нрава веселаго, толста, много «потерпитъ стыда отъ разныхъ наговоровъ, а въ замужствѣ «будетъ имѣть странныя сновидѣнія....»

Словомъ, съ появленіемъ Лизы, жизнь дѣдушки одушевилась, стала полнѣй и шире.

А жизнь самой Лизы скоро сдѣлалась одинакова съ нашей. Маменька сначала брала ее къ себѣ, но дѣвочка сердила ее своими капризами. Наконецъ разъ она просыпала нечаянно табакерку и получила ударъ, при чемъ имѣла случай удостовѣриться, что не всегда легка рука благодѣтельницы.... И съ той поры сирота совсѣмъ затерялась между нами, и маменька забыла о ея существованіи. У ней не было ни своей подушки, ни одѣяла; ея платье износилось. Мы дали ей свои обноски, изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ сшили передникъ... благодѣтельница не замѣчала, что пора прикрыть наготу своей воспитанницы. Ей напомнили, она съ гнѣвомъ отвѣчала: «Мало мнѣ своихъ, еще о чужихъ думай! Спала же прежде, отчегожь теперь вдругъ все понадобилось?» Тетенька Александра Семеновна передѣлала сиротѣ свои старыя рубашки и платья и еще защищала маменьку. Выпросивъ у ней какой-нибудь лоскутокъ, она увѣряла, что маменька сама догадалась подарить его Лизѣ. Воспитанница не могла видѣть своей благодѣтельницы безъ ужасу. Заслышавъ ея ша-

ги,—а у маменьки была такая походка, что ея шаги напоминали командора въ Донъ-Жуанѣ,—сиротка, дрожа и блѣднѣя, пряталась за наши платья, за комодъ, куда попало, а чаще всего убѣгала къ дѣдушкѣ, куда маменька никогда не заглядывала... При видѣ маменьки, кукла выпадала изъ ея рукъ, кусокъ останавливался въ горлѣ, и она смотрѣла на насъ такъ жалобно, какъ будто просила защиты. Но ея страхъ былъ напрасенъ; маменька отдавала приказаніе тетенькѣ, бранила насъ и уходила, не бросивъ даже взгляда на испуганное существо, обязанное ей столькими благодѣяніями....

Скоро семейство пошло на убыль.... Братъ Миша являлся домой отъ своего учителя очень рѣдко. Онъ выросъ и похорошѣлъ; ему было лѣтъ шестнадцать, но на лицо онъ казался восемнадцати. Онъ былъ высокъ и широкоплечь. У него лицо было смугло блѣдное, съ черными какъ уголь глазами, съ необыкновенно густыми и длинными рѣсницами, съ бровями удивительно красивой формы. Волосы его черные и волнистые вѣчно въ безпорядкѣ придавали ему какой-то отважный и строгій видъ. Зубы, ротъ—все въ немъ было удивительно хорошо, одно отталкивало: вѣчно серьёзный, даже мрачный взглядъ и жосткость въ манерахъ. Онъ походилъ немного на отца, который, кажется, питалъ къ нему что-то въ родѣ любви: онъ больнѣе его наказывалъ и чаще съ нимъ говорилъ. Разъ какъ-то Миша не былъ у насъ съ мѣсяцъ и вдругъ явился запыхавшись, блѣдный и взволнованный. Онъ объявилъ тетенькѣ Александрѣ Семеновнѣ, что убѣжалъ отъ учителя, который хотѣлъ его наказать: «Я рѣшился ѣхать на Кавказъ», сказалъ онъ: — «и пришелъ просить о томъ отца и мать....» Тетенька залилась слезами и начала его упрашивать: «Миша, что ты дѣлаешь? отецъ тебя засѣчетъ, поди назадъ».

— Нѣтъ ужь извините! не боюсь я сѣченья и все-таки уйду на Кавказъ!

И онъ пошелъ прямо въ залу....

Маменька дремала на диванѣ въ ожиданіи Кирила Кирилыча и другихъ гостей; столъ для картъ былъ уже готовъ. Увидя своего сына, она вскочила и грозно спросила: какимъ образомъ? зачѣмъ ты пришелъ?

— Мнѣ нужно, отвѣчалъ братъ твердымъ голосомъ.

— Что!... какъ?... И маменька, полная величія, поднялась съ дивана и хотѣла подойти къ брату, но снова сѣла, потому-что онъ предупредилъ ее и подошелъ къ ней. Она смутилась отъ такой дерзости, но скоро пришла въ себя и спросила:

— Чего ты хочешь?...

— Я хочу ѣхать на Кавказъ и пришелъ просить васъ и отца отпустить меня.

— На Кавказъ!... да я тебя, щенка, засѣку!

— Хоть убейте, а я все-таки буду говорить: хочу на Кавказъ! Не вы ли сами попрекали меня, что я мерзавецъ все лѣнюсь, что отецъ съ матерью раззоряются на меня—вотъ я теперь и избавлю васъ отъ расходовъ!

Маменька не вѣрила своимъ ушамъ (она думала, что хорошо приготовила дѣтей своихъ къ повиновенію) и до того смѣшалась, что съ минуту молчала.... Наконецъ она сказала язвительно:

— Хорошо!... ступай, я скажу отцу.

Но братъ стоялъ на томъ же мѣстѣ и не двигался. Изумленная, она закричала: — я тебѣ говорю: иди!

— Я пойду.... не кричите.... только дайте мнѣ дождаться отца, пока онъ встанетъ, а то вы пожалуй наскажете ему Богъ знаетъ чего!

— Да ты съ ума сошелъ! ты пьянъ! Я велю тебя выгнать вонъ изъ дому! закричала мать.

— Самъ уйду, нога моя.... дико началъ братъ, но, увидавъ блѣднаго отца, появившагося въ дверяхъ, смѣшался и не договорилъ....

Замѣтивъ мужа, маменька заплакала, пересказала ему все съ разными прибавленіями и въ заключеніе объявила, что сынъ нагрубилъ ей.

— Я не грубилъ вамъ, маменька, замѣтилъ братъ.

— Слышишь, Андрей?... да онъ пьянъ, мерзавецъ!

— Замолчи! сердито сказалъ ей отецъ и сѣлъ на стулъ у карточнаго стола.... Взглянувъ на него, она притихла и ужь не сводила глазъ съ своего мужа, который какъ-то странно сжималъ губы....

— Зачѣмъ ты ушелъ отъ учителя? строго спросилъ онъ своего сына.

Тотъ замялся и ничего не отвѣчалъ.

— Ну, говори же!

И отецъ еще больше поблѣднѣлъ.

— Я хочу ѣхать на Кавказъ, робко сказалъ братъ.

Отецъ нахмурилъ брови и молчалъ.... Онъ сжалъ колоду нераспечатанныхъ картъ, лежавшую на столѣ, и карты, жалобно крякнувъ, вырвались на свободу.... Онъ спросилъ глухимъ голосомъ: развѣ тебѣ худо у отца и матери?

— Нѣтъ-съ.... но маменька все попрекаетъ....

— Слышишь, Андрей? жалобно начала маменька.

— Да замолчишь ли ты? закричалъ отецъ и съ гнѣвомъ отбросилъ измятыя карты, которыя разсыпались по столу и мучительно выгибались, освободившись изъ его рукъ. Маменька, посмотрѣвъ на нихъ съ состраданіемъ, возвела глаза къ потолку и шевелила губами, будто читая молитву.

— Зачѣмъ ты лѣнишься? спросилъ брата отецъ.

— Я не лѣнюсь, папенька.... Я просто хочу ѣхать на Кавказъ служить.... Маменька все бранится.... даже сапоговъ не даетъ....

— Гм! сказалъ отецъ, и лицо его измѣнилось. Даже маменька не смѣла оскорбиться замѣчаніемъ сына и молча смотрѣла на мужа.

— Ну, а если я тебя не пущу на Кавказъ, а заставлю учиться.... а?

Миша молчалъ и смотрѣлъ внизъ....

— Я тебя спрашиваю! сказалъ отецъ, и знакомые намъ признаки бѣшенства начали яснѣй показываться на его лицѣ: глаза его налились кровью, а губы посинѣли; весь дрожа, онъ не много поднялся со стула.... Взглядъ его, казалось, жегъ сына, и онъ тихо и нерѣшительно отвѣчалъ:

— Я не хочу учиться, я уѣду на Кавказъ.

— Не хочешь? спросилъ отецъ такимъ голосомъ, что сынъ поблѣднѣлъ, но, какъ-будто рѣшившись на отчаянный поступокъ, онъ наконецъ посмотрѣлъ на отца и твердо произнесъ:

— Нѣтъ!

Мы стояли за дверьми и едва дышали; я готова была кинуться къ ногамъ брата и умолять его сказать «да».... Но силъ у меня недостало двинуться съ мѣста: такъ страшно казалось намъ лицо отца.... Маменька слушала ихъ разговоръ съ какимъ-то напряженнымъ вниманіемъ, и когда братъ вызвалъ отца на безразсудный бой, она невольно вскрикнула: ахъ!

Братъ, прежде стоявшій съ поникшей головой, теперь гордо выпрямился и прямо смотрѣлъ на блѣдное и угрюмое лицо своего отца, будто желая прочесть на немъ свою участь.... Тишина подавляющая длилась нѣсколько минутъ. Отецъ первый прервалъ ее, вставъ со стула и сказавъ сыну: пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ переговоримъ.

И братъ твердо пошелъ за нимъ....

Мы съ ужасомъ отхлынули отъ двери. Тетенька Александра Семеновна навзрыдъ плакала о своемъ племянникѣ, котораго она очень любила и больше всѣхъ баловала. Отецъ заперъ кабинетъ изнутри: какъ узнать, что́ тамъ говорятъ? Я кинулась къ дѣдушкѣ, комната котораго была подлѣ кабинета: авось тамъ слышнѣе будетъ. Войдя къ дѣдушкѣ, я увидѣла его на колѣняхъ, въ углу. Блѣдный и дрожащій, онъ то простиралъ руки къ образу, то зажималъ себѣ уши и шепталъ задыхаясь: «Господи.... Господи!... онъ убьетъ его... родного сына.... Господи, не попусти ему....»

И дѣдушка упалъ навзничь... Сначала я не могла понять, что́ сдѣлалось съ дѣдушкой, но вдругъ знакомый звукъ длиннаго арапника поразилъ мой слухъ... Удары медленно слѣдовали одинъ за другимъ съ шипѣньемъ и взвизгиваньемъ, и каждый сопровождался короткимъ вопросомъ отца,—но другого голоса не было, не слышалось ни слова, ни звука въ отвѣтъ—за стѣной наступала глубокая тишина, какъ-будто удары и вопросы не относились къ живому существу.... И я ужь начала думать, что отецъ одинъ въ кабинетѣ и разговариваетъ самъ съ собой.... Но вдругъ послышался слабый мучительный стонъ.... и скоро стоны начали явственнѣй повторяться за каждымъ ударомъ; не было уже никакого сомнѣнія, что стоналъ братъ!... Съ ужасомъ взглянула я на дѣдушку, который уже потерялъ способность говорить и только пальцами показывалъ мнѣ на дверь кабинета.... Я бросилась къ тетенькѣ Александрѣ Семеновнѣ и со слезами разсказала ей все; она побѣжала въ кабинетъ, но столкнулась въ дверяхъ съ братомъ.... Блѣдный и искаженный, онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, лицо его немного припухло и судорожно подергивалось, рѣдкое и тяжелое дыханіе съ трудомъ выходило изъ его груди.... Мы всѣ молчали, не рѣшаясь распрашивать его; онъ схватилъ свою фуражку, поглядѣлъ на насъ

насмѣшливо, сказалъ: «прощайте, я ѣду на Кавказъ», и вышелъ.... Тетенька Александра Семеновна побѣжала за нимъ, но онъ ужь исчезъ....

Съ того дня онъ почти не жилъ дома; тетенька слегла въ постель, а отецъ, убѣдившись, что ему трудно переломить упрямство сына, согласился на его отъѣздъ.... Братъ поспѣшилъ надѣть юнкерскую шинель и рѣшительно ни о чемъ больше не говорилъ, какъ о Кавказѣ. Отецъ началъ посѣщать нашу дѣтскую и все разсуждалъ съ нимъ о Кавказѣ и о стрѣльбѣ, въ которой братъ дошелъ до совершенства. Мать очень огорчилась и сердилась на отца, что онъ своею слабостью поощряетъ дѣтей къ неповиновенію. Одинъ знакомый отцу полковникъ ѣхалъ на Кавказъ и взялся довезти туда брата.

Наконецъ насталъ день отъѣзда. Съ утра начались хлопоты и слезы; я плакала, но втайнѣ завидовала брату, что онъ уѣзжаетъ изъ родительскаго дому. Наступилъ часъ прощанья. Маменька потребовала къ себѣ сына и долго оставалась наединѣ съ нимъ; когда онъ возвратился въ дѣтскую, мы стали спрашивать, что̀ она съ нимъ говорила? онъ отвѣчалъ: «она теперь поетъ другое, да ужь поздно». Дѣдушка мрачно ходилъ по дѣтской и все охалъ, какъ можно «такую картину» посылать на Кавказъ: тамъ какой-нибудь извергъ черкесъ убьетъ его или изувѣчитъ.... Отецъ былъ очень мраченъ и все что-то толковалъ съ полковникомъ. Онъ ѣхалъ ихъ провожать и поминутно торопилъ, чтобъ скорѣй прощались. Наконецъ подали лошадей. Всѣ хлынули въ залу, а больную тетеньку почти внесли туда на рукахъ и посадили на диванъ. Маменька начала распоряжаться: она приказала всѣмъ сѣсть по мѣстамъ. Усѣлись; настала тяжелая тишина. Она встала, и всѣ встали за ней; ломаясь, она взяла образъ, благословила имъ сына, со слезами поцаловала его въ лобъ и трагически сказала: «Богъ съ тобою! да будетъ надъ тобой всюду мое материнское благословеніе!.,.» Затѣмъ, обратясь къ полковнику, она просила, чтобъ онъ смотрѣлъ за ея сыномъ, и разсказала ему, какъ сердцу матери больно отпускать родное дѣтище въ такую даль.... Отецъ остановилъ ее съ досадой.... Онъ не прощался съ сыномъ, а все торопилъ другихъ, повторяя: «скорѣе, пора....» Дѣдушка охая поцаловался съ своимъ внукомъ и тихонько всунулъ ему въ руку бѣленькую ас-

сигнацію, шепнувъ со слезами: «вотъ тебѣ, Миша, на табакъ!...»

— Прощайте, дѣдушка, благодарю васъ.

Братъ поблѣднѣлъ, когда обратился къ больной тетенькѣ Александрѣ Семеновнѣ. Она задрожала и слабо взвизгнула. Братъ хотѣлъ скорѣе покончить прощанье, но она обхватила любимаго племянника слабыми своими руками и, цалуя его, раздирающимъ голосомъ говорила: «Миша.... береги себя.... не забывай насъ....»

Поблѣднѣвъ еще больше, отецъ сказалъ сердито:

— Полно, Саша, ему пора ѣхать.

Зарыдавъ, тетенька освободила изъ объятій прослезившагося племянника, который началъ прощаться съ нами.... «Прощай, Ѳедя.... прощай, Соня.... прощай, Таня....» и чмоканье, смѣшанное съ неровными звуками сдерживаемыхъ рыданій, раздалось въ залѣ.... «Прощай, Миша....» и я крѣпко прильнула губами къ блѣднымъ щекамъ брата... «Прощай, Наташа...» Рыдая, я вынула изъ кармана передника кисетъ своей работы, сшитый изъ лоскутковъ, и подарила его брату, который сказалъ: — спасибо, у меня теперь будетъ два. — «Прощайте, прощайте, прощайте....» И долго еще звучало въ моихъ ушахъ «прощайте», и такая тоска давила меня, что я хотѣла разбить себѣ голову объ стѣну. Мы проводили брата до коляски.... Начали садиться.... и тутъ я вспомнила больную тетеньку, которая одна осталась въ залѣ — силы не позволяли ей сойти внизъ.... я кинулась къ ней: она тоскливо поглядывала на дверь, но увидавъ меня, обрадовалась и съ испугомъ спросила:

— Уѣхалъ?

— Нѣтъ еще.

И я подвела больную къ окну.

— Скоро? спросила она, дыша тяжело и слабо.

— Сейчасъ поѣдутъ. Ахъ! вотъ, вотъ онъ!

Коляска выѣхала изъ воротъ и шибко промчалась мимо оконъ. Я кланялась, махала брату рукой.... Онъ насъ увидѣлъ и сталъ тоже махать намъ... Тетенька вся превратилась въ зрѣніе, и когда коляска скрылась, она пошатнулась и упала на стулъ; губы ея были блѣдны, глаза закатились, съ ней сдѣлался обморокъ....

ГЛАВА IX.

Должно быть маменьку очень огорчилъ отъѣздъ сына; она вспоминала его всякой разъ, какъ приходилось бранить братьевъ: — «Пусть попробуетъ кто попроситься на Кавказъ, я и безъ отца слажу!...» Дяденька объявилъ ей, что пора Ѳедора отдать куда-нибудь въ казенное заведеніе,—«вотъ, слава Богу! — воскликнула она съ гнѣвомъ — не успѣла одного отправить, думай о другомъ! ужь лучше разомъ всѣхъ отослать на Кавказъ!...»

А братъ Ѳедоръ ожилъ у дяденьки, который такъ пристрастился къ картамъ, что ходилъ къ намъ играть каждый день, а по утрамъ раскладывалъ гранъ-пассіансъ; если выходило, онъ самодовольно потиралъ руками и въ глубокихъ соображеніяхъ прохаживался по комнатѣ, а нѣтъ, такъ ложился спать,—и дня какъ не бывало!

Бабушка отпустила своего внука изъ дому со слезами. Но внукъ радовался, что наконецъ избавился отъ своего дядюшки, при видѣ котораго и потомъ долго еще мѣнялся въ лицѣ....

Бабушка такъ привыкла къ ссорамъ съ дѣдушкой, что скучала своей новой жизнью, и съ горя удвоила свою порцію вина. Чтó моя зá жизнь! говорила она намъ: — нè съ кѣмъ слова сказать. Какъ еще Ѳедя былъ, хорошо! А теперь? Семенъ спитъ какъ убитый, а ты сиди себѣ одна-одинешенька. Вѣрите ли, ѣсть ничего не могу: бывало, Петръ Акимычъ ругается, а все-таки живой человѣкъ, есть съ кѣмъ слово сказать. Шутка ли, столько лѣтъ прожили вмѣстѣ!

И она чаемъ запивала слезы.

Въ утѣшеніе мы описывали ей образъ жизни и разныя странности дѣдушки.

— А чтó, Ваня, онъ спитъ? спрашивала она у внука.

— Нѣтъ-съ, такъ лежитъ; хотите, бабушка, посмотрѣть на него? я пойду къ нему и не притворю дверь....

— Хорошо, поди.

Бабушка смотрѣла въ щелку на своего мужа, который поскрипывая зубами недвижно лежалъ на кровати, точно въ гробу.... Съ горестью находила она, что онъ очень похудѣлъ, хоть дѣдушка не могъ худѣть, потому-что весь состоялъ изъ костей

и кожи. Ваня радовалъ бабушку, извѣщая въ свою очередь старика, что его жена мотовка здѣсь. Онъ вскакивалъ, тоже заглядывалъ въ дверь и шепталъ: «Ишь какъ разрядилась! посмотри, Ванюша! А вѣдь твоя бабка-то хоть куда, молодая еще лучше была!...»

— Дѣдушка! говорилъ внукъ.

— Что̀?

— Знаете сенатора, что̀ подъ нами живетъ?

— Видывалъ.... А что̀?

— Да такъ, онъ какъ-то встрѣтилъ меня на лѣстницѣ и давай разспрашивать про бабушку.... жаль, говоритъ, что̀ мужъ есть, а то сейчасъ бы женился!... Да вѣдь онъ въ такомъ чинѣ, пожалуй похлопочетъ и разведутъ....

— А гдѣ онъ ее видѣлъ? спрашивалъ встревоженный дѣдушка.

— Какъ гдѣ? встрѣчаются у воротъ, онъ всегда даетъ ей дорогу и кланяется....

— Ишь выдумалъ жениться! Да я хоть розно съ ней живу, а не разведусь!

Онъ горячился и стучалъ кулакомъ по столу.

— По правдѣ сказать, я давно думалъ: не къ добру она рядится! Недаромъ сказано: «снаружи духовнаго поведенія, но внутренно заражена любовію....»

Черезъ минуту онъ являлся въ дѣтскую съ погашенной свѣчой, будто за огнемъ; подходя къ чайному столу, гдѣ сидѣла бабушка, притворялся удивленнымъ и говорилъ: «ахъ, я и не зналъ, что вы здѣсь! Здравствуйте, Настасья Кириловна....»

Тутъ онъ насмѣшливо и низко кланялся женѣ.

Она серьёзно вставала со стула и отвѣчала ему такимъ же поклономъ, говоря: Здравствуйте, Петръ Акимычъ!

— Какъ ваше здоровье?

— Слава Богу, Петръ Акимычъ, а ваше?

— Что̀ мое?... сынъ родной выгналъ....

И онъ заставлялъ свою жену выслушать длинную исторію, въ которой она сама занимала важную роль.

— Полно тебѣ, Петръ Акимычъ! Не стыдно ли все старое говорить!

— А по вашему небось все забыть? Я все вижу, даромъ-что врозь живемъ.... меня не проведешь!

Онъ грозилъ женѣ своей пальцемъ.

— Мнѣ дѣла нѣтъ, что́ онъ сенаторъ, я плюю на него!

И онъ плевалъ....

— Что́ еще? какой сенаторъ?

— Небось не знаешь? Да нѣтъ, и не воображай! не хочу! Какой тутъ разводъ? тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ, да еслибъ не сынъ разбойникъ...!

И дѣдушка, смущенный тяжелымъ воспоминаніемъ, хваталъ себя за голову и съ дикимъ крикомъ убѣгалъ въ свою комнату, гдѣ долго еще посылалъ угрозы сенатору, дерзнувшему влюбиться въ его жену....

Иногда онъ приглашалъ бабушку къ себѣ. Имъ приносили чай, и чашки не скоро пустѣли, потому-что дѣдушка усердно добавлялъ ихъ ромомъ. Лица супруговъ принимали пріятное выраженіе, разговоръ ихъ состоялъ въ передачѣ взаимныхъ страданій. Но дѣдушка никакъ не могъ обойтись безъ ссылокъ на календарь, котораго бабушка терпѣть не могла: вспыхивала ссора, и бабушка, назвавъ мужа ворчуномъ и скупцомъ, бѣжала вонъ, а мужъ за ней съ крикомъ: «все вижу! не проведешь стараго воробья на мякинѣ!... баба дура!... мотовка!...»

Мы спѣшили разнять ихъ.

Дѣдушка потомъ недѣли двѣ не умолкалъ ни на минуту, пересказывая всѣмъ послѣднюю ссору и приглашая каждаго быть судьей въ ней....

Пришло лѣто. Маменька рѣшилась взять дачу, единственно для больной тетушки... Такую мысль вѣроятно подали ей доктора, которые присовѣтовали Кирилѣ Кирилычу тоже дачный воздухъ и морскія купанья. Насъ оставили въ городѣ подъ присмотромъ Степаниды Петровны. Отецъ, занятый службой и бильярдомъ, совсѣмъ не жилъ дома, а на дачу ѣздилъ очень рѣдко. Его нисколько не удивляло нѣжное вниманіе маменьки къ Кирилѣ Кирилычу: она успѣла внушить ему, что и тутъ, какъ вездѣ, имѣетъ ввиду пользу дѣтей....

— Ты думаешь, Андрей, говорила она: — мнѣ легко выносить капризы Кирила Кирилыча? Я все терплю для нихъ же, а какой благодарности дождусь я отъ нихъ?

Вздохнувъ она продолжала: — Иногда нужно внести вдругъ 400 рублей за Петра или Ѳедора, я прямо къ нему, и онъ дастъ;

ну, потомъ заплатимъ; но все-таки есть человѣкъ, къ кому можно обратиться въ нуждѣ....

— Право, не знаю, Маша, кажется, мы акуратно получаемъ жалованья слишкомъ тысячу рублей въ мѣсяцъ, да еще съ уроковъ....

— Ну, такъ и видно, не знаешь, чего они стоятъ! На однихъ вашихъ дочерей....

И маменька развертывала передъ своимъ мужемъ безконечную цѣпь расходовъ на платье, обувь, воспитаніе его дѣтей.

— Я тоже и о будущемъ думаю, продолжала она таинственнымъ тономъ. — Ты знаешь, у него есть деньги, мачиху свою онъ не любитъ, кому же послѣ его смерти деньги достанутся? Родныхъ ни души, а мы слава Богу вотъ ужь десять лѣтъ съ нимъ знакомы. Онъ же такой худой и больной.... мнѣ самъ докторъ говорилъ, что не долго ему жить....

Отецъ никогда ничего не отвѣчалъ на разсужденія своей жены, и былъ ли онъ согласенъ съ ними, или нѣтъ, ему одному извѣстно; но маменька молчаніе его всегда принимала за знакъ согласія и дѣйствовала по своему усмотрѣнію....

Братья собрались въ каникулы всѣ домой, но дома почти не жили, какъ ни грозила Степанида Петровна пожаловаться отцу, какъ я ихъ ни упрашивала. Они твердили одно: «Чтó намъ дома дѣлать? задохнемся отъ жару!» Втайнѣ я сама соглашалась съ ними и еслибъ могла, съ радостью убѣжала бы куда-нибудь въ садъ — надышаться чистымъ воздухомъ, насмотрѣться на зелень, а тамъ пусть накажутъ: можно вынести и наказанье послѣ такого наслажденья! Сестры терпѣливѣй меня выносили жаръ и духоту. Правда, старшей было не до того: за ней продолжалъ ухаживать Яковъ Михайлычъ. Онъ пользовался дружбой Кирила Кирилыча, а потому и маменькиной, которая впрочемъ обходилась съ нимъ съ видомъ покровительства. Онъ бѣгалъ по ея дѣламъ, писалъ ей письма и дѣловыя бумаги. Кирило Кирилычъ тоже ласкалъ его не безъ расчета: не такъ бросалось въ глаза, что онъ каждый день бывалъ у насъ, Яковъ Михайлычъ тоже бывалъ каждый день. Съ отъѣзда маменьки, онъ почти поселился въ нашей дѣтской....

На бѣду нашу, Кирило Кирилычъ соскучился безъ обычныхъ гостей, которыхъ привыкъ видѣть у насъ, и маменька переѣхала съ дачи очень скоро....

На другое лѣто, къ неописанному нашему удивленію, въ одно утро маменька, побранивъ насъ, велѣла намъ одѣваться — ѣхать на дачу!... Подали карету, и мы начали въ нее набиваться: я, Степанида Петровна, двѣ сестры, маленькій братъ Иванъ (другіе братья еще не были распущены на каникулы), тетенька Александра Семеновна и столько же узловъ. Я едва дышала отъ тѣсноты и радости, что увижу поле и море.... По счастью меня притиснули къ окну. Тощая загородная трава показалась мнѣ невѣроятно роскошной, а сизая безконечная даль привела меня въ такой восторгъ, что я чуть не выпрыгнула изъ окна, жадно глотая несовсѣмъ еще чистый воздухъ, но который казался мнѣ ароматическимъ. «Что́ ты смирно сидѣть не умѣешь?.. Гляди, узелъ мнешь!» закричала маменька.... Втиснувшись въ испугѣ между узловъ и сестеръ, я ужъ не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой, но глаза мои бѣгали жадно и бойко. При видѣ золотистой цикоріи, густо покрывавшей поле, я невольно вскрикнула: «Ахъ, сколько цвѣтовъ! посмотри, Катя!...» Маменька спросила сердито: что́ такое? Я не смѣла сдѣлать ее участницей моей радости и молчала. «Я тебя спрашиваю, что́ тамъ?» повторила она.

— Цвѣты, робко отвѣчала я, указывая на поле головой, потому-что руки были у меня какъ связанныя. — Маменька небрежно посмотрѣла на поле и сказала: «вотъ дура, чему обрадовалась....»

По мѣрѣ удаленія отъ города, мѣстоположеніе становилось красивѣй.... Не смѣя говорить, я толкала локтемъ сестру Катю и глазами показывала ей на безпрестанно смѣнявшіеся предметы моего удивленія и восторга....

Я до того глядѣла на дорогу, что голова моя закружилась.

— Ахъ, Катя! мы, кажется, ѣдемъ назадъ? съ испугомъ спросила я сестру.

— Что́ ты? развѣ не видишь, мы сейчасъ перегнали телѣгу?...

Я успокоилась и съ нетерпѣніемъ ждала увидѣть дачу. Я воображала себѣ, что наша дача окружена лѣсомъ, море у самыхъ оконъ, въ лѣсу бездна цвѣтовъ и ягодъ.... Мы въѣхали въ ворота и маменька сказала: «слава Богу, скоро пріѣдемъ». Я очень удивилась, увидѣвъ такіе же дома, какъ въ Петербургѣ, только поменьше; изрѣдка попадались деревья. Мы подъѣхали къ ни-

зенькому двухъ-этажному домику, съ мелочной лавкой внизу. Я думала, что маменька хочетъ что-нибудь купить въ ней, когда она закричала кучеру: «стой! стой! къ лавкѣ-то!...» Но когда она вслѣдъ за тѣмъ прибавила: «ну, вылѣзай кто-нибудь!» я глядѣла во всѣ глаза и не вѣрила своимъ ушамъ.... Мы всѣ разомъ попробовали тронуться, но не скоро увѣнчались успѣхомъ наши усилія: изъ насъ образовалось что-то цѣлое, недѣлимое, съ безчисленнымъ множествомъ глазъ, носовъ и ушей...—Такъ вотъ что̀ называется дача! говорила я съ отчаяніемъ, осматривая жалкой домикъ и грязный дворъ, заваленный досками, бревнами и мусоромъ, по случаю перестройки. Я чуть не плакала.... Вбѣжавъ на верхъ, я еще болѣе удивилась, увидѣвъ только двѣ комнаты, маленькую кухню, въ которой едва можно было повернуться, и еще комнатку совершенно темную,—вотъ и все!... значитъ, намъ придется сидѣть все съ маменькой? Дрожь пробѣжала по моему тѣлу....

— Неужели, тетенька, мы и спать будемъ съ маменькой?

— Нѣтъ, спать будемъ въ темной комнатѣ, а здѣсь только пить чай и обѣдать.

— Какъ! мы будемъ обѣдать съ ней вмѣстѣ?...

Въ досадѣ и ужасѣ я стала упрекать тетеньку, что она хвалила намъ такую гадкую дачу.... Тетенька разсердилась и совѣтовала мнѣ замолчать: перегородка деревянная, какъ разъ маменька услышитъ!...

Злая и печальная, неохотно присоединилась я къ сестрамъ, которыя мыли стаканы и чашки, за недостаткомъ прислуги: съ нами на дачу взяли только кухарку, нарочно для того нанятую. Не знаю какъ, изъ рукъ у меня выскользнулъ стаканъ и съ трескомъ разбился. Въ одну секунду маменька очутилась передо мной,—ея карающая рука пришла въ движеніе, каждый ударъ сопровождался словами:

— Была ты дура, есть и будешь....

Тяжелѣй чѣмъ когда-нибудь показалась мнѣ теперь такая обида. Я сильно почувствовала униженіе и чуть явно не обнаружила передъ маменькой моего негодованія.... Въ отчаяніи ушла я въ сѣни, плакала, смотрѣла въ окно.... какое-то волненіе вдали удивило и развлекло меня; всматриваюсь и наконецъ вижу безконечное пространство воды, которая совсѣмъ слилась съ небомъ. Я открыла окно, и мнѣ еще яснѣе представилось море.

Забывъ свое горе, смотрѣла я на дымъ, летавшій по волнамъ, на птицъ, черными точками мелькавшихъ въ дыму, на маленькія лодочки, которыя то совсѣмъ исчезали, то снова показывались... Мнѣ страшно захотѣлось ближе увидѣть море, я кинулась на дворъ, искала выхода къ морю.... нѣтъ! Лавочникъ, скликавшій своихъ куръ, растолковалъ мнѣ, что нужно сперва городъ пройти, потомъ на дорогу витти, спуститься съ горы, — вотъ и будетъ море, а отсюда оно далеко.... Я подбила сестеръ и Степаниду Петровну, и мы отправились смотрѣть море.... Я шла впереди путеводительницей.... Миновавъ дачи, мы увидѣли по одну сторону дороги лѣсъ, кинулись къ нему: ни цвѣтовъ, ни ягодъ, только песокъ да голыя деревья! На другой сторонѣ крутая гора; не задумавшись, взбѣжала я на нее, оставивъ сестеръ внизу; отъ непривычки къ такимъ подвигамъ, духъ у меня захватило, но я забыла усталость, пораженная картиной, открывшейся предъ моими глазами. Солнце играло въ темныхъ волнахъ, катившихся медленно одна за другой.... Бѣлые паруса летѣли какъ исполинскія птицы, пароходы гнались одинъ за другимъ, оставляя за собою рябой и свѣтлый хвостъ, въ которомъ изломанные, разсѣченные лучи солнца искрились и сверкали еще ярче.... Сидя на вершинѣ горы, я долго смотрѣла на море, и безпрерывное движеніе волнъ навело на меня грусть. Я вспомнила брата Мишу: можетъ быть онъ теперь, думала я, бѣжитъ по горамъ и прячется отъ черкесовъ.... Я оглянулась кругомъ, мнѣ стало страшно одной; кинувшись съ горы, я кричала сестеръ. Къ счастію, онѣ сидѣли не вдалекѣ.... Я сказала имъ, что съ горы видно море, и что оттуда лѣсъ лучше, чѣмъ снизу. Мы опять пошли на гору; еще разъ мимоходомъ взглянувъ на море, я рискнула убѣжать въ лѣсъ, но поминутно аукалась сестрамъ.... Я воротилась домой съ цѣлымъ пучкомъ цвѣтовъ. Насъ встрѣтили не очень ласково.

— Гдѣ изволили пропадать?

— Въ лѣсу.

Въ лѣсу? безъ спросу!... И ты, Степанида, туда же, точно молоденькая!

Степанида Петровна все прощала своей сестрѣ, но не намеки на зрѣлость лѣтъ: вспыхнула ссора....

На другое утро, побранивъ насъ за чаемъ, маменька велѣла намъ итти съ ней купаться. Мнѣ досталось нести кружку и мо-

чалку, сестрѣ Катѣ простыню, а Сонѣ рубашку. Если бы связать все въ одинъ узелокъ, вышла бы ссора кому нести, потому тетенька такъ и распорядилась....

Проходя улицы, мы горѣли со стыда: съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ смотрѣли на насъ изъ оконъ дачъ разныя головы и мы слышали ихъ замѣчанія: «Ея дочери.... неужели? Такъ дурно одѣты.... никакъ нельзя подумать....»

— Слышишь ли, чтó про насъ говорятъ? шепнула я сестрѣ, толкнувъ ее локтемъ: — какъ-то мы назадъ поидемъ?...

Маменька, ничего не подозрѣвая, гордо выступала впередъ, сопровождаемая дочерьми, которыя не рѣшались итти съ ней рядомъ: такъ она была величественна! Въ строгомъ молчаніи прибыли мы къ мѣсту купанья, гдѣ впрочемъ кромѣ неустрашимой нашей маменьки никто изъ дачныхъ жительницъ не купался: дорога была не далеко, и хоть мы, поднявшись на цыпочки и вытянувъ кверху руки, держали за кончики раскинутую простыню, когда маменька раздѣвалась, однакожь... Распустивъ волосы, маменька картинно погружалась въ морскія волны. Слѣдя за ней, я увѣряла сестеръ, что мы нимфы, а она — богиня, и что хорошо бы намъ превратиться въ маленькихъ рыбокъ и уплыть отъ нея подальше въ море.... Но и тутъ бѣда: вѣдь и она пожалуй превратится тогда въ щуку, догонитъ насъ и окончательно проглотитъ. Мы шутили на берегу, а маменька ныряла.... Нырнувъ разъ, она долго не показывалась: я такъ испугалась, что чуть не кинулась въ воду и невольно вскрикнула: маменька!

Въ ту минуту она высунула голову изъ воды; пронзительный крикъ мой долетѣлъ до ея слуха, и она закричала: что ты орешь?... Еще сильнѣй испугалась я неожиданнаго ея появленія и грознаго голоса. Сестры хохотали надо мной, а маменька, взбивая пѣну на большомъ пространствѣ, плыла ко мнѣ какъ морское чудовище, и когда она приподнялась, я отскочила въ паническомъ страхѣ.... Она повторила вопросъ: чего ты орала?...

Я рѣшительно потеряла способность говорить, и маменька своей ладонью, покрытой морскою влагой, коснулась моей блѣдной щеки, и на берегу моря, можетъ быть въ первый разъ отъ созданія міра, раздался звучный ударъ, и эхо повторило его нѣсколько разъ, будто радуясь новому звуку....

Обратное шествіе совершалось тѣмъ же порядкомъ и тѣ же замѣчанія изъ оконъ преслѣдовали насъ.

На другой день я начала хромать и тѣмъ избавилась можетъ быть отъ новыхъ ласкъ маменьки. Сестры злились на меня и досадовали, что раньше не придумали тоже какого-нибудь предлога не ходить на купанье.... Иногда вечеромъ маменька брала насъ гулять въ садъ, гдѣ играла музыка. Тутъ я окончательно терялась, Богъ знаетъ отчего сталкивалась почти съ каждымъ встрѣчнымъ; торопясь поправиться и разойтись, мы съ жаромъ качались изъ стороны въ сторону, пока грозный голосъ маменьки не превращалъ меня въ истукана: тогда утомленный господинъ извинялся передо мной, а маменька на всю улицу удивлялась, что у нея такая дура дочь: вездѣ что-нибудь да надѣлаетъ! При видѣ разряженныхъ дамъ, я оглядывалась на себя и на сестеръ: насъ всегда одѣвали одинаково, вѣроятно, чтобъ не развить въ насъ зависти, да и выгода тутъ примѣшивалась: изъ трехъ изношенныхъ платьевъ всегда выходило одно совсѣмъ новое.... Мы были безъ перчатокъ, въ худыхъ башмакахъ самой дурной работы; вообще костюмъ нашъ довершалъ наше несчастіе, обращая на насъ вниманіе публики: пестрыя одинаковыя шляпки, ватные одинаковые салопы, когда всѣ въ платьяхъ и жара невыносимая....

Къ счастію, маменька сама не очень любила такія прогулки. Чаще всего отъ жару забивались мы въ темную комнату и просиживали тамъ съ утра до вечера.... Впрочемъ и тутъ бывали у насъ веселыя минуты, и мы отъ души смѣялись....

Разъ маменька дня три хлопотала о какомъ-то паштетѣ и передъ обѣдомъ секретно предписала намъ не прикасаться къ нему даже въ такомъ случаѣ, если намъ его предложатъ. Подали паштетъ. Торжественно привставъ и отрѣзавъ кусокъ съ искусствомъ оператора, она подала тарелку Кирилѣ Кирилычу. Кирило Кирилычъ отличался вѣжливостью и даже иногда, къ досадѣ маменьки, любезничалъ съ сестрами и Степанидой Петровной, которая переманила его на свою сторону лестью. Взявъ тарелку, онъ очень ловко предложилъ ее мнѣ. Я отказалась.

— Ну, потрудитесь передать Степанидѣ Петровнѣ.

Тарелка начала совершать путешествіе вокругъ стола. Когда она проходила мимо носу брата Ивана, Иванъ съ упоеніемъ потянулъ въ себя запахъ и громко говорилъ, качая головой: «не могу.... не люблю, даже запахъ противенъ....» Маменька тоскливо слѣдила за путешественницей, и когда та благополучно воз-

вратилась на родину, она снова предложила ее Кирилѣ Кирилычу. Тотъ рѣшительно отказался, жалуясь, что сегодня не очень здоровъ....

— Ну, теперь можете ѣсть! крикнула маменька, сердито двинувъ тарелку на середину стола....

Эффектъ былъ удивительный. Маменька опомнилась, но ужь поздно: Кирило Кирилычъ надулся; тотчасъ послѣ обѣда онъ сказалъ: прощайте, Марья Петровна.

— Кудажь вы? а кофей?

— Я спать хочу, отвѣчалъ онъ сухо.

— Какъ вамъ угодно.

Степанида Петровна съ сестрами ждала его въ сѣняхъ, чтобъ задержать его на зло маменькѣ. Я же осталась въ столовой наблюдать за впечатлѣніемъ, которое произведетъ на нее ихъ говоръ и смѣхъ.

— Кто тамъ? спросила она меня.

Я отвѣчала: не знаю-съ!

— Поди, посмотри, да скажи, чтобъ сестрицы твои перестали трещать!

Я буквально передала приказаніе, надѣясь сильнѣй ожесточить Кирилу Кирилыча. Точно, онъ сталъ смѣяться и говорить еще громче. Маменька волновалась; говоръ и смѣхъ томилъ ее.... Наконецъ она пошла къ двери такими шагами, что деревянный домъ задрожалъ. Съ шумомъ растворивъ дверь, она гнѣвно закричала: — что вы горло-то дерете?... Ахъ, вы еще здѣсь, прибавила она кротко, притворяясь удивленной. Потомъ обратилась къ Степанидѣ Петровнѣ: — ты, кажется, могла бы ихъ унять.... вотъ связалась, — точно чортъ съ младенцами! извольте убираться въ комнату!

Такъ мы прожили двѣ недѣли на дачѣ. По возвращеніи въ городъ, дѣтская показалась намъ раемъ.... Вскорѣ пришло письмо съ Кавказа; къ нашему удивленію, отецъ самъ принесъ его въ дѣтскую и далъ прочесть тетенькѣ Александрѣ Семеновнѣ. Она заплакала отъ радости. Онъ шутилъ надъ ней и весело говорилъ: — «ну, о чемъ плачешь? племянникъ твой скоро офицеромъ будетъ....» И мы прочли письмо: полковникъ извѣщалъ,что братъ Миша показалъ чудеса храбрости, получилъ уже Георгіевскій крестъ и представленъ въ офицеры. Въ заключеніе полковникъ совѣтовалъ отцу взять брата съ Кавказа какъ толь-

ко онъ получитъ офицерскій чинъ, потому-что съ такой горячей головой ему не сдобровать тамъ. Дѣтская наполнилась радостными толками; мы ужь расчитывали, къ какому сроку братъ пріѣдетъ къ намъ. Дѣдушкѣ Ваня передалъ извѣстіе о братѣ посвоему:

— Миша убилъ двадцать пять черкесовъ.

Дѣдушка поблѣднѣлъ и замахалъ руками.

— Перестань, Ванюша.

— Право, дѣдушка.

— Ну, какъ онъ могъ ихъ убить?

Братъ сдѣлалъ изъ руки ружье, прицѣлился въ дѣдушку и закричалъ: пафъ!

Дѣдушка схватился за свою грудь, будто ощупывая пулю. Братъ хохоталъ. Дѣдушка разсердился и пошелъ надоѣдать другимъ распросами о внукѣ.

Ровно черезъ два мѣсяца явился къ намъ почтальонъ съ новымъ письмомъ отъ полковника. Радостно отнесли мы отцу письмо, воротились въ дѣтскую и, собравшись въ кучку, съ нетерпѣніемъ ждали: вотъ придетъ отецъ и объявитъ намъ, что братъ офицеръ.... Но время шло, а отецъ не приходилъ.... Наскучивъ ждать, тихонько подошли мы къ кабинету.... дверь заперта, и за дверью тишина.... Насталъ вечеръ. Мы рѣшили, что письмо видно прочтемъ завтра.... Подали чай. Тетенька подошла къ кабинету и постучала въ дверь.

— Кто тамъ? послышался слабый голосъ отца.

— Я, братецъ; не хочешь ли чаю?

— Нѣтъ!

Тетенька заключила, что отецъ поссорился съ маменькой, и очень встревожилась.... Мы легли спать; тетенька раза три подходила къ кабинету, а утромъ сказала, что очень испугалась: въ кабинетѣ всю ночь не погасалъ огонь и по временамъ слышались стоны... Скоро пришелъ въ дѣтскую и отецъ, когда маменька еще спала.... Его нельзя было узнать: лицо страшно блѣдное, глаза припухли, онъ даже немного похудѣлъ; смотрѣлъ онъ печально. Цалуя его руку, я замѣтила, что она дрожитъ. Онъ какъ-то странно мялся, наконецъ тяжело вздохнулъ и сказалъ, запинаясь и не глядя ни на кого:

— Вашъ братъ убитъ.... Не говорите о немъ больше, и чтобъ мать не знала....

И онъ скорыми шагами вышелъ изъ дѣтской.

Дѣтская наполнилась рыданіями. Страшно было смотрѣть на тетеньку Александру Семеновну. Маменька къ счастію не замѣтила нашихъ разплаканныхъ глазъ, а тетеньку она ужь привыкла видѣть больной и печальной. Отецъ по прежнему сидѣлъ въ кабинетѣ. Онъ не обѣдалъ, а къ вечеру одѣлся и ушелъ... Мы кинулись въ кабинетъ, и я первая увидѣла и схватила со стола письмо: оно все съежилось, и чернилы расплылись такъ, что многихъ словъ нельзя было прочесть. Едва могла я разобрать нѣкоторыя фразы: «Онъ умеръ безъ долгихъ мученій.... пуля попала ему прямо въ сердце.... онъ былъ бравый малый, но съ его характеромъ, въ его лѣта ему не должно было предоставлять случая къ опасности....» Еще нѣсколько утѣшеній, и дальше мы ничего не разобрали.

Едва успѣла я положить письмо на прежнее мѣсто, возвратился отецъ.... Онъ пошелъ въ залу. Тамъ уже играли.... Замѣтивъ его худобу и блѣдность, маменька спросила: — что̀ съ тобой, Андрей? Не отвѣчая, онъ сѣлъ на диванъ. Маменька продолжала сдавать карты. Онъ тихо сказалъ ей: — я получилъ вчера письмо съ Кавказа.

— Ну, что̀? спросила она, разбирая по мастямъ свою игру.

— Миша, началъ отецъ: — Миша.... раненъ.

Онъ всталъ, чтобъ скрыть волненье.

— Опасно или нѣтъ? быстро спросила маменька.

Отецъ медлилъ отвѣтомъ... Игра пріостановилась. Маменька пристально взглянула на своего мужа и визгливо вскрикнула: «Ахъ!... онъ убитъ!...» Карты выпали изъ ея рукъ, она повалилась на диванъ въ страшныхъ судорогахъ; отецъ подошелъ къ ней. Онъ весь дрожалъ, и я въ первый и послѣдній разъ въ жизни видѣла, какъ слезы ручьями катились по блѣдному лицу моего отца.

ГЛАВА X.

Постукиваніе картъ скоро опять началось въ залѣ....

Узнавъ о смерти внука, дѣдушка плакалъ и упрекалъ, зачѣмъ родители отпустили на Кавказъ такую картину. Бабушка прибѣжала къ намъ въ-попыхахъ, расплаканная, и распрашивала подробно, какъ все случилось. «Ахъ, ты, Боже мой! да лучше бы

ваша старуха бабушка умерла... что моя за жизнь? А я ему десять рублей приготовила: думаю, вотъ прїѣдетъ внукъ офицеръ... вотъ тебѣ и Миша! Ужь нѣтъ ничего хуже, какъ видѣть во снѣ, что зубъ выпалъ!... Я на дняхъ видѣла... ну, думаю, не хорошо!... Пошла на Сѣнную и къ Спасу зашла, поставила свѣчу...» Дяденька равнодушно выслушалъ вѣсть о смерти племянника, онъ только сказалъ: «если бы мнѣ его отдали, я бы его вышколилъ, забылъ бы у меня Кавказъ....» Черезъ нѣсколько времени никто не говорилъ о братѣ. Только я иногда видала во снѣ, будто онъ живъ, и радовалась; мы съ нимъ разговаривали, но вдругъ онъ блѣднѣлъ и прощался со мной говоря: пора въ могилу. Я пристально вглядывалась въ его лицо и видѣла вмѣсто брата безобразнаго мертвеца....

Сестра Соня замѣтно интересовалась Яковомъ Михайлычемъ; разъ мнѣ случилось видѣть ея руку въ его рукѣ. Онъ осыпалъ сестру разными угожденiями, но она обходилась съ нимъ довольно жестоко; часто при немъ восхищалась она какимъ-нибудь офицеромъ, котораго случайно видѣла, и бѣдный Яковъ Михайлычъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Степанида Петровна приставала къ нему съ таинственнымъ вопросомъ: отчего онъ скученъ?... онъ грубыми отвѣтами вымѣщалъ на ней свою злость. Они ссорились.... Случалось, онъ дни по два не появлялся въ дѣтской. Тогда она тихонько плакала. За труды писаря и разсыльнаго, маменька продолжала терпѣть его у себя въ домѣ, не опасаясь за дочерей: онъ былъ дуренъ и бѣденъ.... Но видно есть же всему мѣра: когда, по какимъ-то непрiятностямъ, онъ вышелъ въ отставку, она круто измѣнила съ нимъ обращенiе: онъ уже казался ей слишкомъ ничтоженъ. Героически выносилъ бѣдный Яковъ Михайлычъ ея оскорбленiя: любовь давала ему силу. Наконецъ разъ онъ пришелъ къ намъ изъ залы очень блѣдный и задыхался отъ злости. Степанида Петровна пристала къ нему съ вопросами, онъ молчалъ и скоро ушелъ. На другой вечеръ онъ явился въ гостиную очень печальный и объявилъ, что ѣдетъ въ дальнюю губернiю года на три.

Степанида Петровна растолковала такую жертву въ свое удовольствiе: видно онъ хочетъ поправить свои дѣла, чтобъ жениться! Кажется, оно такъ и было, но только жениться расчитывалъ онъ не на ней. Прощанiе было трогательное; мнѣ было жаль его: онъ не могъ смотрѣть на сестру безъ слезъ....

Я нечаянно слышала ихъ разговоръ.

— Вы меня забудете, Софья Андреевна?

— Отчего я васъ забуду?

— Повторите мнѣ еще разъ: если ворочусь, я найду васъ такой же доброй?...

Степанида Петровна подскочила къ нему съ карандашомъ и просила адресъ.

Онъ отвѣчалъ, что напишетъ первый, а теперь пора ему ѣхать.

— Прощайте, Софья Андреевна, не забывайте.... Волненіе мѣшало ему договорить... Степанида Петровна пристала къ нему съ просьбой чаще писать... Онъ ровно разъ пять принимался прощаться, наконецъ съ отчаяніемъ подошелъ къ Софьѣ, крѣпко и медленно поцаловалъ ея руку и потомъ неожиданно прильнулъ своими блѣдными губами къ ея розовой щекѣ.... Сконфуженная сестра вскрикнула: Яковъ Михайлычъ! Степанида Петровна приготовилась тоже принять прощальный поцалуй, но Яковъ Михайлычъ уже выбѣжалъ изъ дѣтской.... Она разсердилась....

У насъ стало еще скучнѣе: Яковъ Михайлычъ чтеніемъ и новостями сколько-нибудь оживлялъ нашу дѣтскую. Я особенно любила чтеніе и готова была слушать романъ цѣлую ночь....

Спустя мѣсяцъ, мы получили письмо отъ Якова Михайлыча, а на другое утро, когда я шла къ учителю, какой-то незнакомый господинъ подалъ мнѣ еще письмо для передачи сестрѣ, и исчезъ... Сестра приняла письмо безъ всякаго удивленія: видно знала заранѣе, отъ кого оно....

— Соня, это отъ Якова Михайлыча?

— Да, только я боюсь: узнаетъ тетенька, — непремѣнно маменькѣ скажетъ.... Ты завтра отдай письмо назадъ и больше ужь не бери....

— Такъ ты его не любишь, Соня? спросила я съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, онъ выдумалъ, что я выйду за него за-мужъ.

— Отчего ты не хочешь за него выйти? А сама позволяла ему жать свою руку!

— Ну, что́ же? а теперь не хочу, и сдѣлай одолженіе не бери писемъ....

Дѣлать нечего, на другой день я со страхомъ возвратила письмо незнакомому господину, котораго нашла на томъ же мѣ-

стѣ.... Сестра стала ходить чаще въ церковь и говорила о какихъ-то голубыхъ глазахъ, которые тамъ видѣла....

Такъ прошелъ мѣсяцъ.... Разъ иду къ учителю: опять тотъ же господинъ съ письмомъ. Я не брала, но онъ просто сунулъ мнѣ его въ руку и исчезъ.

Сестра разсердилась и приказала мнѣ завтра же возвратить письмо съ небольшой своей запиской, которую она тутъ же написала; я исполнила.

Съ тѣхъ поръ мнѣ уже не случалось видѣть незнакомаго господина.

Яковъ Михайлычъ написалъ къ тетушкѣ, что намѣренъ навсегда остаться на службѣ въ губерніи, и послѣ уже не писалъ.

Я спросила сестру: не жаль ли ей Якова Михайлыча? Она мнѣ отвѣчала, что любила его потому, что другихъ не видала, а теперь ей все равно, да еще и лучше, что онъ тамъ остался.

Степанида Петровна тоже скоро развеселилась; къ тому времени изъ одного казеннаго училища вышла ея младшая сестра. Мы любили ее, она была не очень умна, но недурна собой и добра. Степанидѣ Петровнѣ, потерявшей всякую надежду на собственное замужство, захотѣлось поскорѣй выдать хоть свою сестру, чтобъ переѣхать къ ней жить, да и уколоть племянницъ, ровесницъ ея сестрѣ. За молодой тетенькой сталъ ухаживать сынъ одного важнаго человѣка, который былъ нуженъ маменькѣ, потому она каждый день начала приглашать къ себѣ его сына и молодую тетеньку. Мало-по-малу гостиная наша, прежде почти пустая, сдѣлалась сборищемъ молодыхъ людей, сестеръ моихъ и тетушекъ. Говоръ и хохотъ долетали въ дѣтскую, гдѣ я сидѣла одна....

Я не любила сидѣть въ гостиной. Во мнѣ произошла какая-то перемѣна: безъ всякой причины хотѣлось мнѣ иногда плакать, а иногда вдругъ дѣлалось такъ весело, что я прыгала и бѣгала какъ ребенокъ, хоть мнѣ ужь было шестнадцать лѣтъ.

Случалось, по временамъ просиживала я часа по два у окна безъ всякаго дѣла; я слѣдила за облаками, Богъ знаетъ о чемъ думала, припоминала романы, которые читалъ Яковъ Михайлычъ, воображала себя героиней романа... Мнѣ такъ нравилось такое странное состояніе, что я съ нетерпѣніемъ ждала, когда солнце сядетъ и немного смеркнется. Тогда я брала книгу, са-

дилась къ окну, дѣлала видъ будто урокъ учу, а между тѣмъ забывала и себя и свое положеніе, — все и всѣхъ. Мнѣ чудилось, я тоже подъ облаками, борюсь съ массой тучъ, пробиваюсь сквозь нихъ и съ невѣроятной быстротой лечу по ясному небу. Иногда я находила въ тучахъ сходство съ разными чудовищами, о которыхъ слышала въ сказкахъ. И я радовалась, когда такая враждебная туча встрѣтится съ другой и послѣ долгой борьбы совершенно исчезнетъ. А какъ досадовала я на совершенно темные вечера! Степанида Петровна, ненавидѣвшая меня, замѣтивъ во мнѣ перемѣну, подозрительно спрашивала меня: — Что̀ ты дѣлаешь у окна? развѣ можно теперь что-нибудь видѣть?

— Я хочу такъ сидѣть! зачѣмъ вамъ знать все?

— Ужь не смотришь ли ты на офицеровъ?

Напротивъ насъ жили офицеры, но я не обращала на нихъ вниманія; я считала себя еще ребенкомъ, и притомъ, по увѣренію Степаниды Петровны, не могла никому нравиться. Однакожь ея замѣчаніе раздражило меня. Я отвѣчала рѣзко:

— Еще успѣю насмотрѣться на офицеровъ, а вотъ вамъ такъ ужь и пора прошла!

Взбѣшенная, она твердила мнѣ, что я безобразна и глупа, никто и взглянуть на меня не захочетъ, а ужь выйти за-мужъ нечего мнѣ и думать....

— Да я и не думаю.... А вотъ вы и умнѣй да на васъ никто не женился.... даже и раньше!

Еще больше возненавидѣвъ меня, она начала слѣдить каждый мой шагъ, каждое слово толковать въ дурную сторону и безпрестанно ко мнѣ придираться. Она успѣла вооружить противъ меня и тетеньку Александру Семеновну, насказавъ ей, что я на дорогѣ къ учителю перемигиваюсь съ проѣзжими, и что ей говорила жена учителя, будто я ничего у нихъ не дѣлаю, а только все гляжу въ окна....

Александра Семеновна также начала подсматривать за мной, какъ только я пойду къ окну. Въ досадѣ я оставила свои невинныя наблюденія и садилась къ окну спиной....

— Что̀ ты нейдешь въ гостиную къ сестрамъ, а только сидишь у окна? каждый вечеръ твердила мнѣ Александра Семеновна, когда приходили гости.

— Что̀ я тамъ буду дѣлать? мнѣ съ ними скучно, я не понимаю, что̀ они тамъ говорятъ!

Когда гости расходились, молодая тетенька разсказывала сестрамъ, какъ за ней ухаживалъ сынъ важнаго человѣка. Сестры тоже по секрету шептались. Только Степанидѣ Петровнѣ не о чемъ было разсказывать и шептаться: за ней никто не ухаживалъ....

Разъ мнѣ вздумалось пойти вечеромъ въ гостиную. Тамъ были все обычные гости. Сынъ важнаго человѣка, чтобъ не бросились въ глаза его частыя посѣщенія, познакомилъ маменьку съ тремя молодыми людьми. Одинъ изъ нихъ, Алексѣй Петровичъ, спросилъ меня: — Отчего васъ никогда не видно?

— Я люблю сидѣть одна, отвѣчала я.

— Развѣ вамъ не скучно сидѣть одной? Ну, что́ же вы теперь дѣлаете?

— Я посовѣстилась сказать, что смотрю на облака, и необдуманно отвѣчала:

— Читаю.

— А что́ вы теперь читаете?

Я смѣшалась, и мнѣ стало досадно на свою ложь. Кромѣ всеобщей исторіи, грамматики и географіи, никакихъ книгъ я и въ рукахъ не имѣла.... къ счастію, я вспомнила «Ледяной Домъ», который читалъ сестрѣ Яковъ Михайлычъ....

— Романъ, отвѣчала я.

— Какой?

— Ледяной Домъ.

— Вамъ нравится?

— Очень.

— Не хотите ли я вамъ принесу какой-нибудь романъ Вальтеръ-Скотта?

— Благодарю васъ; я не смѣю: надо спросить у тетеньки.

— Какъ! вы не смѣете прочесть романа безъ позволенія тетеньки!

Алексѣй Петровичъ улыбнулся.

— А который вамъ годъ?

— Семнадцатый.

— Вы любите цвѣты?

— Да, очень люблю.

— Позвольте мнѣ вамъ завтра принести букетъ.

— Ахъ, нѣтъ! надо спросить... но я не договорила, потому-что Алексѣй Петровичъ опять засмѣялся.... Вспыхнувъ отъ

злости, я ушла въ дѣтскую, гдѣ цѣлый часъ бранила его больной тетенькѣ.... Вечеромъ сестра спросила меня: отчего Алексѣй Петровичъ такъ смѣялся, разговаривая со мной?

Степанида Петровна подхватила: — Вѣрно ты сказала ему какую-нибудь глупость? Онъ все спрашивалъ потомъ: отчего ты нейдешь въ гостиную?

— Самъ онъ глупъ, оттого и смѣется такъ много.... я съ нимъ никогда больше не буду говорить.

— Да онъ и самъ не станетъ говорить съ такой дурой, сказала тетенька.

— Ну, видно онъ и васъ считаетъ тоже не очень умной: не сказалъ съ вами ни слова, когда я тамъ была.

— Слышите, какъ заговорила! Видно она слышала, что́ онъ о ней говорилъ.... Да онъ шутилъ, будь увѣрена, шутилъ.... А ты ужь и вообразила, что въ самомъ дѣлѣ ты хорошенькая!

— А васъ и въ шутку никто не называетъ хорошенькой!

На другой день я нарочно вышла въ гостиную показать, что и я, если захочу, умѣю болтать какъ другія... Не знаю, откуда брались у меня слова: я говорила безъ умолку. Степанида Петровна безпрестанно посылала меня спа́ть, говоря, что мнѣ завтра надо рано итти къ учителю.

— А въ которомъ часу вы ходите къ учителю? спросилъ меня Алексѣй Петровичъ.

— Въ девять.

— Я завтра тоже встану въ девять часовъ и пойду къ вашему учителю, — мы вмѣстѣ будемъ брать уроки.

— Пожалуйста не дѣлайте этого, начала я съ испугомъ.... Но вдругъ остановилась, смѣшалась и покраснѣла, замѣтивъ на его губахъ вчерашнюю улыбку. Онъ сказалъ:

— Вы не хотите этого? Ну, прикажите!

— Зачѣмъ я буду вамъ приказывать? Вы сами не поѣдете! Вотъ еслибъ тамъ Соня училась, — дѣло другое!

— Отчего же не для васъ? тихо спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Мнѣ Степанида Петровна сказывала, что вы влюблены въ нее.

— Да, я влюбленъ, только не въ вашу сестрицу, сказалъ Алексѣй Петровичъ еще тише и какъ-то странно посмотрѣлъ на меня.

Вдругъ мы оба замолчали. Глаза Алексѣя Петровича жгли мои смуглыя щоки, я была красна какъ піонъ, дышала съ усиліемъ и въ первый разъ отчего-то не могла смотрѣть прямо ему въ глаза. И волненіе мое съ каждой минутой увеличивалось. Я тихо сказала «прощайте» и убѣжала отъ изумленнаго Алексѣя Петровича.

Съ недѣлю я его не видала, но много думала о нашемъ разговорѣ, припоминала каждое его слово, иногда даже предлагала ему вопросы и сама за него отвѣчала. То мнѣ казалось, что онъ говорилъ со мной серьёзно, то приходила мысль, что онъ шутилъ, и я не рѣшалась итти въ гостиную.

Я смотрѣла на него въ щелку дверей; онъ больше сидѣлъ одинъ, а если говорилъ съ сестрами и тетеньками, то какъ-то нѐхотя.

Я даже слышала какъ онъ спрашивалъ: «А ваша сестрица отчего не выходитъ? здорова ли она?..» Сердце у меня билось... Узнавъ, что я здорова, онъ, казалось мнѣ, хмурился.

Чѣмъ бы я ни занималась, при его имени я невольно останавливалась и вздрагивала....

Разъ на урокѣ я видѣла, какъ онъ проѣхалъ мимо дому учителя и отъ испугу чуть не упала въ обморокъ. Мнѣ представились маменька и Степанида Петровна, которыя спрашиваютъ меня, зачѣмъ онъ проѣхалъ?

Я стала посматривать пристально на себя въ зеркало: иногда мнѣ казалось, что я не такъ дурна и черна, какъ говоритъ Степанида Петровна; то снова находила я себя безобразной и съ досады чуть не плакала....

Наконецъ я рѣшилась выйти въ гостиную. Сердце мое сильно билось и голосъ дрожалъ. Алексѣй Петровичъ очень обрадовался. Онъ сказалъ мнѣ: вы вѣрно на меня сердитесь? простите, я больше не буду ѣздить мимо вашего учителя....

Мнѣ стало легче, я дышала свободнѣе... Я притворилась, что даже и не знаю, проѣзжалъ ли онъ тамъ...

— А не выходила я просто оттого, что не хотѣлось.

— А мнѣ такъ очень хотѣлось васъ видѣть, сказалъ онъ со вздохомъ.

— Зачѣмъ? спросила я краснѣя.

Онъ молчалъ, — видно затруднялся отвѣчать на такой вопросъ.

— Я васъ хотѣлъ видѣть потому, что я люблю ваши глаза!

И онъ пристально посмотрѣлъ на меня.

Я совершенно терялась въ такихъ случаяхъ, но страхъ обмануться, принявъ шутку за серьёзное, на давалъ мнѣ надолго забываться. Я спросила: А глаза Степаниды Петровны вы любите?

— Вы все только шутите!

Онъ разсердился.

Мнѣ стало жаль его, и я разными разсказами старалась развеселить его....

На утро, завидуя, что мнѣ оказываютъ вниманіе, Степанида Петровна пустила такую сплетню, что я опять рѣшилась не говорить съ Алексѣемъ Петровичемъ.

И на слѣдующій вечеръ я точно старалась избѣгать разговора съ нимъ, чѣмъ невольно еще больше заинтересовала его; глаза мои какъ-то особенно блестѣли, и я сама чувствовала въ нихъ какую-то силу. Во время отсутствія Степаниды Петровны, я успѣла разсказать Алексѣю Петровичу мое положеніе, и мнѣ стало легко... Повѣривъ ему свою тайну, я чувствовала, что насъ теперь связываетъ что-то. Къ концу вечера я забыла совсѣмъ свое обѣщаніе и снова говорила съ Алексѣемъ Петровичемъ. Мы стояли у фортепьяно, я перелистывала книгу, и рука моя нечаянно коснулась его руки, онъ удержалъ ее и слегка пожалъ. Я почувствовала, что голова моя закружилась, гостиная исчезла, и я какъ-будто качалась на воздухѣ. Когда я опомнилась, рука моя все еще лежала въ его рукѣ, онъ тихо говорилъ мнѣ:

— Вы любите меня?

Я машинально отвѣчала: — да, сама не зная, чтó говорю.

— Чтó это вы тутъ дѣлаете? раздался голосъ Степаниды Петровны.

Я вздрогнула, Алексѣй Петровичъ смутился и отвѣчалъ сердито: — смотримъ ноты. Она улыбнулась и отошла... Я совершенно потерялась отъ счастія, простилась съ Алексѣемъ Петровичемъ и поскорѣе легла въ постель. Тутъ только я поняла все свое безразсудство. Чтó, если онъ шутитъ надо мной? Положимъ, что онъ меня и точно любитъ, — чтó же дальше.... женится? И мнѣ стала самой смѣшна такая мысль. Алексѣй Петровичъ человѣкъ молодой, довольно богатый, у него много родныхъ, которые вѣрно не допустятъ его жениться на мнѣ: я

бѣдна, дурна собой, какъ говоритъ Степанида Петровна.... да можно ли и полюбить меня?... меня считаютъ дѣвочкой....

Тетеньки, думая что я сплю, разсуждали между собою, что Алексѣй Петровичъ водитъ меня за носъ, и что другой молодой человѣкъ, который ухаживаетъ за старшей сестрой, тоже на ней не женится.

Такое заключеніе очень оскорбило Александру Семеновну. Степанида Петровна объявила, что еще подождетъ немного, а потомъ скажетъ все маменькѣ и тѣмъ прекратитъ посѣщенія молодыхъ людей. Она думала такой мѣрой заставить сына важнаго человѣка поскорѣй просить руку ея сестры.

Долго не могла я заснуть послѣ разговора тетушекъ. Я думала: что̀ мнѣ дѣлать? перестать видѣть Алексѣя Петровича у меня недоставало силы. А маменька? Что̀ будетъ, когда ей наговорятъ на меня? Въ досадѣ она пожалуй изобрѣтетъ какое-нибудь униженіе, которое я должна буду вынести передъ его глазами. Жениться онъ не можетъ, — тетеньки лучше знаютъ. Онѣ говорятъ, что я сама съ нимъ кокетничаю.... я припомнила нѣкоторыя слова свои и взгляды, и мнѣ показалось, что онѣ правы. Тогда я почувствовала муку нестерпимую, тоску и стыдъ.... Что̀ же я должна дѣлать?... бѣжать отъ Алексѣя Петровича, отъ маменьки, отъ тетушекъ.... куда же я побѣгу? меня найдутъ и снова приведутъ къ отцу и раздраженной матери. И мнѣ представились гнѣвныя лица отца и матери, встрѣчающихъ свою дочь-бѣглянку. Мнѣ такъ стало страшно, что я рѣшилась лучше отказаться видѣть Алексѣя Петровича, терпѣть и страдать, чѣмъ заслужить гнѣвъ маменьки. «Я скажу ему, что не люблю его!» и я задумалась. — А почему могу я знать, что я его люблю?... Можетъ быть ничего еще не значитъ, что время безъ него мнѣ кажется длинно, что я не могу ни о чемъ думать, кромѣ его, не хочу ни на кого смотрѣть, кромѣ его?... Напротивъ, заслышавъ его голосъ, я вся встрепенусь, сердце забьется, время быстро мчится, и я такъ добра, что готова подать руку даже своему врагу Степанидѣ Петровнѣ. Мнѣ грустно съ нимъ прощаться, когда я знаю, что завтра не увижу его. Что̀ же будетъ со мной тогда, когда я совсѣмъ не буду его видѣть?..

Я заплакала, обхватила крѣпко подушку и заглушила ею свои рыданія....

ГЛАВА XI.

На другой день я встала съ красными глазами.

— Ужь не объ Алексѣѣ ли Петровичѣ изволили плакать? спросила Степанида Петровна.

— Вамъ что́ за дѣло? оставьте меня въ покоѣ!

И слезы снова блеснули у меня въ глазахъ. Степанида Петровна заговорила жалобнымъ голосомъ: — Бѣдная! вздумала, что онъ женится на ней! Да не женится, хоть каждый день плачь съ утра до ночи, заключила она рѣзкимъ голосомъ, который больше шелъ къ ея лицу.

Послѣ такой мучительной ночи, я не имѣла силъ терпѣливо вынесть ея насмѣшки; схвативъ себя за голову, я прислонилась къ стѣнѣ и зарыдала.... Меня начали бранить, зачѣмъ я плачу такъ громко.

— Хоть бѣжать! проговорила я въ отчаяніи, сама не зная, что́ говорю, и вдругъ меня образумилъ отвратительный, торжествующій смѣхъ Степаниды Петровны.

— Право! шипѣла она: — ай да Наталья! вотъ готовишь сюрпризъ родителямъ!... Ужь не къ Алексѣю ли Петровичу? Впрочемъ ты всегда смотрѣла такой....

При имени Алексѣя Петровича и такихъ оскорбительныхъ подозрѣніяхъ, слезы мои исчезли; я подошла къ ней и, не знаю, откуда брались у меня слова, но я не осталась у ней въ долгу: я знала, сестра ея была въ то время именно въ такомъ положеніи, какое она мнѣ пророчила.

Раздраженная до крайней степени, Степанида Петровна поклялась сказать все маменькѣ. И въ сумерки она отправилась къ ней.

Собиравшаяся гроза, страхъ, можетъ быть, никогда больше не увидѣть Алексѣя Петровича, предчувствіе новаго униженія,— все это внушило мнѣ отважную мысль: я рѣшилась, во что́ бы то ни стало, увидѣться съ Алексѣемъ Петровичемъ, все сказать ему и навсегда съ нимъ проститься.

Я упросила брата Ивана сойти внизъ, подстеречь, когда пріѣдетъ Алексѣй Петровичъ и попросить его подождать тамъ меня.

— Ну, смотри, Наташа, если увидятъ!?...

— Тебя увидятъ, такъ ничего, а если меня, такъ я скорѣй умру, чѣмъ скажу, что ты мнѣ помогалъ.

— А что̀ ты хочешь сказать ему?

Не вдругъ нашлась я отвѣчать брату на его вопросъ.

— Ты пробѣги прямо къ дѣдушкѣ, заключила я, когда онъ согласился на мою просьбу: — я ужь и буду знать, что Алексѣй Петровичъ ждетъ меня.

— Ну, хорошо!

Пришелъ часъ, когда обыкновенно пріѣзжалъ Алексѣй Петровичъ и другіе гости. Я сидѣла какъ на иголкахъ. Вдругъ братъ Иванъ съ шумомъ пробѣжалъ въ комнату къ дѣдушкѣ, — я чуть не выдала себя: такъ хотѣлось мнѣ тотчасъ броситься въ двери; но я удержалась, встала спокойно и не торопясь вышла въ сѣни. Тамъ стрѣлой сбѣжала я съ лѣстницы, чуть не сбила съ ногъ Алексѣя Петровича, который дрожалъ отъ холоду, и очень испугалась при мысли, не наткнулась ли я на кого другого.

— Ахъ, какъ вы меня испугали!

— Что̀ съ вами? успокойтесь! я все знаю: мнѣ братъ вашъ успѣлъ разсказать....

Я еще больше испугалась, подумавъ, не разсказалъ ли ему братъ нашихъ ссоръ съ тетушкой.

— Ахъ, что̀ онъ сдѣлалъ! Вы не слушайте его: онъ любитъ болтать!

— Нѣтъ, я все знаю и прошу васъ не тревожиться....

Онъ взялъ мою руку.

— Отчего вы дрожите? Боже мой! вы въ одномъ платьѣ! вы простудитесь!

Онъ хотѣлъ прикрыть меня своей шинелью. Я быстро отскочила.

— Нѣтъ, мнѣ тепло. Я вамъ должна скорѣй все сказать. Маменька знаетъ все, ей....

Алексѣй Петровичъ перебилъ меня.

— Повторяю вамъ, я также все знаю и — не бойтесь!

Потомъ онъ продолжалъ голосомъ, который мнѣ показался торжественнымъ: — Вы должны будете сказать мнѣ откровенно: любите ли вы меня?

Алексѣй Петровичъ взялъ мою руку и притянулъ меня къ себѣ. Кровь у меня хлынула къ головѣ, и я сказала:

— Да, я люблю васъ.

— Очень?

Я спохватилась и отвѣчала ему:

— Вамъ хочется это знать, чтобъ смѣяться надо мною?...

— Что̀ это значитъ? сказалъ удивленный Алексѣй Петровичъ и выпустилъ мою руку изъ своей.

— Степанида Петровна увѣряетъ меня.....

Алексѣй Петровичъ разсердился; онъ плотно закутался въ шинель, потомъ совсѣмъ раскрылся, какъ-будто ему стало жарко, и сказалъ мнѣ:

— Хорошо! я сегодня же докажу вамъ, какъ я смѣюсь надъ вами, а вамъ стыдно вѣрить всѣмъ.

Мнѣ всегда было весело, когда онъ сердился; мнѣ казалось тогда, что онъ меня любитъ, и теперь сама не знаю какъ, но я много говорила ему, что очень люблю его. Онъ просилъ позволенія поцаловать меня, но я твердо отказалась. Онъ сказалъ:

— Вѣдь вы завтра поцалуете же меня какъ жениха?

— Какъ жениха! Вы развѣ хотите жениться?...

— Не сами ли вы сказали, что любите меня?

Когда Алексѣй Петровичъ тихо говорилъ со мной, я сама не знала, что̀ дѣлала, я была совершенно въ его власти. Не знаю какъ случилось, но я почувствовала его жаркое дыханіе, и его горячія губы прикоснулись къ моей щекѣ. Я не противилась; на глазахъ моихъ навертывались слезы; я вся горѣла, но мнѣ было хорошо. Вдругъ раздался голосъ на лѣстницѣ: — Наташа! и братъ уже стоялъ передъ нами.

— Бѣги скорѣй! тебя ищутъ!

Съ испугу я все забыла и, схвативъ брата за руку, хотѣла тотчасъ бѣжать, но Алексѣй Петровичъ удержалъ меня.

— Погодите, сказалъ онъ жалобно.

— Я боюсь: меня тетенька ищетъ.

— Ну, такъ до завтра; не забудьте вашихъ словъ. А я теперь пойду говорить съ вашей маменькой.

— Ахъ, нѣтъ, погодите! могутъ догадаться; лучше вы черезъ часъ пріѣзжайте!

— Хорошо, прощайте!

И Алексѣй Петровичъ поцаловалъ мою руку. Дрожь пробѣжала по мнѣ, и какое-то особенное чувство овладѣло мной: въ первый разъ цаловали у меня руку, будто то былъ знакъ, что̀ я уже не дѣвочка.... Проходя прихожую, гдѣ вѣчно лежала соба-

ка, привязанная на цѣпи, я думала: вотъ злая собака сейчасъ своимъ лаемъ извѣститъ всѣхъ, гдѣ я была; но она свернувшись дремала и только при моемъ появленіи приподняла и тотчасъ закрыла опять свои заспанные глаза да стукнула раза два хвостомъ въ знакъ привѣтствія. Я вошла въ дѣтскую; мнѣ казалось, что на моей щекѣ губы Алексѣя Петровича оставили огненный знакъ; я закрыла щеку рукой, но и на рукѣ мерещился мнѣ тотъ же знакъ, — я совершенно смѣшалась. Но безпокойство мое было напрасно: отсутствія моего не замѣтили....

Ровно черезъ часъ собака залилась лаемъ. Степанида Петровна радостно заглянула въ прихожую и съ торжественной улыбкой сказала:

— А вотъ и Алексѣй Петровичъ.

Но, встрѣтивъ мой взглядъ, полный гордости и презрѣнія, она смутилась и поспѣшно отвернулась....

Я сѣла въ уголъ и рѣшительно не сводила съ нея глазъ: она какъ-то странно конфузилась, вертѣлась на своемъ стулѣ, наконецъ перемѣнила мѣсто: казалось, мои глаза какъ огонь жгли ея совѣсть.... Наконецъ она не выдержала и сердито спросила:

— Что ты вытаращила глаза?

— Я стараюсь прочесть въ вашихъ глазахъ сколько вы сегодня лжи и доносовъ сдѣлали маменькѣ.

— Ахъ Боже мой! что съ тобой? да ты такъ дерзко смотришь! Ну, погоди, завтра тебѣ будетъ за все.

— Посмотримъ! сказала я такъ выразительно, что тетушка поблѣднѣла и превратилась вся въ удивленіе....

Гости разошлись, но Алексѣй Петровичъ еще остался....

Я легла спать въ страшномъ волненіи, въ первый разъ чувствуя какое-то достоинство: меня любятъ, я выйду за-мужъ больше никакой мысли не могла я связать въ головѣ.... Утромъ я стала, по обыкновенію, сбираться къ учителю, но маменькина горничная съ улыбкой сказала мнѣ: «Барышня, маменька не приказала вамъ сегодня ходить къ учителю.... поздравляю васъ, барышня!...» прибавила она значительно.

— Съ чѣмъ? спросила я, невольно вздрогнувъ.

— Полноте, барышня! я вѣдь слышала, какъ Алексѣй Петровичъ разговаривалъ съ маменькой; вы теперь невѣста.... такъ подарите мнѣ старый салопъ.

Степанида Петровна еще лежала въ постели и, казалось, спала, мы говорили тихо, — но при словѣ невѣста она вскочила; съ испугомъ осмотрѣлась кругомъ и дико закричала:

— Кто? какая невѣста?

Я знàкомъ просила горничную молчать.

Тетушка взволновалась. Я начала смотрѣть на нее по вчерашнему.

— Чтó же ты нейдешь? ужь половина десятаго, сказала она съ безпокойствомъ.

— Не хочу, отвѣчала я презрительно.

Она все замѣтнѣй терялась, но когда Александра Семеновна радостно поздравила меня, какъ невѣсту, Степанида Петровна задрожала и рухнулась на стулъ.... ноги ей измѣнили.... она закрыла лицо руками и заплакала.

Вдругъ всѣ зауетились въ дѣтской, глухой шумъ пролетѣлъ всюду: «маменька идетъ! маменька!..» Еще въ прихожей слышались твердые шаги, — маменька величественно вошла въ дѣтскую.

Я поцаловала ея руку и возвратилась на свое мѣсто.... Маменька начала такъ: — «Очень хорошо! такъ-то вы себя ведете? я все знаю....» Тутъ она склонила голову на сторону, отчего во всей ея фигурѣ еще рѣзче выразилось чувство материнской гордости, и продолжала: — «ваше счастіе, что вы имѣете такого отца и такую мать.... вы думаете, чтò онъ женится за ваше лицо? нѣтъ, изъ уваженія къ вашему отцу и матери...» И перемѣнивъ величавый тонъ на простой и снисходительный, она заключила:

— Отчего ты не сказала мнѣ, что онъ хочетъ жениться на тебѣ? а?

— Оттого, что я васъ совсѣмъ не видала....

Маменька, не много смущенная смѣлымъ моимъ отвѣтомъ, трагически сказала: — Хорошо! теперь все кончено! желаю, чтобъ вы жили также, какъ вашъ отецъ съ матерью.

У меня невольно вырвалось: «не дай Богъ!...» Замѣтивъ только движеніе моихъ губъ, маменька сердито спросила: — Чтó?..

Я молчала. Видя въ своей дочери такое равнодушіе, она поспѣшила покончить сцену, обѣщавшую ей гораздо больше эффекту....

— Ну, поздравляю — и вотъ тебѣ мое благословеніе! Она сдѣлала крестъ на воздухѣ и выразительно протянула мнѣ

руку.... Но не знаю, что-то удерживало меня поцаловать ее.... Напрасно Александра Семеновна тихонько дѣлала мнѣ умоляющіе знаки: какое-то новое, странное чувство говорило во мнѣ все громче и громче, и я не двигалась... Наконецъ, маменька, оскорбленная, прижала отвергнутую и усталую руку къ груди, съ презрѣніемъ осмотрѣла меня съ ногъ до головы и быстро пошла изъ дѣтской, сосредоточивъ въ своей походкѣ весь остатокъ величія....

Сестры и братья радовались моей смѣлости, Александра Семеновна бранила меня и охала. Степанида Петровна сидѣла какъ убитая съ поникшей головой; коса ея была распущена, она держала въ рукахъ гребенку и безсмысленно смотрѣла на нее; только изрѣдка ея взглядъ падалъ на меня... Наконецъ она наскоро одѣлась и ушла съ чрезвычайной поспѣшностію....

Вечеромъ, когда пріѣхалъ Алексѣй Петровичъ, папенька привелъ его въ дѣтскую и сказалъ: — Вотъ вамъ и женихъ!

И больше ничего....

Сватовство происходило очень оригинально, какъ разсказалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ. Въ первую минуту маменька не могла скрыть удивленія, что онъ женится на мнѣ, и поправилась такъ: «впрочемъ вы не смотрите на нее, — если ее пріодѣть, она будетъ очень не дурна....» Онъ просилъ её до времени держать его предложеніе втайнѣ, она обѣщала, но въ тотъ же день поѣхала разсказывать своимъ знакомымъ, что вотъ какимъ они пользуются уваженіемъ: на дочери ихъ женится богатый человѣкъ, дворянинъ, да ужь и у другой дочери есть женихъ, хоть не такъ богатъ, но зато ума и учености необыкновенной....

А на другой день, когда Александра Семеновна чесала ей голову, она говорила ей: «Да что̀ она думаетъ о себѣ! развѣ я не имѣю надъ ними власти? я мать! хоть я и жена музыканта, а и смотрѣть не хочу на Алексѣя Петровича, даромъ-что онъ дворянинъ. Да еще, посмотримъ, правду ли онъ говоритъ: можетъ просто деревнишка въ пять голодныхъ душъ...» Тутъ она заливалась смѣхомъ. «Пожалуй дворянки-то наши придутъ опять къ отцу, къ матери за кускомъ хлѣба.... Только скажите имъ, что выгоню вонъ.... ничего не дождутся!» И она такъ горячилась, какъ-будто ея дочери уже стояли передъ ней въ рубищѣ, окруженныя кучей голодныхъ дѣтей, съ протянутыми руками...

Дѣдушка не выпускалъ изъ рукъ календаря, читая всѣмъ нравы, наклонности и будущую судьбу моего жениха....

Бабушка съ радости выпила лишнюю чарку.

Дяденька въ первый разъ поцаловалъ меня въ лобъ и сказалъ: — Поздравляю тебя, мамзель На-та-лі-я!

Степанида Петровна не возвратилась домой; она осталась у бабушки и написала маменькѣ письмо, наполненное упреками за сближеніе ея сестры съ сыномъ важнаго человѣка, за тиранское обхожденіе съ ней самой и за многое другое....

Гнѣвъ маменьки обрушился на бабушку....

Наконецъ и сестра Софья сдѣлалась невѣстой. Маменька объявила, что ей не-из-чего давать намъ приданое, и мы стали думать о немъ сами. Когда Алексѣй Петровичъ дѣлалъ мнѣ подарокъ, маменька приходила въ дѣтскую и ласково говорила тетенькѣ:

— Посмотрите, кокой мнѣ подарокъ сдѣлалъ Кирило Кирилычъ: — да-съ, не дворянскій подарокъ: онъ только триста рублей стоитъ.... Наконецъ разъ она призвала насъ и торжественно вручила намъ по триста рублей самыми мелкими ассигнаціями, такъ-что пачки казались довольно велики, и по старому шолковому платью; я не хотѣла брать, но побоялась новой сцены....

Братъ Иванъ успѣлъ наговорить дѣдушкѣ о нашихъ женихахъ Богъ знаетъ какихъ чудесъ. И старикъ вечеромъ, когда тетенька разливала чай, садился къ ней и начиналъ говорить:

— Сидишь себѣ, ничего не знаешь, а вѣдь какъ подумаешь, нынче не то, что́ прежде: бывало генералъ старый, а нынче едва борода покажется, ужь и генералъ!

— О какомъ генералѣ вы говорите, Петръ Акимычъ?

— Ну, разумѣется, о какомъ! посмотришь, такой худой....

Дѣдушка считалъ моего жениха генераломъ....

ГЛАВА XII.

Между тѣмъ дяденька почти жилъ у насъ: такъ завладѣли имъ карты.

Разъ прибѣжала къ намъ бабушка впопыхахъ. — Здравствуйте, мои голубчики! что́ мнѣ дѣлать съ Семеномъ? Онъ все

ловитъ какую-то крысу! Легъ спать да къ ряду двои сутки и проспалъ; ничего не ѣстъ, не пьетъ, а глаза большіе, большіе... А все проклятыя карты, Наташа! Мѣсяцъ тому онъ проигрался, — вынулъ ламбардный билетъ, слышу: все деньги считаетъ, а потомъ я ужь ихъ не видала.... Господи! право, наказанье! Страшно домой итти. Говоритъ: маменька, посмотрите, крыса бѣжитъ, а ей Богу, Наташа, никакой крысы нѣтъ.... Крадется за ней, ловитъ ее, — все вверхъ дномъ перевернетъ, да еще бранится: вы, говоритъ, мѣшаете мнѣ поймать ее, вы ими, говоритъ, меня кормите, оттого я ничего и не ѣмъ.... Каково? вѣдь онъ просто рехнулся! Сначала я думала шутитъ, да онъ такъ дико смотритъ, что морозъ по кожѣ пробѣгаетъ!...

Мы упросили бабушку остаться у насъ обѣдать.

Вечеромъ въ прихожей собака вдругъ страшно залаяла.... Вбѣгаю — и вижу дяденьку. Онъ сбросилъ съ вѣшалки чужія шубы и сдѣлалъ изъ нихъ посреди комнаты гору, а свою шубу старательно растянулъ по всей вѣшалкѣ. Собака горячо вступилась за шубы, ввѣренныя ея присмотру, — дяденька попробовалъ унять ее лаской, вѣжливо попросилъ у ней лапу. — но она, шипя и задыхаясь, становилась на заднія лапы и почти висла на ошейникѣ... Я приласкала ее, она замотала хвостомъ, но все еще глухо ворчала, бросая дикіе взгляды на дяденьку.

— Не подходите къ Трезору, дяденька! онъ васъ укуситъ!

— Ничего, не бойся, мамзель Наталія. Ужь меня и такъ крыса укусила за палецъ. Такъ больно! И дяденька страшно измѣнился въ лицѣ, а потомъ улыбнулся. — «Ну, да я ее!» Онъ подмигнулъ мнѣ глазомъ и дико засмѣялся: — Теперь не будетъ кусаться!

— Дяденька, не стойте здѣсь; пойдемте въ дѣтскую.

— Нѣтъ, я пойду въ залу. Понизивъ голосъ, онъ таинственно спросилъ меня: — А что́, играютъ въ карты?

— Играютъ, дяденька.

— Гм! и онъ нерѣшительно пошелъ въ залу. Я стала у дверей и слѣдила за нимъ....

Въ залѣ играли въ бостонъ маменька, Кирило Кирилычъ и папенька. Ни съ кѣмъ не здороваясь, дяденька сѣлъ у стола. Онъ внимательно слѣдилъ за игрой и заливался дикимъ смѣхомъ, если кто ошибался. Сдали новую игру. Кирило Кирилычъ объявилъ игру, сдѣлалъ ошибку и проигралъ.... Дяденька про-

тянулся черезъ столъ, спокойно прицѣлился и далъ ему щелчка въ лобъ, крикнувъ : «дуракъ! вѣдь дама-то ужь вышла!»

И онъ раскрылъ взятку и пристально смотрѣлъ на роковую даму.... Кирило Кирилычъ въ остолбенѣніи смотрѣлъ на своего обидчика.... Тотъ молчалъ, но глаза его, все еще устремленные на даму, сдѣлались необыкновенно велики. Наконецъ онъ первый прервалъ молчаніе, заговоривъ о крысахъ, которыя украли у него деньги.

— Что̀ ты, Семенъ? здоровъ ли ты? спросила встревоженная маменька.

— Ха, ха, ха! я боленъ! Нѣтъ-съ, извините! Я хочу сбыть старые грѣхи.... У всѣхъ, у всѣхъ буду прощенья просить.... Такъ ужь надо.... не правда ли?....

Послѣдній вопросъ относился къ Кирилѣ Кирилычу. Не дождавшись отвѣта, дядюшка пошелъ въ прихожую.

Здѣсь онъ опять вздумалъ приласкаться къ Трезору; тотъ разорвалъ ему полу.

— Тьфу ты пропасть! его ласкаешь, а онъ кусается! А дома батюшка?

— Дома.

— Позовите его, я хочу съ нимъ поговорить.

Дѣдушка явился удивленный.

— Здравствуй, Семенъ! зачѣмъ тебѣ нуженъ отецъ, котораго ты....

— Здравствуйте, батюшка, перебилъ его сынъ ласково.

И дѣдушка забылъ свои жалобы.

— Простите меня, батюшка!

И сынъ бухнулся въ ноги своему отцу, который въ испугѣ отскочилъ и странно посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, будто спрашивалъ объясненія такому невѣроятному событію....

Дяденька всталъ, слезы текли по его блѣднымъ щекамъ; робко подошелъ онъ къ отцу.

— Вы простили меня, батюшка?

— Богъ съ тобой, Семенъ.

И дѣдушка махалъ своими длинными руками, которыя чуть не касались потолка, и отиралъ рукавомъ слезы.

— Дайте вашу руку, батюшка.

— Что̀ ты, Семенъ, зачѣмъ тебѣ?

И дѣдушка пятился отъ него.

— Дайте руку сыну! сказалъ трогательно дяденька.

Отецъ невольно повиновался. Сынъ благоговѣйно приложился къ его рукѣ и съ какой-то напыщенной торжественностію вышелъ изъ дѣтской.

Мы были поражены чувствительностію дяденьки, а дѣдушка не вѣрилъ своему счастію. Языкъ его пришелъ въ невѣроятное движеніе.

Дня черезъ четыре дядюшка окончательно помѣшался. Онъ прибѣжалъ въ дѣтскую безъ фуражки; его лицо посинѣло, голосъ ослабъ....

— Спасите меня, ради Бога, спасите! меня крысы заѣдятъ, даже по улицѣ за мной гнались....

Рыданіе помѣшало ему договорить.

Мнѣ стало жаль его.... Гдѣ тотъ грозный дяденька, который никого, ничего не боялся? Онъ дрожитъ и плачетъ какъ нѣкогда дрожалъ и плакалъ передъ нимъ его бѣдный племянникъ!

— Дяденька, не плачьте! останьтесь у насъ, сказала я ему.

Дяденька приподнялъ голову, посмотрѣлъ на меня ласково и тихо сказалъ: — Хорошо, Наташа, я останусь... Но вдругъ онъ вздохнулъ и съ испугомъ спросилъ: — А мать! а мать ваша?... а Кирила Кирилычъ?...

На другой день его обманомъ отвезли въ сумасшедшій домъ. Не скоро съ нимъ сладили. Папенька предложилъ ему ѣхать на охоту, онъ согласился. Въ охотничьемъ платьѣ, въ огромныхъ сапогахъ, онъ невольно разсмѣшилъ насъ....

— Прощайте, говорилъ онъ самодовольно, расхаживая по комнатѣ: — ѣду на охоту! ужь задамъ я Трезору. Жаль, не даютъ ружья: я бы попробовалъ убить хоть одну крысу.

Онъ скоро умеръ.

Дѣдушка не хотѣлъ вѣрить, что его сынъ помѣшался.

— Что̀ вы меня увѣряете! Онъ недавно цаловалъ у меня руку!

— Ужь онъ тогда помѣшался.

— Вздоръ, не вѣрю! говоритъ: «простите, батюшка». Развѣ такъ говорятъ сумасшедшіе?... даже въ ноги поклонился.... нѣтъ, вы меня не дурачьте!

Меня сильно потрясло сумасшествіе дяди. Я забыла даже свою скорую сватьбу, но маменька напомнила мнѣ о ней упре-

ками за неисполненіе разныхъ обычаевъ: зачѣмъ я не надѣваю обручальнаго кольца, не шью себѣ подвѣнечнаго платья атласнаго? Она ставила мнѣ въ примѣръ сестру Софью, которая строго исполняла всѣ обычаи....

Накануне свадьбы, когда мы укладывали чемоданъ, чтобъ завтра ѣхать прямо изъ церкви въ деревню, явилась въ дѣтскую маменька, снова благословила меня, прослезилась и напечатлѣла на моемъ челѣ прощальный поцалуй....

Въ день свадьбы я одѣлась очень просто — въ бѣлое кисейное платье съ высокимъ лифомъ; голову причесала гладко; ни одной ленточки, никакого галантерейнаго украшенія не было на мнѣ. Тетенька пришла въ ужасъ.

— Ахъ, Боже мой! да Алексѣю Петровичу будетъ стыдно вѣнчаться съ такой невѣстой. Ну, пожалуйста, надѣнь хоть мои бирюзовыя серьги!

Но я не надѣла.

Пробило двѣнадцать. Я вышла въ залу, гдѣ мать и отецъ ожидали меня съ образомъ, хлѣбомъ и солью. Дѣдушка надѣлъ свое парадное платье: бѣлую косынку, скрывшую его вѣчный галстухъ, канареечнаго цвѣту жилетъ, синій фракъ съ золотыми пуговицами, талія котораго приходилась на крыльцахъ, а фалды висѣли до пятъ. Сзади головы дѣдушки не было видно за воротникомъ фрака; онъ не могъ поворачивать ее, и по сторонамъ ничего не видалъ, точно лошадь съ шорами. Демикатоновыя розовыя очень узкія панталоны обрисовывали его тощія, безконечно длинныя ноги; на немъ были сапоги со скрыпомъ, такъ-что когда онъ ходилъ, казалось, будто онъ игралъ на гармоникѣ....

— Гдѣ же гости? спросилъ онъ съ неописаннымъ удивленіемъ.

— Никого не будетъ, сказали ему.

Дѣдушка просто обидѣлся.

Но взамѣнъ гостей, зала скоро наполнилась домашними, которые пришли посмотрѣть, какъ меня отпустятъ къ вѣнцу. Даже Трезоръ, пользуясь суматохой, съ веревкой на шеѣ, тихонько забрался подъ столъ, откуда съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ за всей церемоніей....

Меня стали благословлять. По приказанію тетушки, я цаловала образъ и клала земные поклоны.... потомъ началось прощанье....

— Прощай, желаю тебѣ счастья! сказалъ отецъ, съ увѣренностію и спокойствіемъ, передавая свою дочь на всю жизнь человѣку, котораго зналъ только по имени.... Зато маменька разыграла сцену трагическую....

Тетенька такъ плакала, что у меня самой брызнули слезы. Она насъ любила; я тоже въ ту минуту почувствовала, что люблю ее....

Ваня, растроганный нашими слезами, шепнулъ мнѣ:

— Что̀ теперь сама плачешь, Наташа?...

Я отерла свои слезы.

— Прощай, Наташа! говорила бабушка, которая съ горя немножко ужь выпила: — обними свою бабушку!

Я обняла ее, но, прощаясь съ ней, не чувствовала особенной горести.

— Прощайте, дѣдушка!

— Прощай, Наташа! не забывай: въ сентябрѣ ему будетъ счастіе во всемъ, — октябрь для него не хорошъ, — февраль...

— Хорошо, хорошо, дѣдушка; прощайте!

— Нѣтъ, ты выслушай: въ февралѣ можетъ дѣлать покупки, продажу....

— Полно, Петръ Акимычъ! вотъ, съ глупостями присталъ! крикнула на него бабушка.

Онъ съ гнѣвомъ кинулся къ ней.

— Что̀! небось не нравится? а все съ досады, зачѣмъ правду тамъ сказано: мотовка, сварлива, болтлива!...

И онъ пропѣлъ женѣ своей всю старую пѣсню....

А я въ то время прощалась съ сестрами и братьями. Сердце у меня сжалось.... Всего тяжелѣй было мнѣ разставаться съ Ваней: не знаю почему, мы всегда съ нимъ дѣлили горе, хоть онъ былъ гораздо моложе меня....

— Ваня, не шали.

— Теперь можно: дяденьки нѣтъ!

— Ну, прощай.

И я опять поцаловала его.

— Наташа, поцалуй еще разъ Лизу!

И братъ приподнялъ ее до меня, я исполнила его желаніе.... Отецъ въ шубѣ показался въ дверяхъ:

— Пора, опоздаемъ!

Зарыдавъ, я еще разъ перецаловала всѣхъ и выбѣжала въ прихожую; всѣ хотѣли послѣдовать за мной, но отецъ запретилъ, опасаясь, что новыя прощанья долго насъ задержатъ.... Дѣдушка махалъ своими длинными руками и кричалъ мнѣ вслѣдъ: — Помни же, Наташа, октябрь мѣсяцъ и мартъ тоже....

Трезоръ, съ веревкой на шеѣ, одинъ проводилъ меня до кареты.

— Прощай, Трезоръ!

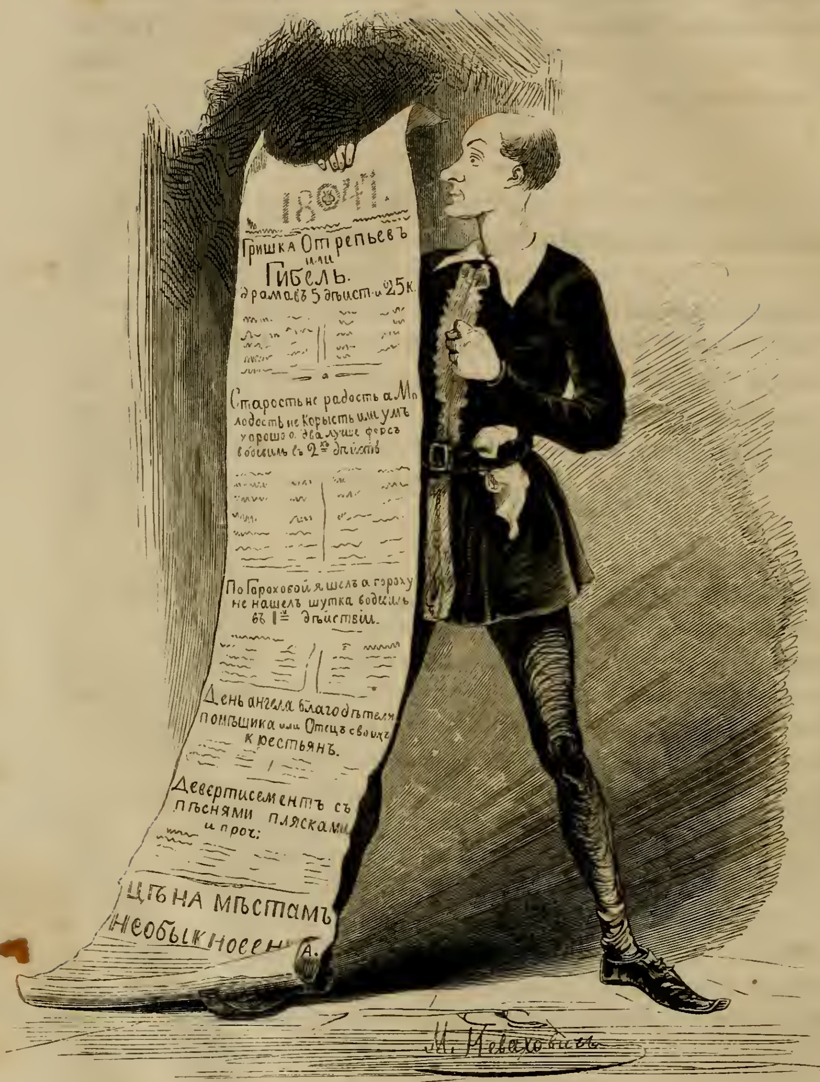
Въ отвѣтъ онъ ласково замахалъ мнѣ хвостомъ....

— Прощайте, барышня, сказалъ Лука, подсаживая меня: — желаю вамъ всякаго благополучія....

Сѣлъ и отецъ; дверцы захлопнулись.... Когда карета поѣхала, я въ послѣдній разъ взглянула на домъ, гдѣ столько я плакала: окна были усѣяны головами, дѣдушка все продолжалъ махать мнѣ.... Всѣ мнѣ кланялись, я тоже кланялась.... Но скоро все исчезло, только Трезоръ, съ веревкой на шеѣ, уныло сидѣлъ на крыльцѣ, провожая глазами карету....

Здѣсь кончается рукопись, случайно попавшая въ мои руки. Что сдѣлалось съ ея дѣйствующими лицами, я не знаю. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ героиня называетъ себя старухой. Изъ этого видно, что событія, описываемыя ею, не относятся къ настоящему времени. Въ самомъ дѣлѣ, многимъ событіямъ ея дѣтства теперь просто не повѣрятъ. Во всякомъ случаѣ, если онѣ своимъ рѣзкимъ изображеніемъ всего грубаго и безнравственнаго, что можетъ быть въ домашнемъ воспитаніи, при безпечности и дурныхъ нравахъ родителей, — заставятъ оглянуться на самихъ себя и устыдятъ тѣхъ, кто сколько-нибудь виноватъ подобнымъ образомъ передъ своими дѣтьми и передъ обществомъ, — то это, я думаю, можетъ служить достаточной причиной, почему я ихъ печатаю.

Н. СТАНИЦКІЙ.

Остроумный бенефиціантъ.

ЛОЛА МОНТЕСЪ.

ПОВѢСТЬ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Наконецъ это нестерпимо, несносно, это Богъ знаетъ чѣмъ кончится! Я похудѣю, сдѣлаюсь дурна, могу умереть отъ одной только досады! На то ли папа́ и маменька воспитывали меня, баловали меня, ухаживали за мной, чтобъ теперь имъ же меня мучить, имъ же злить меня, не давать мнѣ ни одной минутъ отдыху! Брань и слезы, слезы и брань, крикъ и упрашиванья.... все это повторяется каждый день, безконечное число разъ. Жизнь моя стала хуже всякой каторги, я до такой степени перемѣнилась за это время, сдѣлалась такъ зла и такъ вспыльчива, что сама себя пугаюсь.... Одно меня поддерживаетъ: не я виновата, если характеръ мой портится, виноваты другіе....

Чтобъ совѣтывать мнѣ, напередъ надобно побывать на моемъ мѣстѣ, въ моемъ положеніи, — перетерпѣть все то, что̀ терплю я каждый день, начиная съ утра. Чуть просыпаюсь я, уже у моей кровати стоитъ дюжина букетовъ, преогромныхъ, пребезвкусныхъ, предорогихъ. Запахъ отъ нихъ на всю комнату, коли ихъ тотчасъ не вынести, голова мигомъ заболитъ. Я обыкновенно кидаю ихъ за окошко, топчу, закидываю на печь, — все еще ихъ много остается. Эти букеты съ утра начинаютъ портить мнѣ кровь: съ утра начинаю я думать о ихъ хозяинѣ, о моемъ скверномъ женихѣ.

За чаемъ ждетъ меня мама́. Она не цалуется со мной, а только чуть-чуть дотрогивается до моего лица губами, не раскрывая рта. При всякомъ удобномъ случаѣ она вздыхаетъ, отираетъ слезы. Говорить съ нею нѣтъ ни малѣйшей возможности. Начну ли я «какъ вы спали, мама́?» она отвѣтитъ съ упрекомъ: «мнѣ спать? мнѣ? когда я сплю?» и при этомъ горько засмѣется. Прошусь ли я гулять, она от-

вѣчаетъ, что ей стыдно показывать людямъ такую непокорную дочь. Что̀ будешь дѣлать въ этомъ случаѣ? Сперва упреки ея сильно меня огорчали, потомъ замѣтила я, что они постоянно одни и тѣже, а замѣтивши это, я уже мало-по-малу стала раздражаться при этихъ упрекахъ.

Два дня тому назадъ я взяла у мама́ обѣ руки, стала цаловать ихъ, плакала, просила ее заступиться за меня. Сперва она будто бы и приняла во мнѣ участіе, погладила меня по головѣ, обняла меня, а потомъ и сказала: «Полно же дурачиться, душенька, дай же отвѣтъ генералу, пора ужь и свадьбу играть». Вотъ оно, участіе-то!

А папа́ сердитъ меня еще хуже. Въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ его шагѣ замѣтно, что онъ играетъ со мною комедію. Всякой разъ, увидя меня, подбѣгаетъ онъ ко мнѣ съ бранью, представляетъ изъ себя изступленнаго, раздраженнаго отца. Въ самую критическую минуту является маменька, бросается между нами, упрашиваетъ за меня, ручается, что я перемѣню мои мысли, что я скоро дамъ удовлетворительный отвѣтъ, что я уже начинаю любить генерала. Отецъ понемногу утихаетъ и начинаетъ величественно на меня поглядывать.

Такая сцена потрясла меня въ первый разъ, но посуди сама, ни одинъ день не проходитъ безъ повторенія ея, и въ самомъ повтореніи такъ мало измѣненій! Я заранѣе могу угадать слова, которыя мнѣ скажетъ папа́, расчитать минуту, въ которую выбѣжитъ маменька и начнетъ за меня заступаться. И теперь уже я не дрожу при этомъ случаѣ, — я раздражаюсь, я злюсь.... я почти ненавижу моихъ родителей.

Я многаго надѣялась отъ твоего письма; его принесли мнѣ *разпечатаннымъ* (что̀ ты объ этомъ скажешь?); но руку твою я узнала. Я думала: Ольгѣ двадцать лѣтъ, она неохотою шла за-мужъ, мы росли вмѣстѣ, вѣрно она скажетъ мнѣ что-нибудь умное. А знаешь ли, что̀ я сдѣлала съ твоимъ письмомъ, прочитавши его? Я разщипала его на мелкіе клочки, бросила на полъ, потомъ подняла эти клочки, снова разщипала ихъ, разбросала ихъ по всей комнатѣ. Я не помнила себя отъ досады.

Откуда набралась ты такой старой, такой холодной, такой нестерпимой морали? Не могла же ты столько испытать въ этотъ годъ, чтобъ съ убѣжденіемъ проповѣдывать сухія истины, надъ которыми сами мы такъ еще недавно подсмѣивались. Я просила у тебя одного участія, для участія не надобно большой опытности, а ты захотѣла читать мнѣ наставленія, сама ничего не зная. Оттого-то ты и противорѣчишь себѣ на всякомъ шагу. Отъ стариковской морали человѣкъ только зѣваетъ, отъ морали молодого человѣка можно разозлиться....

И мало того, ты хочешь еще трунить надо мною, дразнить меня, въ своемъ письмѣ безпрестанно повторяешь: «Лола Монтесъ! недаромъ прозвали тебя Лолой Монтесъ!» — Далась тебѣ эта Лола Монтесъ! За что вы меня прозвали этимъ именемъ? Я родилась кроткою и тихою дѣвочкою, вы сами меня избаловали, сами любовались моими причудами и капризами, — а когда я выросла, чтожь вы со мной дѣлаете? Ты читаешь мнѣ мораль, а родители награждаютъ меня старымъ женихомъ, не спросясь моего согласія!

Замѣть, другъ мой, какъ неловко ты промахнулась въ своемъ письмѣ, и постарайся впередъ не читать никому наставленій, не узнавши напередъ дѣла. Ты расхваливаешь моего жениха, Красносельскаго, пишешь, что онъ и красавецъ, и богачь, и умная голова. А я знаю навѣрное, что ты никогда и не слыхала о немъ, не только видѣла его. А еслибъ ты увидала его красное, гордое, самодовольное лицо, его крутую, выпученную грудь, его поднятые кверху плечи, ты бы вѣрно не то заговорила. Въ немъ все гадко, я видѣть его не могу, даже запахъ духовъ, которыми онъ прыскается, этотъ нестерпимый паччули, разстроиваетъ мои нервы, выводитъ меня изъ терпѣнія! Ты толкуешь, что онъ добръ: папа́ служитъ у него подъ начальствомъ, и я помню, какъ дурно онъ о немъ говорилъ, пока не сошелся съ нимъ. — А теперь отецъ съ нимъ владахъ, не помнитъ себя отъ радости, что выдаетъ дочь за своего начальника, — а рада ли этому дочь, ему какое дѣло!

Вѣрно Богъ хочетъ наказать меня, наславши на меня этого жениха: чего только я ни дѣлала, чтобъ опротивѣть ему: онъ и ухомъ не ведетъ! а человѣкъ онъ неглупый, да и кто не умѣетъ догадаться, любятъ ли его, или не любятъ! Есть что-то нахальное, нестерпимо гордое въ его невниманіи къ моимъ чувствомъ. Онъ сторговалъ меня, какъ покупаютъ лошадь, и ждетъ только, когда покупка его прислана будетъ ему на домъ. Я его ненавижу, и самъ онъ тому виноватъ. Суди сама о его поведеніи: съ перваго свиданія онъ показался мнѣ не противенъ, а теперь я его не терплю, ненавижу его всѣми силами, какія только есть въ душѣ моей.

Два мѣсяца тому назадъ, папа́ пришелъ изъ должности въ восторгѣ: *онъ* хотѣлъ завтра пить чай у насъ. «Не ударь лицомъ въ грязь, Лёля», говорилъ онъ мнѣ: — «это знатный человѣкъ, у! какой волокита! ты его отдѣлай по своему». Несмотря на странную эту рекомендацію, я хотѣла видѣть папенькинаго начальника и поговорить съ нимъ.

Это былъ нашъ день. Съ утра маменька была въ страшныхъ хлопотахъ и поминутно бранилась съ папа́, что̀ случается всякой разъ передъ какимъ-нибудь торжествомъ. Изъ танцовальной залы

вынесли лишнюю мебель, повѣсили вездѣ новые драпри, зажгли Богъ знаетъ сколько свѣчей. Красносельскій пріѣхалъ позже всѣхъ и расположился въ залѣ, безъ всякой церемоніи заглядывая въ лицо дамамъ.

Видно было, что ему хотѣлось заговорить со мною. Онъ похаживалъ около меня и будто не рѣшался вступить въ разговоръ. Я болтала съ Julie, и мы подсмѣивались надъ старымъ аристократомъ. Наконецъ папа́, не удовольствовавшись рекомендаціей при входѣ его въ комнату, снова подвелъ меня къ своему начальнику, безъ всякаго предлога, безъ всякой надобности. Красносельскій хорошо говорилъ по-французски и былъ довольно любезенъ.

— Я много слыхалъ про m[lle] Лолу Монтесъ, сказалъ онъ между прочимъ: — за что это васъ такъ прозвали?

— Богъ знаетъ, отвѣчала я: — оттого ли, что я верхомъ хорошо ѣзжу, оттого ли, что мое имя такое несчастное: Лёля....

— Не браните вашего имени: Лёля чудесное имя.

— Да, въ уменьшительномъ. А настоящее имя превычурное, пресантиментальное. Hélène бы еще ничего, а Елена....

— За Елену тысячи человѣкъ гибли въ старое время.

Я чуть не засмѣялась на этотъ допотопный комплиментъ.

— Очень глупо дѣлали, что гибли, отвѣтила я ему.

И, основываясь на этихъ плоскостяхъ да на сотнѣ другихъ, сказанныхъ въ тотъ же вечеръ и на другой день, Красносельскій почелъ себя вправѣ черезъ недѣлю сдѣлать предложеніе моему отцу, не заботясь о томъ, люблю ли я его, хочу ли я выходить за него замужъ! И когда я отвѣчала маменькѣ, что не хочу быть его женою, отецъ объявилъ мнѣ, что онъ уже далъ слово, что я должна со слезами благодарить его, что я непокорная дочь, что я покрываю срамомъ все семейство, что онъ проклянетъ меня, если я....

Я обратилась къ маменькѣ. Мама́ только плакала да бранила меня. Братъ мой, несмотря на свои эполеты, не нажилъ видно ума, — онъ въ восторгѣ отъ будущаго родства, мечтаетъ о томъ, какъ онъ будетъ сидѣть въ моей гостиной, на гамбсовскомъ креслѣ, принимать моихъ гостей и перелистывать иллюстрированныя изданія. Этотъ человѣкъ помѣшался на гамбсовскихъ креслахъ. Я обѣщала ему купить десять гамбсовскихъ креселъ и поставить ихъ всѣхъ, одно на другое, въ его комнатѣ; онъ обидѣлся страшно, выбранилъ меня и сдѣлался заклятымъ моимъ врагомъ.

Долго я плакала, горевала, смирно переносила притѣсненія, иногда молилась усердно и горячо. Но теперь все это кончено: если меня притѣсняютъ, я имѣю право обороняться. Меня хотятъ заставить любить гадкаго человѣка: я могу ненавидѣть его, я имѣю право его

ненавидѣть. Все вокругъ меня бранится и плачетъ, слезы эти поддѣльныя, а коли и не поддѣльныя, мнѣ-то что за дѣло, не могу же я плакать, когда я расположена сердиться. Все ведетъ меня ко враждѣ; каждый вечеръ я ложусь въ постель со страшною, неслыханною тяжестью въ сердцѣ, что-то давитъ мнѣ горло.... Я сержусь и вспыхиваю за бездѣлицу, — всѣ домашніе начинаютъ жаловаться на мой характеръ.

Ты кончаешь свое письмо вопросомъ: ужь не влюблена ли я? Когда тутъ любить, когда приходится защищать всякую минуту и честь свою и всю свою будущность. Здѣшніе молодые люди очень глупы: безъ этого я съ досады моглаб̆ влюбиться въ кого-нибудь изъ нихъ, забыть свой долгъ, погубить себя, единственно затѣмъ, чтобъ погубить себя не по чужой, а *по своей волѣ.*

Лёля.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Я виновата передъ тобою, Олинька, что не отвѣчала ни на одно изъ послѣднихъ твоихъ писемъ; ты вѣрно знаешь, что я была больна, а только-что я начала оправляться, пошли опять хлопоты, опять неудовольствія.... Впрочемъ ты можешь быть покойна и не читать мнѣ болѣе морали: Красносельскій получилъ мое согласіе, и сватьба назначена черезъ три недѣли.

Со времени послѣдняго моего письма, здоровье мое все болѣе разстроивалось и разстроивалось; да и могло ли быть иначе: днемъ я тосковала, ночью плакала, а вечеромъ злилась, страшно злилась.... Я стыжусь себя, я вполнѣ виновата, вполнѣ понимаю несчастный мой характеръ.... но передѣлать его было трудно, и никто не помогалъ мнѣ, всѣ будто нарочно старались ожесточать меня. Одинъ разъ воротилась я въ свою комнату, послѣ чрезвычайно тяжелой сцены, которую довелось мнѣ выдержать, и въ которой участвовали мама́, братъ мой, да еще одна тетушка, которую до тѣхъ поръ я почти никогда не видала у насъ въ домѣ. Мнѣ стыдно признаться, другъ мой, я вела себя неприлично, я наговорила имъ всѣмъ преобидныхъ вещей, но это была не моя вина, а вина моей болѣзни. Что-то душило меня, кровь моя волновалась и подступала къ лицу, я чувствовала какую-то горечь во рту, всѣ члены мои судорожно потрясались. Я объявила, что я не хочу итти за-мужъ, что я ненавижу непрошеннаго жениха, потомъ я подошла къ маменькѣ, хотѣла умолять ее — и не могла.... Я не могла плакать, глаза мои были сухи.... вмѣсто ласко-

выхъ рѣчей въ груди моей кипѣло что-то страшное, что-то насмѣшливое....

Я пришла къ себѣ и почти безъ чувствъ упала на диванъ. Я чувствовала и жаръ, и сильную тошноту, и странную, лихорадочную тоску. Горничная моя перепугалась и разсказала о моей болѣзни. Мнѣ прислали мяты да другихъ домашнихъ средствъ, — никто не зашелъ въ мою комнату, никто не спросилъ обо мнѣ.... Въ моемъ положеніи малѣйшая бездѣлица оскорбляла меня черезъ мѣру: жаръ усилился, начались безтолковыя грезы, бредъ.... и я потеряла чувство. Цѣлые сутки пролежала я безъ памяти, въ жару, не переставала бредить ни на минуту. Должно быть дѣльныя вещи я разсказывала....

Какъ бы то ни было, очнулась я на другой уже день, поздно вечеромъ. Часы начали бить, я почувствовала, что прихожу въ себя, услышала шорохъ въ моей комнатѣ и чуть-чуть открыла глаза. Лампа закрыта была двумя или тремя колпаками, свѣтъ не утомлялъ меня, и лицо мое оставалось въ тѣни.

Пользуясь этимъ, я открыла глаза еще немного и, не шевелясь, посмотрѣла вокругъ себя. Около постели сидѣла мамá, горько плакала и глядѣла на меня, но слезы мѣшали ей видѣть во мнѣ признаки жизни. Папенька сидѣлъ поодаль, закрывши лицо руками, и тяжело вздыхалъ. Никогда не видала я его такъ глубоко огорченнымъ, видъ его зашевелилъ всю мою душу, я готова была сама плакать. Братъ мой сидѣлъ около отца, то старался утѣшить его, то глядѣлъ на меня съ отчаяніемъ; неизъяснимое уныніе свѣтилось въ его глазахъ. Я никогда бы не подумала, что онъ способенъ къ такой привязанности.

Добрый нашъ докторъ Ѳома Иванычъ тоже сидѣлъ у моей постели, кивалъ головою, или, какъ говорится, удилъ рыбу. Все время не отходилъ онъ отъ меня и утомился черезъ мѣру.

— Ахъ, Лёля, Лёля, вдругъ сказалъ папá тихимъ, прерывистымъ, глухимъ голосомъ: — чтò ты съ нами сдѣлала, бѣдная Лёля? — Остатокъ болѣзненной досады промелькнулъ въ моей душѣ. Мнѣ захотѣлось сказать ему: «ахъ папá, папá, чтò вы сами сдѣлали съ вашей Лёлею!»

Но это былъ послѣдній признакъ моей болѣзни; скоро мнѣ сдѣлалось такъ сладко, такъ грустно вмѣстѣ съ тѣмъ, я съ такою любовью посмотрѣла и на папá, и на брата, и на маменьку, и на Ѳому Иваныча.

Потомъ я собрала мои силы, привстала съ постели и улыбнулась имъ.

Надобно было видѣть, съ какою радостью, съ какою горячностью бросились они ко мнѣ всѣ, цаловали мои руки, цаловали мои

волосы, укладывали меня опять на подушки, укутывали меня.... И я могла такъ обходиться съ ними, могла открыто оскорблять ихъ, могла враждовать съ ними!... Я просила у нихъ прощенія, мы разстались друзьями, они ни слова не вымолвили о генералѣ.... и я заснула такъ сладко, съ такой спокойною совѣстью....

Здоровье мое живо поправлялось, скоро я начала выходить въ другія комнаты. Всѣ домашніе ласкали меня, не могли на меня наглядѣться, ни одного слова о гадкомъ женихѣ, ни однаго намека на мою непокорность.... Я боялась заговорить объ этомъ дѣлѣ; есть что-то пріятное въ томъ чувствѣ, съ которымъ человѣкъ выжидаетъ горя, которое можетъ еще пройти мимо, боится говорить о немъ, благословляетъ каждую минуту, которая проходитъ тихо и спокойно, послѣ каждой такой минуты говоритъ себѣ: можетъ быть оно и не придетъ, мое горе.... можетъ быть дѣла еще устроятся....

Да и Красносельскій велъ себя совсѣмъ не такъ дерзко, какъ прежде, не входилъ въ мою комнату, не присылалъ мнѣ своихъ противныхъ букетовъ.

Вчера я застала его у папа́. Онъ заботливо освѣдомился о моемъ здоровьѣ, радовался, что заботливость родныхъ предупредила дальнѣйшее ея развитіе, что моя слабая натура перенесла тяжелый кризисъ.

— Еслибъ одинокій человѣкъ перенесъ такую болѣзнь, было бы чудо, замѣтилъ онъ съ грустью.

— Да, тяжело одинокому человѣку, замѣтилъ папа́ весьма неловко: — и безъ болѣзни боленъ.

— Правда ваша, замѣтилъ Красносельскій. — Какъ назвать это тягостное состояніе, которое гнететъ человѣка пожившаго, человѣка въ лѣтахъ, хоть меня напримѣръ, когда послѣ тяжелаго труда ему не съ кѣмъ перемолвить дружескаго слова, нѣкому улыбнуться, не о комъ позаботиться?... — Онъ взглянулъ на меня, но я отвернулась и молчала.

— Полноте, говорилъ ему папа́: — при вашихъ ли многосложныхъ занятіяхъ, при вашей ли полезной дѣятельности грустить и тосковать въ минуты отдыха?

— Я хотѣлъ бы, уныло сказалъ Красносельскій: — чтобъ занятія мои были еще многосложнѣе, чтобъ жалкая моя дѣятельность была еще утомительнѣе, — чтобъ я никогда не имѣлъ отдыха, никогда не сидѣлъ одинъ въ моихъ пустыхъ, широкихъ комнатахъ, отъ которыхъ вѣетъ могилою....

Повѣришь ли, другъ мой, мнѣ стало жалко этого гордаго человѣка, непонятное участіе къ его грусти начало зарождаться въ моей душѣ. Послѣ моей болѣзни, вся желчь изъ меня исчезла, сердце мое

сдѣлалось такъ мягко, такъ способно къ жалости.... не къ любви однакожь!

За Красносельскимъ пріѣхалъ курьеръ, и онъ ушелъ отъ насъ, задумчиво раскланявшись со всѣми. Вечеръ былъ чудно-хорошъ: послѣдніе лучи солнца пробивались сквозь листья деревьевъ нашего сада и рисовали странные узоры по всему полу. Тихой вѣтерокъ прорывался сквозь отворенное окошко, до слуха нашего доносились раздражительные звуки музыки, которая собралась и играла въ сосѣднемъ саду.

Папа́ придвинулъ свое кресло ко мнѣ, обхватилъ мою талію обѣими руками и положилъ голову мою къ себѣ на грудь. Рѣдкія минуты его нѣжности бываютъ чрезвычайно привлекательны, можетъ быть потому, что онѣ рѣдки....

Онъ поцаловалъ меня и задумчиво игралъ моими волосами. Маменька въ это же время сѣла около меня, взяла мою руку, стала цаловать ее, несмотря на мои усилія высвободиться, братъ взялъ мою другую руку, нагнулся ко мнѣ и ласково глядѣлъ мнѣ въ глаза.

— Лёля, сказалъ папа́: — мы не хотимъ принуждать тебя, мы можемъ только совѣтовать.... Обстоятельства наши плохи, онъ нашъ благодѣтель.... перестань его мучить.... полюби его, дай ему отвѣтъ, дай ему твое согласіе.... вѣдь не сейчасъ же сватьба.... успѣешь еще пожить съ нами....

И маменька и братъ стали говорить мнѣ тоже, я слабѣла и слабѣла.... грустнаго голоса отца было довольно, что поколебать мою рѣшимость....

Я все еще колебалась, но когда маменька стала опять цаловать мои руки, когда горячія ея слезы закапали на мою грудь, я не могла держаться долѣе.... я дала согласіе....

Опять что-то жолчное, опять что-то враждебное мелькнуло въ моей душѣ.... видно я все еще не совсѣмъ выздоровѣла....

Послѣ объятій и цалованій, послѣ довольно шумныхъ изъявленій радости, мы пошли гулять по Каменному острову, всѣ вмѣстѣ.

Ночь была тиха и свѣтла, двѣ зари свѣтились на-небѣ, одна лиловая, другая блѣдно-жолтая, деревья чуть шевелили своими широкими, еще свѣжими, еще не запыленными листьями.

Мнѣ было невыносимо грустно, будто горячій камень лежалъ у меня подъ грудью, будто я только-что проводила кого-нибудь изъ близкихъ людей на кладбище.

Я подошла къ горбатому мосту, облокотилась на перилы и уныло глядѣла на быструю Невку, на красивыя ея берега, гдѣ ряды дачъ граціозно выдвигались изъ кустовъ зелени. Становилось темнѣе, туманъ начиналъ подниматься, сѣрою дымкою задергивалъ и

дачи и отдаленныя части береговъ. Мнѣ почудилось, что я смотрю на какое-то другое мѣсто, мнѣ стали видѣться небывалыя въ нашемъ краю огромныя горы, съ деревенскими домиками на покатостяхъ, — домики эти были такъ просты, такъ красивы, все вокругъ нихъ глядѣло такъ привѣтливо....

Въ это время чья-то размѣренная походка заставила меня оглянуться. Высокій человѣкъ, въ черномъ плащѣ, въ шляпѣ съ широкими полями, поравнялся со мною. «Надѣйтесь», тихо шепнулъ онъ мнѣ и сунулъ маленькую бумажку между моей рукой и перилами, на которыя она опиралась.

Я спрятала записку и съ любопытствомъ посмотрѣла вслѣдъ незнакомцу, который быстро уходилъ отъ меня. Сначала я почувствовала маленькое удовольствіе, но потомъ оно пропало. Что̀ значитъ этотъ романическій плащъ, эта безобразная шляпа съ широкими полями? Какой порядочный человѣкъ станетъ въ наше время надѣвать этотъ безтолковый костюмъ? Я не ожидала ничего хорошаго отъ записки, но во всякомъ случаѣ любопытство хоть сколько-нибудь разсѣяло мои грустныя мысли.

Дома раскрыла я записку. Она была съ гербомъ, написана четко. «Не довѣряйтесь Красносельскому: онъ гордый развратникъ. Есть души, которыя понимаютъ вашу борьбу, горятъ....»

Слѣдовали точки, что̀ не мѣшало красотѣ почерка. Я бросила эту глупую бумажку, однако всю ночь думала, конечно не о шляпѣ съ широкими полями, а моемъ будущемъ мужѣ.

Боже мой! Какъ мнѣ тяжело.... какая грусть снова напала на меня. Зачѣмъ давала я это несчастное обѣщаніе, зачѣмъ я согласилась?...

Лёля.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Если у тебя еще цѣло мое послѣднее, глупое письмо, брось его куда-нибудь, уничтожь его, не читай его никогда.... Я была больна, я была глупа въ то время, я отрекаюсь отъ этого письма, также какъ отрекаюсь и отъ необдуманнаго моего согласія на бракъ, которое успѣли у меня вымучить примѣрные мои родители....

А какъ ловко подстерегли они во мнѣ минуту слабости.... съ какою хитростью опутали они меня своими ласками, своею заботливостью. Теперь я все понимаю, они могли плакать у моей постели, я понимаю зачѣмъ они плакали: имъ не дочери было жалко.... они

оплакивали надежду на богатую связь.... на знатное родство. И я могла такъ обманываться, могла ослабѣть въ борьбѣ съ ними, принимать ихъ любезность за чистую монету! И я могла стыдиться моего прежняго упорства, почитать мою святую, благородную вражду за признакъ болѣзни!...

Теперь я выздоровѣла.... я снова готова бороться и встрѣчать дерзость дерзостью, грудь моя дышетъ такъ легко и такъ свободно, глаза мои смѣло блестятъ, на губахъ моихъ всегда готовъ достойный отвѣтъ.... я смѣла, я горда, я ничего не боюсь.

Кончивши то письмо, я легла спать и не могла сомкнуть глазъ. Я плакала какъ жалкій ребенокъ, страшное мое согласіе спутывало меня всю, я не могла безъ ужаса подумать о томъ, что̀ будетъ со мною черезъ мѣсяцъ.

Проворочавшись съ боку на бокъ часа полтора, я встала съ постели, зажгла свѣчку и достала первую попавшуюся мнѣ подъ руку книгу. То былъ второй томъ матьюринова романа «Melmoth the Wanderer».

Книжка эта начиналась какими-то нелѣпыми ужасами, но мало-по-малу я зачиталась ее. Тамъ шелъ разсказъ молодого испанца, котораго родители засадили противъ воли въ монастырь, чтобъ передать все имѣніе старшему его брату. Ребенокъ не хотѣлъ покориться правиламъ келейной жизни, страшно боролся съ усиліями старыхъ монаховъ, ненавидѣлъ ихъ. Онъ былъ благочестивъ, какъ всѣ испанцы: благочестіе его пропало, вся вѣра исчезла изъ его души, дика казалась ему блестящая, залитая золотомъ церковь, стройныя молитвы святыхъ отцовъ казались ему и чужды и враждебны.

Прочитавши страницъ болѣе ста, я легла опять, и заснула такъ спокойно, какъ никогда еще не засыпала. Я чувствовала, что во мнѣ совершился благодѣтельный переворотъ, что планъ мой твердо обозначился, что я не отступлюсь отъ моихъ мыслей.

Я проснулась съ тяжелою головною болью.

Я догадалась, въ чемъ дѣло: опять подлѣ моей постели стояли два огромные букета въ дорогой малахитовой вазѣ.

Я ухватилась за нихъ, они не лѣзли изъ вазы. Длинная брильянтовая нитка опутывала ихъ и зацѣплялась за одну изъ ручекъ этого нелѣпаго porte bouquet.

На ручкѣ висѣла записочка: «à Mlle Lola Montès.»

Въ двѣ секунды одни только стебельки остались на старомъ мѣстѣ, всѣ цвѣтки были перемяты и раскиданы по комнатѣ.

Тяжелую вазу я съ усиліемъ покачнула и вмѣстѣ съ брильянтами свалила на полъ. Горничная вошла въ мою комнату — и совсѣмъ перетрусилась.

— Ахъ, барышня, барышня, сказала она съ упрекомъ: — что̀ это вы надѣлали?

Я страшно разсердилась на бѣдную Катю, но быстро сдержала всю мою досаду. Это̀ самообладаніе меня порадовало: оно было ручательствомъ за постоянство моихъ мыслей.

— Заспались вы сегодня, барышня, продолжала она: — папенька просятъ васъ чай кушать. И тотъ важный баринъ сполчаса какъ въ домѣ.

— Не могужь я итти въ рубашкѣ къ твоему важному барину. Полно, не подбирай этой дряни.... давай одѣваться.

Я одѣлась и снова подошла къ столу, оттолкнувъ ногою обломки вазы. На столѣ еще лежала мерзкая записочка: «à m^lle^ Lola Montès.»

Какое право имѣетъ этотъ гнусный старикъ шутить надо мною, называть меня именемъ, даннымъ мнѣ въ шутку людьми когда-то близкими, которые впрочемъ уже давно перестали быть близкими моей душѣ?...

Я еще придумывала, что̀ бы особенно гадкое сдѣлать съ этой бумажкою, какъ дверь отворилась, и Красносельскій вошелъ въ мою комнату. Видъ этой красной физіономіи взорвалъ меня, я вспыхнула, смяла записочку и, не поклонившись ему, бросила ее ему подъ ноги.

Онъ догадался, въ чемъ дѣло, и подошелъ ко мнѣ не такъ бойко, какъ бы ему хотѣлось.

— Вижу я, вѣжливо сказалъ онъ: — что m^lle^ Helène не совсѣмъ въ духѣ сегодня....

— Это правда, сухо сказала я: — голова моя болитъ, съ самого утра начала болѣть....

— Извините меня, Бога ради, извините меня, продолжалъ онъ: — это я виноватъ, это мои проклятые букеты всему причиною.

— Не одни букеты, вспыльчиво сказала я, притянувъ его къ плачевнымъ обломкамъ: — весь вашъ подарокъ виноватъ, виновата ваша негодная ваза, ваши скверные брильянты, ваша дерзкая записочка!...

Онъ смотрѣлъ на меня холодно, съ легкою улыбкою, вынулъ одинъ изъ букетовъ, отобралъ изъ него два, три уцѣлѣвшихъ цвѣтка и спокойно сталъ ихъ нюхать. Злоба захватывала у меня все дыханіе.

— Чего вы отъ меня хотите? говорила я ему, не помня себя: — или вы не поняли, что я не люблю, не терплю васъ, никогда не выйду за васъ, отнимаю у васъ вымученное изъ меня слово?

— Я боюсь вѣрить вамъ, отвѣчалъ онъ спокойно: — вы такъ часто мѣняете ваши мысли.

— Ждите, коли угодно, продолжала я: — только до тѣхъ поръ не являйтесь ко мнѣ на глаза, избавьте меня отъ вашихъ посѣщеній. Берите же брильянты ваши. — Я подняла ихъ съ полу и подала ему.

— Что̀ подарено, то не берется назадъ, отвѣчалъ онъ, спокойно отодвигаясь отъ меня. — Бросьте ихъ за окно, куда угодно, — мнѣ какое дѣло! — я не беру ихъ обратно.

Онъ сѣлъ около меня, началъ говорить довольно умно, но ясно было, что онъ нисколько не понималъ моего характера.

— Mlle Hélène, сказалъ онъ мнѣ, — я не могу надивиться вамъ. Въ вашей натурѣ непонятно перемѣшана самая горячая вспыльчивость съ глубокой разсудительностію. Обсудите же ваше положеніе и убѣдитесь, что я желаю вашего добра. Я не требую отъ васъ идеальной привязанности: я уже старъ для этого.... Я хочу малѣйшей частички вашей любви, за нее даю я вамъ мое имя, мое богатство, возможность вертѣть интересами поважнѣе пастушеской любви, къ которой вы и безъ того неспособны....

— Такъ поймите же, говорила я: — поймите же то, что вспыльчивость является не при однихъ перебранкахъ! Я могу быть вспыльчива на любовь, я не намѣрена стѣсняться въ моихъ наклонностяхъ; при первомъ случаѣ я брошу васъ, и не посовѣтовавшись съ вами.... Да что объ этомъ говорить!... я не люблю васъ, благодарю васъ за предложенія ваши.... прошу оставить меня въ покоѣ, не трогать меня болѣе....

Онъ всталъ съ дивана и отошелъ къ двери; я стала дышать спокойнѣе.

— Еслибъ вы были женщиною, сказалъ онъ: — я бы оставилъ васъ. Но вы ребенокъ, ребенокъ избалованный, ребенокъ, къ которому я привязался до безумія. Батюшка вашъ, согласившись на нашъ бракъ, передалъ мнѣ нѣкоторымъ образомъ право свое надъ вами.... Я еще не вѣрю вамъ, я хочу вамъ добра, я буду ждать и готовъ ждать....

Я стиснула зубы, подбѣжала къ нему и стала противъ него, лицомъ къ лицу.

— Право! говорила я: — чѣмъ добыли вы это право? Развѣ я не знаю, что вы властны раздавить, уничтожить отца моего при первомъ несогласіи съ нимъ?... да и какое право? развѣ онъ можетъ дѣлать меня несчастною для своей прихоти, изъ одного своего интереса?

— Прощайте, прощайте, говорилъ онъ, шутливо кланяясь: — сегодня вы увлекаетесь, сегодня нѣтъ возможности ладить съ вами. Можетъ быть завтра дѣла иначе устроятся.

— Ни завтра, ни послѣзавтра, ни послѣ-послѣ-завтра! никогда! кричала я ему вслѣдъ.

Онъ остановился на порогѣ, обернулся и жадно поглядѣлъ на меня.

— Боже мой, какъ она хороша! сказалъ онъ, такъ-что я могла слышать.

Слова эти поразили меня будто ножомъ въ сердце. Какъ! онъ переносилъ отъ меня все, затѣмъ только, чтобъ любоваться моимъ гнѣвомъ, — въ минуту самаго злого раздраженія, онъ смотрѣлъ на меня скверными своими глазами, ворочалъ въ развратной своей головѣ постыдныя мысли!

Въ эту минуту я хотѣла бы сдѣлаться гадка, безобразна. А я чувствовала, что я точно была хороша: щоки мои горѣли, волоса мои были въ небольшомъ безпорядкѣ, глаза блестѣли, губы мои дрожали, но не были блѣдны.

Я напилась чаю у себя въ комнатѣ и долго оставалась одна. Каждую минуту ждала я, что вотъ придетъ ко мнѣ маменька со слезами, отецъ съ бранью и угрозами, однако ничего не было. Все въ домѣ было тихо и пусто, всѣ зачѣмъ-то уѣхали въ городъ, — кажется, покупать приданое; я не сошлась ни съ кѣмъ изъ нашихъ ранѣе обѣда.

Обѣдъ самый тяжелый обрядъ въ семействѣ, члены котораго несогласны между собою. Мы сидѣли всѣ другъ противъ друга, всѣ говорили мало, на меня почти никто не обращалъ вниманія, всѣ говорили какъ-то темно, какими-то безтолковыми намеками.

Наконецъ мнѣ надоѣло слушать все это, я рѣшилась скорѣе высказаться.

Братъ мой разсказывалъ безтолковую исторію о своемъ пріятелѣ, котораго обманулъ его первый другъ, не уплативши въ срокъ денегъ по векселю.

— Да, заключилъ онъ такъ свою исторію: — я удивляюсь его терпѣнію. Я бы раскроилъ голову человѣку, который осмѣлился бы не выполнить своего слова.

И онъ нахально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, будто выжидая отвѣта.

— Нынче, слава Богу, не разбиваютъ другъ другу головъ, отвѣчала я: — пора тебѣ это знать.

— А слово-то, данное-то слово?...

— Я не слыхала твоей исторіи. Какъ дано слово? въ какихъ обстоятельствахъ дано слово?...

Маменька посмотрѣла на меня съ ужасомъ.

— Тебя ли я слышу, дочь моя.... начала она.

Но я уже вскочила изъ-за стола. Сердце мое сильно билось, торжественное изреченіе маменьки, неупотребительное слово «дочь моя» расшевелили всю мою кровь.

— Маменька, сказала я: — я понимаю всѣ эти намеки. Пора намъ объясниться, пора кончить это дѣло. Простите меня, я обманула васъ, я виновата поневолѣ. Я согласилась вчера на предложеніе генерала, сегодня я раздумала, я беру назадъ мое согласіе, я не хочу выходить за генерала, не хочу знать его.

Крикъ, гвалтъ поднялся сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Проклятія, укоры посыпались на меня. Я была спокойна, почти холодна, безотвѣтно переносила брань моихъ родителей, одинъ братъ продолжалъ выводить меня изъ терпѣнія. Къ его невѣжествамъ не могла я привыкнуть.

— Ты опозорила насъ! кричалъ онъ, подымая кулаки кверху. — Что̀ будетъ съ нами, что̀ будетъ со мною?

— Ничего не будетъ, отвѣчала я вспыльчиво: — могутъ тебя выгнать изъ двухъ, трехъ гостиныхъ, кудабъ тебѣ и втираться не слѣдовало.

Кончилось однако тѣмъ, что выгнали меня. Съ тріумфомъ отвели меня въ мою комнату, заперли за мною дверь, и, къ великой моей радости, я осталась одна.

Я долго спала, играла на піанино, читала Мельмота. Исторія Монкады становилась все пошлѣе и пошлѣе, на сцену явился злой духъ, а такъ какъ я не вѣрю злымъ духамъ, то и бросила книгу.

Было очень поздно, все въ домѣ улеглось. Я выспалась днемъ и не ложилась въ постель. Вдругъ что-то застучало въ мое окно.

Я открыла его, какая-то фигура сидѣла между кольями палисадника и, держась одною рукою за перекладину, вытягивала другую руку и касалась окошка моей комнаты. Я сперва испугалась, потомъ узнала въ этой фигурѣ моего незнакомца въ черномъ плащѣ. Господинъ этотъ сдѣлалъ порядочный прыжокъ и очутился на самомъ окнѣ, въ полной увѣренности, что чрезвычайно пріятно его видѣть. Гнать его прочь было бы безсовѣстно, да и поздно. Церемониться же съ нимъ да представляться испуганною я не умѣла.

Я подала ему руку, и онъ вошелъ въ мою комнату, не снимая шляпы. Въ моемъ положеніи мнѣ бояться было нечего, да сверхъ того я такъ любопытна....

Онъ подошелъ ко мнѣ, сложилъ руки на груди, странно посмотрѣлъ на меня и долго, долго говорилъ мнѣ самые безтолковые, самые непонятные комплименты.

— Божество! наконецъ вымолвилъ онъ, съ особеннымъ выраженіемъ: — ангелъ силы душевной! я сочувствую дивной вашей борьбѣ, вы покорили гордое мое сердце, я дрожалъ за васъ.... я знаю все.... все!

— Что̀ же вы знаете? любопытно спросила я. — Онъ будто

смѣшался и продолжалъ глядѣть на меня. Я подвинула ближе лампу и смотрѣла на него.

Онъ довольно строенъ и на видъ приличенъ. Только къ свѣжему его лицу вовсе не идутъ какія-то угрюмыя, ненатуральныя морщины. Усы и волосы у него черные, но Боже мой!... вотъ что̀ ужь не прилично человѣку въ черномъ плащѣ и шляпѣ съ широкими полями.... у него будто нѣтъ носа, у него не носъ, а какая-то пуговица, съ кончикъ моего мизинца, пуговица круглая, смѣшная, вся красная!

Я чуть не расхохоталась. Потомъ мнѣ пришло въ голову: маленькій носъ не мѣшаетъ еще быть добрымъ человѣкомъ....

— Ну, скажите же мнѣ что-нибудь, говорила я, желая ободрить незнакомаго пріятеля.

— Что̀ скажу я? медленно отвѣчалъ онъ: — я гляжу на васъ, я на небѣ, я нѣмѣю предъ вами....

— Какъ что̀ скажете? зачѣмъ же вы пришли? По вашей запискѣ вижу я, что вы знаете Красносельскаго; разскажите, какъ можно съ нимъ поладить, какъ отъ него отдѣлаться.

Вдругъ онъ снялъ шляпу и повалился ко мнѣ въ ноги. — Какъ отдѣлаться? закричалъ онъ: — надо положиться на меня, отогрѣть ваше сердце на моей, еще горячей груди.... О! я люблю васъ, я давно жажду вашей любви, о! о!

Я ничего не отвѣчала, сконфузилась и стала его поднимать. Онъ принялъ это за знакъ участія, обнялъ меня и поцаловалъ мое плечо.

— Стойте, стойте.... кричала я, отталкивая господина въ плащѣ. — Онъ снова упалъ къ моимъ ногамъ, снова что-то бормоталъ, опять вскочилъ и опять захотѣлъ цаловать меня. Я начала терять терпѣніе.

— Да скажите же наконецъ, спросила я его: — зачѣмъ же вы забрались ко мнѣ въ комнату. Я ждала отъ васъ совѣта, участія, а вы только лѣзете обниматься.

Онъ переконфузился въ свою очередь, потерялся совсѣмъ и кинулся ко мнѣ съ распростертыми объятіями.

— О! любите меня! шумѣлъ онъ: — прижмитесь къ моей, еще горячей груди; я обожаю васъ, я хочу лежать у ногъ вашихъ, я хочу цаловать васъ....

Я уже готова была сердиться; но когда господинъ этотъ снова полѣзъ къ моимъ губамъ, я отскочила отъ него съ страшною досадою.

— О! дайте обнять васъ, вопіялъ нѣжный господинъ и снова обхватилъ мою талію. — Кровь моя закипѣла.

— Знаете, сказала я ему рѣзко: — ступайте-ка назадъ въ окно. Коли хотите цаловаться съ дѣвушками, запаситесь сперва порядочнымъ носомъ.

Онъ былъ пораженъ какъ громомъ. Мнѣ самой стало его жалко. Я подвела его къ окну и ласково съ нимъ простилась.

— Я благодарна за ваше участіе, говорила я: — вы извините меня, вы легко поймете меня, — меня такъ обижали, такъ сердили все это время....

Онъ не отвѣчалъ ни слова, спрыгнулъ съ окна, кажется, немного ушибся, поохалъ, всталъ и скрылся между деревьями.

Сперва мнѣ было его жалко, но, припоминая всю сцену, припоминая его смѣшную фигуру, его отчаяніе, наконецъ мой своевольный поступокъ, я не могла удержаться отъ смѣху. Съ полчаса я ходила по комнатѣ и смѣялась какъ школьникъ.

Всѣ дурныя мысли вышли изъ моей головы, я сдѣлалась такъ тверда, такъ весела, такъ спокойна!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Браво, Лёля! виватъ, m[lle] Лола Монтесъ! дѣла мои идутъ чудесно, все утихаетъ, все устроивается, гадкій женихъ не показываетъ носа въ нашъ домъ.... скоро я выбьюсь изъ этой сѣти, скоро дѣла пойдутъ по старому.

Много перетерпѣла я со времени послѣдняго моего письма, но я такъ привыкла къ горю, что оно стало почти меня тѣшить. Все это время я была такъ умна, такъ свободна. Кто бы думалъ, что въ моей сумасшедшей головѣ водится столько находчивости, что въ сердцѣ моемъ отыскалось столько постоянства, столько твердости, столько независимости?

А меня сильно притѣсняли въ эти двѣ недѣли: не пускали меня на воздухъ, запрещали писать письма, каждое утро являлся ко мнѣ кто-нибудь изъ моихъ гонителей и читалъ мнѣ наставленія. Отыскалась даже одна двоюродная бабушка, слѣпая и все-таки сердитая, — она оставила свое убѣжище и явилась ко мнѣ.... какъ, помнишь, является великій инквизиторъ въ концѣ Донъ Карлоса! Изъ моей комнаты вынесли книги, даже новый мой піанино; впрочемъ то было по дѣломъ: всякой вечеръ я поднимала на немъ такой концертъ, что мѣшала спать всему дому, сердила этимъ всѣхъ и каждаго.

Наконецъ, тому четыре дни, позвали меня внизъ. Я холодно вышла изъ моей комнаты; все, что я перенесла, довело меня до та-

кого состоянія, что самая строгая мораль, самое тяжелое увѣщаніе отскакивали отъ меня какъ горохъ отъ стѣны.

Я пришла въ гостинную и немного смѣшалась. Тамъ чинно сидѣли отецъ, маменька, братъ, всѣ дяди и слѣпая бабушка. Сидѣли они не около стола, а какъ-то рядами, точь-въ-точь какъ турки во второмъ актѣ Ломбардцевъ. Я спокойно ожидала, что̀ они мнѣ скажутъ.

— Елена, сказалъ отецъ, подходя ко мнѣ: — въ послѣдній разъ спрашиваемъ мы тебя: идешь ли ты за его превосходительство, господина генерала Красносельскаго?

— Нѣтъ, тихо сказала я: — я не иду за-мужъ за господина Красносельскаго.

— Такъ ступай же прочь съ глазъ нашихъ, ступай вонъ изъ моего дома.

Я уже давно привыкла къ такимъ возгласамъ. — Куда же я пойду? отвѣчала я на этотъ разъ.

Ихъ такъ поразилъ мой простой отвѣтъ, что они съ недоумѣніемъ переглянулись и тѣмъ разрушили весь эффектъ своего собранія. Послѣ самыхъ обыкновенныхъ ругательствъ, меня отпустили въ мою комнату.

Но тамъ ждало меня искушеніе потяжелѣе предъидущей сцены. Маменька пошла за мною, на порогѣ обняла мою талію, и такъ мы вошли ко мнѣ. Она поцаловала меня, сказала, что никому не позволитъ выгнать меня изъ своего дома, что я могу огорчать ее и всетаки оставаться ея любимою дочерью.

Потомъ мы сѣли на диванъ, и она стала ласково уговаривать меня на замужство.

— Дитя мое, говорила она: — я сама не съ радостью выходила изъ дѣвушекъ. Пожалѣй насъ, взгляни на нашъ малый достатокъ, на наше большое семейство, припомни, что самоотверженіе есть добродѣтель женщины.

— Маменька, сказала я ей кротко и ласкаясь къ ней: — я не очень довѣряю тому, что̀ вы говорите про самоотверженіе. За что навязали эту добродѣтель на шею бѣднымъ женщинамъ? или и намъ жить не хочется, или у насъ крови нѣтъ?...

— Ангелъ мой, говорила маменька: — пожалѣй же хоть о нашемъ семействѣ.

— Другъ мой, сказала я, цалуя ее: — видитъ Богъ, для вашего блага я бы умѣла собой жертвовать. Да есть ли нужда въ томъ? Отецъ мой далеко не бѣденъ.... если и есть несоразмѣрность, это оттого, что мы живемъ немножко шибко.... стоитъ ли тутъ говорить о самоотверженіи?

Она поняла, что со мною нечего дѣлать, и свиданіе наше, начавшееся такъ ласково, кончилось самымъ жалкимъ образомъ.

И вотъ уже четвертый день, какъ я совершенно спокойна. Въ домѣ все тихо, меня никто не затрогиваетъ, не тревожитъ. Изрѣдка обѣдаю я за общимъ столомъ, со мною говорятъ неохотно; но это еще слѣдъ прежнихъ неудовольствій. Можешь себѣ представить, у меня на окнѣ опять очутились двѣ таинственныя записки. Въ послѣдней изъ нихъ господинъ въ черномъ плащѣ пишетъ, что мнѣ готовится горе, что онъ слѣдитъ за генераломъ, что онъ знаетъ его замыслы и разрушитъ ихъ. Я ждала незнакомаго господина два вечера кряду, думала, что онъ объяснится; но онъ не приходилъ. Видно, что все это самъ онъ выдумалъ; въ такомъ случаѣ по дѣломъ я его осмѣяла.

Скоро все придетъ въ обыкновенное положеніе, я буду опять на свободѣ, а помириться съ родными мнѣ не трудно будетъ. Только я боюсь, не перестала ли я ихъ совсѣмъ любить?

---

6 часовъ утра.

Другъ мой, думала ли я, начавши мое письмо такъ весело, что мнѣ придется кончать его и страшно и тоскливо?... Я тебѣ перескажу все по порядку, чтобъ ты не обвиняла меня въ непостоянствѣ мыслей, — да сверхъ того я не потеряла еще бодрости, не вся надежда потеряна.

Было два часа ночи, я кончала мое письмо, когда подъ окномъ послышался стукъ. Я догадалась, въ чемъ дѣло, отворила его и примѣтила на старомъ мѣстѣ знакомаго тебѣ господина съ маленькимъ носомъ. Я впустила его, обошлась съ нимъ сколько можно ласковѣе и стала распрашивать его о Красносельскомъ.

— Я знаю его черные замыслы! сказалъ онъ глухо и торжественно: — я все знаю. Вамъ суждено погибнуть, но я спасу васъ. Довѣрьтесь мнѣ.

Отвѣтъ мой былъ, что ни Красносельскій, никто въ свѣтѣ не воленъ погубить меня, что гибели бояться нечего, а надо остерегаться какихъ-нибудь новыхъ непріятностей.

— Коли вы интересуетесь мною, прибавила я: — передайте мнѣ только его планы, а объ остальномъ не безпокойтесь.

— О! громко закричалъ черный плащъ: — вамъ здѣсь нѣтъ спасенія! Идите за мною, я одинъ могу спасти васъ, укрыть отъ вашихъ гонителей.... Съ этими словами онъ кинулся, по старой памяти, на колѣни, потомъ схватилъ меня и захотѣлъ обнимать по прежнему.

— Ты моя! навѣки моя! шумѣлъ онъ па всю компату.

Мѣсяцъ свѣтилъ въ отворенное окно. Вдругъ все потемнѣло, какая-то черная фигура пересѣкла лучи мѣсяца, и братъ мой, спрыгнувши съ окна на полъ, съ крикомъ кинулся между нами.

— Я убью тебя! въ неистовствѣ кричалъ онъ моему гостю: — ты-то всему причиною, безчестный соблазнитель!... Онъ былъ страшенъ въ эту минуту: пѣна била изъ его рта, тѣло его судорожно дрожало.

— Ступайте направо, кричала я господину въ плащѣ, толкая его къ двери. Но дверь отворилась сама, въ комнату вбѣжалъ папа́, и съ нимъ дядя Иванъ Иванычъ.

Представь себѣ мое положеніе! Страхъ и стыдъ мучили меня, но я еще была довольно спокойна. Черный плащъ велъ себя очень прилично: онъ ловко оттолкнулъ брата и размахнулся обѣими руками.

— Она не виновата ни въ чемъ! закричалъ онъ и показалъ на меня. Отецъ мой былъ блѣденъ, стоялъ какъ приговоренный къ смерти. Дядя держалъ за руки брата, который порывался впередъ.

— Зачѣмъ же ты въ ея комнатѣ, бездѣльникъ? кричалъ онъ изо всей силы.

— Затѣмъ, что я люблю ее, затѣмъ, что она моя, предъ Богомъ и передъ людьми!...

Я подошла къ нимъ. — Я вовсе не ваша, быстро сказала я незнакомцу: — только до этого дѣла нѣтъ. Объяснитесь безъ шуму и увидите, что все это пустяки.

Но уже братъ объяснялся съ незнакомымъ господиномъ. Они говорили тихо, но рѣзко.

— Хочешь? спрашивалъ братъ.

— Хочу!

— Когда?

— Сегодня же, въ 6 часовъ.

— У Крестовскаго перевоза....

— Буду, одинъ.

— Въ лѣсу направо?

— Да! и вотъ мой адресъ.

Братъ взялъ господина въ плащѣ за руку, подвелъ его къ двери. — Посторонитесь, сказалъ онъ отцу. Тотъ какъ шальной отошелъ въ сторону, потомъ и онъ и дядя вскрикнули и побѣжали за братомъ, который велъ незнакомца къ выходу изъ дому.

Все утихло, только не на долго. Скоро шумъ послышался по всѣмъ комнатамъ, крикъ и чей-то плачь слышались издалека. Ко мнѣ никто не входилъ, я же не имѣла силы сойти съ мѣста. Я чувствовала, что я сейчасъ упаду, бросилась къ окну, упала на колѣни

и ухватилась руками за подоконникъ. Свѣжій воздухъ оживилъ меня, но я не имѣла силы подняться съ колѣнъ.

Въ этомъ страшномъ положеніи провела я болѣе часу. Я слышала, какъ пробило сперва три, потомъ четыре часа. Оставалось два часа.... что̀ будетъ съ братомъ, что̀ будетъ съ маменькой?... Гдѣ этотъ перевозъ, гдѣ этотъ лѣсъ?... гдѣ отыскать ихъ?...

Катя прибѣжала ко мнѣ запыхавшись.

— Барышня! маменькѣ дурно! кричала она мнѣ.

Я бросилась туда, не помню, кто былъ и что̀ дѣлалось въ другихъ комнатахъ, но маменька была одна. У ней были страшные спазмы, она не помнила себя, кричала и звала къ себѣ меня и брата.

Я дѣлала все, что̀ могла; мы привели ее въ чувство. «Лёля», было первое ея слово: — «бѣги къ брату, скажи ему, что онъ тебя любитъ, что онъ поклялся жениться на тебѣ.... что онъ женится на тебѣ, — веди его скорѣе сюда.... еще нѣтъ шести часовъ, спаси его, спаси его!»

— Маменька, сказала я быстро: — я не люблю этого господина, я не знаю, какъ зовутъ его....

— Все равно, все равно! кричала она: — зовите сюда Александра, я хочу видѣть его, я умру безъ этого! — Катя побѣжала черезъ всѣ комнаты.

— Лёля, говорила маменька съ судорожнымъ плачемъ: — кто этотъ человѣкъ? давно ли ты его знаешь?... я согласна на все, выходи за него, только скажи мнѣ....

Въ это время братъ вбѣжалъ въ комнату, блѣдный, въ сюртукѣ и фуражкѣ. Не обращая вниманія на маменьку, онъ кинулся ко мнѣ.

— Молись Богу, грубо сказалъ онъ: — молись, чтобъ меня убили.... Тогда выходи за этого подлеца!

— Она не знаетъ его, она не виновата! кричала маменька, уцѣпившись руками за его платье.

— Не при мнѣ ли онъ называлъ ее своею? Или не при мнѣ цаловалъ онъ ее?...

Я вся дрожала. Я дала ему мое слово, призвала Бога въ свидѣтели, онъ не вѣрилъ и хотѣлъ итти.

— Я не виновата, гордо сказала я, и ничего не могла сказать болѣе. Ноги мои чуть держали меня.

— Гдѣ доказательство? кричалъ братъ. — Небось твоя ночная переписка — доказательство? твои отказы Красносельскому — доказательство?

— У меня есть одно доказательство, твердо сказала я: — я выхожу за-мужъ за Красносельскаго.

И маменька и братъ остолбенѣли. Онъ подозрительно поглядѣлъ мнѣ въ глаза и задумался.

— Ты выйдешь за Красносельскаго? спросилъ онъ, пытливо глядя на меня.

— Выйду.

— И скоро?

— Когда хотите. Онъ замолчалъ и снова задумался. Я подошла къ нему.

— Вѣришь мнѣ?

— Почти вѣрю.

— Не ѣдешь въ шесть часовъ?

— Не ѣду, отложу это дѣло, а на другой день твоей свадьбы пошлю извиненіе. Но смотри: чиста ли ты?

Я отвернулась съ негодованіемъ. Братъ ушелъ, маменька значительно успокоилась, слезы начали облегчать ее.

— Лёля, вдругъ закричала она, кинулась мнѣ на шею и громко зарыдала: — ты ангелъ, моя Лёля. Я не хочу твоей жертвы, я не хочу твоего несчастія....

Я прижалась головой къ ея груди, слезы какъ-будто навернулись на моихъ глазахъ, но это мнѣ только показалось, я не плакала, — я уже разучилась плакать....

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Другъ мой, все пропало, кончилась моя грустная борьба, сама судьба запутала меня такъ искусно, что я не могу бороться долѣе, не смѣю пошевельнуться, нѣтъ никакой надежды, а я еще такъ недавно надѣялась.... нашла я на кого надѣяться!

Я припоминаю то время, когда ты уѣзжала отъ насъ съ горькими слезами, тужила о старой любви, о своемъ раннемъ замужствѣ. Видно одна и таже доля далась и тебѣ и мнѣ. Я дольше боролась чѣмъ ты, а теперь также горюю, грущу.... а современемъ привыкну, повеселѣю, стану читать наставленія другимъ вспыльчивымъ дѣвочкамъ. Только Богъ знаетъ, что еще лучше: теперешнее ли мое горе, или будущее спокойствіе?...

Разставаясь со мною, ты взяла съ меня обѣщаніе написать тебѣ длинное письмо, въ тотъ самый день, когда я буду выходить замужъ. Сегодня этотъ день.

Послѣ несчастной исторіи въ нашемъ домѣ, послѣ моего окончательнаго согласія на замужство я почти не думала о своей участи. Подарки Красносельскаго, посѣщенія его, принимала я кротко и ра-

вподушно, да и могло ли быть иначе? Маменька дней пять не выходила изъ опаснаго состоянія, братъ мой смотрѣлъ на меня угрюмо и подозрительно, всякую ночь, часу въ шестомъ утра, я вставала съ постели, тихо подходила къ дверямъ его комнаты, прислушивалась, не собирается ли онъ куда, вся дрожала.... тосковала и мучилась.

Наконецъ маменька выздоровѣла, отецъ ужь давно не помнитъ себя отъ восторга, братъ занялся службою и рѣдко бываетъ дома.

Тогда-то пришло время и о себѣ подумать. У меня вертѣлась въ головѣ мысль просить самого генерала, чтобъ онъ сначала отсрочилъ сватьбу, а потомъ и вовсе бы отказался отъ меня. Но что-то отталкивало меня отъ этого средства, я берегла его, какъ послѣднюю надежду.

Вчера принесли мнѣ подвѣнечное платье. Какъ я удержалась, какъ я не разорвала его, этого я не знаю.... Мало этого: Красносельскій былъ у насъ въ домѣ; кончивши примѣрку, я пошла къ нему и говорила съ нимъ долго и ласково. Онъ свыше всякой мѣры обрадовался моему вниманію, говорилъ бездну любезностей, разсказывалъ множество анекдотовъ, воспоминаній изъ времени своей молодости.... я слушала его съ величайшимъ вниманіемъ, жадно наблюдала за нимъ, за его понятіями.

Мы говорили болѣе часу. Скажу тебѣ прямо и откровенно: еслибъ при этомъ разговорѣ подмѣтила я у моего жениха хотя одну смѣлую, благородную мысль, хотя одну черту чистой веселости, хотя бы одинъ живой оборотъ фразы, я бы не мучилась болѣе, я безропотно согласилась бы связать мою жизнь съ его жизнью. Послѣдніе дни я была такъ утомлена, такъ огорчена, сердце мое такъ измучилось, что минута покоя, минута примиренія казалась мнѣ чѣмъ-то божественнымъ.

Но разговоръ его былъ.... Богъ съ нимъ, зачѣмъ тебѣ знать, какой былъ этотъ разговоръ. Я грустно задумалась, слушая его.... мнѣ оставалась только одна, послѣдняя надежда.

Я сѣла ближе къ нему. Папенька и мама сполчаса какъ оставили насъ однихъ и сидѣли въ сосѣдней комнатѣ, радостно на насъ поглядывая.

— Генералъ, сказала я Красносельскому и безсовѣстно покривила душою: — изъ нашего разговора я выучилась уважать васъ.... я хочу быть съ вами откровенна, очень откровенна.

Онъ не помнилъ себя отъ удовольствія.

Я разсказала ему всю исторію о господинѣ въ черномъ плащѣ, о поступкѣ моего брата, о болѣзни маменьки, объ обстоятельствахъ, въ которыхъ дала я мое послѣднее согласіе.... онъ слушалъ исторію мою спокойно, не мѣняясь въ лицѣ, не говоря ни слова.

Я сѣла къ нему еще ближе и стала просить его, чтобъ онъ отсрочилъ день свадьбы, а потомъ оставилъ бы меня. — Братъ мой не слишкомъ храбръ, сказала я: — черезъ мѣсяцъ вся его злость уляжется, да и можно будетъ его куда-нибудь отправить на то время.

— Я призналась передъ вами во всемъ, такъ кончила я мою рѣчь. — Я не могу любить васъ какъ мужа, — я стану почитать васъ какъ моего, какъ общаго нашего благодѣтеля.... Я перестала говорить и со страхомъ ждала его отвѣта.

— Вы были откровенны, очень откровенны со мною, m[lle] Hélène, спокойно сказалъ онъ: — я хочу платить вамъ тѣмъ же. Тутъ лицо его покраснѣло, глаза его страшно засверкали.

— Я влюбленъ въ васъ, продолжалъ онъ: — влюбленъ въ васъ не со страстью, а съ бѣшенствомъ человѣка въ пятдесятъ лѣтъ отъ роду. Чтобъ одинъ день имѣть васъ.... моею женою, я готовъ продать мою душу. Я имѣю ваше согласіе, я могу жениться на васъ, я не отступлюсь отъ моего права.

— Боже мой! сказала я съ ужасомъ: — что̀ же хотите вы сдѣлать изъ нашего брака? какъ назвать поступокъ вашъ?

Онъ немного задумался. — Я знаю свѣтъ, сказалъ онъ: — знаю, что любовь часто, всегда почти начинается послѣ брака. На это я расчитываю. Иначе я бъ оставилъ васъ.

Я снова вспыхнула. — Да кто же сказалъ вамъ, что я буду дожидаться, пока придетъ эта любовь? Я не могу любить васъ, не могу жить съ вами, я брошу васъ.

— Все-таки хоть на недѣлю, хоть на три дня, хоть на день, вы будете моею женою.

Я потеряла всю надежду, но я не помнила сама, что̀ дѣлаю, я еще просила его.

— Вы вольны назадъ брать свое согласіе, холодно замѣтилъ онъ. — Я же не отступлюсь первый.

Я поняла весь ужасъ моего положенія, всю безчеловѣчность его отвѣта. Отказъ мой влекъ за собою мщеніе брата, дуэль, горе, бѣду на все наше семейство.... И несмотря на то, я еще колебалась, я долго боролась, безчестіе стоило гибели.... но я удержалась, я вспомнила о маменькѣ, и участь моя рѣшилась. Бѣдная моя красота.... бѣдная моя молодость!...

Прощай покуда. Меня зовутъ одѣваться.... кончу письмо вечеромъ.

---

12 часовъ вечера.

Все кончилось, мы обвѣнчаны.... я сижу одна въ *нашей* спальнѣ..... я жду моего мужа.... но я не убита, я не упала духомъ! Кровь моя волнуется, сердце горитъ и тягостно бьется, но голова моя свѣжа и спокойна. Неслыханная энергія проснулась въ моей груди, я сама ужасаюсь своей силы.... я еще не вѣрю.

Новая страсть, гибельная, адская страсть наполняетъ всю мою душу: въ душѣ этой нѣтъ болѣе мѣста ни горю, ни стыдливости, въ ней дико волнуется и кипитъ страшная, неумолимая, безконечная вражда, — вражда къ одному только человѣку, вражда къ моему мужу. И я смѣло иду навстрѣчу этой враждѣ, я строю смѣлые планы мщенія, я лелѣю мою вражду, я упиваюсь надеждою близкой мести.

Я вся переродилась въ эти полчаса, въ эти полчаса изъ вспыльчивой дѣвушки я сдѣлалась изступленною женщиною, которая ни шагу не отступитъ ни передъ злодѣйствомъ, ни передъ собственнымъ позоромъ. Страшны были эти полчаса, но онѣ возбудили во мнѣ новую жизнь, жизнь дикую, неестественную.... все-таки они воскресили меня, возбудили меня.... не дали мнѣ упасть передъ моею судьбою.

Не могу ничего сказать тебѣ о нашей сватьбѣ: я была убита, я была жалка.... всѣ присутствующіе уныло смотрѣли на меня и качали головами. Радовался только онъ, да они, мои родители. Руки и ноги мои были холодны.... я вся дрожала: вмѣсто лицъ казались мнѣ зеленыя пятна, огонь отъ свѣчей то казался мнѣ краснымъ, то совершенно исчезалъ, и все становилось темно вокругъ меня. Въ глазахъ чувствовала я нестерпимую боль.... что-то ихъ рѣзало и вдавливало внутрь.... я глядѣла на свѣчи, мигала глазами, надѣясь прослезиться.... все было напрасно: не было ни слезъ, ни облегченія. Ни тѣни враждебнаго чувства не мелькало въ моей душѣ.... я была почти безъ чувствъ, я была слаба, я была убита.

Меня долго поздравляли...: какіе-то незнакомые люди, въ лентахъ и со звѣздами, съ участіемъ смотрѣли на меня, старались меня развеселить и ободрить.... я ничего не понимала, ничего не чувствовала.... наконецъ въ глазахъ у меня совершенно потемнѣло.... я подошла къ маменькѣ, она увела меня.... гости еще не разъѣзжались, съ меня сняли подвѣнечное платье, меня отвели въ его комнату, — и я просила, чтобъ меня одну оставили.

Страшно, безстыдно глядѣла на меня эта блестящая комната: всякое кресло, каждая вещица будто разсказывала мнѣ какую-нибудь гнусную исторію, будто давала мнѣ постыдные совѣты. Отдаленные голоса гостей словно напѣвали мнѣ подъ ухо какую-то непристой-

ную пѣсню.... кровь бросалась мнѣ въ голову, я закрывала лицо мое руками, мнѣ казалось, что я въ безчестномъ мѣстѣ.... что весь городъ нагло смотритъ на меня, смѣется надо мною.... смотритъ на меня своими развратными глазами....

Я не въ силахъ была переносить этого мученія, я хотѣла звать кого-нибудь, но удержалась.... потомъ вскочила со стула и бросилась бѣжать изъ этой позорной комнаты.

Куда бѣжала я.... что̀ я думала въ то время, въ этомъ не могу дать тебѣ отчета, да я и сама себя не понимала. Какая-то сила влекла меня.... судьба моя совершалась надо мною.

Я тихо прошла три, четыре слабо освѣщенныя комнаты, тихо отдернула уголокъ драпри, чтобъ пробраться далѣе.... но блескъ свѣчей ударилъ мнѣ въ глаза, шумныя восклицанія неслись мнѣ навстрѣчу.

И между этими голосами я различила одинъ, знакомый голосъ.... страшная догадка мелькнула въ моей головѣ.... я притаилась у двери и жадно глядѣла въ ту комнату....

За богато убраннымъ столомъ, уставленнымъ бутылками, сидѣла кучка молодыхъ людей, смѣялась и спорила. Иные изъ нихъ, съ бокалами въ рукахъ, расхаживали по всей комнатѣ.

Около самой двери, въ пяти шагахъ отъ меня, братъ мой, красный, веселый, обнимался и спорилъ съ какимъ-то человѣкомъ, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ.

Съ перваго взгляда я узнала этого человѣка, съ первою мыслью я послала ему мое проклятіе; это былъ онъ, господинъ съ маленькимъ носомъ, господинъ въ плащѣ....

Я поняла каждое слово ихъ почти непонятнаго разговора. Каждое это слово кровавыми слѣдами вырѣзалось на моемъ сердцѣ.

— Другъ ты мой любезный, подлецъ ты этакой, говорилъ братъ, цалуя этого человѣка: — ну, признайся же, хотѣлось тебѣ пошалить съ сестрою?

— Душечка моя, чортова ты голова! кричалъ то̀тъ, прижимаясь къ брату: — съ ума ты видно спятилъ! да какъ же бы вы безъ меня сватебку-то сварганили?

— Ну, за тотъ-то разъ спасибо, отвѣчалъ братъ, а въ первый-то разъ, что̀ ты подъ ея окнами да въ ея комнатѣ подѣлывалъ?

— Ну, какъ Богъ святъ, для вашего же добра хлопоталъ! Красносельскаго хвалилъ, уговаривалъ стариковъ пожалѣть....

— Ой доберусь, ой какъ спрошу!

— Что̀ ты, что̀ ты, мошенникъ этакой? Да ты еще съ пьяныхъ глазъ жениху-то всю исторію брякнешь....

Братъ захохоталъ во все горло. — Ой нашелъ бобра, кричалъ

онъ: гляди ты на генерала! Да что же мы безъ него-то съ тобой сдѣлали бы?

— Будто бы? спросилъ товарищъ его съ недоумѣніемъ.

— Ну, молчи себѣ знай, повторялъ братъ: — а мой совѣтъ, подика къ нему да на службу попросись. Сразу штатное мѣсто получишь....

Я вбѣжала опять въ спальню.... я смѣло вошла въ эту комнату, развратъ не ужасалъ меня болѣе, у меня не было болѣе стыда.... что стыдъ, что развратъ передъ всѣмъ этимъ!...

Я подошла къ зеркалу и посмотрѣлась въ него. Я была чудно-страшно-хороша. Глаза мои дико блестѣли, будто искры сыпались изъ нихъ, щоки мои были блѣдны, но кровь прилила къ губамъ, волосы мои въ безпорядкѣ падали на плечи, грудь моя тяжко, томительно волновалась....

Голоса стали утихать.... я жду его, каждая минута стоитъ года, я дрожу отъ нетерпѣнія.... ни одна любовь въ мірѣ не выказывалась такъ страстно, такъ жарко, съ такою жгучею энергіею, какъ выказалась моя вражда!

Я жду тебя, гнусный старикъ. Я не убью тебя, не оскорблю тебя, не отвергну тебя. Хорошимъ путемъ дошелъ до ты меня, я не уйду, буду въ твоей власти, ты хочешь хоть на недѣлю, хоть на день быть моимъ мужемъ.... ты будешь моимъ мужемъ на всю жизнь, до твоей или до моей смерти.... До моей смерти! Боже мой! не дай мнѣ умереть, пока я не погублю этого человѣка, покуда я не отомстила ему.

Я доберусь до тебя, опутаю тебя моими ласками, буду твоей любовницей, пока не буду имѣть тебя подъ своими ногами. А тогда я безжалостно растопчу тебя.

Я покрою срамомъ твое имя, ты дорожишь мнѣніемъ свѣта, — свѣтъ будетъ каждую минуту смѣяться надъ тобою.... Я не дамъ тебѣ минуты отдыха, въ домѣ своемъ будешь ты встрѣчать адъ и несогласіе.... Ты любишь богатство: богатство твое растаетъ, я вымучу его изъ тебя, разбросаю его безъ нужды, познакомлю тебя съ грязною, унизительною бѣдностію. И ты все-таки будешь любить меня, въ отчаяньи своемъ будешь жаться ко мнѣ, ползать передо мною изъ-за одной ласки.... не будетъ тебѣ этой ласки, ты встрѣтишь укоръ и презрѣніе. Жалобы мои станутъ будить тебя по ночамъ, — я снова выучусь плакать, буду визжать и вопить на всю твою тѣсную комнату, чтобъ не дать тебѣ минуты отдыха....

Чтожь ты не идешь ко мнѣ? Клянусь моею враждою, — я выполню все то, что обѣщаюсь. Есть во мнѣ искусство, есть во мнѣ твердость, необъятность моей вражды тому порукою. Я хотѣлабъ развить

эту вражду, перенести ее на твоихъ помощниковъ, только у меня нѣтъ въ душѣ болѣе мѣста. Нѣтъ у меня ни враговъ, ни родителей, ни брата, ты одинъ стоишь передо мною, иди же сюда скорѣе, я хочу видѣть тебя, хочу начать трудное мое дѣло.

А! я слышу его шаги. Добро пожаловать, дорогой мой мужъ! Скоро ли мы сочтемся съ тобою?

А. ДРУЖИНИНЪ.

СМОТРИНЫ и РУКОБИТЬЕ.

Въ нашей губерніи есть, какъ вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, небольшой, но довольно пріятный городокъ *Козогорье*. Онъ потому небольшой, что невеликъ; а невеликъ онъ потому, что мало охотниковъ въ немъ строиться; а мало охотниковъ строиться потому, что невыгодно; а невыгодно потому, что каждый домъ о пяти или семи окнахъ занимается лазаретомъ или швальней, — что впрочемъ, по увѣренію градскаго главы, вскорѣ будетъ отмѣнено введеніемъ равномѣрной денежной квартирной повинности, — на каковой конецъ и существуетъ уже въ Козогорьѣ, съ 1817 года, особый комитетъ, объ уравнительной раскладкѣ. Поэтому и нѣтъ сомнѣнія, что городъ вскорѣ обстроится весьма порядочно; итакъ, оставимъ это. Пріятнымъ я назвалъ его не по той же причинѣ, по которой онъ не обстраивается, а совсѣмъ по другой: мѣсторасположеніе, какъ выражался одинъ уволенный отъ службы учитель математики, было преблагопріятное; благорастворенность стихій земныхъ, а наипаче небесныхъ, наиблагословеннѣйшее, особенно если доводилось пройти не позадамъ, — и рѣка рыбная.

Въ этомъ городкѣ, Козогорьѣ, поселились уже съ незапамятныхъ временъ два врага-товарища, которыхъ даже Бога свелъ — вѣроятно ради христіянской мировой, которая однако же доселѣ все еще не могла состояться, — свелъ на одну улицу и на одинъ проулокъ, то есть съ угла на-уголъ. Тутъ стояли, во ожиданіи грядущихъ временъ, о коихъ мы говорили выше, двѣ такія жалкія лачужки, что ихъ даже не брали подъ барабаннаго старосту со школой его, а развѣ изъ нужды совали въ нихъ по нѣскольку человѣкъ отказныхъ фурлейтовъ. Обѣ лачужки эти сильно покачнулись въ основаніи своемъ, вѣроятно раздѣляя чувство взаимной ненависти своихъ хозяевъ, потому-что покачнулись въ разбѣжку другъ отъ друга и глядѣли врозь. Такъ какъ онѣ были выстроены во время оно помимо всякаго помышленія о планѣ и фасадѣ, то починка ихъ была строго запрещена хозяевамъ и для острастки на воротахъ огромными черными цыфрами выставленъ годъ, въ который онѣ предположены

были къ сломкѣ. Предположеніе это, по благости Провидѣнія, не состоялось, какъ надобно было по-крайней-мѣрѣ заключить изъ самой надписи этой, хотя она была очень грозна; но какъ цыфры эти означали одинъ изъ давно прошедшихъ годовъ, а прошедшимъ временамъ никто, даже самъ городничій въ Козогорьѣ, не располагаетъ, то и выходило на повѣрку, что обѣ лачужки эти, на зло судьбѣ своей, все еще стояли на старыхъ мѣстахъ, другъ противъ друга, подвергаясь впрочемъ дѣйствію и благорастворенности земныхъ и прочихъ небесныхъ стихій, противу коихъ хозяева не смѣли принимать никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ.

Два лица, о которыхъ мы говоримъ и которымъ принадлежали эти двѣ избушки, были оба люди довольно пожилые, однолѣтки впрочемъ, даже нѣкогда товарищи по Семинаріи, потомъ товарищи по званію, какъ вышедшіе изъ духовнаго званія и посвятившіе себя образованію послѣдующаго за ними поколѣнія, оба холостяки и наконецъ оба бывшіе учители уѣзднаго училища. Я бы могъ преслѣдовать сходство это еще далѣе, сказавъ напримѣръ, что они оба были довольно лысы, оба по разу или по два въ году допивались до чортиковъ, оба любили дразнить мимоходомъ собакъ; но я лучше укажу на разницу ихъ другъ отъ друга, потому-что это поведетъ насъ къ разрѣшенію причины этой загадочной ненависти и взаимной вражды.

Кондратій Семенычъ до старости остался вѣренъ своему званію, посвятивъ себя преимущественно наукамъ, и въ особенности наукамъ точнымъ, отвлеченнымъ. Онъ не терпѣлъ никакого корыстнаго примѣненія или приложенія этихъ наукъ и больно бивалъ палями учениковъ за всѣ клонящіеся къ подобному кощунству вопросы. По этому онъ и ненавидѣлъ вопроса о вѣчномъ движеніи и никогда имъ не занимался; но зато давно уже разрѣшилъ квадратуру круга и раздѣлилъ уголъ на три части. Кондратія Семеныча и не называли иначе въ цѣломъ Козогорьѣ, какъ плѣшивымъ математикомъ.

Филипъ Иванычъ училъ въ былое время всему, чему его учить заставляли, но только по казенной надобности; для себя онъ исключительно занимался изящными предметами, то есть скрыпкой. Это была его страсть, и онъ за нею забывалъ все, почему его въ Козогорьѣ и называли плѣшивымъ музыкантомъ. Онъ былъ всегда веселъ, говорилъ просто и считался пріятнымъ собесѣдникомъ, — тогда какъ Кондратій Семенычъ, напротивъ, расхаживалъ всегда и вездѣ будто въ классахъ уѣзднаго училища, передъ тремя скамьями мальчишекъ, то есть чинно, степенно и даже отчасти грозно; а говорилъ онъ такимъ отборнымъ языкомъ, что когда ему случалось

проходить за какою-нибудь покупкою въ козогорскій гостиный дворъ, гдѣ было лавокъ до восьми, то всѣ сидѣльцы сходились около него, чтобы послушать его отборныхъ рѣчей. Мало того: этотъ человѣкъ пріобрѣлъ постепенно такой вѣсъ и вліяніе на сидѣльцевъ, что они старались подражать ему въ разговорѣ и, нахватавшись отъ него разныхъ преученыхъ и превысокихъ словъ, разсыпались ими передъ неучеными покупательницами. Они, напримѣръ, уже не изъяснялись иначе, выхваляя ситецъ или бумажный набивной платокъ, какъ: «прерѣдкостнѣйшій товаръ, самоизобличительнѣйшей красоты; купи́те, сударыня-матушка, то есть что̀ называется пречудовно благодарны быть изволите.»

Что̀ касается до природнаго нрава соперниковъ нашихъ, то я скажу только одно: оба они охотно дразнили по улицамъ собакъ, — это я

уже сказалъ; но теперь поясню, что плѣшивый музыкантъ дѣлалъ это забавляясь довольно гласно, то есть, залаявъ мимоходомъ вслухъ на сонную собаку и испугавъ ее или замахиваясь на нее палкою; плѣшивый математикъ, напротивъ, уськалъ только изподтишка, замѣтивъ, что никого по близости не было, или, заглянувъ напередъ мимоходомъ въ калитку и удостовѣрившись, что людей на дворѣ нѣтъ, толкалъ тростію въ вороты, а самъ чинно проходилъ своимъ путемъ, будто и не зналъ о чемъ идетъ рѣчь, когда собака бросалась съ остервенѣніемъ въ подворотню.

Согласно съ этими естественными наклонностями, Кондратій Семенычъ и ходилъ постоянно въ темномъ долгополомъ сюртукѣ, въ высокомъ галстухѣ на костичкахъ и самъ былъ довольно высокаго росту; Филипъ Иванычъ, напротивъ, былъ нѣкогда рыжеватъ, а росту остался и понынѣ поменьше средняго, съ подгибными колѣнями, съ косолапыми, выворотными ладонями, сапогами съ кисточками, синимъ вовсе проношенномъ фракѣ и съ измятой круглой шляпой.

Какъ только, бывало, пріятный городъ Козогорье освѣтится утреннимъ солнцемъ, то музыкантъ нашъ бралъ въ руки смычокъ и скрыпку — а этой мебелью у него были увѣшаны всѣ стѣны — подходилъ къ открытому окну и, распустивъ пять пальцевъ по самой отчаянной апликатурѣ, начиналъ корчить соловья. Черезъ полторы минуты, хоть по часамъ повѣрить, являлся у своего окна, насупротивъ, математикъ и, покачивая головой, произносилъ, выдвинувъ подъ конецъ рѣчи подбородокъ: «Чтобъ тебѣ въ квинту высохнуть!» Затѣмъ онъ поспѣшно закрывалъ окно, между тѣмъ какъ музыкантъ, уловивъ это самое мгновеніе, кричалъ сосѣду черезъ улицу: «Чтобъ тебѣ угломъ подавиться!» Этимъ бесѣда ихъ обыкновенно оканчивалась; изрѣдка только разговоръ становился нѣсколько крупнѣе, но вообще Кондратій Семенычъ держалъ себя на благородной дистанціи, а потому и не считалъ приличнымъ входить въ дальнѣйшія перебранки; но на слѣдующее утро слышалось опять тоже обоюдное привѣтствіе, такъ-что сосѣди, вмѣсто того, чтобы спросить: а что, есть ли седьмой часъ? — спрашивали вмѣсто того: а что, бранились плѣшивые или нѣтъ еще?

И домочадцы ихъ жили точно въ такомъ же ладу. У Филипа Иваныча была въ домѣ работница, которая стряпала, хозяйничала, дворничала, носила воду и получала за это по полтинѣ серебра въ мѣсяцъ; у Кондратія Семеныча, напротивъ, хозяйство устроено было на болѣе тонкомъ основаніи: онъ пустилъ къ себѣ жильцовъ, сдѣлавшись самъ ихъ нахлѣбникомъ и обязавъ бабу отправлять вышерѣченныя обязанности въ домѣ безплатно и еще сверхъ того

по разу въ мѣсяцъ носить продавать по домамъ дѣтскія игрушки, на выдѣлку которыхъ онъ былъ большой искусникъ. Когда же приходилъ праздникъ или ожидалось въ Козогорьѣ губернское начальство и кто-нибудь изъ членовъ почтеннаго семейства полицейскаго хожалаго, городового, разсыльнаго и базарнаго обходилъ по дворамъ со строгимъ объвѣщеніемъ подмести улицу, то каждый разъ случалось вотъ что: лукавый Кондратій Семенычъ выжидалъ изподтишка — и къ этому уже приметалась хозяйка и дворничиха его —

выжидалъ, говорю, чтобы работница Филипа Иваныча вышла первая съ метлой на улицу и подмела чистенько свою половину, перекидавъ при этомъ всѣ кости, камни и битые кирпичи на сторону

математика; тогда только выходила со двора его толстая бабища, съ метлою въ рукахъ, начинала разметать свою половину улицы и перекидывала могучею рукою всѣ кости, кирпичи и каменья на ту половину, присоединивъ къ этому еще, въ видѣ роста за услугу, пару отопковъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Затѣмъ разумѣется выходила и работница плѣшиваго музыканта за тесовыя ворота, и начиналась страшная, неумолчная брань; крикъ этотъ подзывалъ къ окнамъ господъ, которые вмѣшивались въ бесѣду домочадцевъ своихъ и наконецъ расходились опять, пожелавъ другъ другу высохнуть въ квинту и подавиться угломъ.

И твари домашнія непріятелей нашихъ жили въ такихъ же точно взаимныхъ отношеніяхъ, какъ и господа ихъ. Лишь только, бывало, пестравка — то есть корова — математика выкажетъ бѣлобрысое рыло свое изъ воротъ на улицу, въ намѣреніи пойти прогуляться немного на бульваръ, какъ лягавый песъ музыканта бросался на нее очертя-голову, захлестывая самъ себѣ глаза огромными ушами своими, и подымалъ такой отчаянный лай, что музыкантъ и математикъ снова сталкивались у оконъ своихъ, — и, какъ второй никогда не упускалъ этого случая, чтобы пожелать первому высохнуть въ квинту и съ собакой его, то этотъ также не оставался въ долгу, посуливъ тому подавиться угломъ и съ коровой.

Причина такой глубокой вражды двухъ доблестныхъ мужей крылась по всей вѣроятности въ различіи ихъ нравовъ, о чемъ мы уже достаточно разсуждали, по поводу объясненія свойственнаго каждому изъ нихъ способа дразнить собакъ. Филипъ Иванычъ кричалъ уже много лѣтъ по всему Козогорью, что Кондратій Семенычъ пресстественный подлецъ и всегда обносилъ его, Филипа Иваныча, въ глазахъ начальства, надѣясь тѣмъ выслужиться, хотя это ему и не удалось, прибавлялъ всегда къ этому Филипъ Иванычъ, и онъ, какъ человѣкъ крайне буйный во время пьянства, вынужденъ былъ оставить службу еще напередъ меня; Кондратій Семенычъ, напротивъ, разсказывалъ подъ шумокъ или по-крайней-мѣрѣ насупивъ съ высокостепенностію брови свои и поджимая губы, что Филипъ Иванычъ всегда бывалъ негодяемъ, небрегъ службою, занимался богопротивнымъ скоморошничествомъ, нетерпимымъ даже и начальствомъ, не смыслилъ ни аза въ-глаза, хотя и преподавалъ съ неизъяснимымъ безстыдствомъ не только древнюю исторію, но даже и математику, о которой ему лично свойственны до того преограниченнѣйшіе способы понятій, что онъ предполагаетъ возможность подавиться математическимъ угломъ, то есть отвлеченнымъ, невещественнымъ понятіемъ. Къ тому же, присовокуплялъ Кондратій Семенычъ, этотъ прежалчайшій невѣжда, какъ всякому из-

вѣстно, ведетъ самую наипредосудительнѣйшую жизнь и когда пьетъ, то располагается навзничъ, обрѣтаяся въ безпамятствѣ.

По Козогорью проворила, по части обстоятельныхъ дѣлъ, какъ называлъ ихъ математикъ, то есть по устроенію супружескаго благополучія, одна почтенная вдова, унтерша Кузминична; а въ какомъ-то углу Козогорья нашелся лежалый товаръ, который понадобилось спустить съ рукъ. Послали за Кузминичной и поставили ей чашку чаю. Она, какъ водится, сперва много жаловалась на тяжелыя времена, удручающія жениховъ и отбивающія у нихъ охоту жениться; потомъ, посредствомъ нѣсколькихъ полутоновъ, сдѣлала приличный переходъ къ тому, какихъ дрянныхъ жениховъ высватываютъ нынче другія старательницы, съ подведеніемъ разительныхъ примѣровъ; отъ этого уже ей легко было перейти къ причинѣ такихъ дурныхъ выборовъ, то есть къ неумѣнью, незнанію дѣла и плохому старанью свахъ, прибавить, что конечно все на свѣтѣ можно, только постараться надо, не пожалѣвъ хлопотъ и башмаковъ, которые стали нынче очень дороги, и наконецъ повершить дѣло таинственнымъ увѣреніемъ, что у нея даже есть на примѣтѣ женихи и такіе и сякіе, — словомъ, всѣхъ сортовъ, будто она держала ихъ во всякое время въ запасѣ цѣлый подборъ. Чай выпитъ, полтина на башмаки получена, необходимыя свѣдѣнія о приданомъ и другихъ условіяхъ забраны и старательница отправилась домой.

Подумавъ немного, сваха подъ вечеръ отправилась къ Кондратію Семенычу, и, пошептавшись съ постоялкою его, передала ей гостинца для ребятъ и просила удостоиться благосклоннаго лицезрѣнія хозяина. Сваха эта никогда не ходила въ домá иначе, какъ съ задняго крыльца; поэтому она и тутъ напередъ задобрила постоялку его.

— Чтò, матушка Анна Кузминична, скажете? спросилъ охорашиваясь старый холостякъ, предвидя уже о чемъ пойдетъ рѣчь.

— Провѣдать пришла, батюшка, больше ничего, только провѣдать. Каково-то вы ноченьку почивать изволили?

— Слава Богу; смущаютъ меня, правда, умозаключительные выводы пречистѣйшей и преотвлеченнѣйшей науки, но наипаче преогорчаетъ наипреосудительнѣйшее поведеніе, изъ числа поступковъ одного ненавистнѣйшаго, богопротивнѣйшаго человѣка; математика же не преогорчаетъ, но преободряетъ и процвѣтаетъ.

— Вотъ точно, продолжала Кузминична по заготовленному ладу, не понявъ вовсе, чтò тотъ сказалъ, да и не заботясь объ этомъ: — вѣдь это все я знаю отчего: одному-то вотъ и скучно и нéлюбо, и ночи не спится и дома не сидится; одинъ — чтò такое? одинъ и въ полѣ не воинъ, одному и у каши не споро! а вотъ бы молодую хозяйку въ домъ, да хорошую, такую то есть, чтобы самую хорошую,

кровь съ молокомъ, да еще съ *пачкой*, такъ бы оно вышло житье-то не вытье, а житье масленица!

— Кондратій Семенычъ прошелся по комнатѣ, заложивъ руки за спину, потомъ сталъ противъ Кузминичны, вытянулся во весь ростъ, провелъ ладонью снизу вверхъ по бородѣ и сказалъ: «Соотносительность лѣтосчисленія не утрачена еще; душа преобладаетъ и бодрствуетъ. А что̀ думаете, Анна Кузминична, это дѣло пресбыточное!»

— Какъ, батюшка, несбыточное — только меня держись, меня горемычной не покидай, безъ меня бѣда будетъ; сами знаете, нынѣ вѣдь все на однихъ обманахъ проживаютъ, говорятъ: живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не лопнуть стать; а у меня не такъ, батюшка, у меня все по правдѣ. Не заносись только, батюшка мой родимый, а невѣста будетъ преотличная, то есть отобьемъ у всякаго; извѣстно, вѣдь ужь вы, ни слова, что прехорошій женихъ, — а все съ изъянцемъ, ужь насупротивъ того, что человѣкъ бы молодой и видный, напримѣръ непьющій и съ хорошимъ достаткомъ.... да нужды нѣтъ, ужь ты только на меня отдайся; я такое разодолженіе тебѣ найду, что пальчики оближешь!

— А напримѣръ? спросилъ математикъ, улыбнувшись самымъ старательнымъ образомъ.

— И привѣтлива и ухитлива, пустилась причитывать Кузминична: — и козырная кралечка собой, тише воды́, ниже травы́, а въ люди повести куда угодно не стыдно; и благостынька есть: свой сундукъ, по шести штукъ бѣлья, все полотняное; четыре платья, два платка, третій вязаный, — своей работы.... а ужь рукодѣльница какая! Салопъ хорошихъ подлисковъ, — я все правду говорю, безъ обману, какъ есть, — мантонъ лѣтній, серьги — однѣ свои, другія ваши будутъ — посудка на обзавенельице, гребенка получерепаховая....

— Да говорите предварительнымъ способамъ, перебилъ ее нетерпѣливый женихъ: — изъ чьихъ?

— А нельзя сказать этого никакъ, много захотѣлъ; этакъ не долго дѣвку ославить, а тамъ хоть вызолоти, куда съ нею? Ну, самъ посуди, послѣ тебя-то кто ее возьметъ? Нѣтъ, ужь ты коли вѣришь, такъ вѣрь; я говорю прямо, безъ обману: а ручки-то какія, а ножки-то.... такъ вотъ ходитъ, изъ милости только что травки-муравки дотыкается.... то есть пава павой, лебедь лебедемъ!

— Ну, такъ что̀ же, на смотринахъ пообстоятельствуемъ, что ли?

— Какія тебѣ, отецъ мой, смотрины! не такой домъ; надо вѣдь разбирать людей, вотъ вѣдь и я бы къ тебѣ не пришла теперь, кабы не знала въ тебѣ добродѣтели; пожалуй, охотниковъ-то вѣдь много,

только имъ свисни, да я знаю сама, что человѣкъ, что одно названіе человѣка; а ты мнѣ отдайся, такъ небось, отобьемъ всѣхъ; ужь тутъ смотрѣно все, безъ тебя, я спроста не пришла бы къ тебѣ; а по рукамъ, такъ по рукамъ; тогда скажу на ушко, какъ и чествовать, и пойдемъ на обрученье! А ужь какъ благодарить будешь.... то есть что твоя малина!

Кондратій Семенычъ прошелся по комнатѣ, вспомнилъ, какъ ему музыкантъ будетъ завидовать въ счастіи, и согласился. Сваха назначила рукобитье на третій день, долго еще разсыпалась въ причитаньи, выпросила сахарцу и полтину на башмаки и обѣщала навѣдываться до послѣзавтраго почаще, чтобы женихъ не скучалъ.

Прямымъ трактомъ отъ Кондратія Семеныча, Кузминична отправилась въ домъ родителей невѣсты и послѣ предварительнаго широковѣщательнаго хвастовства о своемъ умѣньи, удивила ихъ извѣстіемъ, что дѣло уже на-мазй, что смотринъ, пожалуй, и не будетъ, а послѣ-завтра, коли угодно, рукобитье.

Между тѣмъ рядомъ съ этимъ происшествіемъ и рука-объ-руку съ нимъ шло другое, впрочемъ довольно подобное ему. Дѣло въ томъ, что на Козогорьѣ выискалась въ недавнемъ времени какая-то вдова Терентьевна, неизвѣстнаго происхожденія, которая осмѣливалась уже не разъ дѣлать попытки, чтобы отбить у Кузминичны хлѣбъ. По первымъ бойкимъ пріемамъ видно было, что она можетъ сдѣлаться опасной соперницей для Кузминичны, за которою было впрочемъ и старшинство по промыслу, и знаніе дѣла, и обычай, и самое довѣріе общества. Поэтому Кузминична, обѣщавшись при первой встрѣчѣ наплевать ей въ глаза, ходила уже къ городничему съ жалобой на нее, стараясь всѣми силами своего краснорѣчія убѣдить его въ томъ, что Терентьевнѣ такимъ дѣломъ заниматься стыдно, и что ее надобно пристыдить при всѣхъ добрыхъ людяхъ, для чего собственно она, Кузминична, и положила на мѣрѣ наплевать ей въ глаза.

Итакъ, эта Терентьевна, промышлявшая, какъ Кузминична говорила, самодурью, пронюхала какъ-то, что соперница ея была въ такомъ-то домѣ и тотчасъ же смекнула за чѣмъ. Въ надеждѣ насолить ей и отбить работу, Терентьевна, не долго думавъ и не зная кого та сватала, сама накинула глазамъ не плѣшивыхъ пріятелей нашихъ, математика и музыканта; но какъ первый ей показался спесивымъ и недоступнымъ, да и работница втораго приходилась одной изъ знакомой ея сватьей, то она и отправилась къ Филипу Иванычу. Это случилось пòвечеру на другой день послѣ сватовства Кузминичны.

Филипъ Иванычъ игралъ на скрыпкѣ веселую плясовую пѣс-

ню, искусно подбивая щелчкомъ въ кузовъ своего гудка, когда Терентьевна прокралась черезъ дворъ его и вошла въ сѣнцы, намѣреваясь также зайти напередъ на женскую половину; но, услышавъ веселую, разудалую пѣсню, она вдругъ рѣшилась итти безъ дальнихъ обиняковъ прямо на приступъ; распахнувъ смѣлымъ пріемомъ двери въ комнату хозяина, она прямо ввалилась туда пляшучи, притопывая ногами и прищелкивая пальцами. Такой способъ заводить знакомства поразилъ нѣсколько Филипа Иваныча; но когда онъ убѣдился, что женщина эта не пьяна и въ своемъ умѣ, то плачь ея навзрыдъ, который послѣдовалъ за пляской, сильно тронулъ и поразилъ его, потому-что она плакала по бѣдной, злосчастной дѣвицѣ, которая потеряла свой покой черезъ Филипа Иваныча, ѣстъ-не-заѣстъ, спитъ-не-заспитъ, — словомъ, не можетъ безъ него ни жить, ни умереть. Если ты, злодѣй, наслалъ это на мою пташечку, касаточку, такъ прикажи снять, нето я тебѣ жить не дамъ на свѣтѣ.

Удивленный Филипъ Иванычъ сталъ освѣдомляться обстоятельнѣе, едва помня себя отъ удовольствія, что онъ на старость лѣтъ свелъ съ ума такую прелестную дѣвицу. Черезъ полчаса у него стоялъ уже на столѣ самоваръ, Терентьевна пила въ прикуску, а онъ, оправляя жалкіе остатки своихъ нѣкогда рыжихъ волосъ, просилъ только о томъ, чтобы вести дѣло какъ можно посекретнѣе и если оно пойдетъ на ладъ, то устроить его поскорѣе, чтобы не помѣшалъ Петровскій постъ.

Терентьевна вышла со двора заднею калиточкой, подъ проводами самого хозяина, прошла задами и полетѣла прямо въ домъ невѣсты. Тутъ она обошла сперва осторожно кругомъ, поглядѣла во всѣ щелочки ставней и, убѣдившись что чужихъ нѣтъ, втерлась черезъ заднее крыльцо въ покой.

По первымъ словамъ Терентьевны: «матушка, я къ вамъ отъ добрыхъ людей пришла и за добрымъ дѣломъ», мать невѣсты тотчаса же поняла о чемъ тутъ пойдетъ рѣчь, и потому пригласила посланницу къ себѣ въ комнату и усадила. Она думала: запасъ не мѣшаетъ, особенно при такомъ незавидномъ женихѣ, каковъ былъ математикъ, который для мѣщанской дочери былъ дорогъ только какъ чиновный человѣкъ, какъ дворянская или покрайности полудворянская душа, также какъ у дочери ея была получерепаховая гребенка.

— Ну, матушка, отъ кого же вы? спросила хозяйка, когда притворила за собою дверь.

— Да отъ добрыхъ людей; сперва бы отъ васъ что-нибудь услышать, такъ можно бы потомъ и назвать.

— Ну, да хоть такъ намекните какъ-нибудь,ато вѣдь и мы не

знаемъ что̀ говорить; хоть изъ какихъ мѣстъ да какихъ примѣтъ, скажите.

Такъ какъ улицамъ не было названья въ Козогорьѣ, то Терентьевна и должна была объяснить по тамошнему, сказавъ, что домикъ свой, уго̀льный, выходитъ на двѣ улицы, а противъ угла колодезь.

— Ну, ну, подхватила хозяйка, чиновный? въ отставкѣ? съ лысиной? Ужь не въ первой порѣ? случается что запиваетъ? домишко на боку? и годъ на воротахъ написа̀нъ? — И когда изумленная такою прозорливостію Терентьевна не могла отрицать ни одной изъ этихъ примѣтъ, относя ихъ разумѣется къ своему суженому, между тѣмъ какъ та относила ихъ къ своему, — то хозяйка отвѣчала, по заведенному порядку: подумаемъ, матушка, подумаемъ, — прибавивъ къ этому еще, что этотъ суженый уже стучался въ наши ворота.

Слово: подумаемъ, въ этомъ случаѣ означаетъ согласіе; оно было сказано изъ одного только приличія, хотя, какъ читателю извѣстно, на-завтра опредѣлено было уже рукобитье. Терентьевна, обрадовавшись этому, тотчасъ же пустилась на обычныя причитанья въ похвалу жениху, у котораго оказались при этомъ случаѣ: «ру̀ки съ подносомъ, но̀ги съ подходомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ.»

— А карманы съ подкладкой, подхватила смѣючись хозяйка? но, будто жалѣя сама объ этой рѣзкой остротѣ, прибавила: ничего, матушка, Агафія Терентьевна, такъ говорится, къ слову пришлось; а вы, скажѝте-таки мнѣ по правдѣ, вы отъ него самого то есть?

— Отъ него самого, матушка, и прямо вотъ оттуда пришла; чтобъ мнѣ ру̀ки и ноги отсохли!

— Ну, такъ что̀ же, матушка, — какъ было сказано, такъ пусть и будетъ: милости просимъ на завтрашній вечеръ.... благодарствуемъ на стараньи....

У Терентьевны вскружилась голова отъ радости, что она отбила работу у соперницы своей; она разсы̀палась въ похвалахъ и пожеланіяхъ, потребовала посмотрѣть хорошенько на невѣсту, чтобы описать жениху всю красоту ея, тарантила предъ нею четверть часа и пустилась прямо въ притруску, разумѣется опять по задамъ, къ Филипу Иванычу, гдѣ задняя калитка была заперта; поэтому Терентьевна принуждена была перелѣзть черезъ заборъ.

На другой день въ урочное время женихи мои разъодѣлись, по мѣрѣ средствъ и возможности, и отправились по одному и тому же пути. Кондратій Семенычъ вышелъ первый и вскорѣ замѣтилъ, что ненавистный сосѣдъ за нимъ слѣдитъ. Онъ съ негодованіемъ остановился и заглянулъ на дворъ, гдѣ проходилъ, чтобы пропустить того мимо себя. Исполнивъ это очень ловко, онъ опять продолжалъ

путь свой, но не могъ надивиться дерзости сосѣда, который теперь шелъ впереди, указывая ему дорогу. Когда они уже стали подходить къ воротамъ суженой, то Кондратій Семеньічъ не утерпѣлъ: онъ сталъ браниться довольно громко и пустился огромными шагами въ перегонку за Филипомъ Иванычемъ и остановилъ его уже въ воротахъ извѣстнаго намъ дома. Объясненіе ихъ началась бранью, съ которою они оба подвигались отъ воротъ къ крыльцу. Между тѣмъ въ догонку за ними подоспѣла Терентьевна, которая удосужилась разузнать, въ какой просакъ она попала, а потому и не посмѣла итти напередь жениховъ въ домъ невѣсты, но рѣшилась появиться тамъ въ одно время со своимъ женихомъ и смѣло вступить въ состязаніе съ Кузминичной. Въ тоже время хозяинъ дома, бѣдный мѣщанинъ, который жилъ, какъ большая часть мѣщанъ нашихъ, неизвѣстно какимъ промысломъ, — вышелъ на крыльцо встрѣчать жениха, а за хозяиномъ выскочила и Кузминична, увидавъ въ окно приходъ незваныхъ и нежданыхъ, а гости также подошли со скромностію къ двери и къ окнамъ.

Какъ только хозяинъ показался на крыльцѣ и, сложивъ чинно руки на животѣ, сталъ раскланиваться въ недоумѣніи съ двумя сужеными, то Кузминична, вскинувшись на Терентьевну, рѣзкимъ и внятнымъ полуголосомъ стала бранить ее и спрашивать, зачѣмъ и по какому праву она пожаловала и къ чему привела съ собою этого безстыднаго пьяницу, т. е. Филипа Иваныча, тогда какъ тутъ сошлись за добрымъ дѣломъ одни только добрые люди, и притомъ почетные, какъ вотъ Кондратій Семенычъ; Терентьевна не осталась въ долгу, обругавъ и Кузминичну и суженаго ея, а затѣмъ ухватила своего Филипа Иваныча за руку и безъ обиняковъ потащила его на крыльцо; Кузминична съ своей стороны поспѣшила поступить точно такимъ же образомъ съ Кондратіемъ Семенычемъ, и какъ обѣ четы столкнулись на крыльцѣ, то незастѣнчивая Терентьевна и нашлась вынужденною поймать Филипа Иваныча за фалды и стащить его внизъ. Тогда Кузминична въ свою очередь толкнула Кондратія Семеныча въ грудь, и онъ, падая, наткнулся прямо на своего ненавистника, который поспѣшилъ удалить его отъ себя сильнымъ толчкомъ своего колѣна. Съ четверть-часа времени крупныя объясненія продолжались, на крыльцѣ, обѣими свахами, а передъ крыльцомъ — женихами. Умирительныя рѣчи и поклоны хозяина, а равно и увѣщанія нѣкоторыхъ, болѣе расторопныхъ гостей, всѣ ушли на вѣтеръ, ихъ никто не слушалъ и даже не слыхалъ. Всякой изъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ былъ занятъ собою и собственною своею бесѣдою. Жители Козогорья уже начинали сходиться у воротъ и тѣсниться на дворъ невѣсты; свахи, посчитавшись между собою

почти въ рукопашную, обѣ наконецъ разбранили хозяина и хозяйку, плюнули на крыльцо проклинаемаго ими дома и ушли со двора. Женихи, оба крайне обиженные такимъ соблазномъ и позоромъ, сдѣлали тоже, и Кондратій Семенычъ повернулъ изъ воротъ налѣво, рѣшившись лучше дать значительный кругъ, лишь бы не итти вмѣстѣ съ врагомъ своимъ. Народъ раздался, разступился, когда молодые приблизились къ воротамъ, нѣкоторые смотрѣли вслѣдъ за ними, другіе опять сомкнули кругъ и разинули рты, глядя на опѣшавшаго хозяина и недоумѣвающихъ гостей его; но вскорѣ всѣ разошлись, и въ домѣ затихло.

Съ этого времени два соперника возненавидѣли другъ друга до такой степени, что оба заколотили досками окна, бывшія насупротивъ одни другихъ, въ переулокъ. Шаткія лачужки, съ годомъ сломки на воротахъ и съ ветхими кровлями, приняли отъ этого еще болѣе унылый и раззоренный видъ; а ежедневныя пожеланія о томъ, чтобы одному высохнуть въ квинту, а другому подавиться угломъ — прекратились.

В. ДАЛЬ.

ДУРАКЪ ѲЕДЯ.

РАЗСКАЗЪ.

Вечеромъ, въ одинъ изъ послѣднихъ дней сентября, на сторонѣ большого русскаго села шумѣла, смѣялась и пѣла толпа дѣвокъ, нѣсколькихъ парней и ребятишекъ. Солнце скрылось за горою, при которой оканчивалось село и по которой извивалась и тянулась куда-то черная, грязная дорога. Воздухъ былъ сыръ и холоденъ; за солнцемъ исчезали и красныя полосы, кое-гдѣ тянувшіяся по блѣдному небу. По селу раздавались скрипъ какихъ-то воротъ да крики, понуканія и удары кнута, которыми проѣзжій мужикъ помогалъ своей лошади вытащить увязшую въ грязи телѣгу. Остановившись посреди улицы и вытянувши шею, протяжно мычала корова и потомъ плелась до знакомаго двора. Однообразно кричалъ и плакалъ на все село какой-то мальчишка, стоявшій глубоко въ грязи босикомъ и въ одной сальной, неподпоясанной рубашонкѣ. Въ это время на улицѣ показался человѣкъ въ черномъ зипунѣ, на которомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ были положены бѣлыя заплаты, въ лаптяхъ и въ большомъ изорванномъ картузѣ съ переломленнымъ козырькомъ. Изъ-подъ распахнутаго, неподпоясаннаго зипуна виднѣлась хрящевая рубашка, запачканная и истасканная. Клочокъ тряпки, остатокъ оборвавшейся застежки, торчалъ въ одной изъ петлей рубашечнаго воротника. Рубашка не была застегнута, и черная, загорѣлая грудь не была закрыта отъ сырого осенняго вечера. Въ рукахъ онъ держалъ длинную хворостину. Худое, синевато-блѣдное лицо этого человѣка, мутные глаза, медленная и нетвердая походка, — все это имѣло въ себѣ что-то болѣзненное, возбуждало къ нему и участіе и вмѣстѣ

нѣсколько непріятное чувство. Во взглядѣ его было что-то дѣтское, несовсѣмъ обычное въ взросломъ. Онъ шелъ тихо и то озирался по сторонамъ, то потуплялъ голову, то наморщивалъ брови, то принималъ веселый видъ. На устахъ его появлялась и исчезала не то улыбка, не то судорожное движеніе. Этотъ странный человѣкъ былъ Ѳедя, дуракъ, какъ обыкновенно звали его. Можетъ быть вы когда-нибудь видали этого Ѳедю. Когда ваша коляска или карета, тихо укачивая и усыпляя васъ легкимъ, однообразнымъ шумомъ колесъ, пробѣгала по нашимъ безконечнымъ полямъ или степямъ и на нѣсколько минутъ останавливалась въ какомъ-нибудь селеніи, среди перебранивающихся ямщиковъ, среди женщинъ, предлагающихъ вамъ копеечный товаръ свой, среди нищихъ, окружившихъ вашъ экипажъ, среди кучи всякихъ зѣвающихъ на васъ лицъ, — можетъ быть тогда среди этой толпы замѣчали вы дурака Ѳедю. Можетъ быть вы замѣтили, какъ робко онъ посматривалъ на васъ, какъ молча отвѣшивалъ вамъ поклоны, какъ боязливо онъ подошелъ и протянулъ руку къ окну вашей кареты. Можетъ быть замѣтили вы, съ какою робостію онъ попятился назадъ, когда на него прикрикнулъ, запретивъ безпокоить васъ, ловкій лакей вашъ. Можетъ быть это странное существо хоть на мгновеніе заняло ваше дорожное, разсѣянное вниманіе, и вы даже готовились бросить ему что-нибудь изъ кошелька своего, но въ ту минуту вашъ экипажъ быстро помчался впередъ и мигомъ далеко оставилъ за собою и село и толпу, и вы задумались о чемъ-то и задремали, и какъ-будто никогда передъ вами не бывало Ѳеди. Позвольте же напомнить вамъ его моимъ разсказомъ.

Ѳедя родился слабымъ ребенкомъ, безпрерывно болѣлъ, росъ и развивался медленно и тупо. Въ тѣ лѣта, когда дѣти уже начинаютъ ходить и болтать, онъ едва могъ ползать. Мать долго должна была няньчиться съ нимъ, носить его на рукахъ; онъ надоѣлъ ей, и мать первая дала сыну имя, оставшееся за нимъ во всю жизнь, — имя дурака. «Вотъ родилось — говорила она — четвертый ужь годъ ему, а оно не ходитъ, не говоритъ. Не то работай, не то съ нимъ таскайся». Слышалъ эти рѣчи отецъ и не радовался дуракомъ сыномъ; росло дитя, нелюбимое въ семьѣ своей, и дуракъ было ему имя. Дуракъ былъ молчаливъ, тихъ и робокъ, и дразнили его сестры, таскали братья, обижали чужія дѣти, а защиты не было дураку ни отъ отца, ни отъ матери. Дуракъ отбился отъ другихъ дѣтей, убѣгалъ отъ нихъ и прятался, и росъ одинъ, самъ съ собою. Никто не любилъ его; любила его только кудлашка, что̀ стерегла дворъ и всѣ ночи напролетъ заливалась подъ воротами. И лежа ночью въ избѣ на печи, дуракъ Ѳедя, съ радостію въ сердцѣ, слушалъ лай своего друга и чуть утро — вы-

бѣгалъ къ кудлашкѣ и, протянувшись вмѣстѣ съ нею, грѣлся на лѣтнемъ солнцѣ. А когда мать давала ему черствый хлѣбъ и на весь день посылала его на лугъ пасть свинью съ поросятами, кудлашка всегда уходила за нимъ, и онъ проводилъ съ нею весь день, на зеленой травѣ, посреди цвѣтовъ и кустарника, и по полямъ съ нею дѣлилъ хлѣбъ свой. Когда же наступалъ вечеръ и померкалъ день, Ѳедя неохотно разставался съ лугомъ и вмѣстѣ съ кудлашкою гналъ свинью домой. Въ одинъ лѣтній день, онъ по обыкновенію отправился съ кудлашкою на лугъ за свиньею, но собака была не весела и часто жалобно визжала, положивъ къ нему на колѣни свою морду. Вечеромъ она приплелась за нимъ домой, но ночью Ѳедя не слыхалъ ея лая. По утру онъ нашелъ своего друга подъ сараемъ; кудлашка лежала въ судорогахъ, но, увидѣвъ его, съ усиліемъ замахала хвостомъ и приподняла морду. Ѳедя сѣлъ возлѣ нея, ласкалъ и гладилъ ее. Кудлашка тихо завизжала, потомъ потянулась и окоченѣла. Ѳедя съ крикомъ, какой никогда не вырывался изъ груди его, бросился къ избѣ. Мать въ испугѣ выскочила ему на встрѣчу. Бѣдный мальчикъ только кричалъ: кудлашка, кудлашка! — «Молчи, проклятый, закричала мать, замахнувшись на него кулакомъ. Ну, что́ кудлашка?» Дуракъ смолкъ, но трясся, какъ листъ и задыхаясь могъ только сказать: застыла! Мать обругала дурака и велѣла ему вытащить кудлашку въ поле. Мальчикъ взялъ собаку на руки и понесъ ее въ поле. Тамъ онъ долго сидѣлъ возлѣ нея и горько плакалъ, потомъ онъ вырылъ яму и схоронилъ въ ней кудлашку. Медленно, опустивъ голову къ землѣ, пошелъ мальчикъ домой и уже одинъ погналъ свинью на лугъ. Съ той поры Ѳедя сталъ еще молчаливѣе, еще безотвѣтнѣе и дичѣе. Взрослымъ онъ оставался кротокъ, послушенъ и терпѣливъ. Какъ бы ни бранили, какъ бы ни оскорбляли его, онъ былъ безотвѣтенъ, только блѣднѣлъ и потуплялъ глаза въ землю. Онъ исправлялъ всѣ работы, какія ему поручали, пахалъ, сѣялъ, косилъ, молотилъ и никогда не отказывался отъ труда. Только вотъ что́ было странно въ немъ: если ему не давали работы, онъ сидѣлъ въ полномъ бездѣйствіи; а если ему указывали работу, онъ тотчасъ же принимался за нее и продолжалъ трудиться, несмотря на свою усталость, до тѣхъ поръ, покуда не оканчивалъ ее или покуда его не отрывали отъ труда. Если его призывали, онъ обѣдалъ съ своею семьею; если же нѣтъ, онъ оставался безъ обѣда и голодалъ, не спрашивая ни куска хлѣба. Возвращаясь на ночь съ работы въ избу, онъ отправлялся спать на печь или на полати, если ему приказывали; если же нѣтъ, онъ сидѣлъ и не ложился, покуда обезсиленный не засыпалъ на мѣстѣ. Въ праздникъ, когда собирались въ селѣ хороводы, онъ не являлся среди нихъ, но если его призывали туда и заставляли пѣть, онъ

пѣлъ; если его заставляли плясать, онъ плясалъ. Отецъ захотѣлъ женить дурака, привелъ его къ невѣстѣ и велѣлъ итти съ нею въ церковь: онъ пошелъ и обвѣнчался. Все упрочило за нимъ имя дурака. Сердце простолюдина черство и нежалостливо; нерѣдко его тѣшитъ поруганіе надъ слабымъ, и всякъ, кто вздумалъ, тѣшился надъ дуракомъ. Онъ самъ такъ привыкъ къ своему положенію, что очень рѣдко возмущали его оскорбленія и насмѣшки. Запуганный и угнетенный почти отъ самого появленія на свѣтъ, дуракъ поневолѣ сосредоточился въ самомъ себѣ; онъ не смѣлъ и не могъ имѣть своей воли, своихъ желаній. Казалось, онъ жилъ и двигался только волею другихъ людей. Однако же, какъ ни рѣдко, но и у дурака бывали свои затѣи. Такъ когда наступала весна, грѣло солнце, зеленѣли поля и деревья одѣвались листомъ, онъ отправлялся въ лѣсъ и рвалъ цвѣты. Онъ натыкалъ ихъ себѣ на шапку и за поясъ, свивалъ изъ нихъ вѣнки, вязалъ цѣлые пуки, и, обремененный цвѣтами, съ веселымъ лицомъ возвращался въ село. Тогда исчезала въ немъ обычная робость и дикость и кого ни встрѣчалъ онъ на пути своемъ, всякому съ улыбкою подавалъ цвѣтокъ и говорилъ: возьми, изъ лѣсу. Таковъ былъ Ѳедя и такъ жилъ онъ до смерти матери и отца. Когда стариковъ не стало, жена бросила его и пошла жить по людямъ, а братья прогнали дурака съ двора. Съ той поры Ѳедя лѣтомъ приставалъ къ какому-нибудь семейству, съ нимъ работалъ и кормился, а когда кончались сельскія работы, наступала осень, когда пустѣли поля и застилались густыми туманами, онъ ходилъ изъ села въ село, и гдѣ за пѣсни, гдѣ за пляску ему давали то пищу, то ночлегъ, то старую одежду. Въ такой жизни уменьшились прежняя нелюдимость и робость Феди; порою онъ дѣлался разговорчивъ и развязенъ, хотя порою овладѣвала имъ тоска и досада на тѣшившійся имъ народъ. Ѳедя не былъ дѣйствительно дуракъ, онъ не былъ совершенно лишенъ ума, но въ немъ недоставало именно того смышленаго и бойкаго ума, какимъ отличается наше простонародье. Ѳедя былъ слишкомъ сосредоточенъ въ самомъ себѣ и представленія не были въ немъ такъ ясны и точны, какъ у его собратій, тѣмъ неменѣе ума нельзя отрицать въ немъ. Ѳедя былъ рожденъ добрымъ, кроткимъ, любящимъ существомъ, но его всѣ природныя качества, встрѣчая вѣчное противорѣчіе въ окружающемъ мірѣ, всегда отвергнутыя, всегда подавленныя, подрывали и искажали силы души его. Оскорбленія, насмѣшки, обиды и родительскіе побои, которымъ съ раннихъ лѣтъ подвергся Ѳедя въ своей семьѣ и среди чужихъ людей, не могли не оставить въ робкомъ и добромъ существѣ слѣдовъ душевнаго разстройства. Это разстройство въ Ѳедѣ особенно выказывалось въ его мутномъ взглядѣ, въ растерянности

мыслей, въ отрывочности его рѣчей, порою въ долгомъ упорномъ молчаніи, а порою во внезапной дѣтской болтливости.

Ѳедя приближался къ шумящей толпѣ. — «Глянь-ка, дуракъ идетъ, Ѳедя, Ѳедя!» закричалъ кто-то, завидя его.

Шумъ и пѣсни толпы прервались. Всѣ мигомъ окружили дурака. «Здравствуй, Ѳедька!»

«Здравствуй, дуракъ, здорово, Ѳедя!» раздавались голоса.

Ѳедя озирался на всѣхъ, переминалъ плечами и проговорилъ: — Здравствуйте, здравствуйте всѣ!

— Какой на тебѣ, Ѳедя, халатъ важный, проговорила одна изъ дѣвокъ.

Ѳедя молча началъ осматривать свой зипунъ и ощупывать его заплаты.

— И въ картузѣ.... вишь какой молодецъ! со смѣхомъ сказала другая.

— А кто тебѣ лапотки сплелъ? спросила третья.

Ѳедя взглянулъ на свои лапти, тронулъ ихъ хворостиной и проговорилъ: въ лѣсу, самъ.

— Ты съ нами гулять пришелъ? спросила четвертая.

— А я безъ тебя, Ѳедя, ужь какъ скучала, было заболѣла! закричала пятая, и раздался громкій, общій хохотъ.

— Да, да, Акулька говоритъ: смерть моя, какъ Ѳеди нѣтъ, закричала шестая.

— Вишь какъ разрядился, сказалъ какой-то парень и ударилъ Ѳедю по картузу. Картузъ слетѣлъ съ него въ грязь. Опять раздался громкій, наглый хохотъ. — Ѳедя улыбнулся, но жалкою, разрывающею сердце улыбкою. Въ ней были и смутное чувство униженія, и безсильная досада, и дѣтская боязнь всѣхъ здоровыхъ, сильныхъ и умныхъ, всѣхъ, кто можетъ посмѣяться надъ дуракомъ. Губы Ѳеди задрожали, синяя тѣнь пробѣжала по лицу его, но вмигъ оно было спокойно и опять по-дѣтски смотрѣли его глаза. Онъ поднялъ и надѣлъ запачкавшійся въ грязи картузъ.

— Да чтожь ты, Ѳедя, такой невеселый, сказалъ какой-то парень. — Чаво ты стоишь-та, спой-ка пѣсенку.

— Спой журку, сказалъ подвернувшійся мальчишка.

— Спой, спой! закричала толпа.

— Нѣтъ, ей Богу нѣтъ, проговорилъ Ѳедя какомъ-то страннымъ голосомъ.

— Стой, Ѳедя, сказала Акулька. Вотъ я запою, а ты ужь и тяни.... И она начала:

Ужь ты журка, ты журка,
Журка, добрый человѣкъ,
На мѣльницу ѣздилъ,
Диковинку видѣлъ,
Какъ козелъ муку мѣлетъ,
Коза....

Да чтожь ты, ай нехочешь?

— Чаво пѣть, закричала другая дѣвка. — Споемъ мы; Ѳедя попляшетъ.

— Не хочется, сказалъ Ѳедя.

— Ну, не хочется! попляши! Ну, Ѳедя, ну! раздались голоса.

— Стой, Ѳедя, вотъ я съ тобой попляшу, вызвалась Акулька.

— Во, вотъ Акулька съ тобой попляшетъ, закричала толпа.

Акулька подошла къ Ѳедѣ. Толпа расположилась кружкомъ около нихъ. Потомъ всѣ ударили въ ладоши и подхватили плясовую. Акулька правою рукою уперлась въ бокъ и, повѣсивъ голову на правую сторону, начала вытаптывать ногами, сначала тихо, потомъ все бойчѣе и бойчѣе и наконецъ, подбоченившись обѣими руками, пустилась въ скачь, прикрикивая: что ты, что ты, вотъ и я, вотъ и я! Ѳедя началъ передвигать ногами, потомъ тихо проплясалъ онъ раза два вокругъ Акульки и остановился; пѣсня смолкла.

— Эхъ, молодецъ, развѣ такъ-то пляшутъ? Дѣвка только-что было разошлась, а онъ ужь и бросилъ!

Эти слова произнесъ проѣзжій купецъ, подошедшій незамѣченнымъ къ поющей толпѣ отъ своей повозки, запряженной дюжею лошадью, которая между тѣмъ продолжала итти своею дорогою, однообразно гремя глухимъ бубенчикомъ, повѣшеннымъ на ушахъ ея. Купецъ былъ молодой, плотный дѣтина. Одѣтъ онъ былъ въ черные, плисовые шаровары, заткнутые въ сапоги съ длинными голенищами, и въ теплый полушубокъ, покрытый синимъ сукномъ и подпоясанный краснымъ кушакомъ. Его поярковая шляпа, повязанная бархаткою съ мѣдною пряжкою, была надѣта нѣсколько на бокъ. По его виду и ухваткамъ, замѣтно, что онъ франтъ и любезникъ.

— Здравствуйте, красавицы! продолжалъ онъ, вытащивъ изъ голенища сапога трубку и закуривая ее. Что это бравый парень у васъ? Счастливъ! Вишь сколько около него красныхъ!

Всѣ засмѣялись. Ѳедя задумался и тыкалъ землю своею хворостиной.

— Ай тебя, господинъ купецъ завидки берутъ? да вить это у насъ дуракъ, отозвалась какая-то дѣвка.

— Нашелъ кому завидовать! сказала другая.

— Небось около нашего-то брата такъ не ухаживали бы, продолжалъ любезникъ купецъ. То-то любо дураку!

— Вишь какой нашелся! закричало нѣсколько дѣвокъ, другія засмѣялись. Ѳедя вдругъ очнулся отъ думы:

— Нѣтъ, вамъ лучше, лучше, сказалъ онъ: — дураку плохо! Ой ли? Да чегожь тебѣ надо? Вишь, сколько красавицъ около тебя. Съ тобой и пляшутъ и поютъ; любо, чѣмъ не веселье?

— Другихъ весели, самъ горюй, отвѣчалъ Ѳедя. Вамъ лучше, лучше. Всѣ смѣются, никто не жалѣетъ дурака.

— А я-то, Ѳедя, развѣ я не жалѣю тебя? отозвалась Акулька.

Всѣ захохотали.

— Нѣкому вишь жалѣть его, сказала одна изъ дѣвокъ. — У тебя же жена есть!

— Нѣту, сказалъ Ѳедя: — бросила; жена у людей.

— Э, отозвался купецъ: — ты видно вотъ здѣсь за красными-то ухаживаешь, а жену кормить не хочешь. А зачѣмъ женился?

— Женили, бачька велѣлъ.

— Бачька велѣлъ! закричала Акулька. — А на Катѣ-то небось самъ бы женился?

Дуракъ опустилъ голову.

— Что голову-то клонишь? продолжала Акулька.

— Катя добрая была, проговорилъ Ѳедя, какъ бы самъ для себя.

— На дьявола же отецъ женилъ тебя! продолжалъ распрашивать купецъ.

— Варя на селѣ была, богата да не брали: родила; меня бачька женилъ.

— Вотъ что̀!

Купецъ усмѣхнулся и́, поправляя на головѣ шляпу, переглянулся съ дѣвками; иныя хохотали, иныя прятались одна за другую. Удерживалась отъ смѣха только одна изъ нихъ, толстенькая, красненькая и помоложе другихъ. Наконецъ она также разразилась громкимъ хохотомъ, и закрывши лицо руками съ крикомъ: охъ, чтобъ тебѣ! пустилась бѣжать отъ толпы.

— Тю! закричалъ ей вслѣдъ какой-то парень.

Ѳедя стоялъ задумчивъ и водилъ по землѣ хворостиною.

Купецъ былъ очень доволенъ потѣхою, вызванною его распросами. Съ чувствомъ самодовольства потянулъ онъ дымъ изъ своей трубки и обратился опять къ Ѳедѣ: А Катя-то небось важная была?

Разсѣянность Ѳеди вдругъ исчезла и, какъ часто случалось съ нимъ, болтливость смѣнила его неразговорчивость.

— Катя добрая была, отвѣчалъ онъ: — жалѣла меня, дуракомъ

николи не звала, звала Ѳедей, и въ обиду меня не давала. Иду селомъ, мальчишки обсыплютъ: какой кричитъ, какой дергаетъ. Увидитъ Катя, всѣхъ прогонитъ. Рубашка-то на мнѣ вишь какая черная, а Катя-то бывало вымоетъ, а въ праздникъ мнѣ голову причешетъ и въ шапку цвѣтокъ заткнетъ и застежку мнѣ дастъ, да важную застежку!

— Не ту ли, что̀ вотъ теперь у тебя торчитъ? спросилъ купецъ, указывая на клочекъ тряпки. — Толпа захохотала.

— Нѣтъ, сказалъ Ѳедя: — ту я берегу, спрятана; такой ужь никто не дастъ мнѣ.

— Да гдѣ дѣвалась твоя Катя?

Увезли, отвѣчалъ Ѳедя купцу: — мужъ увезъ, — и принялся разсказывать: прихожу къ избѣ, а тамъ плясъ, да пѣсни играютъ, да шумъ такой.... Я хотѣлъ и себѣ туда.... откуда ни возьмись ребятишки, ну меня дергать, кричатъ: прогулялъ невѣсту, прогулялъ невѣсту! Я отъ нихъ отбиваться, а мужикъ вышелъ, да и разогналъ ихъ, мнѣ сказалъ: ступай прочь. Пришелъ на другой день передъ вечерней зорькой, какъ бывало Катя по воду ходитъ. Ждать — нѣту Кати. На третій день нѣтъ, на четвертый нѣтъ; не видалъ послѣ Кати, а бачька женилъ.

Ѳедя задумался.

— Э, эхъ, бѣдняга! А гдѣжь твой бачька? спросилъ купецъ.

— Бачька умеръ, умеръ на Зимняго Николу. У, студено было! Земля застыла, что копать нельзя. Я топоромъ ему и яму вырубилъ; зарыли; Богъ съ нимъ!

Темнѣло. Лошадь купца уже въ концѣ села гремѣла своимъ бубенчикомъ.

Э, повозка-то моя уѣхала. Прощайте, красныя! Хоть бы какая-нибудь проводила меня, сказалъ купецъ.

— Ай самъ дороги не знаешь, закричало нѣсколько голосовъ. Прощайте!

— Эхъ, вы, красавицы! сказалъ купецъ, подалъ Ѳедѣ мѣдный пятакъ, и покуривая трубку, быстрыми шагами догонялъ свою лошадь.

Толпа дѣвокъ и парней разбрелась по домамъ. Около Ѳеди только вертѣлся какой-то мальчишка.

— А что̀ у тебя въ рукѣ? спросилъ онъ.

Ѳедя открылъ руку и показалъ пятакъ. Мальчишка вмигъ схватилъ его и пустился бѣжать.

— Укралъ, проговорилъ Ѳедя и побрелъ по селу.

Уже совершенно стемнѣло. Наступила холодная осенняя ночь. Въ небѣ тускло блистали звѣзды. Ѳедя улегся возлѣ какого-то двора на мокрую землю. Въ селѣ настала глубокая тишина; все спало. Только не спалъ долго Ѳедя и смотрѣлъ на небо. «Много звѣздъ, говорилъ онъ: — одна, другая; одна, другая....» такъ считалъ дуракъ звѣзды, покуда наконецъ не заснулъ глубокимъ сномъ.

А. СТАНКЕВИЧЪ.

1843.

ПОЛЗУНКОВЪ.

Я началъ всматриваться въ этого человѣка. Даже въ наружности его было что-то такое особенное, что невольно заставляло вдругъ, какъ бы вы разсѣяны ни были, пристально приковаться къ нему взглядомъ и тотчасъ же разразиться самымъ неумолкаемымъ смѣхомъ. Такъ и случилось со мною. Нужно замѣтить, что глазки этого маленькаго господина были такъ подвижны, или, наконецъ, что онъ самъ, весь, до того поддавался магнетизму всякаго взгляда, на него устремленнаго, что почти инстинктомъ угадывалъ, что его наблюдаютъ, тотчасъ же оборачивался къ своему наблюдателю и съ безпокойствомъ анализировалъ взглядъ его. Отъ вѣчной подвижности, поворотливости онъ рѣшительно походилъ на жируэтку. Странное дѣло! Онъ какъ-будто боялся насмѣшки, тогда какъ почти добывалъ тѣмъ хлѣбъ, что былъ всесвѣтнымъ шутомъ и съ покорностію подставлялъ свою голову подъ всѣ щелчки, въ нравственномъ смыслѣ и даже въ физическомъ, смотря по тому, въ какой находился компаніи. Добровольные шуты даже не жалки. Но я тотчасъ замѣтилъ, что это странное созданіе, этотъ смѣшной человѣчекъ вовсе не былъ шутомъ изъ профессіи. Въ немъ оставалось еще кое-что благороднаго. Его безпокойство, его вѣчная болѣзненная боязнь за себя уже свидѣтельствовали въ пользу его. Мнѣ казалось, что все его желаніе услужить происходило скорѣе отъ добраго сердца, чѣмъ отъ матеріяльныхъ выгодъ. Онъ съ удовольствіемъ позволялъ засмѣяться надъ собой во все горло и неприличнѣйшимъ образомъ, въ глаза, но въ тоже время — и я даю клятву въ томъ — его сердце ныло и обливалось кровью отъ мысли, что его слушатели такъ

неблагородно-жестокосерды, что способны смѣяться не факту, а надъ нимъ, надъ всѣмъ существомъ его, надъ сердцемъ, головой, надъ наружностію, надъ всею его плотью и кровью. Я увѣренъ, что онъ чувствовалъ въ эту минуту всю глупость своего положенія; но протестъ тотчасъ же умиралъ въ груди его, хотя непремѣнно каждый разъ зарождался великодушнѣйшимъ образомъ. Я увѣренъ, что все это происходило не иначе, какъ отъ добраго сердца, а вовсе не отъ матеріяльной невыгоды быть прогнаннымъ въ толчки и не занять у кого-нибудь денегъ: этотъ господинъ вѣчно занималъ деньги, т. е. просилъ въ этой формѣ милостыню, когда, погримасничавъ и достаточно насмѣшивъ на свой счетъ, чувствовалъ, что имѣетъ нѣкоторымъ образомъ право занять. Но, Боже мой! какой это былъ заёмъ! и съ какимъ видомъ онъ дѣлалъ этотъ заемъ! Я предположить не могъ, чтобъ на такомъ маленькомъ пространствѣ, какъ сморщенное, угловатое лицо этого человѣчка, могло умѣститься въ одно и тоже время столько разнородныхъ гримасъ, столько странныхъ, разнохарактерныхъ ощущеній, столько самыхъ убійственныхъ впечатлѣній. Чего-чего тутъ не было! — И стыдъ-то, и ложная наглость, и досада съ внезапной краской въ лицѣ, и гнѣвъ, и робость за неудачу, и просьба о прощеніи, что смѣлъ утруждать, и сознаніе собственнаго достоинства, и полнѣйшее сознаніе собственнаго ничтожества, — все это какъ молніи проходило по лицу его. — Цѣлыхъ шесть лѣтъ пробивался онъ такимъ образомъ на Божіемъ свѣтѣ и до сихъ поръ не составилъ себѣ фигуры въ интересную минуту займа! Само собою разумѣется, что очерствѣть и заподличаться въ конецъ онъ не могъ никогда. Сердце его было слишкомъ подвижно, горячо! Я даже скажу болѣе: по моему мнѣнію, это былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, но съ маленькою слабостію: сдѣлать подлость по первому приказанію, добродушно и безкорыстно, лишь бы угодить ближнему. Однимъ словомъ, это былъ, что̀ называется, человѣкъ — тряпка вполнѣ. Всего смѣшнѣе было то, что онъ былъ одѣтъ почти также какъ всѣ, не хуже, не лучше, чисто, даже съ нѣкоторою изысканностію и съ поползновеніемъ на солидность и собственное достоинство. Это равенство наружное и неравенство внутреннее, его безпокойство за себя и въ тоже время безпрерывное самоумаленіе, — все это составляло разительнѣйшій контрастъ и достойно было смѣху и жалости. Еслибъ онъ былъ увѣренъ сердцемъ своимъ (что̀, несмотря на опытъ, поминутно случалось съ нимъ), что всѣ его слушатели были добрѣйшіе въ мірѣ люди, которые смѣются только факту смѣшному, а не надъ его обреченною личностію, то онъ съ удовольствіемъ снялъ бы фракъ свой, надѣлъ его какъ-нибудь на изнанку и пошелъ бы въ этомъ нарядѣ,

другимъ въ угоду, а себѣ въ наслажденіе, по улицамъ, лишь бы разсмѣшить своихъ покровителей и доставить имъ всѣмъ удовольствіе. Но до равенства онъ не могъ достигнуть никогда и ничѣмъ. Еще черта: чудакъ былъ самолюбивъ и порывами, если только не предстояло опасности, даже великодушенъ. Нужно было видѣть и слышать, какъ онъ умѣлъ отдѣлать, иногда не щадя себя, слѣдовательно съ рискомъ, почти съ геройствомъ, кого-нибудь изъ своихъ *покровителей*, уже до-нельзя его разбѣсившаго. Но это было минутами.... Однимъ словомъ, онъ былъ мученикъ въ полномъ смыслѣ слова, но самый безполезнѣйшій, и слѣдовательно самый комическій мученикъ.

Между гостями поднялся общій споръ. Вдругъ я увидѣлъ, что чудакъ мой вскакиваетъ на стулъ и кричитъ, что есть мочи, желая, чтобъ ему одному дали исключительно слово.

— Слушайте, шепнулъ мнѣ хозяинъ. Онъ разсказываетъ иногда прелюбопытныя вещи.... Интересуетъ онъ васъ?

Я кивнулъ головою и втѣснился въ толпу.

Дѣйствительно видъ порядочно одѣтаго господина, вскочившаго на стулъ и кричавшаго всѣмъ голосомъ, возбудилъ общее вниманіе. Многіе, кто не знали чудака, переглядывались съ недоумѣніемъ, другіе хохотали во все горло.

— Я знаю Өедосѣя Николаича! Я лучше всѣхъ долженъ знать Өедосѣя Николаича! кричалъ чудакъ съ своего возвышенія. — Господа, позвольте разсказать. Я хорошо разскажу про Өедосѣя Николаича! Я знаю одну исторію — чудо!...

— Разскажите, Осипъ Михайлычъ, разскажите.

— Разсказывай!!

— Слушайте же....

— Слушайте, слушайте!!!

— Начинаю; но господа, это исторія особенная....

— Хорошо, хорошо!

— Это исторія комическая.

— Очень хорошо, превосходно, прекрасно, — къ дѣлу!

— Это эпизодъ изъ собственной жизни вашего нижайшаго....

— Ну зачѣмъ же вы трудились объявлять, что она комическая!

— И даже не много трагическая!

— А???!

— Словомъ, та исторія, которая вамъ всѣмъ доставляетъ счастіе слушать меня теперь, господа, — та исторія, вслѣдствіе которой я попалъ въ такую *интересную* для меня компанію.

— Безъ каламбуровъ!

— Та исторія....

— Словомъ та исторія, — ужь доканчивайте поскорѣе апологъ, — та исторія, которая чего-нибудь стоитъ, примолвилъ сиплымъ голосомъ одинъ бѣлокурый молодой господинъ съ усами, запустивъ руку въ карманъ своего сюртука и какъ-будто нечаянно вытащивъ оттуда кошелекъ вмѣсто платка.

— Та исторія, мои сударики, послѣ которой я бы желалъ видѣть многихъ изъ васъ на моемъ мѣстѣ. И наконецъ та исторія, вслѣдствіе которой я не женился!

— Женился!... жена!... Ползунковъ хотѣлъ жениться!!

— Признаюсь я бы желалъ теперь видѣть Mme Ползункову!

— Позвольте поинтересоваться, какъ звали прошедшую Mme Ползункову, пищалъ одинъ юноша, пробираясь къ разскащику.

— Итакъ, первая глава, господа:

То было ровно шесть лѣтъ тому, весной, 31 марта, — замѣтьте число, господа, — наканунѣ....

— Перваго апрѣля! — закричалъ юноша въ завиткахъ.

— Вы необыкновенно угадливы-съ. Былъ вечеръ. Надъ уѣзднымъ городомъ N. сгущались сумерки, хотѣла выплыть луна.... ну, и все тамъ, какъ слѣдуетъ. Вотъ-съ, въ самыя позднія сумерки, втихомолочку, и я выплылъ изъ своей квартирёнки, — простившись съ моей замкнутой покойницей бабушкой. Извините, господа, что я употребляю такое модное выраженіе, слышанное мной въ послѣдній разъ у Николай Николаича. Но бабушка моя была вполнѣ *замкнутая:* она была слѣпа, нѣма, глуха, глупа, — все, что̀ угодно!... Признаюсь, я былъ въ трепетѣ, я собирался на великое дѣло; сердчишко во мнѣ билось какъ у котенка, когда его хватаетъ чья-нибудь костлявая лапа за шиворотъ.

— Позвольте, Mr Ползунковъ!

— Чего требуете?

— Разсказывайте проще; пожалуйста не слишкомъ старайтесь!

— Слушаюсъ, проговорилъ не много смутившійся Осипъ Михайлычъ. Я вошелъ въ домикъ Ѳедосѣя Николаича (благопріобрѣтенный-съ). Ѳедосѣй Николаичъ, какъ извѣстно, не то, чтобы сослуживецъ, но цѣлый начальникъ. Обо мнѣ доложили и тотчасъ же ввели въ кабинетъ. Какъ теперь вижу: совсѣмъ, совсѣмъ почти темная комната, а свѣчей не подаютъ. Смотрю, входитъ Ѳедосѣй Николаичъ? Такъ мы и остаемся съ нимъ въ темнотѣ....

— Что̀жь бы такое произошло между вами? спросилъ одинъ офицеръ.

— А какъ вы полагаете-съ? спросилъ Ползунковъ, немедленно обращаясь, съ судорожно-шевельнувшимся лицомъ, къ юношѣ въ завиткахъ.

— Итакъ, господа, тутъ произошло одно странное обстоятельство. То есть страннаго тутъ не было ничего, а было что̀ называется дѣло житейское, — я просто за просто вынулъ изъ кармана свертокъ бумагъ, а онъ изъ своего свертокъ бумажекъ только государственными....

— Ассигнаціями?

— Ассигнаціями-съ, и мы помѣнялись.

— Бьюсь объ закладъ, что тутъ пахло взятками, проговорилъ одинъ солидно одѣтый и выстриженный молодой господинъ.

— Взятками-съ! подхватилъ Ползунковъ. — Эхъ!

Пусть я буду либераломъ.
Какихъ много видѣлъ я!

если вы тоже, какъ вамъ попадется служить въ губерніи, не погрѣете рукъ.... на родномъ очагѣ.... Заие, сказалъ одинъ литераторъ:

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Мать, мать, господа, родная, родина-то наша, мы птенцы, такъ мы ее и сосёмъ!...

Поднялся общій смѣхъ.

— А только, повѣрите ли, господа, я никогда не бралъ взятокъ, сказалъ Ползунковъ, недовѣрчиво оглядывая все собраніе.

Гомерическій, неумолкаемый смѣхъ всѣмъ залпомъ своимъ накрылъ слова Ползункова.

— Право такъ, господа....

Но тутъ онъ остановился, продолжая оглядывать всѣхъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица. Можетъ быть, — кто знаетъ, — можетъ быть въ эту минуту ему вспало на умъ, что онъ почестнѣе многихъ изъ всей этой честной компаніи.... Только серьёзное выраженіе лица его не исчезало до самого окончанія всеобщей веселости.

— Итакъ, началъ Ползунковъ, когда всѣ поумолкли: — хотя я никогда не бралъ взятокъ, но въ этотъ разъ грѣшенъ: положилъ въ карманъ взятку.... съ взяточника.... То есть были кое-какія бумажки въ рукахъ моихъ, которыя еслибъ я захотѣлъ послать кой-кому, такъ худо бы пришлось Ѳедосѣю Николаичу.

— Такъ стало быть онъ ихъ выкупилъ?

— Выкупилъ-съ.

— Много далъ?

— Далъ столько, за сколько иной въ наше время продалъ бы совѣсть свою, всю, со всѣми варьяціями-съ.... если бы только что-нибудь дали-съ. Только меня варомъ обдало, когда я положилъ въ карманъ денежки. Право, я не знаю, какъ это со мной всегда дѣлается, господа, — но вотъ, ни живъ ни мертвъ, губами шевелю, ноги трясутся; ну, виноватъ, виноватъ, совсѣмъ виноватъ, въ-пухъ засовѣстился, готовъ прощенья просить у Ѳедосѣя Николаича....

— Ну чтожь онъ простилъ?

— Да я не просилъ-съ.... я только такъ говорю, что такъ оно было тогда; у меня то есть сердце горячее. Вижу, смотритъ мнѣ прямо въ глаза:

— Бога, говоритъ, вы не боитесь, Осипъ Михайлычъ.

Ну, что̀ дѣлать! я этакъ развелъ изъ приличія руки, голову на сторону. — Чѣмъ же, я говорю, Бога не боюсь, Ѳедосѣй Николаичъ?... Только ужь такъ говорю, изъ приличія.... самъ сквозь землю провалиться готовъ.

— Бывъ такъ долго другомъ семейства нашего, бывъ, могу сказать, сыномъ, — и кто знаетъ, что̀ небо предполагало, Осипъ Михайлычъ! И вдругъ что̀ же, доносъ, готовить доносъ, и вотъ теперь!... Что̀ послѣ этого думать о людяхъ, Осипъ Михайлычъ?

Да вѣдь какъ, господа, какъ рацею читалъ! Нѣтъ, говоритъ, вы мнѣ скажите, что̀ послѣ этого думать о людяхъ, Осипъ Михайлычъ? — Что̀, думаю, думать! Знаете, и въ горлѣ заскребло, и голосенко дрожитъ, ну ужь предчувствую свой скверный норовъ и схватился за шляпу....

— Кудажь вы, Осипъ Михайлычъ? неужели наканунѣ такого дня.... Неужели вы и теперь злопамятствуете; чѣмъ я противъ васъ согрѣшилъ?...

— Ѳедосѣй Николаичъ, говорю, Ѳедосѣй Николаичъ!

Ну, то есть расталлъ, господа, какъ мокрый сахаръ медовичъ растаялъ. Куда! и пакетъ, что въ карманѣ лежитъ съ государственными, и тотъ словно тоже кричитъ: неблагодарный ты, разбойникъ, тать окаянный, — словно пять пудовъ въ немъ, такъ тянетъ.... (А еслибъ и въ заправду въ немъ пять пудовъ было!...)

— Вижу, говоритъ Ѳедосѣй Николаичъ: — вижу ваше раскаяніе.... вы знаете завтра....

— Маріи Египетскія-съ....

— Ну, не плачь, говоритъ Ѳедосѣй Николаичъ: — полно: согрѣшилъ и покаялся! пойдемъ! Можетъ быть удастся мнѣ возвратить, говоритъ, васъ опять на путь истинный.... Можетъ быть скромные пенаты мои (именно, помню, пенаты, такъ и выразился, разбойникъ) согрѣютъ, говоритъ, опять ваше очерств.... не скажу очерствѣлое, — заблудшее сердце....

Взялъ онъ меня, господа, за руку и повелъ къ домочадцамъ. Мнѣ спину морозомъ прохватываетъ; дрожу! думаю, съ какими глазами предстану я.... — А нужно вамъ знать, господа.... какъ бы сказать, здѣсь выходило одно щекотливое дѣльцо!

— Ужь не госпожа ли Ползункова?

— Марья Ѳедосѣевна-съ, — только не суждено, знать, ей было быть такой госпожей, какой вы ее называете, не дождалась такой чести! Оно, видите, Ѳедосѣй-то Николаичъ былъ и правъ, говоря, что въ домѣ-то я почти сыномъ считался. Оно и было такъ назадъ тому полгода, когда еще былъ живъ одинъ юнкеръ въ отставкѣ, Михайло Максимычъ Двигайловъ по прозвищу. Только онъ волею Божію помре, а завѣщаніе-то совершить все въ долгой ящикъ откладывалъ; оно и вышло такъ, что ни въ какомъ ящикѣ его не отыскали потомъ....

— Ухъ!!!

— Ну, ничего, нечего дѣлать, господа, простите, обмолвился, — каламбурчикъ-то плохъ, да это бы еще ничего, что онъ плохъ, — штука-то была еще плоше, когда я остался, такъ сказать, съ нулемъ въ перспективѣ, потому-что юнкеръ-то въ отставкѣ — хоть меня въ домъ къ нему и не пускали (на большую ногу жилъ, затѣмъ, что были руки длинны!) — а тоже, можетъ быть не ошибкой, роднымъ сыномъ считалъ.

— Ага!!

— Да-съ, оно вотъ какъ-съ! Ну, и стали мнѣ носы показывать у Ѳедосѣя Николаича. Я замѣчалъ, замѣчалъ, крѣпился, крѣпился, а тутъ, вдругъ, на бѣду мою (а можетъ и къ счастью!), какъ снѣгъ на голову ремонтеръ наскакалъ на нашъ городишко. Дѣло-то оно его, правда, подвижное, легкое, кавалерійское, — только такъ

плотно утвердился у Өедосѣя Николаича, — ну, словно мортира засѣлъ! Я обиходцемъ да стороночкой, по подлому норову, такъ и такъ, говорю, Өедосѣй Николаичъ, за чтожь обижать! Я въ нѣкоторомъ родѣ ужь сынъ.... Отеческаго-то, отеческаго когда я дождусь.... Началъ онъ мнѣ, сударикъ ты мой, отвѣчать! ну, то есть начнетъ говорить, поэму наговоритъ цѣлую, въ двѣнадцати пѣсняхъ въ стихахъ, только слушаешь, облизываешься да руки разводишь отъ сладости, а толку нѣтъ ни на грошъ, т. е. какого толку, не разберешь, не поймешь, стоишь дуракъ дуракомъ, затуманитъ, словно вьюнъ вьется вывертывается; ну, талантъ, просто талантъ, даръ такой, что вчужѣ страхъ пробираетъ! Я кидаться пошелъ во всѣ стороны: туды да сюды! ужь и романсы таскаю, и конфетъ привожу, и каламбуры высиживаю, охи да вздохи, болитъ, говорю, мое сердце, отъ амура болитъ, да въ слезы, да тайное объясненіе! вѣдь глупъ человѣкъ! вѣдь не провѣрилъ у дьячка, что мнѣ тридцать лѣтъ.... куды! хитрить выдумалъ! нѣтъ же! не пошло мое дѣло, смѣшки да насмѣшки кругомъ, — ну, и зло меня взяло, за горло совсѣмъ захватило, — я улизнулъ, да въ домъ ни ногой, думалъ, думалъ — да хвать доносъ! Ну, поподличалъ, друга выдать хотѣлъ, сознаюсь, матеріяльцу-то было много, и славный такой матеріялъ, капитальное дѣло! Тысячу пятьсотъ серебромъ принесло, когда я его вмѣстѣ съ доносомъ на государственныя вымѣнялъ!

— А! такъ вотъ она взятка-то!

— Да, сударь, вотъ была взяточка-то-съ, поплатился мнѣ взяточникъ! (И вѣдь не грѣшно, ну, право же нѣтъ!) Ну вотъ-съ теперь продолжать начну: притащилъ онъ меня, если запомнить изволите, въ чайную ни жива, ни мертва; встрѣчаютъ меня: всѣ какъ-будто обиженные, т. е. не то, что обиженные, — разогорченные такъ, что ужь просто.... Ну, убиты, убиты совсѣмъ, а между тѣмъ и важность такая приличная на лицахъ сіяетъ, солидность во взорахъ, этакъ что-то отеческое, родственное такое.... блудный сынъ воротился къ намъ, — вотъ куда пошло! За чай усадили, а чего у меня у самого словно самоваръ въ грудь засѣлъ, кипитъ во мнѣ, а ноги леденѣютъ: умалился, струсилъ! Марья Өоминишна, супруга его, совѣтница надворная, (а теперь коллежская) мнѣ *ты* съ перваго слова начала говорить: что ты, батинька, такъ похудѣлъ, говоритъ. — Да такъ, прихварываю, говорю, Марья Өоминишна.... голосенко-то дрожитъ у меня! А она мнѣ ни съ того, ни съ сего, знать выжидала свое ввернуть, ехидна такая: — что видно совѣсть, говоритъ, твоей душѣ не по мѣркѣ пришлась, Осипъ Михайлычъ, отецъ родной! Хлѣбъ соль-то наша, говоритъ, родственная возопіяла къ тебѣ! Отлились знать тебѣ мои слезки кровавыя! Ей-Богу, такъ и сказала, пошла

противъ совѣсти; чего! то ли за ней, бой-баба! Только такъ сидѣла да чай разливала. А поди-ка, я думаю, на рынкѣ, моя голубушка, всѣхъ бабъ перекричала бы. Вотъ какая была она, наша совѣтница! А тутъ, на бѣду мою, Марья Өедосѣевна, дочка, выходитъ, со всѣми своими невинностями, да блѣдненька немножко, глазки разкраснѣлись, будто отъ слезъ, — я какъ дуракъ и погибъ тутъ на мѣстѣ. А вышло потомъ, что по ремонтерѣ она слезки роняла: тотъ утёкъ во свояси, улепетнулъ по добру, по здорову, потому-что, знаете, знать (оно пришлось теперь къ слову сказать), пришло ему время уѣхать, срокъ вышелъ, оно не то, чтобы и казенный былъ срокъ-то! а такъ.... ужъ послѣ родители дражайшіе спохватились, узнали всю подноготную, да что̀ дѣлать, втихомолку зашили бѣду, — своего дому прибыло!... Ну, нечего дѣлать, какъ взглянулъ я на нее, пропалъ, просто пропалъ, накосился на шляпу, хотѣлъ схватить да улепетнуть поскорѣе; не тутъ-то было: утащили шляпу мою.... Я ужъ, признаться, и безъ шляпы хотѣлъ — ну, думаю, — нѣтъ же, дверь на крючокъ насадили, смѣшки дружескіе начались, подмигиванья да заигрыванья, сконфузился я, что-то совралъ, объ амурѣ понесъ; она, моя голубушка, за клавикорды сѣла, да гусара, который на саблю опирался, пропѣла на обиженный тонъ, — смерть моя! — Ну, говоритъ Өедосѣй Николаичъ: — все забыто, приди, приди.... въ объятія! — Я какъ былъ, такъ тутъ же и припалъ къ нему лицомъ на жилетку. Благодѣтель мой, отецъ ты мой родной, говорю! да какъ зальюсь своими горючими! Господи Богъ мой, какое тутъ поднялось! Онъ плачетъ, баба его плачетъ, Машенька плачетъ.... тутъ еще бѣлобрысенькая одна была: и та плачетъ.... куда — со всѣхъ угловъ ребятишки повыползли (благословилъ его домкомъ Господь!) и тѣ ревутъ.... сколько слезъ, т. е. умиленіе, радость такая, блуднаго обрѣли, словно на родину солдатъ воротился! — Тутъ угощеніе подали, фанты пошли: охъ болитъ! что̀ болитъ? сердце; по комъ? Она краснѣетъ, голубушка! Мы съ старикомъ пуншику выпили, — ну уходили, усластили меня совершенно....

Воротился я къ бабушкѣ. У самого голова кругомъ ходитъ; всю дорогу шелъ да подсмѣивался, дома два часа битыхъ по коморкѣ ходилъ, старуху разбудилъ, ей все счастье повѣдалъ. — Да денегъ-то далъ ли, разбойникъ? — Далъ, бабушка, далъ, далъ, родная моя, далъ, привалило къ намъ, отворяй ворота! — Ну, теперь хоть женись, такъ въ тужь пору, женись, говоритъ мнѣ старуха: — знать молитвы мои услышаны! Софрона разбудилъ. Софронъ, говорю, снимай сапоги. Софронъ потащилъ съ меня сапоги. — Ну, Софроша! Поздравь ты теперь меня, поцалуй! Женюсь, просто, братецъ, женюсь, напѣйся пьянъ завтра, гуляй душа, говорю: баринъ твой женится! — Смѣшки

да игрушки на сердцѣ!... Ужь засыпать было началъ; нѣтъ, подняло меня опять на ноги, сижу да думаю; вдругъ и мелькни у меня въ головѣ: завтра-де 1-е апрѣля, день-то такой свѣтлый, игривый, какъ бы такъ? — да и выдумалъ! Чтожь, сударики! съ постели всталъ, свѣчу зажегъ, въ чемъ былъ за столъ письменный сѣлъ, т. е. ужь расходился совсѣмъ, заигрался, знаете, господа, когда человѣкъ разыграется! Всей головой, отцы мои, въ грязь полѣзъ! То есть вотъ какой норовъ: они у тебя вотъ что̀ возьмутъ, а ты имъ вотъ и это отдашь: дескать, на-те и это возьмите! они тебя по ланитѣ, а ты имъ на радостяхъ всю спину подставишь. Они тебя потомъ калачемъ какъ собаку манить начнутъ, а ты тутъ всѣмъ сердцемъ и всей душой облапишь ихъ глупыми лапами — и ну лобызаться! Вѣдь вотъ хоть бы теперь, господа! Вы смѣетесь да шепчетесь, я вѣдь вижу! Послѣ, какъ разскажу вамъ всю мою подноготную, меня же начнете на смѣхъ подымать, меня же начнете гонять, а я то вамъ говорю, говорю, говорю! Ну, кто мнѣ велѣлъ! Ну, кто меня гонитъ! Кто у меня за плечами стоитъ да шепчетъ: говори, говори да разсказывай! А вѣдь говорю же, разсказываю, вамъ въ душу лѣзу, словно вы мнѣ, примѣромъ, всѣ братья родные, друзья закадышные.... э-эхъ!...

Хохотъ, начинавшій мало-по-малу подыматься со всѣхъ сторонъ, покрылъ наконецъ совершенно голосъ разскащика, дѣйствительно пришедшаго въ какой-то восторгъ; онъ остановился, нѣсколько минутъ перебѣгая глазами по собранію, и потомъ вдругъ, словно увлеченный какимъ-то вихремъ, махнулъ рукой, захохоталъ самъ, какъ-будто дѣйствительно находя смѣшнымъ свое положеніе, и снова пустился разсказывать:

Едва заснулъ я въ ту ночь, господа; всю ночь строчилъ на бумагѣ; видители, штуку я выдумалъ! Эхъ, господа! припомнить только, такъ совѣстно станетъ! И добро бы ужь ночью: ну, съ пьяныхъ глазъ, заблудился, напуталъ вздору, навралъ; нѣтъ же! Утромъ проснулся ни свѣтъ ни заря, всего-то и спалъ часикъ, другой, и за-то же! Одѣлся, умылся, завился, припомадился, фракъ новый напялилъ и прямо на праздникъ къ Ѳедосѣю Николаичу, а бумагу въ шляпѣ держу. Встрѣчаетъ меня самъ, съ отверстыми, и опять зоветъ на жилетку родительскую! Я и пріосанился, въ головѣ еще вчерашнее бродитъ! На шагъ отступилъ. — Нѣтъ, говорю, Ѳедосѣй Николаичъ, а вотъ коль угодно, сію бумажку прочтите, — да и подаю ее при рапортѣ; а въ рапортѣ-то знаете что̀ было? А было: По такимъ-то, да по такимъ-то, такого-то Осипа Михайлыча, уволить въ отставку, да подъ просьбой-то весь чинъ подмахнулъ! Вотъ вѣдь что̀ выдумалъ, Господи! и умнѣе-то ничего придумать не могъ! Дескать, сегодня 1-е апрѣля, такъ я вотъ и сдѣлаю видъ, ради шу-

точки, что обида моя не прошла, что одумался за ночь, одумался да нахохлился, да пуще прежняго обидѣлся, да, дескать, вотъ же вамъ, родные мои благодѣтели, и ни васъ, ни дочки вашей знать не хочу; денежки-то вчера положилъ въ карманъ, обезпеченъ, такъ вотъ, дескать, вамъ рапортъ объ отставкѣ. Не хочу служить подъ такимъ начальствомъ, какъ Ѳедосѣй Николаичъ! въ другую службу хочу, а тамъ, смотри, и доносъ подамъ. Этакимъ подлецомъ представился, напугать ихъ выдумалъ! и выдумалъ чѣмъ напугать! А? хорошо, господа? Т. е. вотъ заласкалось къ нимъ сердце со вчерашняго дня, такъ дай я за это шуточку семейную отпущу, подтруню надъ родительскимъ сердечкомъ Ѳедосѣя Николаича....

Только взялъ онъ бумагу мою, развернулъ и вижу, шевельнулась у него вся физіономія. — Чтожь, Осипъ Михайлычъ? А я какъ дуракъ: 1-е апрѣля! съ праздникомъ васъ Ѳедосѣй Николаичъ! — т. е. совсѣмъ какъ мальчишка, который за бабушкино кресло спрятался втихомолку, да потомъ уфъ! ей на ухо, во все горло, — попугать вздумалъ! Да.... да просто, даже совѣстно разсказывать, господа! Да нѣтъ же! я не буду разсказывать!

— Да нѣтъ, что̀ же дальше!

— Да нѣтъ, да нѣтъ, разскажите! Нѣтъ ужь разсказывайте! поднялось со всѣхъ сторонъ.

— Поднялись, судари мои, толки да пересуды, охи да ахи! и проказникъ то я, и забавникъ то я, и перепугалъ то я ихъ, ну, такое сладчайшее, что самому стыдно стало, такъ-что стоишь да со страхомъ и думаешь: какъ такого грѣшника такое мѣсто святое на себѣ держать можетъ! «Ну, родной ты мой, запищала совѣтница: — напугалъ меня такъ, что о сю пору ноги трясутся, еле на мѣстѣ держатъ! Выбѣжала я какъ полуумная къ Машѣ: Машенька, говорю, что̀ съ нами будетъ! Смотри, какимъ *твой-то* оказывается! Да сама согрѣшила, родимый, ужь ты прости меня старуху, опростоволосилась! Ну, думаю: какъ пошелъ онъ отъ насъ вчера, пришелъ домой поздно, началъ думать, да можетъ показалось ему, что нарочно мы вчера ходили за нимъ, завлечь хотѣли, такъ и обмерла я! — Полно, Машенька, полно мигать мнѣ, Осипъ Михайлычъ намъ не чужой; я же твоя мать, дурного ничего не скажу! Слава Богу, не двадцать лѣтъ на свѣтѣ живу: цѣлыхъ сорокъ пять!...»

Ну, что̀, господа! Чуть я ей въ ноги не чибурахнулся тутъ! Опять прослезились, опять лобызанія пошли! Шуточки начались! Ѳедосѣй Николаичъ тоже для 1-го апрѣля штучку изволили выдумать! Говоритъ, дескать, жаръ-птица прилетѣла, съ брильянтовымъ клювомъ, а въ клювѣ-то письмо принесла! Тоже надуть хо-

тѣлъ, — смѣхъ-то пошелъ какой! умиленіе-то было какое! — тьфу! — даже срамно разсказывать!

Ну, что̀ мои милостивцы, теперь и вся недолга! Пожили мы день, другой, третій, недѣлю живемъ; я ужь совсѣмъ женихъ! Чего! Кольца заказаны, день назначили, только оглашать не хотятъ до времени, ревизора ждутъ. Я-то жду не дождусь ревизора, счастье мое остановилось за нимъ! Спустить бы его скорѣй съ плечь долой, думаю. А Θедосѣй-то Николаичъ подъ шумокъ и на радостяхъ всѣ дѣла свалилъ на меня: счеты, рапорты писать, книги свѣрять, итоги подводить, — смотрю: безпорядокъ ужаснѣйшій, все въ запустѣніи, вездѣ крючки да кавыки! ну, думаю, потружусь для тестюшки! А тотъ все прихварываетъ, болѣзнь приключилась, день ото дня ему, видишь, хуже. А чего, я самъ какъ спичка, ночей не сплю, повалиться боюсь! Однако кончилъ-таки дѣло на славу! выручилъ къ сроку! Вдругъ шлютъ за мной гонца. Поскорѣй, говорятъ, худо Θедосѣю Николаичу! Бѣгу сломя-голову, — что̀ такое? Смотрю, сидитъ мой Θедосѣй Николаичъ обвязанный, уксусу къ головѣ примочилъ, морщится, кряхтитъ, охаетъ: охъ да охъ! Родной ты мой, милый ты мой, говоритъ, умру, говоритъ, на кого-то я васъ оставлю, птенцы мои! Жена съ дѣтьми приплелась, Машенька въ слезы, — ну, я и самъ зарюмилъ! — Ну нѣту же, говоритъ, Богъ будетъ милостивъ! Не взыщетъ же Онъ съ васъ за всѣ мои прегрѣшенія! Тутъ онъ ихъ всѣхъ отпустилъ, приказалъ за ними дверь запереть, остались мы съ нимъ вдвоемъ, съ глазу на глазъ. — «Просьба есть до тебя!» — «Какая-съ?» Такъ и такъ, братецъ, и на смертномъ одрѣ нѣтъ покоя, зануждался совсѣмъ!» — «Какъ такъ?» Меня тутъ и краска прошибла, языкъ отнялся. — «Да такъ, братецъ, изъ своихъ пришлось въ казну приплатиться; я, братецъ, для пользы общей ничего не жалѣю, жизни своей не жалѣю! Ты не думай чего! Грустно мнѣ, что меня предъ тобой клеветники очернили.... Заблуждался ты, горе съ тѣхъ поръ мою голову убѣлило! Ревизоръ на носу, а у Матвѣева въ семи тысячахъ недочетъ, а отвѣчаю я.... ктожь больше! Съ меня, братецъ, взыщутъ: чего смотрѣлъ? А что съ Матвѣева взять! Ужь и такъ довольно съ него; что горемыку подъ обухъ подводить!» — Святители, думаю, вотъ праведникъ! вотъ душа! А онъ: «да, говоритъ, дочернихъ брать не хочу изъ того, что̀ ей пошло на приданое; это священная сумма! Есть свои, есть, правда, да въ люди отданы, гдѣ ихъ сейчасъ соберешь!» — Я тутъ какъ былъ, такъ и брякъ передъ нимъ на колѣни. — «Благодѣтель ты мой, кричу, оскорбилъ я тебя, разобидѣлъ, клеветники на тебя бумаги писали, не убей въ конецъ, возьми назадъ свои денежки!» — Смотритъ онъ на меня, потекли у него изъ глазъ слезы. — «Этого я и ждалъ отъ тебя, мой сынъ,

встань; тогда простилъ ради дочернихъ слезъ! теперь и мое сердце прощаетъ тебя. Ты залечилъ, говоритъ, мои язвы! благословляю тебя во вѣки вѣковъ!» — Ну, какъ благословилъ-то онъ меня, господа, я во всѣ лопатки домой, досталъ сумму: вотъ, батюшка, все, только пятдесятъ цѣлковыхъ извелъ! — «Ну ничего, говоритъ, а теперь всякое лыко въ строку; время спѣшное; напиши-ка рапортъ, заднимъ числомъ, что зануждался, да впередъ просишь жалованья 50 руб. Я такъ и покажу по начальству, что тебѣ впередъ выдано.... Ну, чтожь господа! Какъ вы думаете? вѣдь я и рапортъ написалъ!

— Ну, что же, — ну, чѣмъ же, — ну, какъ это кончилось?

— Только-что написалъ я рапортъ, сударики вы мои, вотъ чѣмъ кончилось. На завтра же, на другой же день, рапехонько по утру пакетъ за казенной печатью. Смотрю — и чтожь обрѣтаю? Отставка! Дескать, сдать дѣла, свести счеты, а самому итти на всѣ стороны!

— Какъ такъ?

— Да ужь и я тутъ благимъ-матомъ крикнулъ: какъ такъ! сударики! Чего, въ ушахъ зазвенѣло! Я думалъ спроста, анъ нѣтъ ревизоръ въ городъ въѣхалъ. Дрогнуло сердце мое! Ну, думаю, не спроста! да такъ какъ былъ къ Ѳедосѣю Николаичу; что? говорю. — А чтожь? говоритъ. — Да вотъ же отставка! — Какая отставка? — А это? — Ну, чтожь и отставка-съ! — Да какъ же, развѣ я пожелалъ? — А какъ же вы подали-съ, 1-го апрѣля вы подали; (а бумагу-то я не взялъ назадъ!) Ѳедосѣй Николаичъ! да васъ ли слышатъ уши мои, васъ ли видятъ очи мои! — Меня-съ, а что-съ? — Господи Богъ мой! — Жаль мнѣ, сударь, жаль, очень жаль, что такъ рано службу оставить задумали! Молодому человѣку нужно служить, а у васъ, сударь, вѣтеръ началъ бродить въ головѣ. А насчетъ аттестата будьте покойны: я позабочусь. Вы же такъ хорошо себя всегда аттестуете-съ! — Да вѣдь я жь тогда шуточкой, Ѳедосѣй Николаичъ, я-жь не хотѣлъ, я такъ подалъ бумагу, для родительскаго вашего.... вотъ! — Какъ-съ вотъ! Какое, сударь, шуточкой! Да развѣ такими бумагами шутятъ-съ? да васъ за такія шуточки когда-нибудь въ Сибирь упекутъ-съ. Теперь прощайте, мнѣ некогда-съ, у насъ ревизоръ-съ, обязанности службы прежде всего; вамъ бить баклуши, а намъ тутъ сидѣть за дѣлами-съ. А ужь я васъ тамъ какъ слѣдуетъ аттестую-съ. — Да еще-съ, вотъ я домъ у Матвѣева сторговалъ, переѣдемъ на дняхъ, такъ ужь надѣюсь, что не буду имѣть удовольствія васъ на новосельѣ у себя увидѣть. Счастливый путь! — Я домой со всѣхъ ногъ: пропали мы, бабушка! взвыла она, сердечная; а тутъ, смотримъ, бѣжитъ казачокъ отъ Ѳедосѣя Николаича, съ запиской и съ клѣткой, а въ клѣткѣ скворецъ сидитъ; это я ей отъ избытка чувствъ скворца подарилъ говорящаго; а въ запискѣ стоитъ: *1-е апрѣля*, а больше и нѣтъ ничего. Вотъ господа, что, какъ вы думаете-съ?!

— Ну, что же, что же дальше???

— Чего дальше! встрѣтилъ я разъ Ѳедосѣя Николаича, хотѣлъ было ему въ глаза подлеца сказать....

— Ну!

— Да какъ-то не выговорилось, господа!

Ѳ. ДОСТОЕВСКІЙ.

Бернадскій.

ТРИ ХАШША́ША

НАРОДНАЯ ЕГИПЕТСКАЯ СКАЗКА.

Сулейманъ-Бей, проѣзжая однажды по одной изъ улицъ Каира, увидѣлъ трехъ человѣкъ весьма незатѣйливой наружности, сидѣв-

пихъ у дверей кофейной и безмолвно похлебывавшихъ кофе. — По ихъ неопредѣленному, безсмысленному взору, онъ догадался, что эти люди были подъ вліяніемъ хашиша. Посмотрѣвъ на нихъ пристально, Бей поклонился имъ и продолжалъ свою дорогу.... Но, отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ долженъ былъ остановиться. Длинная вереница громоздко навьюченныхъ верблюдовъ затерла узкую улицу и проѣзду не было. Бей отъ нечего дѣлать оглянулся на хашшашей (*). Шумный спорь кипѣлъ между тремя стариками; размахивая руками, они кричали другъ на друга, дѣлая страшныя рожи, но словъ ихъ, за дальностью, Бей не могъ разслышать. Возвратившись во дворецъ и подстрекаемый любопытствомъ узнать предметъ этой ссоры, повелитель послалъ чавуша (**) за тремя чудаками. Ихъ притащили.

— О чемъ вы спорили, братцы, между собою, когда я проѣхалъ мимо васъ? спросилъ Бей.

— Да продлитъ Господь дни ваши, сказалъ одинъ изъ хашшашей. — Мы спорили о томъ, къ кому изъ насъ относился поклонъ могущественнаго повелителя нашего.

Каждый изъ нихъ приписывалъ эту честь себѣ.

Бей расхохотался.

— Я поклонился, сказалъ онъ: — тому изъ васъ, который надѣлалъ болѣе дурачествъ въ бреду хашиша....

— Я, я, я, могущественный государь.... завопили въ одинъ голосъ всѣ трое....

— Постойте, возразилъ Бей: — пусть каждый изъ васъ разскажетъ мнѣ одну изъ своихъ продѣлокъ; чья будетъ глупѣе, тотъ и считай за собою поклонъ мой; начинай хоть ты.

И Бей указалъ на одного изъ нихъ.

— Узнай, о могущественный государь! началъ первый хашшашъ: — что нѣсколько времени тому назадъ я имѣлъ въ кошелькѣ моемъ тысячу піастровъ, кормился ими и былъ доволенъ своею судьбою. Вотъ однажды, возвратившись домой съ прогулки, съѣлъ я кусочекъ хашишу, хлебнулъ кофею и запалилъ трубку; часа черезъ два, три, когда въ головѣ у меня зашумѣло, я вышелъ снова изъ дому и пустился крестить по переулкамъ. Вижу, у одной кофейной нѣсколько человѣкъ окружаютъ пѣвца, напѣвающаго что-то подъ ладъ своихъ маленькихъ бубенъ. Я присѣлъ къ кружку, спросилъ кофе, закурилъ трубку и сталъ прислушаваться къ пѣснѣ. Пѣвецъ описывалъ красоту какой-то дѣвушки.... Боже мой, какъ она была хороша, по словамъ пѣсни! Нельзя было не влюбиться въ ея

(*) Хашшашами называются въ Египтѣ потребители хашиша, одуряющаго снадобья въ лепешечкахъ изъ конопляннаго листка.

(**) Посыльный полицейскій въ свитѣ большихъ чиновниковъ турецкихъ.

прелести.... Передъ нею Зулейка была какъ простая звѣзда передъ солнцемъ, а Абля (*) просто грязь.... Я и дался въ сѣть и влюбился въ

красавицу, да такъ, что когда пѣвецъ замолчалъ, я отдалъ ему всѣ деньги, которыя были при мнѣ. На другой день въ тоже время съ

(*) Героиня извѣстной народной арабской поэмы Антàръ.

туманомъ хашиша въ головѣ прибѣжалъ я къ моей кофейной и тотъ же пѣвецъ мурлыкалъ продолженіе вчерашней повѣсти. Въ этотъ разъ онъ описывалъ, какъ герои и цари боролись между собою за обладаніе моей возлюбленной Харидè, и какъ она пренебрегала любовью ихъ и отвергала ихъ жертвы. Я болѣе и болѣе терялъ голову, и на этотъ разъ пѣвцу досталось отъ меня втрое больше вчерашней суммы денегъ. Я отдалъ ему все, что̀ было въ карманѣ, все, до послѣдней *ха̀мсе* (*).

На слѣдующій день я не оставилъ скамейки своей около кофейной праздною. Пѣвецъ и въ этотъ разъ, постукивая въ бубны, пѣлъ прелести Харидè.... Но теперь онъ разсказывалъ про любовь ея къ какому-то повѣсѣ.... Что̀ я тогда чувствовалъ, того и описать не въ силахъ: змѣя ревности разрывала на куски мое сердце и по жиламъ моимъ разливала ядъ бѣшенства. Я изнемогалъ.... Но вотъ, слышу, родственники разлучили любовниковъ и погрузили ихъ въ море слезъ.... Я отдохнулъ и опорожнилъ мои карманы, чтобы набить кису пѣвца.... Такимъ образомъ продолжалось нѣсколько дней сряду.... пламя любви и иглы ревности терзали меня попеременно. Хашишъ работалъ въ свою очередь и пламенною кистью дорисовывалъ картины, набрасываемыя пѣвцомъ, расширялъ ихъ поле, населялъ ихъ новыми образами, о которыхъ пѣвцу вѣроятно и не грезилось.... и наконецъ оживлялъ ихъ, двигалъ ими по произволу и бросалъ меня попеременно изъ жару въ холодъ, съ небесъ въ преисподнюю. Капиталъ мой таялъ вмѣстѣ со мною, и скоро я простился съ послѣднею ха̀мсе. Но я не думалъ о деньгахъ и о пищѣ: любовь питала и согрѣвала меня. — Такимъ образомъ, съ пустымъ карманомъ, но съ головою, набитою парами хашиша, пошелъ я однажды къ кофейной.... слышу, голосъ пѣвца дрожитъ.... онъ плачетъ, грусть на лицѣ его.... — Что̀ случилось? спросилъ я его, подойдя поближе.... — Бѣдная Харидè!... отвѣчалъ онъ, печально качая головою. — Что̀ же, что̀ съ нею?... кричалъ я. — Приказала долго жить, прошепталъ пѣвецъ.... Я застоналъ и, разрывая одежды мои, побѣжалъ, самъ не зная куда. Когда первые порывы отчаянія поунялись, хашишъ развернулъ передо мною похоронный ходъ и печальное *ля иля*, *илль-алла̀*, *Мохаммедъ ресулъ-алла̀* (нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Мохаммедъ посланный отъ Бога) раздалось въ ушахъ моихъ посреди воя и женскихъ воплей. Я бѣгалъ какъ безумный изъ переулка въ переулокъ, а по пятамъ моимъ бѣжала толпа съ гробомъ Харидè, и страшные вопли и *ля-иля* все громче, все страшнѣе звенѣли въ ушахъ моихъ. Наконецъ, изнеможенный, истерзанный, я упалъ гдѣ-

(*) Пять пара̀, двѣ съ половиною копейки — мѣдная египетская монета.

то и лишился чувствъ; очнувшись, я увидѣлъ себя на порогѣ моихъ дверей.... Встаю, припоминаю предшествовавшія обстоятельства.... И когда всѣ они воскресли въ моей памяти, у меня такъ и опустились руки.... Казна моя пуста, сердце разбито и сверхъ того по лицу моему текла кровь, потому-что я размозжилъ себѣ голову при паденіи. Пролежавъ дома цѣлый день и проглотивъ кусочекъ хашишу, побрелъ я въ сосѣднюю кофейную, гдѣ пріятель кафеджи напоилъ меня кофе и далъ трубку. Тутъ-то я сошелся съ моими товарищами и удостоился лицезрѣнія и поклона твоего, — о могущественный государь!

— Недурно; но не торопись приписывать себѣ эту честь; послушаемъ, что̀ скажутъ другіе, замѣтилъ Бей.

— Узнай, о великій государь! началъ другой: — я нѣкогда былъ богатый и почетный купецъ, имѣлъ кра̀савицу жену и пятерыхъ дѣтей. Жизнь моя была подобна весеннему утру: свѣтла, тиха, благоуханна. Но хаши̇́шъ подрылъ зданіе моего благополучія и обратилъ его вверхъ дномъ. Однажды, проглотивъ частицу этого рокового зелья, сѣлъ я, послѣ дневныхъ трудовъ, отдохнуть на своей софѣ и услаждалъ себя отъ времени до времени *финджа́номъ* (*) мокка и благовоннымъ дымомъ *абури́ха* (**).... Жена работала, сидя подлѣ меня, а ребятишки рѣзвились и оглашали комнаты своимъ дѣтскимъ крикомъ. Наконецъ голова моя стала наполняться чадомъ отъ хаши́ша.... грезы налетали одна за другою.... воображеніе мое пришло въ дѣйствіе.... Крикъ моихъ повѣсъ сталъ мнѣ несносенъ....

.... Нѣсколько разъ просилъ я ихъ уняться, — но дѣти, пьяные и сумасшедшіе не понимаютъ просьбъ. Я вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и, схвативъ палку, ударилъ ею съ угрозою объ полъ, закричавъ на безстыдниковъ, чтобы они замолчали.... Но при этомъ движеніи я остановился внезапно: плита моего пола издала глухой звукъ, какъ-будто подъ нею было пустое пространство. — Хаши́шъ шепнулъ мнѣ, что въ этомъ мѣстѣ зарытъ кладъ. — Хм, сказалъ я самъ себѣ: — не надо спѣшить; если я примусь вынимать кладъ при женѣ, она сойдетъ съ ума и пойдетъ трезвонить по всѣмъ сосѣдямъ.... что̀ изъ этого выйдетъ хорошаго? Какъ же бы такъ сдѣлать, чтобъ ее удалить?

.... Но что долго думать? и, вскочивъ съ мѣста: — Жена! закричалъ я: — *и̇́нти телла́ка би-т-теляте* (ты разведена тройнымъ разводомъ) (***).

(*) Чашечка съ серебрянымъ или мѣднымъ поддонничкомъ, изъ которой пьютъ турки кофе.

(**) Черный сирійскій табакъ, прозванный абури́ха — *отецъ благовонія.*

(***) Чтобъ разводъ былъ заключенъ, мусульманину достаточно сказать женѣ своей: *ты разведена.* Послѣ этого онъ можетъ взять ее назадъ къ себѣ, когда ему заблагоразсудится, и жить съ нею по прежнему; законъ не противится этому. Если же онъ, въ минуту гнѣва, разведется съ нею тройнымъ разводомъ, сказавъ ей приведенную выше фразу, то онъ можетъ законнымъ порядкомъ принять ее къ себѣ въ домъ и жить съ нею по прежнему не иначе, какъ выдавъ ее сперва за-мужъ за кого бы то ни было, и не прежде, какъ на утро такъ называемой *входной ночи.*

Жена моя помертвѣла; бросивъ работу и вскочивъ на ноги, — — Что ты это, мужъ?... что съ тобою? за что я провинилась? завопила она.

— Ни слова, и сейчасъ же выбирайся изъ дому и съ дѣтьми.

— Помилуй, мужъ, когда, чѣмъ подала я тебѣ поводъ къ неудо-

вольствію? Двѣнадцать лѣтъ живемъ мы вмѣстѣ мирно и ладно и кромѣ нѣжностей ничего другъ отъ друга не видали. Скажи мнѣ....

— Довольно; не̂ къ чему много толковать. Вотъ тебѣ тысячу грушей (*). Возьми изъ комнаты и кладовой все, что̀ тебѣ нужно, все, что̀ тебѣ нравится, — и съ Богомъ, въ домъ твоего отца!

Рыдая и вопія, собрала она вещи, взяла дѣтей своихъ и отправилась изъ дому.

— А! воскликнулъ я, съ самодовольнымъ видомъ: — вотъ я и одинъ въ домѣ.

«Тише, тише, Абу Халіфе!» шепталъ мнѣ хашишъ: — «не надо торопиться. Положимъ, примешься ты отрывать кладъ; но кто тебѣ сказалъ, что самъ ты за рюмкой *амберіе̂* (**) или въ обществѣ моихъ поклонниковъ не разгласишь всему свѣту о твоей находкѣ.... Проучи-ка себя прежде чѣмъ-нибудь хорошенько, чтобы языкъ твой былъ на привязи и не болталъ лишняго». Послушный голосу моего повелителя, я всталъ, вынулъ изъ сундука пятьсотъ грушей и отправился къ *Валі̂* (***). — Возьми, сказалъ я ему: — эти пятьсотъ грушей и дай мнѣ по пятамъ пятьсотъ *курба̀чей* (****); во время же *фала̀ки* (*****) спрашивай меня: не видалъ ли чего? не нашелъ ли чего? не отрылъ ли чего? — Правитель удивился чрезмѣрно моему странному требованію и не соглашался исполнить его, но окружающіе его замѣтили ему, что тѣло мое принадлежитъ мнѣ, и что я властенъ располагать имъ какъ мнѣ заблагоразсудится. — Возьми его деньги, заключили они: — и отколоти его до смерти.

Пожавъ плечами, Валі̂ далъ знакъ, и меня повалили, связали, подняли ноги, и курбачъ засвисталъ и запрыгалъ по̀ пятамъ моимъ; а палачи въ это время повторяли безпрерывно: не видалъ ли чего? не нашелъ ли чего? не отрылъ ли чего? Я же въ свою очередь кричалъ въ отвѣтъ: ей Богу, ничего не видалъ, ничего не находилъ, ничего не отрывалъ. Хоръ этотъ продолжался до послѣдняго удара. Изнеможенный, поднялся-было я на окровавленныя пяты, но

(*) Грушъ — турецкій піастръ, 20 копеекъ мѣди.

(**) *Амберіе̂* — ликеръ.

(***) *Валі̂* — губернаторъ.

(****) *Курба̀чъ* — выдѣланный ипопотамовый нервъ, употребляемый вмѣсто кнута.

(*****) *Фала̀ка* — колодка, надѣваемая виновному на ноги, когда его наказываютъ по пятамъ.

повалился снова и черезъ силу выползъ на колѣняхъ изъ присутствія, сѣлъ на осла и поѣхалъ въ домъ свой. Пролежавъ нѣсколько дней, я поправился и рѣшился приступить къ вскрытію пола. Но хашишъ, которому я не забылъ въ тотъ день поклониться, по обыкновенію, опять остановилъ меня. «О, Абу Халифе, шепталъ онъ мнѣ: — «ты еще недовольно проучилъ себя; ну какъ ты да выболтаешь свою тайну; проучи-ка себя другой разъ, любезный!» Нечего дѣлать, — вынувъ изъ сундука тысячу грушей, отправился я къ янычаръ-агѣ. — Возьми эти деньги, сказалъ я ему: — и дай мнѣ тысячу палокъ, приговаривая: не видалъ ли чего? не нашелъ ли чего? и проч. Янычаръ-ага́ не заставилъ себя долго просить и, схвативъ деньги, приказалъ мнѣ отсыпать требуемое мною число ударовъ по спинѣ.

По окончаніи расправы, душа едва держалась въ моемъ тѣлѣ, а на ногахъ держаться я уже былъ не въ состояніи. Меня довели до осла моего, и дома я протянулъ ноги на нѣсколько дней. — Пришедши въ силы, я сталъ припоминать всѣ обстоятельства страннаго случая, которому былъ обязанъ я болью во всемъ тѣлѣ, и чѣмъ болѣе углублялся въ размышленіе, тѣмъ яснѣе рисовались предъ мною пагубныя послѣдствія, до которыхъ можетъ довести излишняя довѣренность къ коварнымъ наущеніямъ хашиша. Я проклиналъ всѣ дьявольскія навожденія, порождаемыя чадомъ этого зелья, и внутренно обѣщаясь исправить и вознаградить по возможности несправедливость мою противъ жены, торжественно зарекался навсегда обращаться къ моему любимому лакомству; но въ то самое время, какъ эта похвальная рѣшимость благоуханнымъ цвѣткомъ распускалась на почвѣ моего мозга, рука моя, не спросясь моей воли, пошаривъ подъ подушкою и доставъ оттуда оловянную коробочку, вынула изъ нея бѣлую пластинку и вложила ее мнѣ въ ротъ, будто въ насмѣшку надъ моими мудрыми рѣшеніями. И въ самомъ дѣлѣ, пока умъ мой работалъ прилежно надъ совершеннымъ разрывомъ съ лукавымъ канопленъ, этотъ плутъ подкрался къ нему какъ ночной воръ и, наславъ на него дурманъ свой, обратилъ вверхъ дномъ зданіе, только-что имъ воздвигнутое.... Я вновь, безсознательно, очутился въ объятіяхъ моего стараго друга. .... «Эй, Абу Халифе! вставай, ты ужь оправился и уже довольно проучилъ себя; пора приниматься за работу. Вставай, не пропускай *предопредѣленной минуты*, а то будешь раскаяваться».... Что̀ прикажешь дѣлать? Въ эти минуты я принадлежалъ вполнѣ моему властителю и повиновался ему безусловно. Поднявшись съ постели, съ ужасною болью въ крестцѣ и въ бокахъ, поплелся я къ заповѣдной плитѣ и съ біеніемъ сердца и туманомъ въ головѣ принялся ее отворачивать.... плита подалась

безъ большихъ усилій.... я сѣлъ на закраину, опустивъ ноги внизъ и опершись руками по сторонамъ, боялся взглянуть внизъ.... хашишъ однако же меня знай-понукалъ, налегая мнѣ на плечи.... Я сталъ спускаться, не отрывая рукъ отъ окраинъ и все глядя вверхъ. При новомъ усиліи хашиша, руки мои оборвались, и я рухнулъ .... ой! не спрашивай, могущественный государь, гдѣ я очутился .... только въ одну минуту дыханье мое захватило, я обезумѣлъ, я задыхался.... мутная вода подступила мнѣ къ горлу.... самъ же я былъ весь въ какой-то зловонной хлябѣ; волосы мои стали дыбомъ, я хотѣлъ кричать — и не могъ.... всѣ струны моего голоса были оборваны.... А въ то время, какъ преслѣдуемый коварными наущеніями хашиша, я стремился къ краю пропасти и наконецъ низринутъ былъ ими чуть не въ преисподнюю, жена моя неутѣшная, проливая слезы, просилась у отца своего сходить провѣдать обо мнѣ.... «Я не знаю, говорила она, всхлипывая: — что за дурь вдругъ нашла на моего мужа, что ни съ того, ни съ сего прогналъ онъ меня.... Я увѣрена, что все это проказы хашиша.... да низойдетъ на него проклятіе!... Образумясь, мужъ мой раскается въ несправедливомъ своемъ противъ меня поступкѣ, потому-что я ни въ чемъ себя упрекнуть не могу; пойду, посмотрю, что̀ съ нимъ сталось». — «Ступай, матушка, я тебя не удерживаю», сказалъ ей отецъ. — И она отправилась.... стукъ въ дверь, — никто не откликается .... стукъ опять.... и еще и еще. «Абу Халифе дома?» спрашиваетъ она у сосѣдей.... «Абу Халифе уже болѣе недѣли какъ не выходилъ изъ дому», отвѣчаютъ ей.... Она опять принимается стучать, но отвѣта нѣтъ.... Тогда она побѣжала за слесаремъ и, сопровождаемая толпою сосѣдей и сосѣдокъ, вошла въ домъ. По долгомъ исканіи, накопецъ нашли они меня въ моей ямѣ, полуживого отъ страданій. — Когда меня вытащили, обмыли, одѣли и успокоили, я вышелъ изъ дому, чтобы освѣжиться воздухомъ, и злостный хашишъ, виновникъ всѣхъ моихъ бѣдствій, уже снова безъ моего вѣдома проскользнулъ ко мнѣ подъ языкъ и привелъ меня прямо къ кофейной, гдѣ я удостоился поклона твоего, о великій государь....

— Постой, закричалъ Бей, катаясь отъ смѣху: — твои приключенія тоже хороши; но прежде чѣмъ останется за тобой поклонъ, выслушаемъ твоего третьяго товарища.

— Могущественный государь, началъ третій хашташъ. — Не болѣе недѣли тому назадъ я былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ судьбою, что, право, не помѣнялся бы и съ тобой моимъ положеніемъ: домъ, полный всякой благостыни, — денегъ вволю, — двоюродная

сестра-жена (*) — чудо красоты. Однажды красавица моя, проведя цѣлый день въ банѣ, возвратилась домой такая чистенькая, такая свѣженькая, розовенькая, блестящая, что голова моя, въ которой хашѝшъ, часа за полтора на-бѣду проглоченный мною, уже начиналъ мутить мысли и распалять воображеніе, голова моя стала теряться, глаза жадно впивались въ прелести двоюродной сестрицы, какъбудто въ первый разъ ихъ замѣтили, сердце волновалось какъ священная рѣка (**) въ бурю.

— Двоюродная сестрица! воскликнулъ я какъ бы невольно: — ты сегодня плѣнительна, я влюбился въ тебя по уши.... Тутъ хашѝшъ сталъ совѣтовать мнѣ, чтобы я немедленно развелся и снова сочтался съ нею бракомъ, рисуя мнѣ первые дни женитьбы самыми заманчивыми красками.... И я тутъ же приступилъ къ дѣлу, произнеся обычную разводную фразу, и на другой день заварилъ новую сватьбу. Три дня пировали у меня родные, сосѣди, знакомые; я угощалъ ихъ по-царски въ ожиданіи благословенной *входной ночи*.... Въ послѣдній вечеръ я былъ самъ не свой отъ упоенія, и хашѝшъ, который я не позабылъ проглотить, такъ и толкалъ меня, чтобы я вытолкалъ гостей, хотя еще далеко было до ночи; я не долго удерживалъ порывы своего нетерпѣнія и, выпроводивъ весь народъ изъ дому, до послѣдняго служителя, побѣжалъ къ двоюродной сестрицѣ во внутренніе покои, забывъ второпяхъ запереть дверь на улицу. Когда я остался одинъ съ двоюродной сестрицей, она сказала мнѣ: — Двоюродный братецъ, заприте-ка дверь на улицу. — «Удивительное дѣло», воскликнулъ я: — «чтобъ я, новобрачный, одѣтый въ шали, въ шолкъ и съ алмазнымъ кинжаломъ, пошелъ запирать дверь! да ты, матушка, съ ума сошла! поди-ка ты сама запри ее». — Машаллáхъ! воскликнула двоюродная сестра: — чтобы я, молодая, разодѣтая въ атласъ, кружева, драгоцѣнные камни, пошла запирать дверь! да это не я, а ты, кажется, спятилъ съ ума! — Но сдѣлаемъ уговоръ, если хочешь, продолжала она: — пусть тотъ изъ насъ запретъ дверь, кто первый заговоритъ. — «Ладно», отвѣчалъ я и замолчалъ, замолчала и она, и мы сѣли, какъ были, въ нарядахъ на скамейки другъ противъ друга, въ ожиданіи перваго слова.

Сидимъ часъ, другой, а между тѣмъ шайка воровъ, проходя мимо нашего дому и увидѣвъ отворенную дверь, вошла въ нее и начала подбирать все, что попадалось ей подъ руки; мы слышимъ, что

(*) Египтяне женятся часто на своихъ родственницахъ, большею частью на двоюродныхъ сестрахъ.

(**) Нилъ.

кто-то шаркаетъ по дому — и все себѣ молчимъ; вотъ воры добрались и до нашей комнаты, видятъ, что мы сидимъ неподвижно, не обра-

щаемъ на нихъ вниманія, и принялись складывать всѣ мебели, драгоцѣнные утвари, даже ковры повыташкали изъ-подъ насъ, потомъ ужь и на насъ наложили руки и сняли съ насъ все, что казалось имъ достойно ихъ вниманія, такъ-что мы остались только-что не нагіе; но, боясь промолвить слово, молчали, покоряясь судьбѣ. Обобравъ все, что было въ домѣ, воры съ миромъ изъ него выбрались и отправились себѣ куда хотѣли; а мы оставались на нашихъ скамеечкахъ, таращa въ молчаніи другъ на друга глаза. Къ утру подошелъ полиціймейстеръ съ обходомъ, и онъ, какъ воры, увидя отворенныя двери, вошелъ въ домъ.... Осмотрѣвъ всѣ комнаты и не встрѣтивъ живого существа, дошелъ наконецъ до покоя, гдѣ сидѣли мы, и обратился къ намъ съ вопросомъ: что все это значило; но ни я, ни двою-

родная сестрица и не думали отвѣчать ему. Онъ разсердился и велѣлъ рубить мнѣ голову. Палачъ подошелъ, выхватилъ изъ ноженъ свой мечь и только-что занесъ его на меня, какъ жена моя закричала: Господи, Боже мой!... двоюродной братецъ! пощадите .... «Ага! заревѣлъ я, захлопавъ въ ладоши: — попалась! изволь-ка запереть двери».... И съ тѣмъ вмѣстѣ объяснилъ я полиціймейстеру въ чемъ дѣло; онъ, пожимая плечами, вышелъ изъ дому съ людьми своими и оставилъ насъ въ покоѣ, но въ какомъ положеніи! Съ горя отправился я въ кофейную, гдѣ видѣлъ ты насъ, могущественный государь.

— Ну, братъ, проговорилъ Бей, держась за бока отъ смѣху: — тебѣ, тебѣ принадлежитъ мой поклонъ.

М. СААРУНИ.

Каиръ. 1842 года.

ВСТРѢЧА НА СТАНЦІИ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ).

I.

.... Около полудня я пріѣхалъ на станцію Лыткино. До Москвы оставалось еще верстъ около ста, а вечеромъ мнѣ непремѣнно хотѣлось поспѣть въ Москву.... День былъ осенній, серенькій; мелкій дождикъ, болѣе похожій на туманъ, сѣялъ будто сквозь сито. Надобно замѣтить, что въ Лыткинѣ станціонный смотритель и трактирное заведеніе помѣщались въ одномъ домѣ: трактирное заведеніе въ верхнемъ, а станціонное въ нижнемъ этажѣ, и что все это происходило очень давно.... Я вышелъ изъ кибитки, чтобъ закурить сигару; въ эту самую минуту надъ ухомъ моимъ раздался чей-то нѣсколько осипшій голосъ:

— Ваше ес-тво, пожалуйте сюда-съ, вотъ сюда.... здѣсь отличное заведеніе, перекусить можетъ чего желаете?

И человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ съ стоячимъ воротникомъ, съ почтительной ужимкой приподнявъ свою засаленную фуражку, съ чувствомъ указывалъ на трактирную вывѣску.

— Закладывайте-ка, братцы, поскорѣй лошадей, сказалъ я ямщикамъ, которые обступили мою кибитку и глубокомысленно разсматривали ее, почесывая затылки.

— Ваше ес-тво, не извольте безпокоиться, возразилъ человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ: — лошади готовы-съ, то есть стриженая дѣвка не успѣетъ косы заплести, какъ вы ужь изволите очутиться на той станціи. Духомъ представимъ-съ.

И потомъ онъ обратился къ ямщикамъ и закричалъ имъ, грозно нахмуривъ брови:

— Эй, вы тамъ, ротозѣи! Слышите ли, скорѣе лошадей шестерку изъ курьерскихъ. Да живо, слышь.... Ѳедотъ! Кузьма! шевелись, что̀ ли.

— Пожалуйте сюда, ваше ес-тво, продолжалъ онъ, устремляя на меня вкрадчивый и нѣжный взглядъ. — Здѣсь вамъ будетъ покойно.... Вотъ сюда наверхъ.... А ты что̀ тутъ? закричалъ онъ мальчишкѣ, спускавшемуся съ лѣстницы къ намъ навстрѣчу: — пошелъ прочь съ дороги! Вотъ я-те, щенокъ! Развѣ не видишь, что баринъ идетъ?

Этотъ человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ показался мнѣ очень оригинальнымъ, и я безпрекословно слѣдовалъ за нимъ. Онъ привелъ меня въ небольшую комнату. Въ этой комнатѣ стояли три четырехугольные стола, покрытые салфетками, которыя имѣли видъ очень непріятный и скорѣе походили на половики, употребляемые для обтиранія ногъ, чѣмъ на салфетки, обыкновенно употребляемыя для обтиранія рта; нѣсколько стульевъ подъ красное дерево, обтянутые черной кожею, и такой же диванъ; пять или шесть раскрашенныхъ гравюръ, изображающихъ похожденія Малекъ-Аделя, въ рамкахъ краснаго дерева, довершали убранство этой комнаты.

Проводникъ мой остановился почтительно въ дверяхъ, вытянувшись въ струнку, и произнесъ скороговоркою:

— Что̀ прикажете откушать, ваше ес-тво, — щи, супъ съ вермишелью, штексъ съ картофелемъ, ветчина, поросенокъ подъ хрѣномъ. Что̀ угодно-съ? Здѣшнему трактирщику всѣ сосѣдніе помѣщики заказываютъ банкеты и сватебные столы. Онъ изъ нѣмцевъ, ваше ес-тво, можно сказать, первѣйшій французскій куфмистеръ.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ я: — мнѣ ничего не нужно, я тороплюсь ѣхать; а велите-ка вы мнѣ лучше подать огня.

— Слушаю-съ.

Человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ живо повернулся направо кругомъ и вышелъ изъ комнаты.

— Эй, ребята, что̀жь вы не закладываете лошадей? закричалъ я изъ окна ямщикамъ, которые все стояли возлѣ моей кибитки и все еще глубокомысленно разсматривали ее.

— Да лошадей, баринъ, нѣту, лошади въ разгонѣ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, флегматически почесывая, только ужь не затылокъ....

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту явился ко мнѣ самъ станціонный смотритель и началъ божиться и клясться, что лошадей точно нѣтъ, что у нихъ такой гонъ, что Боже упаси, что лошади не прежде придутъ, какъ часа черезъ три, что ему будто бы очень обидно задерживать проѣзжающихъ, да вѣдь и то сказать, не самому же за-

речься въ экипажъ, что у него на станціи всего только восемь троекъ, и прочее.

— А какъ же, возразилъ я: — вотъ тутъ сейчасъ былъ какой-то господинъ, который увѣрялъ меня, что лошади готовы, и что меня духомъ представятъ на слѣдующую станцію? Кто же онъ такой?

— Да это, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ смотритель: — просто отставной *дибоширъ*, который промышляетъ на счетъ проѣзжающихъ и только нарушаетъ субординацію у насъ на станціи....

Дѣлать было нечего. Пришлось покориться необходимости. *Отставной дибоширъ* привелъ ко мнѣ трактирщика, и я заказалъ ему обѣдъ.

— Ну, Карлъ Иванычъ, говорилъ онъ трактирщику: — поворачивайтесь.... живѣе.... Видите, какъ ихъ ссътву кушать хочется. Не ударь себя лицомъ въ грязь, Карлъ Иванычъ!... Я ужь ихъ ссътву докладывалъ, что такого другого куфмистера не сыщешь, — я это про васъ и въ глаза и за глаза всякому скажу.... Такой штексъ приготовляетъ, ваше сс-тво, что просто всѣ пальчики оближешь.

Въ продолженіи этой рѣчи онъ все съ умиленіемъ поглядывалъ на меня, приподнявъ нѣсколько правую бровь кверху. Тутъ только въ первый разъ я внимательно разсмотрѣлъ его. Этотъ чудакъ былъ средняго росту, съ лицомъ опухшимъ и съ небритой бородою. Шея его была обвязана пестрымъ бумажнымъ носовымъ платкомъ, сюртукъ былъ весь въ заплатахъ; лѣвый лацканъ сюртука, подбитый краснымъ сукномъ, пристегивался къ третьей пуговицѣ праваго борта; на лѣвомъ бортѣ едва держались только двѣ пуговицы — верхняя и нижняя. Бѣлые холстинные шаровары, заправленные въ дегтярные сапоги, довершали его нарядъ.

— Что же вы здѣсь на станціи дѣлаете? спросилъ я у него: — откуда вы?

Онъ тотчасъ скорчилъ плачевную гримасу и дрожащей рукой началъ вынимать что-то изъ бокового кармана.

— Путковъ, ваше сс-тво, бѣдный и несчастный человѣкъ, произнесъ онъ, усиливаясь заплакать. — Ваше сс-тво, окажите великодушное состраданіе, примите отеческое участіе въ бѣдномъ и несчастномъ, но благородномъ человѣкѣ, окажите милосерднѣйшее вспомоществованіе, ваше высоко.... ваше сс-тво.... бѣднаго и гонимаго неутолимою судьбою примите, благодѣтель, въ ваше благотворительное соболѣзнованіе.

И онъ подалъ мнѣ вчетверо сложенную и засаленную бумагу.

— Что же это такое?

— Голосъ въ пустынѣ вопіющаго къ сострадательнымъ покровителямъ, голосъ унынія.... Не оставьте несчастную жертву зависти

и ничтожества, обремененнаго семействомъ, бѣдностію и недугомъ; несчастному окажите ваше сердобольное благоволеніе....

Произнося это, онъ закрылъ лицо грязной тряпкой и зарыдалъ.

— Какимъ же образомъ вы дошли до такого состоянія? спросилъ я его.

— Нужда, крайность, треволненіе, ваше ск-тво, дѣти малъ-мала-меньше, жена на одрѣ страданія. Вотъ я ужь седьмой годъ, какъ нахожусь въ отставкѣ, — что дѣлать? подпалъ подъ осужденіе, собственно, такъ сказать, подъ исключительное положеніе, по предательному навѣту принужденъ былъ выйти въ отставку.... Очернили меня злые люди, — покарай ихъ Богъ за невиннаго страдальца! Сказали, ваше ск-тво, будто я губомоченію придерживаюсь и склоненъ къ разнымъ азартнымъ случаямъ, а все пустяки, ей Богу, просто, я падучною одержимъ. И дивизіонная медицина такъ удостоила аттестатомъ.... Пятнадцать лѣтъ, ваше ск-тво, фельфебелемъ прослужилъ, у поручика Даткова подъ особымъ покровительствомъ находился. Вотъ ужь, подлинно сказать, былъ начальникъ, дай Богъ ему здоровья! Истинный отецъ былъ, — за всякое малѣйшее художество наистрожайше взыскивалъ.... Человѣка изъ меня сдѣлалъ.... истинно скажу, но впослѣдствіи, будучи въ отставкѣ, увлекся, виноватъ. Что дѣлать! грѣшенъ....

— Ваше ск-тво, отецъ! продолжалъ Путковъ еще болѣе плачевнымъ голосомъ: — вы можетъ не довѣряете мнѣ; пусть языкъ у меня прильпнетъ къ гортани, если я въ чемъ-нибудь солгалъ передъ вами. Благодѣтель! позвольте открыть всю душу. Выслушайте великодушно. Я ничего не посмѣю утаить отъ васъ.... Изволите знать Акулину Ефимовну, нашу майоршу-съ?...

— Ну-съ, что же она?

— Ничего-съ....

Путковъ покачалъ головою и потомъ поднялъ свои слезящіеся глаза къ потолку.

— Вотъ по милости ея-то, моей покровительницы, я и нахожусь, какъ изволите видѣть-съ.

— Отчего же?

— Да просто сказать по язычеству и ревности баталіоннаго командира.... Акулина Ефимовна его супруга-съ.... а, видитъ Богъ, аттестатъ замаранный неумышленно, но чистая душа.... безвинно приревновалъ, яко бы я.... ну, да что и говорить объ этомъ?

Онъ махнулъ рукой, снова поднесъ тряпку къ глазамъ и послѣ минуты молчанія произнесъ:

— Ваше с-ство, внемлите падшему моему духу, прострите бѣд-

БЕРНАРДСКIИ.

пому и невинно гонимому руку помощи. Заставьте вѣчно за себя Богу молить.... Сжальтесь надъ угнетеннымъ и злосчастнымъ.... У дѣтей сегодня крохи во рту не было, хлѣба не на что купить, ей Богу, не лгу!

И онъ протянулъ ко мнѣ свою грязную и опухшую руку.

Я положилъ въ нее двугривенный и возвратилъ ему его бумагу. Лицо его вдругъ просіяло.

— Великодушный герой и благотворитель! воскликнулъ онъ:— вѣкъ не забуду вашего благодѣянія , — по гробовую доску буду за васъ Бога молить.

И при этомъ восклицаніи онъ воздѣлъ правую руку къ потолку и продолжалъ съ особеннымъ увлеченіемъ:

— Молись Создателю — тварь праха недостойная! преклони выю твою, блудный сынъ, передъ десницею спасающею!

Онъ такъ размахнулся рукой, что послѣдняя пуговица на правомъ бортѣ его сюртука отскочила, сюртукъ распахнулся, и изъ дыряваго кармана его вывалились штопоръ и варганъ.

II.

Обѣдъ, заказанный мною, приготовлялся болѣе часу. Путковъ безпрестанно бѣгалъ на кухню и возвращаясь говорилъ мнѣ:

— Не безпокойтесь, ваше ес-тво, сію минуточку подадутъ. Я препорядочно распекъ всѣхъ ихъ. — Какъ, я говорю, вы смѣете, канальи, заставлять дожидаться такую высокую особу? Вотъ кабы вы, говорю я, поручика Латкова заставили такъ дожидаться, такъ онъ бы вамъ задалъ, вѣкъ бы не забыли его. Онъ шутить не любилъ! Онъ бы ужь, я говорю, давно въ кусочки самы мелки перебилъ всѣ ваши тарелки.... Извините, ваше ес-тво, моему глупому язычеству, и стишки иногда свахлясишь, ей Богу, что дѣлать, — бѣдность всему научитъ, а касательно обѣда не извольте гнѣваться, сію секунду подадутъ.

Когда половой показался въ дверяхъ съ салфеткою, накинутою на плечо, и съ подносомъ, Путковъ, у котораго глаза замѣтно посоловѣли, вѣроятно отъ частаго бѣганья на кухню, сдернулъ салфетку съ плеча полового и самъ накрылъ ее.

— Ну, что суешься-то не въ свое дѣло? закричалъ на него половой.

— Молчи, Вася, прошепталъ онъ значительно, но такъ, что я слышалъ все отъ слова до слова: — молчи, ужь я самъ накрою.... Вѣдь *онъ* былъ мой полковой командиръ, жена моя, братецъ, у него въ домѣ воспитывалась, вѣдь онъ, знаешь, всѣхъ моихъ дѣтей кре-

стилъ. Ужь ты, дружокъ, оставь все это на мое попеченіе, ужь я самъ буду ему прислуживать.

Во все время обѣда Путко́въ стоялъ передо мною съ тарелкою въ рукѣ и смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

— Хорошъ же, батюшка, вашъ хваленый кухмистеръ! сказалъ я ему.

— Точно, ваше ес-тво, отвѣчалъ онъ: — ужь что это за обѣдъ! да главный куфмистеръ маненько позагу́лялъ-съ, а это, коли правду сказать, готовилъ канальня поваренокъ....

— И поросенокъ-то, знаете, не совсѣмъ свѣжій, замѣтилъ я.

Путковъ осмотрѣлъ кругомъ себя, и убѣдясь, что въ комнатѣ никого нѣтъ, произнесъ вполголоса, покачивая головою:

— Извѣстно мошенники, ваше ес-тво, то есть, осмѣлюсь доложить, просто грабители на большихъ дорогахъ; ни стыда, ни совѣсти, только и норовятъ какъ бы стянуть съ проѣзжающаго побольше....

Черезъ часъ послѣ этого обѣда я пошелъ отыскивать станціоннаго смотрителя, чтобы навѣдаться о лошадяхъ. Я нашелъ его въ грязной и вонючей стеклянной галлереѣ, выходившей на дворъ. Онъ не замѣчалъ меня и помиралъ со смѣху, глядя на слѣдующую сцену:

Нѣмецъ-трактирщикъ сидѣлъ у стола. Противъ него стоялъ Путковъ и размахивалъ руками. Онъ упрекалъ трактирщика въ неблагодарности къ нему за его службу....

— Да, Карлъ Иванычъ, говорилъ онъ: — хорошо! теперь я не нуженъ. Пошоль фонъ!... А кто отрекомендовалъ *ему* твой штексъ? что, мой почтенный, небось не я?... кто расхвалилъ ему твой обѣдъ? а? *Онъ* вѣдь и не думалъ здѣсь обѣдать.... Кто уговорилъ его кушать здѣсь? а небось я не знаю, что ли, какъ ты стряпаешь-то?... Вѣдь это поросенокъ-то еще третьеводнишній....

— А ты все врешь, — это не правда, закричалъ съ досадою трактирщикъ.

— Позволь, позволь, душенька, не горячись.... На это у меня нашлись бы доказательства, благодѣтель.... Довольно того, что не присовѣтуй я имъ откушать здѣсь, тебѣ бы не перепало задаромъ два цѣлковика.... То-то! я вишь не въ тебя, нѣмецъ! я все норовлю какъ бы тебѣ въ пользу.... Неужлижъ все мое усердствіе не стоитъ какого-нибудь стаканчика настойки али хоть пеннячку?... Карлъ Иванычъ, почтеннѣйшій, *мейнъ-герихъ*! не откажи усерднѣйшему *брудеру* въ стаканчикѣ....

— Ну, чортъ съ тобой! возразилъ трактирщикъ: — такъ и быть!... я дамъ тебѣ стаканчикъ, но съ тѣмъ, чтобы ты вытянулъ его изъ соломенки.... Понимаешь?

— Ну-ка, братъ, ну-ка! закричали въ голосъ ямщики, стоявшіе тутъ же.

— Охъ, вы мнѣ, затѣйщики! произнесъ Путковъ, поглядывая то на трактирщика, то на ямщиковъ и почесывая затылокъ: — думаете запугать, что̀ ли? Анъ лихъ нѣтъ же! подавай сюда стаканъ, Карлъ Иванычъ, — давай соломенку!

Стаканъ, полный сивухи, и соломенка были тотчасъ же принесены.

Путковъ прищурясь посмотрѣлъ на стаканъ, покачалъ головою, почесалъ въ затылкѣ и произнесъ: — ну, благослови Господи! и потомъ принялся тянуть сивуху соломенкою.... Страшно и гадко было смотрѣть въ эту минуту на лицо бѣднаго Путкова.... страшно за человѣка! Но всѣ присутствовавшіе были очень довольны его кривляньями и изъявляли свое удовольствіе громкимъ хохотомъ. Во время роздыховъ, Путковъ бранился, просилъ пощады, вздыхалъ, а все-таки продолжалъ сосать — и до той минуты не выпустилъ соломенку изо рту, покуда въ стаканѣ ничего не осталось.

— Уфъ, кончилъ! воскликнулъ онъ, выпрямившись и обтирая потъ, который градомъ катился по лицу его.

— А что̀ же, батюшка, лошади? закричалъ я смотрителю.

— Пришли, ваше высокоблагородіе, пришли, отвѣчалъ смотритель, сдерживая послѣдній порывъ смѣху: — только вотъ ихъ покормятъ немножко овсецомъ и сейчасъ же духомъ заложутъ.... надобно только велѣть помазать колеса у вашей брички. Я сейчасъ распоряжусь.... ужь вы не извольте безпокоиться....

Путковъ оборотился ко мнѣ, немного пошатываясь и облизывая губы.

— Ничего, ничего, ваше высоко.... ваше ес-тво, не извольте безпокоиться. Мы сейчасъ смажемъ колесы, сейчасъ-съ.

Потомъ онъ пристально посмотрѣлъ на меня, заплакалъ и продолжалъ:

— Ваше ес-тво, милосердный покровитель, не взыщите съ бѣднаго и несчастнаго отца семейства.... Виноватъ, съ горя, ей Богу, съ горя.... не будь шестеро дѣтей малъ-мала-меньше, другой бы человѣкъ былъ, совсѣмъ другой, а то сами посудите, дѣти кричатъ: хлѣба, тятя! а тятѣ откуда взять хлѣба?... Дѣти меня и сгубили, ваше ес-тво, ей Богу, дѣти, не будь ихъ, я бы не былъ такой. Простите за глупыя рѣчи.... Сейчасъ побѣгу смазывать вашъ экипажъ.

— Куда тебѣ бѣжать? возразилъ смотритель. — Вишь, какъ ты нагрузился.... Ну-ка пройди по одной доскѣ, попробуй-ка!

Путковъ посмотрѣлъ на смотрителя съ укоромъ.

— Охъ, ужь вы мнѣ, право, Евграфъ Семенычъ! сказалъ онъ,

грозя ему пальцемъ: — нагрузился! да съ чего нагрузиться-то? Не только на двухъ, на одной ногѣ пройду по доскѣ. Вотъ какъ! Смотрите.

И Путковъ началъ прыгать на одной ножкѣ.

Черезъ минуту онъ, засучивъ рукава, уже суетился около моей брички и кричалъ ямщикамъ:

— Ну, что вы копаетесь, олухи? Я лучше васъ это дѣло смастерю. Я одинъ всѣ четыре колеса смажу скорѣе васъ.... Я докажу мое усердствіе!

III.

Въ дополненіе къ портрету Путкова — вотъ нѣкоторыя подробности о немъ, сообщенныя мнѣ станціоннымъ смотрителемъ.

Путковъ всякой день является на станцію для того, чтобы забавлять проѣзжающихъ, и этимъ кормится. Дѣти его, оборванныя и грязныя, ничѣмъ не отличаются отъ крестьянскихъ дѣтей. Жена его также попиваетъ съ горя. Дома иногда Путковъ бьетъ жену свою, а иногда жена бьетъ его. На станціи онъ обыкновенно проводитъ время до вечера, а вечеромъ отправляется въ общественное заведеніе, украшенное елкою, и остается тамъ до полуночи, заманивая туда разными штуками проходящихъ. Всѣ извѣстные пьяницы села Лыткина очень любятъ Путкова и не могутъ обойтись безъ него. Онъ ихъ душа и задоръ.

Когда заведеніе, украшенное елкою, наполняется гуляками, Путковъ, кривляясь и балясничая, ставитъ глиняную лохань посреди стола, снимаетъ свой сюртукъ, вѣшаетъ его на крючокъ, беретъ гитару, пощипывая струны, затягиваетъ *камаринскую* и потомъ присвистывая пускается въ присядку. Въ то время, какъ гуляки расходятся, Путковъ подходитъ къ лохани, смотритъ въ нее, прищуриваясь и поморщиваясь, и замѣчаетъ: — охъ, суховато, больно суховато! и ноготь обмочить не чѣмъ.

Тогда каждый изъ гулякъ поочередно подходитъ къ столу и, держа свою чарку надъ лоханью, произноситъ, смотря на Путкова:

— Подплеснуть, что ли? ась?

Путковъ вздыхая отвѣтствуетъ:

— Подплесни-ка, пріятель, верхушкой,
Да прикрой злой душкой!

И вслѣдъ за тѣмъ каждый изъ гулякъ сплескиваетъ въ лохань нѣсколько изъ своей чарки, потомъ духомъ выпиваетъ чарку и,

оставя на днѣ ея капли двѣ, опрокидываетъ ее въ лохань и говоритъ, обтирая усы и бороду:

— По добру, по здорову, вашему благородію!

Часто случается, что такимъ образомъ въ награду за потѣху наплескиваютъ Путкову въ лохань около штофа. Къ этому цаловальникъ добавляетъ ему отъ себя чарку или двѣ. Въ полночь Путковъ, напѣвая плясовую, возвращается къ себѣ домой, со штофомъ подъ мышкою....

IV.

Когда колеса у кибитки моей вымазали и лошадей запрягли, Путковъ явился ко мнѣ съ донесеніемъ.

Ваше ее-тво, все готово-съ и экипажъ приведенъ въ надлежащую исправность.... Я самъ вымазалъ всѣ колесы.... на ямщиковъ нельзя полагаться. Это такой народецъ, что Боже упаси!... Имъ пальца въ ротъ не клади. Мошенникъ на мошенникѣ, плутъ на плутѣ. За ними надо глаза да и глаза.

Онъ проводилъ меня до кибитки, пособилъ сѣсть въ нее и произнесъ сквозь слезы:

— Милосердный благотворитель! не взыщите съ бѣднаго и несчастнаго, одержимаго падучною болѣзнію, прикиньте за смазку колесъ хоть гривенничекъ, дѣтямъ на сапожнишки.

Я исполнилъ его желаніе.

Дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать, бормоталъ онъ. — Вѣкъ не забуду вашихъ отеческихъ наставленій... Разрази меня Господь, если я хоть грошъ издержу на вино изъ вашихъ денегъ. Вѣдь я чувствую, очень чувствую, что вино вредно, что оно есть самый злѣйшій врагъ человѣка.... Чортъ его возьми совсѣмъ! въ ротъ его никогда не возьму, проклятаго. Извѣстно, зачѣмъ пить? что хорошаго губить себя? Ваше ее-тво, вѣдь тѣмъ люди не играютъ, отъ чего умираютъ!...

Когда колокольчикъ на дугѣ пошатнулся и зазвенѣлъ и кибитка моя тронулась, Путковъ закричалъ:

— Счастливаго пути вашему ее-тву. До могилы не забуду вашихъ благодѣяній!...

И съ этими словами онъ кинулъ вверхъ свою замасленную и оборванную фуражку.

Я выглянулъ изъ кибитки, чтобы посмотрѣть, что онъ будетъ дѣлать.

Путковъ стоялъ подбочонясь, окруженный ямщиками, и говорилъ имъ:

— А что̀, не выпить ли, братцы? не пора ли? что золотое-то время терять понапрасну? идемъ, что̀ ли? эхъ, куда не шло!... Человѣкъ наставленій не воздержалъ, увидѣлъ вино и задрожалъ.... За мною, ребята! маршъ!

Чарочки по столику похаживаютъ —
Яндова походя говоритъ,
Старымъ бабамъ полѣно сулитъ....

— Ну, ребятушки, что̀ же вы стоите рты-то розиня?

Вѣдь у нашего сосѣда
Весела была бесѣда!...

— Эхъ, вы! и онъ пустился въ присядку, наигрывая на варганѣ....

И. ПАНАЕВЪ.

1842.

СТАРУШКА.

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРАЗДНАГО ЧЕЛОВѢКА).

Прошло уже три дня, какъ я былъ у Бобровыхъ, то есть три мучительныхъ дня, какъ я не видалъ Вѣры Александровны Бобровой. Приличіе, казалось мнѣ, довольно соблюдено, и я думалъ, что уже никто не оскорбится моимъ посѣщеніемъ, и не будутъ говорить о немъ вкривь и вкось ни тетушки Вѣры, ни разныя приживалки, питающія свой духъ сплетнями и готовыя, ни съ того, ни съ сего, опорочить поведеніе бѣдной женщины.... Оставалось только мнѣ отыскать благовидный предлогъ, подъ которымъ бы можно было имѣть право и даже обязанность явиться въ это семейство. Непремѣнно нуженъ предлогъ, потому-что если меня примутъ, то это значитъ, что нестерпимый Алексѣй Васильичъ дома; иначе онъ велитъ отказывать всѣмъ и каждому, когда супруга его одна. Бѣдная женщина! Но какой же предлогъ? Взять послѣдній нумеръ Иллюстраціи и показать картинки или дать разгадать ребусъ.... но этихъ ребусовъ я еще никогда не отгадалъ самъ, — да и картинки не такія, чтобы возить ихъ показывать изъ дому въ домъ. Взять Ералашъ.... но Вѣра Александровна живетъ вдали отъ свѣта, и каррикатуры на наши знаменитости ей будутъ вовсе чужды и лишены интереса, потому-что она этихъ знаменитостей не видала и не знаетъ.... Наконецъ я вспомнилъ, что она не разъ обнаруживала желаніе «учиться», просила серьёзныхъ книгъ, просила дать ей понятіе объ исторіи, о литературахъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, говорила, что французскіе романы ей надоѣли давно, и ей хочется имѣть болѣе полное, болѣе дѣльное понятіе о наукахъ....

Вотъ я заѣхалъ въ лавки и купилъ Вильменя Курсъ Литературы, Иліаду и Божественную Комедію во французскомъ переводѣ, и съ этими предлогами отправился въ Коломну, къ большому каменному дому, гдѣ занимали квартиру Бобровы. Въ третьемъ этажѣ свѣтъ; «дома!» подумалъ я и съ трепетомъ вбѣжалъ по лѣстницѣ. Позвонилъ; долго не отпирали; наконецъ, послышались мнѣ легкіе шаги: Вѣра Александровна сама отворила дверь.

Сердце мое забилось отъ радости, потому-что теперь ужь нечего было опасаться, что мнѣ откажутъ.

— Это вы? спросила Вѣра Александровна.

Голосъ ея мнѣ показался нетвердымъ, я льстилъ себя надеждою, что она почувствовала нѣкоторое смущеніе при моемъ появленіи, тѣмъ болѣе, что она съ какою-то недовѣрчивостью и безпокойствомъ поглядѣла кругомъ, на дверь, которая вела въ кабинетъ ея мужа, на корридоръ, который велъ въ кухню, даже на вѣшалку, на которую я вѣшалъ свою шинель.

— Вы это сами мнѣ отворили дверь? спросилъ я, рѣшительно потерявшись и не зная что̀ спросить.

— Да, Сашенька заснула на рукахъ у Ѳеклы, а Дмитрія я услала. Алексѣя Васильича нѣтъ дома...

У меня съ языка уже готово было сорваться слово, которое было бы прилично сказать въ этомъ случаѣ, что — очень жаль, но я опомнился и былъ столько честенъ, что не сказалъ.

— А вотъ я привезъ вамъ книги, сказалъ я, дѣлая шагъ къ дверямъ залы, обнаруживая этимъ рѣшительное намѣреніе остаться, несмотря на то, что Алексѣя Васильича нѣтъ дома. Это движеніе заставило и Вѣру Александровну выйти изъ нерѣшимости — принять меня или не принять.

Никогда Вильмень, Гомеръ и Дантъ не были для меня такъ велики, какъ въ эту минуту.

— Вы одни, началъ я говорить: — что̀ же вы дѣлали?

— Играла.

Фортепьяно было открыто; на немъ стояли двѣ свѣчи. Но я вспомнилъ, что, идя по лѣстницѣ, я не слыхалъ, чтобы играли въ покояхъ Вѣры Александровны; это заставило меня взглянуть на нее попристальнѣе: я увидѣлъ, что у нея глаза красны и щоки горѣли.

Она поняла, что я догадался, и отвернулась.

Мнѣ было невыносимо тяжело видѣть ее въ такомъ положеніи.... такъ бы и бросился къ ея ногамъ, осыпалъ бы поцалуями ея руки, такъ бы вымолилъ у нея признаніе, о чемъ она плакала, такъ бы умолилъ, чтобы она забыла горе, что если любви недостаетъ ей въ жизни, то это напрасно она говоритъ, — что есть чело-

вѣкъ, которому ни минуты нѣтъ покойной безъ нея, — что есть сердце, которое отдалось ей совсѣмъ, навсегда, навѣки... Но, думая все это, я говорилъ:

— Вы хотѣли читать что-нибудь серьёзное: вотъ вильменева Иліада, вотъ дантовъ Потерянный Рай... у Гомера найдете превосходную оцѣнку, критическій разборъ вильменевой поэмы».... И я говорилъ и перелистывалъ книги, а изподтишка взглядывалъ на бѣлыя какъ алебастръ руки несравненной женщины, на пальцы, на которыхъ блестѣли золотыя кольца, на полуоткрытую шейку ея. Она была удивительно хороша, тонкая талья, прямая какъ флейта, гибкая какъ камышъ; густая каштановая коса, завязанная на затылкѣ, безъ всякихъ обдуманныхъ соображеній, просто, чтобы только не распалась на плечи и на спину, чуть не до самыхъ колѣнъ.... и она облокотилась на фортепьяно и наклонилась къ книгамъ, которыя я раскрывалъ и закрывалъ.... и я былъ такъ близокъ отъ нея, что моя щека чувствовала жаръ ея щеки и теплое ея дыханіе.... и она слушала меня и не замѣчала, что я говорю ужаснѣйшій вздоръ...

Прошло нѣсколько минутъ; я замѣтилъ, что наконецъ мы оба давно молчимъ и Богъ знаетъ о чемъ думаемъ. Тогда я вынулъ изъ кармана сигару, закурилъ ее и сѣлъ на диванъ. Вѣра Александровна перебирала еще книги, повидимому успокоилась и подошла ко мнѣ.

— Знаете, о чемъ я думалъ, когда мы смотрѣли книги — сейчасъ?

— О чемъ?

— О томъ, что въ одной изъ нихъ разсказывается исторія, какъ однажды нѣкоторый рыцарь Ланцолетто и прекрасная Франческа ди-Римини читали одну повѣсть и при этомъ чтеніи признались другъ другу въ любви. До тѣхъ поръ они ничего не говорили. Это точно мы, то есть вы и я.

— Какое же сходство вы нашли между ними и... мной съ вами?

— Большое сходство. Она — была жена другого и любила Ланцолетто; а Ланцолетто обожалъ ее.... не то ли же самое? я — люблю васъ; вы — жена другого....

— Такъ чтожь изъ этого?

— Вы никогда не любили вашего мужа, вы вышли за него почти насильно — и вы любите меня!...

— Пожалуйста бросьте шутки, я прошу васъ. Я вовсе не расположена шутить сегодня. Я не понимаю, зачѣмъ я васъ приняла; вы знаете, что мужъ не любитъ, чтобъ я безъ него кого-нибудь принимала.

— Я и не думаю шутить; я только удивляюсь, какъ вы можете говорить серьёзно о томъ, что почтеннѣйшій супругъ вашъ самъ не

живетъ дома и хочетъ васъ держать какъ въ монастырѣ, на покаяніи, и вы не смѣете никого принять....

— Онъ знаетъ, что можетъ на меня положиться, и вотъ въ этомъ особенно я не похожа на вашу Франческу; она боялась только мужа, а я — если бы кого-нибудь полюбила, то не страхъ удержалъ бы меня....

— О, Вѣра, Вѣра Александровна! вы — божественная женщина!... воскликнулъ я и поймалъ ея руку.

— Не страхъ, продолжала она: — а сознаніе своего долга, сознаніе того, что я мать, что у меня есть обязанности, которыя выше какого-нибудь минутнаго увлеченія.... вѣдь это все проходитъ! это все пройдетъ, говорила она, печально качая головой и пристально глядя на меня: — а чувство матери остается вѣчно!

Рука Вѣры Александровны выпала у меня изъ рукъ.

— Какія ложныя понятія! сказалъ я, глубоко вздохнувъ о томъ, зная, какъ сильны предубѣжденія касательно нѣкоторыхъ предметовъ.

— Послушайте, прервала она меня: — не трудитесь мнѣ доказывать того, въ чемъ вы сами не убѣждены порядочно. Вѣдь вы меня уважаете теперь за то, что я свято исполняю, что̀ считаю своими обязанностями; если же я ихъ нарушу, вы будете уважать меня меньше, — такъ смотрите, къ чему же вы стремитесь — къ тому, чтобы самимъ погубить меня въ своемъ мнѣніи.... Но я признаюсь вамъ, мнѣ было бы больно потерять ваше уваженіе, потому-что ваша дружба для меня очень дорога, можетъ быть дороже, нежели сколько бы слѣдовало... и если вы хотите мнѣ доказать ее вполнѣ, то продолжайте быть мнѣ полезнымъ совѣтами, вашими указаніями, вашими познаніями, потому-что.... для меня только тогда и есть жизнь, когда я займусь музыкой и книгами....

Я сдѣлалъ было движеніе нетерпѣнія, но она взяла меня за руку.

— Неправда ли, сказала она: — вы будете умны.... только съ этимъ условіемъ я могу принимать васъ.

Она говорила это съ такимъ спокойствіемъ, съ такою увѣренностью въ себѣ и во мнѣ, что я рѣшительно не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать.

— Разскажите-ка мнѣ объ Иліадѣ; какъ это вы разъ говорили, что Гомера не было....

Я съ какимъ-то болѣзненнымъ жаромъ разсказалъ все, что̀ зналъ о Гомерѣ; она сдѣлала мнѣ еще нѣсколько вопросовъ; я говорилъ съ увлеченіемъ. Удивительно пріятное чувство въ самомъ дѣлѣ испытывалъ я, передавая свои свѣдѣнія женщинѣ, которая

прекрасна, и которая принимаетъ ихъ отъ васъ съ благодарностью и довѣренностью!.. И мнѣ было пріятно освобождать ихъ отъ всѣхъ схоластическихъ формъ, которыя какъ-будто необходимы сдѣлались ученымъ предметамъ!...

Бесѣда наша была прервана только приходомъ Θеклы, исправлявшей должность кухарки, горничной и вмѣстѣ няньки у Бобровыхъ; Вѣра Александровна быстро на нее взглянула и просила меня подождать ее.

Въ ея отсутствіе я позабылъ объ исторіи и поэзіи и началъ обдумывать, что у насъ съ Вѣрой Александровной престранныя отношенія.

Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась и сѣла на прежнее мѣсто. Кажется, и она не думала объ исторіи и поэзіи. Она была ужасно блѣдна. Руки ея дрожали. Несмотря на легкость своего стана, она какъ камень опустилась на диванъ. Я не смѣлъ ни спросить ея, ни двинуться, ни даже показать, что я замѣтилъ ея разстройство. Поняла ли она это и сочла деликатностью, которая требуетъ награды, или ужь ей въ самомъ дѣлѣ было очень тяжело, только она сказала:

— Вотъ этакъ почти четыре года!... Третій день нѣтъ извѣстія объ Алексѣѣ Васильичѣ; ни знакомые, ни родные, — никто не знаетъ! Хоть это и часто повторяется, но я не могу привыкнуть.... человѣкъ, съ которымъ связанъ, съ которымъ вмѣстѣ живешь.... у котораго есть дочь наконецъ.... (Рыданіе начало прерывать ея голосъ) человѣкъ, который довелъ насъ до крайности..... и постоянно не быть увѣренной еще, живъ ли онъ.... Ну можетъ быть онъ лишилъ себя жизни.... отъ него все станется..... онъ говоритъ часто, что если я хоть на шагъ отступлю отъ своихъ обязанностей, то онъ убьетъ себя.... потому-что, говоритъ, это онъ будетъ причиною всему....

Что мнѣ тутъ было дѣлать! Я зналъ, что она несчастна, что эта красота, молодость, этотъ свѣтлый умъ и нѣжное сердце принесены въ жертву человѣку безъ сердца и безъ правилъ, эгоисту и сластолюбцу, и главное тщеславному и высокомѣрному!... Это была такая минута, что если бы онъ, этотъ самый мужъ, находился при насъ, я при немъ бросился бы передъ ней на колѣни и плакалъ бы въ ея колѣняхъ, или бы убилъ негодяя.

И какія утѣшенія могъ я привести ей? Я говорилъ много; но ни одинъ доводъ, если разобрать хорошенько, не достигалъ вполнѣ цѣли; таковы впрочемъ женщины; даже и теперь: какой-нибудь принципъ, что-нибудь ясное какъ майскій день вырывало у нея печальную улыбку и качаніе головой; какой-нибудь вздоръ, вовсе не логическій и не правдоподобный, былъ ей гораздо утѣшительнѣе....

Я молилъ ее не плакать, говорилъ, что это раздираетъ мое сердце, что она наконецъ напрасно безпокоится, что *онъ* вѣроятно живъ, здоровъ и веселъ, и очень хорошо сдѣлалъ, что не вернулся домой, потому-что тогда у насъ бы бесѣда была втроемъ, а я рѣшительно не нахожусь вести разговоръ съ нимъ или при немъ, — что наконецъ она обязана болѣе думать о тѣхъ, кто ее любитъ, кому слѣдовательно она болѣе принадлежитъ, чѣмъ тому недостойному человѣку, что она должна беречь себя для дочери и... для меня, потому-что я чувствовалъ, что наше существованіе тѣсно связано, что рождены ли мы, нѣтъ ли одинъ для другого, но я не могу быть счастливъ, зная что она несчастлива.

— Вы очень добры, говорила она, отвѣчая пожатіемъ руки на мои слова. — Я видѣлъ однако, что слова мои дѣйствовали: она смотрѣла на меня такъ нѣжно, такъ грустно, что какъ-будто бы въ первый разъ услышала, что̀ такое рѣчь, внушенная любовью, и что такое блаженство быть любимой... Какъ-будто бы передъ нею раскрылась вся картина бѣдствія, которое тяготѣло надъ ихъ семействомъ; и на минуту передъ ней просіяла другая картина, но не сонъ, не созданіе воображенія, а сама дѣйствительность, полная любви, симпатіи, вниманія и преданности. Но это была только минута.... потому-что потомъ, едва я замолчалъ, она отвернула голову и закрылась платкомъ: слезы задушили ее....

— Вѣра Александровна, ангелъ мой, жизнь моя! вы опять плачете!... воскликнулъ я, пораженный этимъ переходомъ. Я обнялъ руками ея станъ, отвелъ руку отъ заплаканныхъ глазъ, привлекъ къ себѣ ея голову и целовалъ ее въ уста.... Она силилась избѣгнуть моихъ поцалуевъ, шептала: «Ради Бога.... оставьте меня.... не обижайте меня.... для меня».... для дочери.... Но, готовый каждую минуту моей жизни жертвовать ей своею жизнью, дорожа ея спокойствіемъ, убѣжденіями, уважая даже ея убѣжденія, несходныя съ моими, я готовъ былъ нанести ей всѣ оскорбленія, жесточе чѣмъ палачъ, хладнокровно карающій жертву; ни усилія, ни голосъ ея, всегда меня обезоруживавшій, не помогали ей.

Но.... въ этотъ самый мигъ раздался голосъ маленькой Саши, которая кричала изъ своей колыбельки: мама, мама! поди ко мнѣ!

И едва раздался этотъ голосъ, она уже была у колыбели ребенка, обнимала его, судорожно прижимала къ сердцу и обливала слезами.... — Саша, другъ мой, говорила она: — не я тебѣ, а ты мнѣ нужна; мама твоя дрянная, слабая женщина; она не любитъ тебя, она о себѣ думаетъ.... Неправда ли, Саша, не надо о себѣ ей думать.... ей надо умереть для всѣхъ, только для тебя жить.... и я буду, другъ

мой, только для тебя жить, только ты не покидай меня.... будь моей мамой....

Какъ я ни любилъ Вѣры, а слѣдовательно и всего, что она любила, однако я не могъ не прошептать о младенцѣ: негодная дѣвчонка!

Я съ полчаса просидѣлъ одинъ въ залѣ, наконецъ рѣшился уйти, взялъ шляпу и притворилъ дверь въ дѣтскую.

Вѣра Александровна сидѣла у маленькаго столика, кормила бѣлымъ хлѣбомъ и молокомъ маленькую Сашу и разсказывала весело и смѣясь что-то ребенку, для того, чтобы онъ не плакалъ. Но я очень хорошо понялъ, что этотъ смѣхъ не натуральный, и веселость — судорожная, что вотъ если сейчасъ нянька возьметъ у нея ребенка изъ рукъ, за этимъ весельемъ и смѣхомъ послѣдуетъ припадокъ страшнаго отчаянія.

— Вы не сердитесь на меня, Вѣра Александровна? сказалъ я, остановясь передъ нею.

Она продолжала говорить съ ребенкомъ.

Я повторилъ вопросъ.

Дѣвочка, замѣтя мое присутствіе, уставила на меня большіе голубые глаза, опушенные большими частыми и острыми рѣсницами, и смотрѣла, стиснувъ зубами серебряную ложку, на которой маменька подавала ей хлѣбъ. Потомъ она откинулась головкой къ матери, засмѣялась и протянула ко мнѣ ручку, перебирая всѣми пальчиками, какъ-будто хотѣла ими щелкнуть или захватить меня всего въ свой маленькой кулачокъ.

Тогда только Вѣра Александровна рѣшилась взглянуть на меня.

— Вы не сердитесь на меня? спросилъ я шутливо, обратясь къ ребенку.

Саша засмѣялась и подала мнѣ кусокъ размоченнаго въ молокѣ хлѣба, съ которымъ я не зналъ что дѣлать, боясь огорчить ребенка и мать.

— Кушай! кушай! лепетала дѣвочка. — Вѣра Александровна поняла юморъ моего положенія. Это меня спасло: я не съѣлъ хлѣба.

— И на меня не сердишься? шопотомъ, стараясь, чтобъ я не слыхалъ, спросила Вѣра Александровна малютку. — Саша обняла ее своими рученками, выпачканными въ молокѣ и хлѣбѣ.

Кажется, это движеніе ребенка расположило Вѣру Александровну на меня не сердиться.

— Скажи дядѣ, душенька, что онъ гадкій, шептала она дѣвочкѣ: — скажи, что ему пора итти домой, что мамашѣ надобно одной остаться....

Но я не уходилъ, просидѣлъ весь вечеръ, былъ веселъ и ста-

рался говорить такъ, чтобы занять и мать и дитя. Я былъ веселъ оттого, что узналъ, что любимъ и успѣлъ поцаловать любимую женщину; Вѣра Александровна была весела оттого, что Саша на нее не сердилась; Саша была весела наконецъ потому, что хорошо выспалась, и еще не понимала, отчего веселы и мать ея и я.

Я ушелъ только тогда, когда мнѣ это было велѣно, и когда Сашенькѣ надоѣли всѣ игрушки и мои росказни, и она начала неизвѣстно о чемъ думать на груди у матери и для того закрывать глазки.

— На первый разъ довольно, думалъ я.

Въ этотъ вечеръ я оставилъ дѣла мои въ такомъ положеніи у Бобровыхъ, что мнѣ все-таки нельзя было показаться къ нимъ покрайней-мѣрѣ дня два или три. Скажу мимоходомъ, что эти дни ожиданія и разлуки были для меня не такъ уже тягостны, какъ прежде бывало, потому-что въ прошедшемъ было у меня пріятное воспоминаніе, а въ будущемъ пріятная надежда. Въ эти два дня я былъ вообще добрѣе обыкновеннаго, снисходительнѣе и ласковѣе къ людямъ и сдѣлалъ множество дѣла, которое было запущено въ черную эпоху моей жизни, предшествовавшую описанному вечеру. Я даже посѣтилъ нѣсколько знакомыхъ, которыхъ было совсѣмъ забылъ, и которыхъ до того избѣгалъ. На третій день я рѣшился наконецъ съѣздить по одному дѣлу къ одному нужному человѣчку.

Такъ какъ въ прихожей возвѣстили, что нужнаго человѣчка нѣтъ дома, а онъ скоро будетъ, я рѣшился подождать. Слуга зажегъ въ темной гостиной двѣ свѣчи и поставилъ ихъ передо мной на столѣ.

Оставшись одинъ, я не совсѣмъ не радъ былъ тому, что хозяевъ не было дома; я принялся обдумывать и реставрировать въ своемъ воображеніи все, что случилось со мной у Вѣры Александровны. Мнѣ казалось,—не знаю, что именно мнѣ казалось,—только я очень задумался и опомнился только тогда, когда передо мною, прямо между двумя свѣчами, явилось странное, сморщенное лицо, бѣлое и матово-прозрачное какъ воскъ, обрамленное старинными чепчикомъ изъ нѣкогда дорогихъ, а теперь пожелтѣвшихъ кружевъ. На мѣсто глазъ поразили меня два большія темнозеленыя стекла, какъ-будто заслонившія двѣ впадины, а на мѣстѣ бровей два серебряныя кольца. Это восковое лицо оканчивалось острымъ подбородкомъ и выходившимъ впередъ, въ срединѣ, орлинымъ носомъ. Оно какъ-будто бы одно пришло, безъ туловища, стало неподвижно и глядѣло на меня двумя зелеными стеклами. Въ первую минуту я почувствовалъ ужасъ и ничего не видалъ кромѣ этого лица, потомъ уже замѣтилъ, что лицо это принадлежало туловищу, одѣтому въ черное платье, которое было незамѣтно на темной стѣнѣ комнаты. Не

вдругъ узналъ я, что это — не видѣніе, а Марья Васильевна, старушка, жившая въ семействѣ «нужнаго человѣчка» и извѣстная подъ названіемъ «бабушки».

— Давненько вы у насъ не были, сказала старушка. — Когда она говорила, она жевала каждое слово какъ гвоздику. — Петруша скоро воротится и Юлинька съ нимъ же: поѣхали въ пансіонъ за Катинькой. Изъ наукъ экзаменъ у нихъ держутъ сегодня, такъ они и запоздали.

Я отвѣчалъ что-то старушкѣ и сказалъ, что подожду.

— А мнѣ какъ сказали, продолжала жевать старушка: — что вы пожаловали, я подумала, что вы давненько не были, да и говорю себѣ: пойду посижу, молъ, съ нимъ; можетъ статься и скучно ему одному дожидаться.

Я поблагодарилъ старушку и сталъ разспрашивать о хозяяхъ. Старушка на все отвѣчала «слава Богу». И Петръ Андреичъ, слава Богу. «Вотъ вечоръ къ чаю пришелъ и калачъ принесъ, и мнѣ кусокъ отрѣзалъ; вы, говоритъ, тетенька, любите калачи, такъ покушайте. А я люблю калачи. Только не здѣшніе калачи, а вотъ московскіе. Когда мы на Лубянкѣ жили, Матвѣй Ильичъ покойникъ, — послѣ французовъ на другой годъ скончался, — всегда приносилъ, бывало, калачъ горячій. Онъ часто къ намъ хаживалъ, и всегда, бывало, калачъ принесетъ... — Старушка замолчала, и я молчалъ. Только и слышно было легкое движеніе ея спицъ да маятникъ въ сосѣдней комнатѣ. — Да что это они не ѣдутъ, право, не знаю. Ужь не случилось ли чего на дорогѣ?... Юлинька же трусиха такая, отъ самой малости испугается. Это ужь она по матери пошла, по Марьѣ Алексѣевнѣ. Она вѣдь ее преждевременно и родила отъ испугу. Двадцать второго числа нынѣшняго мѣсяца, ѣхали съ рожденія отъ Настасьи Петровны, съ Арбата. Какъ повернули у Никитскихъ воротъ, лошади понесли. Ѳедоръ-то Алексѣичъ кричитъ на кучера: держи, держи; я подумала, что долго ли до грѣха: Машенька беременна была Юлинькой въ восьмомъ мѣсяцѣ. Оттого и родилась она раньше. Мѣсяцъ цѣлый въ тепломъ бульонѣ купали. Какъ же! произнесла старуха, взглянувъ на меня изъ-за зеленыхъ очковъ: — на двадцать второе число было. У меня записано.

Я спросилъ о дочери хозяина, бывшей за-мужемъ и, какъ мнѣ извѣстно было, не ладно жившей съ мужемъ.

— Сонюшка? а Богъ ея знаетъ; признаться сказать, рѣдко бываетъ. Да ужь нынче это все не такъ, какъ въ старину. Такого почтенія и чувствъ такихъ къ родителямъ не имѣютъ. Да и не требуютъ нынче старые люди. Нынче умнѣе стали. Да, признаться сказать, и не рады, какъ пріѣдетъ. Вертушка такая: все верхъ дномъ

поставитъ; и никому-то отъ нея *спокою* нѣту. Все по баламъ да по собраньямъ; дома не посидитъ. Съ мужемъ, чай, по недѣлѣ не видится.

Старушка покачала головой и взглянула на меня опять изъ-за очковъ. Какая-то странная, нѣсколько злая насмѣшка выразилась у нея на лицѣ. Она опять принялась вязать и продолжала съ прежнимъ равнодушіемъ, не понижая, ни возвышая голоса.

— Вѣдь ужь нынче и мы, старые люди, мѣняемся. Кабы и меня спросили, такъ я бы ничего не сказала; живи себѣ, матушка, какъ знаешь; вотъ Богъ приведетъ до старости дожить, то и уважать не будутъ, хоть ты распредобродѣтельною будь и веди себя какъ слѣдуетъ. Можетъ статься еще лучше о тебѣ скажутъ. Что̀ прошло, то за тысячу верстъ ушло; съ другими людьми живешь, будто въ другое государство переѣхалъ. Старики-то повымрутъ, такъ некому о тебѣ и поразсказать. Самъ станешь говорить — не повѣрятъ.

Въ этихъ словахъ, показалось мнѣ, мелькнуло что-то похожее на смыслъ. Я сталъ пристальнѣе разглядывать старуху. Я видалъ ее прежде довольно часто, но никогда отъ нея не слыхалъ ни одного умнаго слова, а только вещи, которыя всѣмъ казались глупостью; она была предметомъ шутокъ и насмѣшекъ всей семьи. Даже всѣ считали ее полуумною. Дѣйствительно, ее можно было увѣрить во всемъ. Самъ Петръ Андреичъ нерѣдко забавлялся за чаемъ, увѣряя бабушку, что, напримѣръ, прусаки Москву взяли, или что вышелъ указъ, по которому женщины должны тоже въ военной службѣ служить. И бабушка вѣрила. Разъ показали ей какую-то бумагу съ печатью и увѣрили, что она сдѣлана турецкою подданною. Хотя, собственно говоря, она передала все свое имѣніе Юліи Ѳедоровнѣ и Петру Андреичу, однако, по старой памяти и по ея упрямой настойчивости, сохраняла нѣкоторый видъ независимости въ ихъ домѣ. Настойчивость эта выражалась особенно въ чрезвычайной регулярности ея жизни. У нея на все были назначены свои часы. Какъ встанетъ и напьется чаю, сядетъ въ свою комнату и занимается переводомъ. Разъ ее застали за письмомъ. «Что̀ вы дѣлаете, бабушка?» — Перевожу. Вотъ Элоизу кончила, принялась за Вольтера. — «Да зачѣмъ вы это переводите?» На это она никогда не отвѣчала, или ужь если ее разсердятъ, то закричитъ: а тебѣ на что̀? Это продолжалось до двѣнадцати часовъ; въ двѣнадцать часовъ она садилась за фортепьяно, и цѣлый часъ разыгрывала вѣчно одинъ и тотъ же матрадуръ, потомъ экоссезъ и еще увертюру изъ Двухъ Слѣпцовъ, дѣлала гаммы и кой-какіе трудные пассажи. И что̀ бы въ это время вокругъ нея ни происходило, ей было все равно; гости ли у дочери, дѣловые ли люди у Петра Андреича, она неминуемо проиг-

растъ свой матрадуръ, экосезъ и Двухъ Слѣпцовъ. Вечеромъ она удалялась и писала журналъ. Все остальное время сидитъ въ углу въ гостиной въ своемъ черномъ платьѣ и кружевномъ чепчикѣ и движетъ двумя огромными спицами. Въ разговоръ никогда не вмѣшивалась и вообще представляла крайнюю степень неразвитости, доходившей до идіотизма; она одинъ разъ кое-что поняла, обратила все это въ форму и застыла на этомъ, подобно минералу, по системѣ вулканистовъ.

— Неужели нѣтъ ни капли человѣческаго смысла въ этой глыбѣ? думалъ я, смотря на старуху, что́ случилось въ первый разъ въ десять лѣтъ, какъ я ее знаю.

Прежде всего меня въ ней поразили ея семдесятъ лѣтъ.

— А вѣдь вы много пожили на свѣтѣ, спросилъ я.

Старуха взглянула на меня изъ-за очковъ.

— Семдесятъ первый годъ пошелъ въ маѣ мѣсяцѣ. Да, пожила-таки, нечего сказать.

— Чай, много помните.

— Все помню, батюшка.

— О Павлѣ Петровичѣ и говорить нечего?

— Какъ же, помню Павла Петровича. Сама видала. Тогда въ каретахъ ѣздили; высокія были кареты, не нынѣшнія. Приказъ былъ, коли встрѣтится государь, остановиться; откроютъ карету, всѣ вылѣзаютъ и книксенъ дѣлаютъ. Теперь ужь это перестали дѣлать.

— И Екатерину помните?

— Какъ же. Въ Петербургѣ мы жили тогда, у Синяго моста нынѣшняго. Тутъ нанимались мужчины и стояли, а у Полицейскаго женщины.

— Женщины-то и теперь стоятъ, только у Справочнаго мѣста..

— Да, а ужь мужчины не стоятъ. Еще какъ съ шведомъ война была, мы у Синяго моста жили; окна дрожали отъ пальбы, у насъ тогда шведка кухарка была. Такъ ей отказалъ батюшка: измѣны боялся, и въ часть отослалъ.

— Разскажите мнѣ пожалуйста, Марья Васильевна, какъ прошла ваша жизнь?

— Эхъ, батюшка, на что это! вы, молодые, нынче смѣяться станете. Встарину мы не такъ живали, какъ нынѣшніе.

— Помилуйте, какъ же можно смѣяться: жизнь человѣческая — не шутка, и, право, ничего нѣтъ смѣшного въ жизни. Только развѣ чего не понимаешь, то и смѣшно. Я вспомнилъ, какъ я вчера долженъ былъ съѣсть бѣлый хлѣбъ съ молокомъ, и задумался о томъ, что это смѣшно и не смѣшно.

Это можетъ быть придало моей физіономіи очень кроткое выраженіе, такъ-что старуха почувствовала ко мнѣ довѣренность и сказала:

— Ну, вамъ-то пожалуй скажу.

Она взмахнула спицами, сложила вдвое свое вязанье, положила его передъ собою и начала.

— Ужь теперь все это прошло какъ сонъ, то я пожалуй разскажу. Чтобъ вы не думали, что я солгала что-нибудь, то я могу пожалуй вамъ журналъ мой показать, если вы не повѣрите. Надобно сказать, что я была прежде дѣвчонка капризная и своенравная. Матушка безъ ума меня любила и баловала. Не знаю только, что̀ бы изъ меня вышло, кабы не попалась хорошему человѣку въ руки. Въ домѣ у насъ, знаете, всякого народу биткомъ, бывало, набито. Батюшка при графѣ *** служилъ; графъ былъ въ силѣ, батюшку жаловалъ, такъ знаете, придворные всѣ къ намъ ѣздили. Только насъ рѣдко выпускали; только какъ сталъ графъ самъ пріѣзжать, то всегда батюшка насъ выводилъ. Графъ мнѣ, бывало, конфектъ привозилъ и еще подарилъ саксонскаго фарфору сервизъ. Тогда мода была. Хорошій сервизъ; только какъ бѣжали потомъ отъ французовъ, до половины чашекъ разбилось; да чайникъ одинъ послѣ разбился, какъ изъ деревни ужь съ покойнымъ вотъ Петра Андреича папенькой ѣхали. Теперь всего двѣ чашки остались.

— Вы, значитъ, правились графу?

— Да, таки нравилась.... да ужь тогда у вельможъ такіе нравы были. Не знаю какъ теперь. Давно не слышу.

— А батюшка-то вашъ позволялъ этакъ графу ухаживать?

— Батюшка хоть строгъ былъ, только графу разумѣется не могъ же сказать; бывало, похвалитъ графъ: «славная, говоритъ, Василій, у тебя дочечка», батюшка кланяется, разумѣется. «Мы ее, говоритъ графъ, ко двору представимъ, а хочешь, говоритъ, жениха найдемъ, — я ужь самъ посватаю» — и въ самомъ дѣлѣ посваталъ адъютанта своего, Назара Петровича. Онъ, правду сказать, не понравился мнѣ: такой солидный, молчаливый, а я-то вѣтеръ была. Только ударили по рукамъ; батюшка прекословить графскому сватанью разумѣется не сталъ; только кланяется да благодаритъ. Съ тѣхъ поръ графъ еще внимательнѣе и ласковѣе сталъ ко мнѣ. Я ужь не знаю, что̀ бы со мной сталось, если бы не хорошій человѣкъ вышелъ Назаръ Петровичъ. Ему первому я обязана за мое спасеніе, и потомъ себѣ. Онъ первый соблюлъ мою нравственность, потомъ ужь я сама ее берегла. Вотъ что̀ вышло у насъ. Одинъ разъ вечеромъ.... у насъ маскарадъ былъ лѣтомъ на дачѣ; были костюмы всѣхъ народовъ, какіе есть на землѣ; графъ взялъ меня

подъ руку, и долго ходили мы по аллеямъ въ саду; онъ просилъ меня снять маску; я, знаете, сняла. Ужь чего онъ ни наговорилъ мнѣ, да такъ и водитъ около бесѣдки.... Я не знаю, до чего бы вѣтренность не довела меня, если бы не попался прямо навстрѣчу Назаръ Петровичъ, адъютант-отъ его, а мой женихъ; какъ мы съ графомъ ходили, онъ все за мной примѣчалъ и слѣдилъ. Онъ вдругъ такъ идетъ и остановился какъ столбъ передъ нами. «Вы, говоритъ, извините, ваше сіятельство, а я не позволю вамъ погубить эту дѣвицу». Графъ вспыхнулъ. — Что ты, что ты, говоритъ: — да я тебя, мальчишка!... да развѣ ты не доволенъ мною? А графъ его къ чину представилъ да обѣщалъ разныя милости; «да я тебя, говоритъ, знаешь куда упрячу!» — Куда, говоритъ, хотите упрячьте, а я не позволю. Это, говоритъ, не служба. Я знаю свой долгъ и знаю свои правила чести. По службѣ я исправенъ, и совѣсть моя чиста. А здѣсь другое дѣло. Здѣсь вы обольститель. Здѣсь мы равны, и я не дамъ вамъ уху заварить да мнѣ дать расхлебывать. «Пошелъ вонъ, бездѣльникъ!» закричалъ графъ. — Коли я бездѣльникъ, сказалъ Назаръ Петровичъ, подойдя подъ самый носъ графу: — то вы, говоритъ, подлецъ!» Графъ отступилъ на два шага. Я какъ была, такъ и окаменѣла. Искры посыпались изъ глазъ графа. Такъ смотрѣлъ, что, кажется, сжегъ бы Назара Петровича. Только потомъ провелъ рукой по лбу и отвѣчалъ Назару Петровичу: — Коли такъ, говоритъ, твоя правда, правда, это не служба, такъ извольте, государь мой, я отвѣчу вамъ, не какъ начальникъ, а какъ частный человѣкъ. Извольте выбрать время и мѣсто». Тогда, знаете, такіе времена были. Сколько этакихъ примѣровъ въ старину бывало. Послѣ потише стали, и начальству грубить не смѣютъ.

Старушка поглядѣла на меня изъ-за зеленыхъ очковъ, какъ бы съ хвастливымъ вопросомъ: «каковы въ старину люди бывали?» Я спросилъ ее, стрѣлялись ли они?

— Нѣтъ, отвѣчала она: — не стрѣлялись. Назаръ Петровичъ протянулъ графу руку и сказалъ, что уважаетъ его, и радъ, что узналъ въ немъ благороднаго человѣка; графъ тоже протянулъ ему руку и тоже говорилъ: радъ я, братъ Назаръ, что и въ тебѣ тоже благороднаго человѣка узналъ. Ты, говоритъ, достоинъ этого сокровища, своего счастья.

«Я была еще глупа и не могла тогда понять ни того, ни другого; только что я чрезъ это самое много потомъ горя приняла.... Признаться сказать, я къ Назару Петровичу никакой склонности не имѣла, а ухаживанье графа льстило мнѣ. Глупость была; только потому и польстилась я, что до него съ мужчинами не обращалась.

*

Насъ хорошо держали дома. На мужчинъ мы и глазъ поднять не смѣли. За стыдъ считалось говорить съ мужчиной. Это теперь ужь дѣвицамъ такая воля дана. Куда, бывало!

Старушка вздохнула — объ испорченности нравовъ, вѣроятно.

— Да чтожь тутъ, матушка, хорошаго-то держать въ-заперти? спросилъ я. Вѣдь вы не этому обязаны своей нравственностью.

— Нѣтъ, батюшка, не этому: нравственность я ужь сама себѣ составила.

— Такъ отчего же не хорошо дѣвицамъ до замужства знать, что̀ такое мужчины?

— А все не хорошо, какъ ни перевертывайте. Балуются.

— Да вѣдь отъ скуки-то, чай, Богъ знаетъ какой вздоръ однѣ-то вы тамъ придумывали.

— Все не годится.

Старуха плоха была на доводы. Я воротилъ ее къ разсказу.

«Какъ вышла я за Назара Петровича за-мужъ, онъ тотчасъ подалъ въ отставку, и батюшка тоже отъ графа долженъ былъ выйти, скоро онъ и умеръ. Да и съ Назаромъ Петровичемъ я пожила не долго. Надо вамъ сказать, что воспитанье, какое мы получили отъ родителей, только хорошо было для нравственности, что не позволяло намъ развлекаться пустяками съ мужчинами; а то чтобы науки — такъ наукамъ не учили; только кое какъ по-французски умѣли, ито съ грѣхомъ пополамъ. Назаръ Петровичъ былъ образованный человѣкъ, прожилъ въ Парижѣ еще долго до женитьбы и всегда мнѣ твердилъ, чтобы я старалась, успѣвала въ наукахъ, заставлялъ меня переводить съ французскаго; учителя на клавесинѣ взялъ; говоритъ, музыка всегда пригодится; порядокъ во всемъ завелъ: по часамъ у насъ все дѣлалась; какъ встанетъ, займется со мной языками, потомъ на клавесинѣ; вечеромъ заставлялъ обдумывать, что̀ я дѣлала въ цѣлый день, да коли что̀ замѣтила, или мысль какую встрѣтила въ книгѣ, то, говоритъ, запиши. Я, говорилъ онъ, хочу изъ тебя сдѣлать такую женщину, чтобы могъ во Францію повести и показать съ честью своимъ знакомымъ дамамъ, тамошнимъ маркизамъ. Онъ и звалъ меня маркизой. Только я по глупости своей не умѣла цѣнить, чего онъ отъ меня хочетъ, и всегда умѣла отдѣлаться отъ занятій: то подговорю знакомыхъ, чтобы пріѣхали въ то время, какъ у меня занятія, то скажусь больной, то ужь наконецъ, просто, дѣлала сцены Назару Петровичу. Онъ сердился, увозилъ меня въ деревню, всѣмъ отказывалъ, я плакала, жаловалась. Онъ сталъ скучать, скучать, да и умеръ, царство ему небесное!»

Старушка перекрестилась и вздохнула.

— Такъ вѣдь все-таки вы не любили Назара Петровича? спросилъ я.

— Я боялась его скорѣе, хоть онъ часто говорилъ и плакалъ, отчего я такая. Ну ужь послѣ я постаралась искупить грѣхъ свой, за все, что потерпѣлъ покойникъ отъ моей легкомысленности.

Образъ Вѣры Александровны мелькнулъ передо мною; я спросилъ старуху: а не любили ли вы кого другого?

— Сохрани меня Боже! Я была вѣтрена, правда, только ужь бы сраму въ домъ мужа не принесла. Я знала свою и его честь.

— Значитъ, у васъ сердце вовсе не было развито?

— Что такое сказали вы, сердце?....

Не было развито, т. е. вы нечувствовали потребности любить?

— Не понимаю, батюшка.

Я не потрудился объяснять своего вопроса и предался мысли о томъ, развито ли сердце у Вѣры. Старуха обидѣлась моимъ молчаніемъ.

— А не ѣдутъ, сказала она, поглядывая на часы и взявъ опять свои спицы.

Я просилъ ее досказать свою исторію.

— Только тогда поняла я, начала опять Марья Васильевна,—чего отъ меня хотѣлъ Назаръ Петровичъ, и какъ любилъ меня этотъ человѣкъ, когда ужь его не стало. Тогда я почувствовала, что у меня просто будто что-то оторвалась отъ сердца, чего я прежде и не замѣчала. Такой ужь онъ былъ человѣкъ, что, просто, онъ умѣлъ какъ-то наполнить всю мою жизнь; какъ пришлось самой распоряжаться за себя и за дочь, — у меня дочь одна осталась тоже, Юлинька: перваго-то я выкинула по шестому мѣсяцу, — какъ пришлось, знаете, самой говорить и дѣлать, то глядь да хвать, и ищу да припоминаю, какъ покойный Назаръ мой Петровичъ говорилъ и дѣлалъ. Стала я соображать да припоминать всѣ-то его наставленія, слова и рѣчи, все, что прежде я мимо ушей пропускала, такъ я вамъ говорю, просто, будто съ глазъ завѣса упала. Умница былъ покойникъ. Словомъ сказать, сдѣлался онъ моимъ божествомъ по смерти; влюбилась я въ покойника, словно въ живого; изъ головы не выходилъ онъ у меня. Куда ни обращусь, вездѣ онъ да онъ. Никогда при жизни такъ я его не любила, и это мучило и грызло меня, и положила я себѣ, что если съ небесъ онъ смотритъ на меня, то пусть чистая душа его за гробомъ утѣшится, когда увидитъ, что я искупила передъ нимъ свое неразуміе.

«Вотъ тогда, батюшка, и положила я, чтобы такъ жить, какъ будто и не умиралъ мой Назаръ Петровичъ. Какъ онъ однажды расположилъ жизнь мою, мое время и всѣ мои занятія, такъ чтобы это

продолжалось и безъ него. Я увѣрена была, что душа его отъ меня до сихъ поръ не отлетѣла и всегда присуща при мнѣ съ правой стороны, всегда какъ ангелъ хранитель ограждаетъ отъ зла и внушаетъ благія мысли».

Марья Васильевна перекрестилась, оглядѣла кругомъ комнату и уставилась глазами вправо, въ темный уголъ, какъ-будто тамъ, знала она, находится душа Назара Петровича. Меня, признаюсь, охватило не много холодомъ при видѣ изступленія, въ которое пришла старуха. Это безотвѣтное существо, предметъ всеобщихъ шутокъ, прославленное за свое слабоуміе, прослывшее чуть не сумасшедшей или по-крайней-мѣрѣ дурочкой, такъ выросло и возвысилось въ глазахъ моихъ, что я не понималъ, просто, что̀ предо мной творилося. Она продолжала:

«Какъ покойникъ хотѣлъ, чтобы я занималась науками и знала языки, такъ я и поставила себѣ заро̀комъ, какъ встану, такъ сѣсть за переводъ; ужь я всего Вольтера перевела, - Руссо Эмиля тоже перевела. Покойникъ мнѣ далъ тогда переводить Семирамиду Вольтера; а за Семирамидой все и пошла ужь такъ все подъ-рядъ. Эмиля тоже при немъ начинала. Какъ кончу Вольтера, опять примусь во второй разъ за Эмиля. Онъ положилъ мнѣ потомъ музыкой заниматься; что̀ я знала при немъ, то ужь я и безъ него каждый день проигрываю, а вечеромъ журналъ пишу...

— Позвольте спросить, перебилъ я: — отчего же вы ничего новаго не разучивали, какъ я слышалъ? Правда это?

— Правда. Я хотѣла, чтобы какъ я была при немъ, такъ чтобы и осталась, и исполнила бы только то, что̀ онъ хотѣлъ еще при жизни.

— А много вы читали?

— Всегда читала; только то читала, что̀ при немъ; то что̀ онъ мнѣ далъ читать, то я и до сихъ поръ читаю; кончу и опять сначала. Теперь ужь все почти наизустъ знаю.

— И такъ вы всю жизнь прожили?

— Всю жизнь свою такъ провела, какъ дала себѣ заклятіе на могилѣ покойника; я велѣла образъ принести, отслужила панихиду, и отцу духовному поклялась на крестѣ все исполнить. И могу сказать, что исполнила».

Она взглянула на меня сжавъ губы, съ такою увѣренностью и стойкою гордостью, что, несмотря на то, что я тогда находилъ и теперь нахожу ея поступокъ отчасти смѣшнымъ и нелѣпымъ, я не могъ не почувствовать нѣкотораго уваженія къ этой странной развалинѣ, оживленной сознаніемъ исполненнаго, хотя и нелѣпо понятаго долга.

Мнѣ хотѣлось знать, какое вліяніе имѣлъ Вольтеръ на образъ мыслей Марьи Васильевны, и я спросилъ ее, что она, начитавшись Вольтера, должно быть большая вольтерьянка. Но изъ отвѣта ея оказалась, что она ровно ничего не поняла изъ Вольтера. Наконецъ я ее попросилъ показать мнѣ свой журналъ. Она принесла нѣсколько огромныхъ тетрадей, гдѣ день въ день было записано цѣлое полустолѣтіе. Это перечень того, что дѣлала Марья Васильевна днемъ, сколько перевела, кто былъ въ гостяхъ, дни рожденья родственниковъ и тому подобный вздоръ, изрѣдка обращеніе къ покойнику и нѣкоторыя его изрѣченія. Меня поразила эта пустота. Она же показывала все это съ гордостью.

— Вотъ, говорила она: — я могу сказать, что исполнила свои обязанности....

— Скажите пожалуйста, вы не любили потомъ никогда? за-мужъ не хотѣли выходить?

— Ни-ни!

— Вѣдь вы были хороши и — молодая вдова.... многіе были вѣроятно въ васъ влюблены?

— Были многіе, да всѣхъ я умѣла заставить себя уважать. Я показала, какъ женщина должна себя вести. Графъ-то при Павлѣ Петровичѣ долженъ былъ въ отставку выйти, и жилъ въ деревнѣ, не далеко отъ насъ. Онъ сватался — отказала; въ Москвѣ потомъ я жила — Матвѣй Ильичъ каждый день прихаживалъ....

— Какой Матвѣй Ильичъ?

— Ѳедоровъ, — вотъ, что калачъ-то приносилъ горячій.... Ужь покойникъ; вы и не родились, какъ онъ умеръ. Онъ тоже сватался; но я ему сказала, что имѣю свои правила и свои обязанности.

— Правила! обязанности! подумалъ я и въ болью въ сердцѣ вспомнилъ Вѣру Александровну.

— Только Матвѣй Ильичъ, можно сказать, и понималъ и зналъ меня. Тоже, какъ мой покойникъ, любилъ Двухъ Слѣпцовъ слушать, когда я играла. Въ старину, таки нечего сказать, цѣнили обязанности и имѣли уваженіе къ нравственности. Нынче только ихъ знать не хотятъ. Про себя молчи до сама себѣ только цѣну знаешь. Другимъ и дѣла нѣтъ и знать не хотятъ, что коли человѣкъ свою задачу исполнилъ.... Правду говорилъ Александръ Семенычъ (царство ему небесное!), — передъ французами еще скончался, — что къ чему вамъ ваша добродѣтель: плевать на нее станутъ. И точно: плюютъ, да еще хуже. Только ужь мнѣ все равно.... пусть ихъ!...»

Послѣднія слова ея обратились просто въ ворчанье. Я не могъ оторваться отъ идеи этой старухи; въ самомъ дѣлѣ: вотъ олицетвореніе добродѣтели, вотъ блистательный примѣръ соблюденія всей ея

формальности, въ теченіе всей жизни, съ рѣдкимъ постоянствомъ, съ дивнымъ самоотверженіемъ.... и что же изъ этого вышло?... Нѣтъ, это славный примѣръ. Завтра же приведу его Вѣрѣ Александровнѣ. Непремѣнно покажу ей, что ей принесутъ ея правила....

Ворчанье старухи и мое размышленіе были прерваны пріѣздомъ хозяина съ женой и дѣтьми. Дѣти съ шумомъ бросились къ бабушкѣ: одинъ цаловалъ ее и тихонько сдернулъ чепчикъ; другой здоровался съ нею и стянулъ съ носу очки; третій повисъ на шеѣ такъ, что уронилъ старуху и самъ покатился съ нею....

— Бабушка! а когда я родился? спрашивалъ одинъ мальчикъ.

— Отстань! кричала бабушка.

— Когда я родился?

— Отстань! говорятъ.... 4-е іюля; только поди....

— Бабушка! а Машенька когда родилась?

— 22-го марта.... пошелъ прочь!

— А Катинька? а Васинька? вы все знаете: вѣдь вы — календарь! вы готтскій альманахъ!...

Шуткамъ и смѣху дѣтей конца не было. Какъ будто-бы старуха была тотъ пророкъ, что у Лермонтова:

Смотрите какъ онъ худъ и блѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!

Самъ «нужный человѣчекъ», поздоровавшись со мной, обратился съ шуткой къ бабушкѣ.

— Хороши! хороши! сказалъ онъ: — вотъ нынче какъ! Только выглянь изъ дому, а вы и съ молодымъ человѣкомъ амуритесь! Прекрасно! Пятдесятъ лѣтъ хранили супружескую вѣрноесть, да на пятдесятъ первомъ году и того!...

Старуха, стиснувъ десны, ворочала спицами и не отвѣчала ни слова. Лицо ея было совершенно безстрастно, по-крайней-мѣрѣ повидимому.

— Каково же! ну, честь вамъ и слава! вы первый побѣдили, взяли крѣпость! продолжалъ хозяинъ, обращаясь ко мнѣ. — Вы ея не знаете? что-то теперь вашъ Назаръ Петровичъ скажетъ! — или какъ еще тамъ въ Москвѣ-то у васъ любовникъ былъ, что калачи-то вамъ посилъ?

— Никогда не было у меня любовниковъ, отвѣчала сквозь зубы старушка.

— Нѣтъ, батюшка, я вѣдь шучу, говорилъ хозяинъ: — а въ сущности это примѣрная добродѣтель.... Да только толку въ томъ нѣтъ.... Куда передъ ней римскія Матроны!

— Да ужь Римъ-то теперь анахронизмъ, замѣтилъ я.

— Анахронизмъ! отвѣчалъ хозяинъ: — однако я имѣю кое-что сообщить вамъ по дѣлу....

И мы пошли въ кабинетъ нужнаго человѣчка; но, слушая его, я все мысленно составлялъ докладъ, который предполагалъ завтра же представить Вѣрѣ Александровнѣ обо всемъ мною слышанномъ и видѣнномъ.

А. МАЙКОВЪ.

ЗАБОРОВЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

При началѣ весны 18 . . года утромъ взошло солнце, на чистое и ясное небо, очень обыкновенно, какъ оно привыкло восходить уже нѣсколько тысячь лѣтъ. Навстрѣчу ему, по заведенному порядку, поднялся на цѣломъ полушаріи нашей планеты порядочный шумъ: запѣли праздныя птицы — праздные люди при восхожденіи солнца не поютъ — застучали топоры, цѣпы, молотки и другія орудія тружениковъ, замычали коровы и, будто соперничая съ ними, заиграли на берестеныхъ рожкахъ пастухи свои однообразныя мелодіи. Проснулись, словно воскресли, и многолюдные города, и безлюдныя пустыри, и малолюдныя села, въ числѣ ихъ было и сельцо Сѣринькое.

Это утро было, какъ я уже сказалъ, при началѣ весны; снѣгъ только-что сошелъ съ земли и первая зелень слегка начала оттѣнять темные бока холмовъ, лежащихъ противъ солнца, и будто изумруднымъ пухомъ убирала тонкія вѣтки въ березовой рощѣ. Настала рабочая пора для землепашцевъ, а жители Сѣринькаго были землепашцы, такъ и неудивительно, что они навстрѣчу утреннему солнышку очень исправно засуетились и весьма ретиво привѣтствовали его нестройнымъ, разноголоснымъ концертомъ, въ которомъ среди общей сумятицы деревенскихъ звуковъ, впрочемъ весьма похваляемыхъ во многихъ идиліяхъ, вырѣзывались, какъ соло, заунывный скрипъ воротъ, или трескъ и стукъ полуразломаннаго колеса, вслѣдъ за нимъ громкая брань какого-нибудь кума Ивана, летящая широко и размашисто вдоль улицы басовымъ речитативомъ и вдругъ ее покрывалъ, уничтожалъ, какъ хоръ въ древней греческой

трагедіи, многосложный неистовый гамъ стада гусей, выходившихъ въ перевалку изъ боковыхъ воротъ на улицу; впрочемъ этотъ хоръ аматеровъ уступалъ въ свою очередь крику какой-то бабы, тузившей ребенка, и визгу ребенка, убѣгавшаго отъ бабы. Бѣлый пѣтухъ, взобравшись на ворота, хлопалъ противъ солнца крыльями и что есть мочи дралъ свое пѣтушиное горло; глядя на него, черная косматая дворняшка съ однимъ обрѣзаннымъ ухомъ заливалась подъ воротами звонкимъ лаемъ, да въ сторонѣ у забора громко блѣяли два барана безъ всякой видимой причины.

Наконецъ шумъ и гамъ притихъ; стада ушли въ поле, мужики уѣхали на пашню, дворняшка уснула, вытянувшись противъ солнца, пѣтухъ спустился съ воротъ на землю и въ обществѣ двухъ, трехъ пестренькихъ курочекъ прогуливался по улицѣ, очень глубокомысленно разгребая ногами всякой соръ. Вѣрно онъ, если не читалъ, такъ слышалъ отъ читавшихъ новѣйшую россійскую азбуку, про своего предка, нашедшаго въ сору алмазное зерно. А солнце всходило все выше надъ сельцомъ Сѣринькимъ, утро становилось все теплѣе. Въ это время за селомъ на погостѣ раздался тихій звонъ, кто услышалъ его, тотъ набожно перекрестился. Вдоль улицы проѣхала телега, запряженная въ одну лошадь; лошадью правилъ мужикъ въ сѣромъ армякѣ; на телѣгѣ стоялъ простой сосновый гробъ; за телѣгой бѣжалъ мальчикъ лѣтъ пяти или шести, босой, въ одной рубашенкѣ, да еще бѣжала собачка,—больше никого не было. Сразу можно было догадаться, что покойникъ былъ запятнанъ страшнымъ порокомъ, который тщетно старается исправить человѣческая мудрость, у котораго какъ у баснословной гидры на мѣсто одной отрубленой головы является цѣлая сотня новыхъ — порокомъ, называемымъ бѣдностью.

Мальчикъ, идя за телѣгой, горько плакалъ, собачка съ участіемъ глядѣла на него и лизала его руки.

—Погоди маленько, дядя, а дядя Степанъ! погоди маленько! сказалъ мальчикъ.

— Чего тамъ опять разревѣлся, сказалъ сѣрый армякъ, лѣниво повернувъ голову назадъ.

— Погоди дядя, я что-то мамѣ скажу.

— Эва! видишь нѐкогда.

— Да куда ты ее везешь?...

— Извѣстно, на погостъ, вѣдь она умерла. Ну такъ и похоронимъ.

— Погоди, дядя, я ѣсть хочу. Мама, а мама, дай хлѣба.... Дядя Степанъ, погоди, мама дастъ хлѣба....

Сѣрый армякъ молчалъ.

— Погоди, дядя, куда ты везешь ее? у нея и головка болитъ, и я ѣсть хочу, погоди, нето стану плакать.... дядя, погоди!...

— Ахъ, ты, пузырь! закричалъ Степанъ: — вотъ я тебя! разревѣлся, а этого не хочешь?...

— Не хочу я этого, это плетка для лошадки, а я ѣсть хочу.... и ноги у меня болятъ.

— Экой пострѣлъ! ворчалъ Степанъ: — ну, Вася, полно плакать, садись вотъ тутъ, отдохни подъ заборомъ, а я свезу твою мать на погостъ, вернусь, да и дамъ тебѣ хлѣба.... а будешь бѣжать да канючить, не дамъ хлѣба, а дамъ вотъ этого....

— А мама съ тобою прiѣдетъ?

— Прiѣдетъ, прiѣдетъ. Садись, да обожди вотъ тутъ.

Мальчикъ присѣлъ подъ заборомъ, телѣга поѣхала, за нею побѣжала одна собаченка, впрочемъ и она немного погодя остановилась,

оглянулась на мальчика, поглядѣла на телѣгу, завыла и вернулась. А Степанъ одинъ повезъ гробъ на погостъ.

II.

Пользуясь прекрасной погодой, въ это утро Кондратъ Иванычъ вышелъ прогуливаться, раскуривая свою голландскую трубку.

А кто такой Кондратъ Иванычъ? можетъ быть спроситъ ктонибудь.

Предупреждая подобный вопросъ, я спѣшу познакомить, какъ умѣю, съ Кондратомъ Иванычемъ.

Кондратъ Иванычъ былъ добрый человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, если не болѣе; онъ служилъ весь свой вѣкъ гдѣ-то при таможнѣ и былъ живымъ укоромъ тѣмъ людямъ стариннаго вѣка, которые двусмысленно улыбаются, глядя на таможеннаго чиновника. Онъ, выйдя въ отставку, привезъ на родину, т. е. въ сельцо Сѣринькое, прекрасный аттестатъ, нѣсколько кристаловъ горнаго хрусталя, нѣсколько морскихъ раковинъ, золотые карманные часы, стрѣлу какаго-то дикаго народа и табакерку съ музыкой. Вотъ все, что́ пріобрѣлъ добрый человѣкъ, прослужа лѣтъ тридцать при таможнѣ — въ этомъ эльдорадо для многихъ провинціяльныхъ мечтателей.

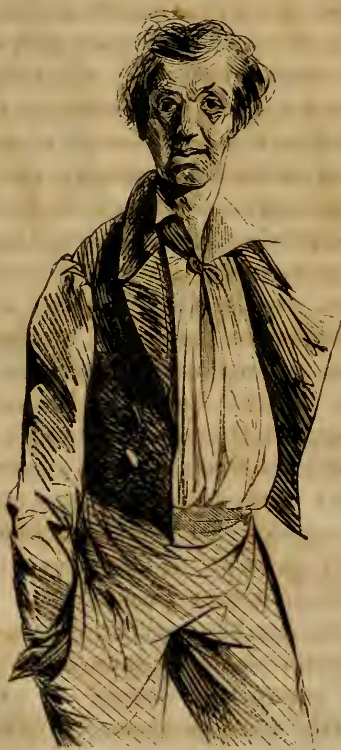
Кондратъ Иванычъ былъ не разговорчивъ, однако подъ веселую руку вспоминалъ старое житье-бытье, иногда говаривалъ: эхъ, господа!... что́ было, того уже не будетъ, по моему, хоть нѣтъ барыша, да слава хороша; вотъ напримѣръ, мы пивали глинтвейнъ, просто королевскій... И Кондратъ Иванычъ начиналъ разсказывать, какъ, бывало, онъ съ товарищи, пробуравивши голову крѣпкаго англійскаго рафинаду, вливалъ туда шампанское, какъ оно просачиваясь сквозь сахаръ, стекало въ сосудъ, наполненный ананасами, какъ это снадобье варилось, въ чемъ, сколько времени и съ какими специіями. Рецептъ длинный и сложный какого-то лукулловскаго напитка.... А сосѣди молча слушали его и съ благоговѣніемъ глядѣли на человѣка, пившаго во время оно такія драгоцѣнныя сладости.

Кондратъ Иванычъ, неизвѣстно почему, считалъ себя нѣмцемъ, будучи кореннымъ русскимъ и по отцу и по матери. Впрочемъ, если разобрать дѣло основательно, то Кондратъ Иванычъ, несмотря на видимую нелѣпость своего каприза, былъ немного правъ: Кондратъ Иванычъ былъ очень точенъ и аккуратенъ, а извѣстно, что эти добродѣтели преимуществинно остаются за нѣмцами, потомъ Кондратъ Иванычъ было имя чисто нѣмецкое, до того нѣмецкое, что одинъ товарищъ по службѣ Кондрата Иваныча, настоящій нѣмецъ, былъ тоже Кондратъ Иванычъ; наконецъ Кондратъ Иванычъ постоянно курилъ кнастеръ изъ глиняной голландской трубки, любилъ кофе, картофель и пиво, всегда носилъ узкіе нѣмецкіе брюки, и долго находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ нѣмцами, до того навострился въ нѣмецкомъ діалектѣ, что могъ минутъ десять вести разговоръ съ самымъ отчаяннымъ германцемъ.

Кондратъ Иванычъ владѣлъ почти половиною сельца Сѣринькаго, гдѣ и доживалъ спокойно свой вѣкъ старымъ холостякомъ. У него былъ небольшой чистенькій домикъ, небольшой садикъ, длинныя дрожки и большая сухопарая лошадь, купленная изъ браку въ

кавалерійскомъ полку и по старой привычкѣ всегда скакавшая въ дрожкахъ, въ оглобляхъ, курсъ-галопомъ, когда Кондратъ Иванычъ объѣзжалъ на ней свои поля съ управляющимъ.

Кажется, и самому Кондрату Иванычу нѐчемъ было управлять, а онъ еще держалъ управляющаго!... но этому онъ былъ обязанъ не глупости своей, не нерасчетливости, а скукѣ и своему доброму сердцу. Скучно было жить въ деревнѣ старику, безродному холостяку, а тутъ какъ нарочно явился, Богъ вѣсть откуда, безрукій бѣднякъ Ивановъ; поговорилъ съ нимъ Кондратъ Иванычъ, сжалился надъ его состояніемъ и предложилъ у себя мѣсто. Съ тѣхъ поръ уже нѣсколько лѣтъ жилъ Ивановъ у Кондрата Иваныча, тѣшилъ его разсказами про походы, безпрестанно горячился, суетился и кричалъ, чѣмъ составлялъ рѣзкую противоположность Кондрату Иванычу, всегда тихому и спокойному. Ивановъ былъ человѣкъ высокаго росту, худощавый, стройный, онъ имѣлъ въ своей физіономіей что-то общее съ лошадью, скакавшей въ оглабляхъ курсъ-галопомъ. Онъ всегда ходилъ въ курткѣ и рейтузахъ, галстуха терпѣть не могъ и любилъ держать въ карманѣ свою единственную правую руку.

Кондратъ Иванычъ, утромъ отправивъ своего управляющаго хлопотать и горячиться на работахъ, надѣлъ бархатную шапочку, раскурилъ глиняную голландскую трубку и пошелъ гулять по селу.

Глядитъ — подъ заборомъ сидитъ мальчишка, сосетъ палецъ и горько плачетъ.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ Кондратъ Иванычъ.

— Ѣсть хочу, а матушку увезли, дать нѣкому.

— Куда увезли? кто?

— Дядя Степанъ, вонъ туда увезъ.

— Куда?

— На погостъ, что̀-ли.

— На погостъ? зачѣмъ на погостъ?

— Хоронить будутъ, сказывалъ, ужь ея больше не будетъ, совсѣмъ умерла.

— Кто же была твоя мать?...

— Моя была.

— Да кто она такая была?

— Моя мать....

— А ты кто?

— Я Вася.

— Да ты чей?...

— Матушкинъ.

— Вы пришли сюда съ матушкой.

— Пришли.

— Откудова?

— А вотъ откудова.... изъ города.

— Изъ какого города?

— Изъ какого города?... Изъ города.

— Да какъ его зовутъ?

— Городомъ.

Долго можетъ быть продолжались бы подобные распросы Кондрата Иваныча, нимало не поясняя дѣла, еслибъ не подъѣхалъ Степанъ; онъ уже возвращался на пустой телѣгѣ, оставивъ на погостѣ свою страшную кладь, и, увидя Кондрата Иваныча подлѣ мальчика, – разсказалъ, что дня четыре назадъ зашла къ нему какая-то проходимка бѣдная женщина съ мальчикомъ и просилась переночевать, на другой день уже не могла итти, разхворалась и умерла, что умирая она просила не оставить ея сына Васю, что она мѣщанка изъ уѣзднаго города, и тамъ у нея нѣтъ ни кола, ни двора, ни родныхъ, ни пріятелей.

— Что̀ же у нея что-нибудь осталось?

— Какое осталось! мы съ кумомъ Терехой гробъ сами сколотили да міромъ и схоронили; извѣстно, была нищенка что̀-ли, Богъ ее вѣдаетъ.

— Но было у нея платье? деньги?...

— Богъ съ нею! намъ ее добра не нада; осталось тряпокъ фунтовъ съ десятокъ, да денегъ грошъ и пятакъ мѣди, вотъ и все тутъ!...

Mm BERI
СТРАННЫЙ
Рис. А. Агинъ
БЕРНАРДСКIЙ

— Ну, хорошо, спасибо тебѣ, Степанъ, ты добрый человѣкъ, а ты, Вася, поди со мной, я накормлю тебя.

И Кондратъ Иванычъ, взявъ мальчишку за руку, торжественно возвратился домой.

III.

Послѣ обѣда сидѣлъ спокойно Кондратъ Иванычъ въ креслахъ, обитыхъ голубенькимъ ситцемъ, и курилъ свою голландскую трубочку, противъ него на полу Вася, присѣвъ на корточки, съ невыразимымъ наслажденіемъ ѣлъ моченое яблоко, у двери стоялъ управляющій Ивановъ, вытянутый въ струнку, но безъ галстуха и немного растрепаный, упрятавъ по обыкновенію правую руку въ карманъ.

— Ну, что̀ какъ у насъ дѣлишки, того? началъ Кондратъ Иванычъ, медленно пуская въ потолокъ струю табачнаго дыма.

— Ничего-съ, все обстоитъ благополучно.

— Слава Богу! а я думалъ, что-нибудь того.... ты, братъ, этакъ немного, какъ говорятъ французы, растрепэ.

— Не убережешься, дѣла пропасть, и туда побѣжишь, и туда завернешь, и въ другое мѣсто махнешь, извѣстно, служба, ваше высокоблагородіе, на походѣ пятерней разчешешься, вотъ и все тутъ! не красная дѣвка, не въ зеркало глядѣться....

— Знаю, знаю, любезнѣйшій, ты у меня трудящій человѣкъ, одно только того....

— Что̀, ваше высокоблагородіе?

— Вотъ послѣднее то.... послѣднее мнѣ не нравится.

Управляющій вытянулся сколько могъ, даже вынулъ руку изъ кармана и въ недоумѣніи глядѣлъ на Кондрата Иваныча.

— Не пугайся, любезный, продолжалъ Кондратъ Иванычъ: — я только тебѣ замѣтилъ, къ чему величать меня высокоблагородіе? Правда, я коллежскій асессоръ, не то, что̀ иной въ отставкѣ, а и служилъ въ этомъ чинѣ, равносильномъ майорскому рангу.... Да вѣдь мы съ тобой бесѣдуемъ по пріятельски; называй меня просто Кондратъ Иванычъ.

— Слушаю, ва.... Кондратъ Иванычъ.

— Вотъ такъ хорошо. А что̀ ты вотъ объ этомъ думаешь?...

— То есть объ эфтомъ?... сказалъ Ивановъ, хитро мигнувъ на Васю однимъ глазомъ....

— Да, объ этомъ мальчуганѣ; вишь, какой постреленокъ!...

— Накормили человѣка, дѣло хорошее....

— Не въ томъ дѣло; вѣдь у него нѣтъ ни отца, ни матери, ни роду, ни племени.

— Слыхалъ-съ.

— Вотъ то-то и оно. Накорми его да вытолкни на улицу, такъ его и собаки загрызутъ.

— Истинно загрызутъ, Кондратъ Иванычъ....

— Да что тебѣ собаки! Куры заклюютъ.

— Чего добраго, и куры заклюютъ.

— А вѣдь у него душа христіянская, что̀ и у насъ съ тобой. Нада его до пути довести. По моему, пусть живетъ у меня, мнѣ же скучно одному бываетъ, а Вася будетъ потѣшать меня на старости.... Какъ ты думаешь?...

— Доброе дѣло, ва.... Кондратъ Иванычъ, будетъ за васъ человѣкъ Бога молить...

— Поживетъ, подростетъ немного, а тамъ можно его и въ науку отдать.

— Почему не отдать, ученый человѣкъ и глядитъ не такъ....

— Правда твоя, ученіе свѣтъ; а въ какую науку лучше бы отдать его? а? какъ ты думаешь?

— Да оно-съ всякая наука хороша, на первый разъ хотя бы вотъ къ пастуху отдать.

— Ну, нѣтъ, и пастухъ дѣло хорошее, да мнѣ бы хотѣлось куда-нибудь повыгоднѣе.... этакъ напримѣръ.... Куда бы ты думаешь?..

— Въ кузнецы тяжело, мальчикъ маленькой, — куда ему!...

— Правда, куда ему!

— А вотъ развѣ въ цаловальники....

— А, это хорошо?....

— Ремесло пребезподобное!... У меня и городѣ есть пріятель цаловальникъ; ужь я въ прошломъ году наглядѣлся, какъ гостилъ у него два дня.... Дѣло вотъ такъ и кипитъ; тотъ пьетъ, тому сдачи давай, у того деньги бери, цѣлый день сумятица словно на войнѣ какой, а пѣсень разныхъ да присловьевъ, да поговорокъ наслушаешься..... правда, иной разъ и потасовка бываетъ, да гдѣ безъ этого проживешь?....

— Должно быть весело; да гдѣ же тутъ управиться мальчику.

— Мальчикъ-то и работаетъ, ужь я насмотрѣлся, у своего пріятеля, мальчишка этакъ лѣтъ десяти, а что за преотчаянная бестія!...

такъ и юлитъ между народомъ, подъ руками такъ и шныряетъ словно гадъ какой, нальетъ тебѣ полный крючекъ вина — станешъ нести

ко рту, онъ мотнетъ головой, толкнетъ подъ локоть — половина вина и выплеснется назадъ въ кадку!... ты на него прикрикнешь, а онъ на тебя: пей скорѣе, — другіе идутъ!... дѣлать нечего и пойдешь, не драться стать съ мальчуганомъ изъ за глотка вина. А онъ какъ этакъ подтолкнетъ въ день разъ пятдесятъ, такъ и набѣжитъ хозяину не одна бутылка вина; и хозяинъ доволенъ, и мальчику хорошо.

— Правда, ну такъ пусть его остается у меня; пріодѣть его, да кормить хорошенько; подростетъ, пожалуй опредѣлимъ его къ твоему пріятелю. А теперь я пойду сосну немного, усталъ, братецъ.

Кондратъ Иванычъ легъ спать, а управляющій отвелъ мальчика на кухню, надѣлъ на него синіе штаны и рубашку, подпоясалъ краснымъ снурочкомъ, нахлобучилъ на глаза старую кучерскую

шапку и вывелъ на улицу, сказавъ: гуляй, Вася, на здоровье, только не дразни собакъ, а захочешь ѣсть, бѣги сюда, здѣсь твой домъ.

IV.

Прошло болѣе года; Вася подросъ и очень тѣшилъ своими проказами Кондрата Иваныча, который ни мало не измѣнился, по старому курилъ голландскую трубочку, носилъ узкіе брюки, любилъ побесѣдовать съ управляющимъ и ѣздилъ съ нимъ въ поле на извѣстныхъ намъ дрожкахъ.

Около полудня Кондратъ Иванычъ возвращался домой съ управляющимъ и толковалъ съ нимъ о томъ, какъ хорошо теперь поѣсть ботвиньи со льдомъ и потомъ, закрывши ставни, проспать жаркую пору дня. — И Кондратъ Иванычъ быстрѣе замахалъ кнутомъ надъ лошадью, которою всегда любилъ самъ править; а Ивановъ сидѣлъ сзади на дрожкахъ. Сухопарая лошадь, вѣроятно сама предчувствуя спокойное стойло или еще вѣроятнѣе чувствуя надъ собой бичь Кондрата Иваныча, скакала отличнымъ курцъ-галопомъ съ правой ноги по пыльной улицѣ Сѣринькаго села; дрожки неистово стучали и дребезжали, передъ ними робко разбѣгались пѣтухи, ребятишки и куры, почтительно кланялись бабы и мужики снимали шапки, за дрожками клубилась пыль, словно черная струя дыму за пароходомъ.

Спокойный и довольный собой, своими дрожками, лошадью и управляющимъ, остановился Кондратъ Иванычъ у крыльца своего домика, всталъ съ дрожекъ и началъ отдавать возжи управляющему.

— У насъ никакъ гости ваше высокоблагородіе, сказалъ Ивановъ, почтительно приподнимая фуражку.

— Какіе гости?...

— Дожно быть, какіе генералы, я къ нимъ пригляделся, вотъ... И управляющій значительно подмигнулъ лѣвымъ глазомъ на конюшню.

— Да и тутъ, продолжалъ Ивановъ вполголоса: — сидитъ какая райская птица. И покосилъ правымъ глазомъ на крыльцо.

Кондратъ Иванычъ взглянулъ въ конюшню: тамъ стояла распряженная дорожная четвероместная карета; посмотрѣлъ на крыльцо: на крыльцѣ сидитъ человѣкъ иностранной наружности, въ клѣпчатомъ картузѣ съ длиннымъ козырькомъ, въ гороховой шинели и въ зеленыхъ брюкахъ съ красными клѣтками, сидитъ и преспокойно куритъ изъ дорожной трубки саксонскаго фасона.

— А, понимаю, сказалъ Кондратъ Иванычъ: — это по нашей части; ступай себѣ, отдай лошадь, а здѣсь я ужь переговорю.

Управляющій уѣхалъ, и Кондратъ Иванычъ началъ медленно подыматься на единственныя четыре ступени крыльца, небрежно повертывая въ рукахъ свою голландскую трубку, какъ бы желая

этимъ показать, что и мы, дескать, не кто-нибудь, и не прочь отъ иностранныхъ привычекъ и обычаевъ; но незнакомецъ не обращалъ на него вниманія и съ непоколебимымъ хладнокровіемъ продолжалъ курить.

— Гутѣнъ тагъ, мѣйнъ-геръ! началъ Кондратъ Иванычъ.

Иностранецъ поглядѣлъ на него однимъ глазомъ и продолжалъ курить.

— Ужъ не англичанинъ ли? подумалъ Кондратъ Иванычъ и спросилъ: шпрѣхенъ-зи-дѣйчь?...

— Иванъ Андреичъ! отвѣчалъ иностранецъ: — полно-ка, мусье, балясничать, да похлопочи, чтобъ насъ поскорѣе накормили; вотъ какъ животъ подвело!...

— А, стало быть вы русскій?...

— Слава тебѣ Господи! камердинеръ его сіятельства, графа Вѣтрицкаго. А ты здѣшній садовникъ или управляющій?

— Я хозяинъ этого дома, любезнѣйшій.

Камердинеръ лѣниво поднялся и снялъ картузъ.

— Ничего, любезный, накрывайся. А съ кѣмъ ты пріѣхалъ? съ его сіятельствомъ?...

— Никакъ нѣтъ, ихъ сіятельство оставшись въ Петербургѣ, а мы здѣсь съ генераломъ ѣздимъ ревизовать графскія имѣнія.

— Съ какимъ генераломъ? гдѣ генералъ?

— Съ Лукьяномъ Иванычемъ; вонъ тамъ въ саду онъ прогуливается....

— Господи Боже мой! вотъ не знаешь, откуда что̀ сложится!.. у меня въ домѣ генералъ!... а кажется, въ эту ночь мнѣ и не снилось ничего такого необыкновеннаго.... говорилъ самъ себѣ Кондратъ Иванычъ, проходя черезъ свою спальню въ садъ: — шутка сказать, генералъ! да еще изъ Петербурга, вотъ именно, что̀ называется мѣйнъ готъ!.. И что̀ ему отъ меня надобно?... гдѣ же онъ? а, вотъ! изволитъ прогуливаться....

Въ это время пріѣзжій гость точно былъ виденъ въ затылокъ; онъ шелъ отъ дома въ садъ по дорожкѣ, а Кондратъ Иванычъ за нимъ. Гость былъ не жиренъ, но очень и очень плотенъ; одѣтъ онъ былъ въ короткій сюртучокъ и модныя брюки, сверху было надѣто тоже короткое пальто, изъ боковыхъ его кармановъ торчали бумаги и газеты, на головѣ круглая шляпа, въ рукѣ сигара.

— Экой сдобный человѣкъ! шепталъ Кондратъ Иванычъ, подходя къ гостю: — сколько-то въ немъ, я думаю, сидитъ ростбифовъ да растягаевъ.... Да что робѣть, онъ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ.... И довольно громко сказалъ: мое почтеніе вашему превосходительству!...

Гость граціозно обернулся, вынулъ лѣвой рукой изо рта сигару и пріятно улыбнулся. Тутъ Кондратъ Иванычъ замѣтилъ, что у гостя полное, круглое, немного красное лицо, маленькіе заплывшіе сѣрые глаза и бѣлые ровные зубы....

— Какому случаю я обязанъ чести видѣть ваше превосходительство?

— Ха, ха, ха! Вы не узнали меня, Лукьяна Иваныча, вашего брата!

— Боже мой! это вы, братецъ?...

— Ха, ха, ха!... разумѣется я!... обнимемся, братецъ! да какимъ вы стали оригиналомъ! настоящій филистеръ, право....

— А вы стали какимъ толстякомъ, говорилъ Кондратъ Иванычъ, обнимая брата: — вѣдь мы пятнадцать лѣтъ не видались.... не мало времени....

— Да, пятнадцать лѣтъ.... я успѣлъ жениться и овдовѣлъ въ прошломъ году.... до сихъ поръ не могу поправиться; знаете, душевныя болѣзни хуже физическихъ....

— Правда, братецъ. А дѣточки остались?

— Какъ же, бѣдныя сироты, какъ и я грѣшный. Они здѣсь гдѣ-то бѣгаютъ; эй вы! Эрнестина! Рудольфъ! venez-ici.

Изъ-за кустовъ смородины выбѣжали дѣвочка лѣтъ семи и такой же мальчикъ. Дѣвочка, одѣтая въ бѣлое платье, была стройна и

блѣдна, мальчикъ въ бархатной курточкѣ былъ свѣжѣе, но смотрѣлъ немного глуповато и уже успѣлъ замарать руки и губы въ ягодахъ.

— Вотъ они, вотъ, посмотрите, братецъ, это моя дочка, а это сынъ, посмотрите, весь я, неправда ли?... Дѣлайте реверансы дядюшкѣ.

Дѣти начали присѣдать и кланяться, а Лукьянъ Иванычъ хохоталъ.

— Вотъ какъ у насъ, братецъ, рекомендую, дѣти съ обращеніемъ; крестники его сіятельства.

— Радостный для меня день, говорилъ Кондратъ Иванычъ, цѣлуя племянничковъ: — одолжили вы меня, братецъ.... да какъ же вы не писали, что уже стали генераломъ....

— Ну, нѣтъ, я произведенъ нынѣшней весной въ статскіе совѣтники....

— А вашъ слуга сказалъ....

— Да это пустяки; слуги всегда любятъ производить насъ въ высокіе чины, это уже ихъ расчеты.

— Во всякомъ случаѣ я очень вамъ благодаренъ, что вы навѣстили меня.

— Какъ же, какъ же! я это имѣлъ всегда въ виду.... У васъ, въ гадкомъ вашемъ городишкѣ, мнѣ пришлось прожить дня три, пока соберутъ нужныя справки; вотъ я и вспомнилъ, что вы здѣсь живете не далеко, думаю проведу у васъ лучше время, и дѣти попользуются деревенскимъ воздухомъ, взялъ почтовыхъ и пріѣхалъ....

— Покорно васъ благодарю!... Вотъ бы удивилась тетушка Олимпіяда Марковна, еслибъ дожила до этого счастливаго дня.

— Ахъ, не говорите мнѣ о ней! я не могу вспомнить ея зеленаго платка, что былъ вѣчно намотанъ на головѣ....

— А она васъ такъ любила....

— Какой вы, братецъ, до сихъ поръ идиллическій человѣкъ! что мнѣ въ ея любви!... одна ея привычка подергивать безъ всякой причины носомъ могла превратить самую пламенную любовь въ ненависть; и теперь я почти радъ, что ея нѣтъ: она бы меня лишила аппетита; а я надѣюсь у васъ, братецъ, порядочно пообѣдать.

— Пойдемте въ комнаты, пообѣдаемъ чѣмъ Богъ послалъ.

— Экой скромникъ, знаю я васъ таможенныхъ, преизбалованный народъ.

— Я человѣкъ простой.

— Знаю, знаю... объ одномъ прошу: ради Бога, не угощайте меня шампанскимъ; хересъ и портвейнъ другое дѣло, а шипучее наскучило.... портеръ еще можно.... ну, да васъ не учить стать, вы сами жили въ свѣтѣ.

Пока въ залѣ Лукьянъ Иванычъ курилъ сигару, а его дѣти шумѣли на крыльцѣ, Кондратъ Иванычъ ушелъ въ свою маленькую спальню; тамъ его ожидалъ уже управляющій.

— Бѣда, любезный Ивановъ, кругомъ бѣда! какъ тутъ быть?!.. сказалъ Кондратъ Иванычъ въ раздумьи, набивая голландскую трубочку.

— Какъ прикажете, отвѣчалъ управляющій.

— Знаю, знаю я это и безъ тебя, да приказывать-то нечего, или оно есть что̀ приказывать, да нечѣмъ; и это не такъ: есть чѣмъ и приказывать, голосу-то хватитъ, да приказывать не чѣмъ.... что-ли.... нечистый его знаетъ, не могу сказать, что̀ на душѣ лежитъ!... ты меня понимаешь?...

— Понимаю, т. е. вамъ говорить нѐчего.

— Какое нѐчего! совсѣмъ не то, говорить-то у меня найдется много кое-чего, да изъ этого ничего не будетъ. Тутъ нужны деньги.

Управляющій вопросительно посмотрѣлъ на Кондрата Иваныча.

— Если бы я сказалъ тебѣ: любезный Ивановъ, поѣзжай въ городъ, купи бутылочку другую шампанскаго, да бутылочку другую хорошаго хересу, да еще полпуда говядины, да свѣжей рыбы, да того, другого, третьяго?... чтобы ты сдѣлалъ?...

— Поѣхалъ бы и купилъ, только попросилъ бы записки, безъ записки что-нибудь не упомнишь.

— А деньги гдѣ?

— У насъ въ экономіи есть цѣлковыхъ три....

Кондратъ Иванычъ покачалъ головой.

— Ну коли мало, такъ у меня есть мелочи на цѣлковый, и ее пустимъ, а вы мнѣ послѣ отдадите.

Кондратъ Иванычъ опять покачалъ головой.

— Неужели и этого мало? спросилъ въ недоумѣніи управляющій. Нешто мы весь городъ хотимъ закупить?

— Городъ не городъ, а если я тебѣ скажу, что одна бутылочка шампанскаго стоитъ четыре цѣлковыхъ, что̀ ты на это скажешь? а?...

Управляющій въ свою очередь покачалъ головой.

— Плохо, Ивановъ, а надо какъ-нибудь быть, гость-то мой родной братъ Лукьянъ Иванычъ, мы съ нимъ пятнадцать лѣтъ не видались, и человѣкъ-то онъ важный, хотя и меньшой мнѣ братъ, да привыкъ къ роскоши, въ столицѣ живетъ; какъ же мнѣ, старику, заставить его голодать у себя? оно и не хорошо и совѣстно.

— Вѣстимо, плохое дѣло! А вы скажите ему, молъ, ваше превосходительство, любезный братецъ, не ухомъ пѣть, коли голосу нѣтъ!

достатки, молъ, мои такіе и такіе, просимъ извиненія, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Тутъ и вся недолга́.

— Это все слова, а на дѣлѣ выдетъ не такъ, еще пожалуй братецъ и не повѣритъ, подумаетъ, что я поскупился.... пожалуй скажетъ: вотъ, дескать, сколько лѣтъ служилъ при хорошемъ мѣстѣ, а ничего не припасъ угостить брата послѣ долгой разлуки.... Плохо дѣло! какъ тутъ быть?... а?

— Развѣ уступить Парамону десятнику Сивку?

— А что̀ ты думаешь? да онъ, мошенникъ, не дастъ за нее двадцати цѣлковыхъ, а кобыла добрая и самимъ безъ нея плохо, заболѣетъ рыжакъ — выѣхать не на чѣмъ. А что̀ бишь онъ давалъ за нее?

— Да пятнадцать цѣлковыхъ....

— Ахъ, онъ жидоморъ! а дѣлать нечего, сбѣгай къ нему, коли не дастъ больше, отдай — съ уговоромъ на ней съѣздить въ городъ. Я сейчасъ напишу записку, а ты похлопочи, чтобъ ботвиньи прибавили, да тамъ еще курицу другую пусть зажаритъ кухарка, да еще что-нибудь поскорѣе къ обѣду.

— Слушаю-съ.

— Погоди, погоди!... Что̀ тамъ у насъ есть кромѣ полынной настойки?...

— Есть въ полуштофчикѣ настойка на ревеню.

— Ну, эта мимо, развѣ въ случаѣ болѣзни....

— Да еще въ графинчикѣ есть налиты — листья черной смородины.

— Да, да, это хорошо. А у меня въ шкапу стоитъ бутылочка засмоленаго, должно быть донскія выморозки....

— Что̀ прислалъ становой, когда просилъ на крестины?

— Да, да. Ну, ступай себѣ съ Богомъ, управляйся, забѣги за запиской, да и маршъ въ городъ, я ее оставлю здѣсь на столѣ, ты уже и не безпокой меня.... только съѣзди поживѣе.

— Мигомъ скипитъ дѣло, ваше высокоблагородіе.

Управляющій ушелъ, Кондратъ Иванычъ написалъ записку, вздохнулъ, закурилъ трубочку и вышелъ къ своему брату, который громко хохоталъ, указывая пальцемъ на развалины стула.

— Кораблекрушеніе!... Не успѣлъ сѣсть, какъ онъ подо мной вдребезги!... Будь вы, братецъ, женатый да семейной человѣкъ, а я холостой, никто бы меня не переувѣрилъ, что это не стулъ, а машина, на мою погибель ради наслѣдства!...

Кондратъ Иванычъ видимо смутился, а Лукьянъ Иванычъ началъ хохотать.

V.

Лукьянъ Иванычъ былъ человѣкъ ограниченный, но принадлежалъ къ разряду людей, которымъ что̀ называется везетъ.

Слово *везетъ* для всѣхъ очень понятно и выражаетъ многое. Спросите кого угодно, и каждый вамъ скажетъ: ужь коли везетъ, такъ везетъ, а не везетъ такъ не везетъ. Весьма уважая подобное общее мнѣніе, нельзя не согласиться, что въ немъ очень много фатализма, и разсмотрите хорошенько людей, которымъ везетъ, вы непремѣнно найдете въ ихъ натурѣ основаніе ихъ успѣха. Иному и повезетъ, да онъ не способенъ будетъ ѣхать, а другой на томъ же экипажѣ проскачетъ такъ, что обгонитъ и умъ, и трудъ, и науку, и что̀ вы хотите. Превосходная пословица: не родись ни богатъ, ни уменъ, а родись счастливъ, по моему мнѣнію, довольно поверхностна. Лукьянъ Иванычъ, какъ и Кондратъ Иванычъ, родился не богатъ, не уменъ, а былъ счастливъ тѣмъ, что мно̀жество людей родились еще прежде его и богаче и глупѣе.

Сначала Лукьянъ Иванычъ, какъ и всѣ бѣдные люди, усердно служилъ и мыкалъ горе, пока графъ Вѣтрицкій, отъ старости очень плохо читавшій русское письмо, не полюбилъ его за четкій красивый почеркъ и не взялъ къ себѣ въ домашніе секретари. Другой на мѣстѣ Лукьяна Иваныча можетъ быть зачахъ бы, а онъ началъ толстѣть, и, служа подъ начальствомъ графа, сталъ управлять его дѣлами и имѣніями, а наконецъ женился на графской гувернанткѣ, которую графъ очень любилъ. Онъ жилъ въ домѣ графа на всемъ готовомъ, держалъ на его конюшнѣ по нѣскольку своихъ лошадей, которыхъ, откормивши чужимъ овсомъ, продавалъ изъ барыша, а себѣ заводилъ новыхъ; закупалъ для графскаго дома все, что̀ нужно было закупать, — уплачивалъ счеты мастеровымъ и т. п., — словомъ, былъ вѣчно въ хлопотахъ и толстѣлъ себѣ на здоровье.

Графъ не могъ жить безъ Лукьяна Иваныча. Графская дворня, особенно дворецкій и повара, ненавидѣли Лукьяна Иваныча, однако низко ему кланялись и подло угождали на основаніи пословицы: плетью обуха не перешибешь.

Не одинъ разъ Ѳедька, любимый слуга молодого графа, замѣтивъ, что онъ поутру въ дурномъ расположеніи духа, рѣшался вооружить его противъ Лукьяна Иваныча, говоря: власть вашего сіятельства, а у насъ и то не такъ, и то не такъ, и это совсѣмъ худо, по милости Лукьяна Иваныча. Власть ваша, а правду говорю.

— Молчать, дуракъ! былъ одинъ отвѣтъ молодого графа: — у Лукьяна Иваныча больше ума въ подошвѣ, чѣмъ у тебя въ головѣ. Посмотрѣлъ бы ты, какихъ онъ мнѣ вчера сигаръ досталъ!...

И кланяясь Ѳедька умолкалъ.

Не одинъ чухонецъ, продавши сѣно на графскую конюшню и получивши сполна всѣ деньги отъ Лукьяна Иваныча, печально задумывался, когда, выѣхавъ изъ шумнаго города за Выборгскую заставу, повѣрялъ на свободѣ у трактира свою выручку. Бѣднякъ, облокотясь на рѣшотку, долго не могъ себѣ разъяснить вопроса: какъ это случилось, что у него денегъ гораздо меньше, нежели получить слѣдовало, а добрый баринъ Лукьянъ Иванычъ три раза самъ пересчиталъ ему, растолковалъ, казалось, какъ родной, надавалъ вмѣсто крупныхъ разной мелочи и еще прибавилъ гривенникъ на водку!...

А Лукьянъ Иванычъ жилъ себѣ помаленьку, и уже началъ торговать на имя жены каменный домъ на Литейной, да смерть жены помѣшала этому торгу. Между тѣмъ графскія дѣла въ губерніяхъ шли очень плохо; нѣкоторымъ помѣстьямъ угрожала публичная продажа. И вотъ Лукьянъ Иванычъ, вооруженный довѣренностями и рекомендательными письмами, отправился въ графской каретѣ распутывать запутанныя дѣла; впрочемъ у него была и своя цѣль: пріискать гдѣ-нибудь повыгоднѣе для себя имѣніе и навѣстить брата, который *долго служилъ при таможнѣ* и былъ довольно старъ и

бездѣтенъ; вѣроятно для этой послѣдней причины Лукьянъ Иванычъ взялъ съ собой и дѣтей.— Но мы видѣли, какъ жестоко ошибся Лукьянъ Иванычъ: вмѣсто воображаемаго богача, онъ нашелъ своего брата круглымъ бѣднякомъ, правда довольнымъ своей судьбою, да Лукьяну Иванычу не было до этого дѣла.

Лукьянъ Иванычъ прогостилъ у Кондрата Иваныча два дня и на третій уѣхалъ, но эти два дня показались для Кондрата Иваныча тремя годами; онъ безпрестанно выдерживалъ пытку. Петербургскій братецъ ѣлъ и пилъ за четверыхъ и ни чѣмъ не былъ доволенъ, все ругалъ на-повалъ и надъ всѣмъ смѣялся; добрякъ Кондратъ Иванычъ, по его словамъ, изъ кожи лѣзъ и не могъ ничѣмъ угодить дорогому гостю. То жаркое было пережарено, то сливки жидки, то мухи кусали, то дорожки въ саду были худо вычищены; словомъ, не было предмета въ хозяйствѣ и въ домѣ Кондрата Иваныча, который бы не безпокоилъ милаго братца. Лукьянъ Иванычъ не могъ скрыть своей досады, что ошибся въ расчетѣ, и явно вымѣщалъ ее на братѣ, прямо говоря, что онъ не умѣетъ жить или не можетъ жить благопристойно, потому что не умѣлъ съ умомъ прежде пользоваться обстоятельствами.

— Ужь это вы оставьте въ покоѣ; это, братецъ, мое дѣло, какъ я жилъ.

— Совершенно согласенъ, однако теперь вы, Кондратъ Иванычъ, могли бы имѣть на старости другія отношенія, иную обстановку, не тотъ вѣсъ, не то уваженіе въ обществѣ. А теперь вы, что?

— Честной человѣкъ.

— Вы старѣе меня, а говорите какъ ребенокъ, будто изъ азбуки читаете правила; вѣрите ли, мой сынъ этого уже не скажетъ....

— Оставимъ, братецъ, этотъ разговоръ.

— Оставимъ; я вижу, мы съ вами никогда не сойдемся....

На третій день привели къ Кондрату Иванычу шестерку крестьянскихъ клячь, заложили ихъ въ карету Лукьяна Иваныча, и онъ уѣхалъ. Кондрату Иванычу было и жаль брата, и онъ радовался, видя его отъѣзжающимъ.

VI.

— Ну, слава Богу, кажется, благополучно уѣхали, сказалъ Кондратъ Иванычъ, когда карета скрылась изъ глазъ.

— Истинно, слава Богу! замѣтилъ управляющій.

— А что? говорилъ Кондратъ Иванычъ, входя къ себѣ въ комнату.

— А ничего, говорилъ управляющій, идя слѣдъ за бариномъ: — извѣстно, дѣло пріятельское, родное, а не приведи Господи въ другой разъ выдержать такую экзекуцію....

— Ты думаешь?

— Дѣло видимое: и Лукьянъ Иванычъ, и его дѣти, и лакеишко, — всѣ жили у насъ какъ въ непріятельской землѣ и хоть бы кто сказалъ спасибо!.... не мое дѣло, ваше высокоблагородіе, а право жаль Сивки.

— Это правда, братецъ любитъ посмѣяться, даже и Васю не оставилъ въ покоѣ, стыдно, говоритъ, что пріемышъ бѣгаетъ босикомъ.

— Извините меня, а вашъ братецъ не похожъ на васъ; онъ мнѣ такія пѣсенки подпускалъ, что Богъ съ нимъ.

— Какія?

— Да разные, насчетъ всего: сначала все закидывалъ про деньги; много ли у васъ ихъ есть, да въ какомъ онѣ оборотѣ? Я ему правду рѣзалъ; онъ мнѣ сунулъ цѣлковый въ руку и опять сталъ распрашивать.

— Ага!... замѣтилъ Кондратъ Иванычъ: — что же, ты не взялъ цѣлковаго?

— Какъ не взять? взялъ, вотъ онъ! сталъ бы я у него не брать денегъ! Мы на него сколько потратились.... намъ теперь и этотъ пригодится.

— Напрасно.

— Мое дѣло простое, а я скажу: не напрасно, жаль что однимъ поплатился. А потомъ опять сталъ подъѣзжать: скажи, молъ, что это у васъ за мальчишка бѣгаетъ?... Я ему говорю: Васька, такой и такой, а онъ мнѣ говоритъ: ты не ври, скажи мнѣ всю правду, можетъ статься тутъ что не ладно? вѣдь я, говоритъ, да мои дѣти наслѣдники послѣ Кондрата Иваныча.... Вотъ онъ какой, вашъ братецъ!...

— Эге! сказалъ Кондратъ Иванычъ и крѣпко задумался.

Цѣлый день Кондратъ Иванычъ былъ задумчивъ, а вечеромъ, ложась спать, сказалъ управляющему:

— А знаешь, что, Ивановъ?

— Не могу знать.

— Я долго думалъ и какъ ни думалъ, а все выходитъ, что мой братъ человѣкъ недобрый.

— Слава тебѣ Господи! это я зналъ не думавши.

— И дѣти его мнѣ не по душѣ.

— Эхъ ваше высокоблагородіе! и мнѣ куда не по-нутру пришлись они.

— Пожалуйста безъ титуловъ, мы бесѣдуемъ по пріятельски.

— Слушаю.... Кондратъ Иванычъ.

— Они смѣялись надъ Васькой, а мы его воспитаемъ, да какъ будетъ хорошъ, пусть и наслѣдуетъ все, что я имѣю.... Мнѣ его Богъ далъ, авось онъ станетъ любить меня.

— Добрый вы человѣкъ, Кондратъ Иванычъ!..

— Поѣзжай ты въ городъ завтра да поищи подешевле какого-нибудь грамотнаго человѣка, пусть живетъ у насъ да учитъ Ваську.

— Радъ стараться, да это дѣло-то мнѣ не по-сердцу; гдѣ я найду такого грамотѣя, да еще и дешеваго? скорѣй у цыганъ тройку лошадей купишь безъ порока, чѣмъ отыщешь такую фигуру.

— Поищи.

— Поѣхать поѣду, да напередъ знаю, что вернусь ни съ чѣмъ, только время промаю понапрасну.

— Ну тамъ, уже что Богъ дастъ, то и будетъ, а мнѣ бы хотѣлось показать брату и то и другое, пусть больно не чванится.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня уѣхалъ управляющій въ городъ и вернулся поздно вечеромъ.

— А что? спросилъ Кондратъ Иванычъ.

— Все благополучно! весело отвѣчалъ Ивановъ.

— Нашелъ?

— Нашелъ! Самъ Богъ, кажись, послалъ человѣка! Знать Васька родился въ сорочкѣ....

— Гдѣ же онъ?

— Грамотѣй-то? тамъ еще остался, а вотъ только привезъ его пробу, коли понравится, завтра доставлю, такой и уговоръ былъ; вотъ извольте полюбопытствовать.

Тутъ управляющій опустилъ руку въ карманъ, вытащилъ оттуда листъ бумаги, сложенный вчетверо, и подалъ его Кондрату Иванычу. Кондратъ Иванычъ, надѣвъ очки, началъ читать:

ПРОЩАНЬЕ.

Вотъ солнце сѣло за горами,
Сребристый мѣсяцъ ужь взошелъ;
Туманъ носился съ облаками;
Я ямщику сказалъ – пошелъ!
Ямщикъ оправившись сѣлъ въ козлы,
Стегнулъ два раза по конямъ,
А я припалъ къ углу кибитки,
Сталъ выпускать изъ трубки дымъ.
Прощай, Москва! прощай, царица,
Прощай о родиня моя!
И ужь не будетъ передъ мною

Блеститъ златая голова.
Я далеко умчусь на-долго,
Покину край я свой родной,
Покину все свое родное,
Далеко улечу отъ васъ!!
Тутъ мошка сѣла мнѣ на щоку,
И я хотѣлъ ее согнать,
Ужь взявшись за усы рукою,
Какъ вдругъ почувствовалъ — мокро!...
Что̀ это? что̀? ужель слеза
Такъ тихо канула? и я,
Обтерши наскоро рукою,
Сталъ выпускать изъ трубки дымъ!...
А солнце сѣло за горами,
Сребристый мѣсяцъ ужь взошелъ,
Туманъ носился съ облаками,
Я ямщику сказалъ — постой!....

Сочинялъ Разгуляевъ.

— Недурно! сказалъ Кондратъ Иваныч, прочитавши стихи: — и написано четко!... Это кладъ - не человѣкъ!...

— Счастье васькино, замѣтилъ Ивановъ: — и дешево и мило.

— Дешево?

— На нашихъ хлѣбахъ 25 р. ассигнаціями въ годъ, только, говоритъ, уголъ для житья дадите, чтобъ зимой былъ теплый, да къ обѣду и къ ужину безпремѣнно по рюмкѣ горькой водки.

— Да смотри-ка, любезный, можетъ быть онъ тово?...

— То есть на счетъ этого? сказалъ Ивановъ, ловко щелкнувъ себя пальцемъ по шеѣ.

— Именно; видывалъ я этихъ ученыхъ: кажется, живая книга, возьми его да и читай, а запьетъ, и ворота забьетъ.

— Правда, не утаю, онъ былъ немного подгулявши, да вѣдь на то городъ, общество, компанья; оно не то, чтобы самъ человѣкъ налимонился. Кто Богу не грѣшенъ, ваше высокоблагородіе, а нашъ покойный начальникъ, царство ему небесное, завсегда говаривалъ, пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ.

— И то правда, была бы голова, а мы не дадимъ ему поводу. Да какъ ты его нашелъ?....

— Такъ пришлось аккуратно, на охотника и звѣрь бѣжитъ, не даромъ говорится. Ходилъ я словно квартерьеръ по городу, былъ въ почтовой конторѣ, спрашивалъ, нѣтъ ли, молъ, такого человѣка? Нѣтъ, говорятъ, и не слыхали, а справьтесь, говорятъ, на станціи. Пошелъ я на станцію, и тамъ нѣтъ никого такого, писарь сказалъ, что грамоту знаетъ, а другихъ наукъ не ученъ, да и мѣста мѣнять не

хочетъ. Былъ въ ратушѣ, и въ полицію завернулъ, и въ судъ понавѣдался: нѣтъ такого человѣка!... А тутъ пришла пора обѣдать, въ брюхѣ словно барабанщикъ колотитъ тревогу, вотъ я и зашелъ съ горя къ пріятелю цаловальнику, выпилъ съ горя одну, перекусилъ да и разговорился съ нимъ: ищу, молъ, вотъ такого человѣка, вотъ для такого случая. — Эхъ ма! сказалъ цаловальникъ: — не зналъ я, братъ, а былъ у меня таковскій человѣкъ, сутокъ трое прожилъ, всѣхъ въ заведеніи засыпалъ рѣчами, кто съ нимъ ни сцѣпится, съ разу спасуетъ. Какъ послушаешь, ужь гдѣ онъ не бывалъ, чего онъ не видалъ, чего не знаетъ!... И Москва-то ему какъ свой братъ знакома.... этакая осетровая башка!... а бѣденъ, мѣста, говоритъ, нѣтъ, дрова рубить не мастеръ, а вотъ какъ бы этакъ съ перомъ да съ книгой позанялся бы....

— Гдѣ же онъ, эта сердечная голова? спросилъ я цаловальника.

— Долженъ быть еще здѣсь въ городѣ, сказалъ цаловальникъ:— сегодня утромъ его взяли какіе-то господа, а мой мальчишка, говоритъ, видѣлъ его въ окно въ трактирѣ, сидитъ, говоритъ за столомъ съ благородными людьми и съ ними прохлаждается.

— Спасибо за добрыя вѣсти, сказалъ я цаловальнику, да сейчасъ же налѣво кругомъ и маршъ въ походъ. Подхожу къ трактиру, а изъ воротъ выходитъ цѣлая гурьба господъ, уже на порядкахъ, и за ними лѣзетъ, человѣкъ не человѣкъ, копна не копна, гляжу ближе, точно идетъ человѣкъ, только вся голова у него окутана зеленымъ сѣномъ и листьями. Господа посмѣялись, потыкали на него

пальцами да и побрели себѣ, а зеленая голова стала у воротъ и ни съ мѣста. Я подошелъ къ нему и спросилъ: гдѣ здѣсь ученый человѣкъ? Онъ поглядѣлъ на меня, плюнулъ въ сторону и сказалъ: я ученый человѣкъ. — Я сразу смекнулъ, что у него въ головѣ шумятъ мухи и мнѣ съ нимъ въ тѣ поры пива не сварить, вотъ я и пригласилъ его къ цаловальнику, уложилъ его спать, а какъ онъ проспался, поговорилъ съ нимъ и порѣшилъ дѣло, только онъ не согласился ѣхать сегодня сюда; я, сказалъ, былъ въ компаніи и меня разумные люди за мои вирши украсили вѣнкомъ, то я, говоритъ, на радости, немного выпилъ и разстроенъ, не хочу, молъ, въ такомъ видѣ явиться къ высокоблагородному человѣку, а лучше здѣсь высплюсь, а вы возьмите на пробу мое сочиненье, за него мнѣ сегодня дали господа вѣнокъ, коли понравится — пріѣзжайте завтра за мной. Вотъ я и поѣхалъ съ этой пробой. Какъ она вамъ?

— Ничего, сказалъ Кондратъ Иванычъ: — стихи очень бойкіе и жалостные, должно быть сочинитель человѣкъ доброй души и неглупый.

— Очення неглупый; какъ проспался да поговорилъ со мной, я совсѣмъ опѣшилъ....

— Такъ и ладно, завтра чуть свѣтъ, ступай въ городъ и привези учителя.

Новый учитель, явившись къ Кондрату Иванычу, сейчасъ принялся осматривать своего будущаго ученика, будто лошадь, ощупалъ его голову, слегка постучалъ пальцемъ по лбу, потянулъ немного за одно ухо, потомъ за другое и сказалъ, обратясь къ Кондрату Иванычу: — будетъ прокъ!... голова граненая и не пустая. Ломоносовъ, Херасковъ. всѣ тутъ сидятъ, что̀ слово — стихъ, что̀ стихъ — червонецъ!... Богатъ будешь, домъ большой, стеариновыя свѣчи, разныя вина и мнѣ на старости хорошо, ей Богу такъ. А какъ зовутъ?

— Васька, отвѣчалъ Кондратъ Иванычъ.

— То есть Василій, хорошо, знаю двухъ Васильевъ, трехъ зналъ, всѣ молодцы, одинъ поетъ — соловья не надо, другой взялъ перо, пацарапаетъ немного и нѣтъ листа — писатель, — третій въ своемъ домѣ живетъ, столъ отличный, жена красавица, всѣ богаты и нашъ будетъ богатъ. А какъ фамилія?

— Я полагаю, вамъ сообщилъ управляющій о происхожденіи этого ребенка.

— Нѣтъ генеалогіи его не знаю, любопытно знать.

— Очень просто; я его нашелъ голоднаго подъ заборомъ, пріютилъ у себя и для его счастія хочу научить уму-разуму. А фамилія его Богъ знаетъ какая.

— Фамилія нужна: напишетъ что-нибудь, сочинитель, — какъ подпишется? Василій? мало!... много есть Васильевъ. Нужна фамилія.

— Какъ же тутъ быть?... не свою же мнѣ ему дать фамилію.

— Подумайте, ваше дѣло, я не виноватъ, умываю руки.

— Позвольте, ваше высокоблагородіе, сказалъ управляющій: — вѣдь ему нужна только кличка, какая ни есть, была бы кличка.

— Разумѣется, замѣтилъ Кондратъ Иванычъ.

Учитель кивнулъ головой.

— Такъ вы его взяли подъ заборомъ и назовите Заборовымъ.

— Какъ вы думаете? спросилъ Кондратъ Иванычъ: — вѣдь оно складно выходитъ: Василій Заборовъ!.... Будто въ послужномъ спискѣ читаешь. Довольно громко!

— Пожалуй, быть ему Заборовымъ, я не прочь.

— Василій Заборовъ! слушай! гордо сказалъ учитель: — волосы стричь, бороду брить, по худымъ домамъ не шататься, а не послушаешь угрозъ, послушаешь лозъ! Пошелъ гулять.

Мальчикъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Экъ вы красно говорите, Богъ вамъ судья, сказалъ управляющій, обдергивая отъ удовольствія воротникъ своей рубашки.

— Мудрыя ваши правила, замѣтилъ Кондратъ Иванычъ: — но я бы просилъ васъ сразу не запугать мальчишку.

— Помилуйте, это острастка, поймали дикую лошадь - плѣтью по лбу, она и притихла, а послѣ овса, и хорошо ей! Я добрякъ, у меня громъ на языкѣ, а въ душѣ фіялки, поневолѣ свыкнемся, мальчикъ съ головой, чрезъ годъ будетъ самъ пропись писать, черезъ два, черезъ три года вамъ мадригалъ напишетъ, эпитафію напишетъ – на этомъ постоимъ!...

VII.

Тутъ мой разсказъ и кончается: персонажи на сценѣ, декараціи поставлены, всякой легко можетъ угадать будущую комедію; но есть у меня два, три пріятеля, которымъ ненравятся подобныя окончанія, которые непремѣнно требуютъ самаго подробнаго отчета о всѣхъ *герояхъ* даже до послѣдняго ихъ вздоха, а нето они, добрые люди, обидятся, станутъ жаловаться, что ихъ не уважаютъ и т. п. Дѣлать нечего, прибавлю для нихъ еще нѣсколько строчекъ пояснительныхъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, учитель училъ Васю грамотѣ и еще Богъ знаетъ чему, Вася подросъ, почти сдѣлался юношею, а Кон-

дратъ Иванычъ немного постарѣлъ и по влеченію всегда добраго своего сердца сдѣлалъ маленькую глупость - женился. Эта глупость была бы еще сносна, еслибъ онъ женился на своей сосѣдкѣ дѣвицѣ Гадаевой, очень набожной, скромной и уже въ лѣтахъ, или на вдовѣ изъ ближняго села Безрыбкиной, большой мастерицѣ печь пироги, солить бруснику и управляться съ домочадцами, а то онъ женился на какой-то польской авантюристкѣ, завезенной и брошенной въ городѣ какимъ-то кочующимъ офицеромъ. Она была молода, стройна, развязна, и ей угрожала тюрьма. Кондратъ Иванычъ не выдержалъ, взялъ ее на-поруки и женился....

Подумаешь, на что неспособенъ добрый человѣкъ?

Скромный бытъ Кондрата Иваныча измѣнился: Людвика Феликсовна — такъ звали жену его — оживила весь домъ: громко говорила, хохотала, пѣла и даже заставляла учителя пѣть съ собою, чему тотъ, къ великому удивленію всего дома, не очень противился. Людвика Феликсовна ѣздила съ мужемъ по полямъ на дрожкахъ и всегда вооружась длиннымъ хлыстомъ, стегала имъ рысака и заливалась громкимъ и визгливымъ смѣхомъ, глядя на прыжки бѣднаго животнаго, и часто по вечерамъ гуляла по сельцу Сѣринькому съ сигарой во рту.

Сначала появленіе лихой хозяйки очень радовало управляющаго: она ему напоминала очень живо нѣкоторыя страницы изъ его лагерной жизни; но скоро онъ началъ задумываться и, глядя на добраго Кондрата Иваныча, качалъ печально головой.

Недѣли двѣ, три послѣ сватьбы Кондрата Иваныча пріѣхалъ къ нему какой-то громадный мужчина, въ статскомъ платьѣ, въ усахъ съ испаньёлкой и рекомендовался племянникомъ Людвикѣ Феликсовнѣ, сказавъ, что его зовутъ Юзефъ Пшицкій, что онъ въ уѣздѣ какимъ-то землемѣромъ, и т. п.

Кондратъ Иванычъ принялъ новаго родственника радушно.

Людвика Феликсовна была въ восхищеніи.

Пшицкій погостилъ дня два и уѣхалъ, черезъ день опять пріѣхалъ, прогостилъ три дня, черезъ день еще три дня и потомъ сталъ навѣщать своихъ родныхъ очень часто.

Въ одинъ прекрасный день онъ на своей таратайкѣ привезъ еще двухъ молодчиковъ, довольно плотныхъ, краснощокихъ безъ усовъ, въ фуражкахъ съ козырьками. Пшицкій отрекомендовалъ ихъ двоюродными братьями хозяйкѣ, разсказалъ, что нечаянно встрѣтилъ ихъ гдѣ-то на шоссе, разговорился, какъ почти съ сослуживцами и, узнавъ въ нихъ родичей, сейчасъ же и привезъ сюда. Одинъ изъ молодыхъ людей назывался Булковичь, а другой Споговичь.

Людвика Феликсовна, окруженная кузенами, блаженствовала, ея взглядъ, голосъ, всѣ движенія показывали полное удовольствіе, добрые родичи разсыпались передъ нею въ любезностяхъ, она дарила ихъ чудесными взглядами, они по родственному цаловали ей ручки, она на томъ же основаніи хлопала ихъ по губамъ своими бѣлыми пальчиками. Кондратъ Иванычъ, оставаясь въ тѣни, курилъ спокойно трубочку.

— Ты, другъ мой, иногда говорилъ Кондратъ Иванычъ женѣ своей: — рѣшилась въ-конецъ раззорить меня, каждый день у насъ столько чужихъ людей, а ты еще выдумываешь то то̀, то другое кушанье, самое дорогое, нанимаешь лошадей для прогулокъ и Богъ знаетъ, чт› дѣлаешь, а подумала бы изъ чего мнѣ тянуться? какіе наши доходы? опомнись.

— Опомнитесь, *вы*, старый эгоистъ, говорила обиженнымъ голосомъ Людвика Феликсовна: — благо, что вы отжили свой вѣкъ, васъ ничто не занимаетъ, такъ и я должна живая зарыться въ могилу! послушали бы вы Споговича, какъ живутъ въ Витебскѣ! какіе пикники! а здѣсь умирай съ тоски!... пріѣхали образованные люди, высшаго круга, вамъ уже и жаль для нихъ бутылки вина, а держите полонъ домъ пріемышей да какихъ-то уродовъ. Вы просто эгоистъ, все бы себѣ, чудовище.... Вотъ для кого я всѣмъ пожертвовала!...

Людвика Феликсовна начинала плакать, Кондратъ Иванычъ всилу ее успокоивалъ и потомъ, оставшись одинъ, долго не могъ дать себѣ отчета, чѣмъ для него пожертвовала его супруга?

Гораздо до году послѣ сватьбы Кондратъ Иванычъ былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ: его жена родила разомъ двухъ сыновей. Потомъ не прошло году, она подарила его дочерью, чрезъ годъ еще двумя. Сосѣди поздравляли Кондрата Иваныча; Кондратъ Иванычъ благодарилъ сосѣдей и вздыхалъ, съ ужасомъ глядя на свое многочисленное семейство... А тутъ Вася Заборовъ былъ у него какъ бѣльмо въ глазу, онъ уже выросъ, сдѣлался юношей: куда его дѣвать? что̀ съ нимъ дѣлать?... Учитель сталъ пить непробудную чару, его и спровадили со двора, откуда пришелъ, туда и пошелъ, а Вася — другое дѣло. Содержать его при себѣ силъ не хватало у Кондрата Иваныча, а работать онъ ничего не умѣлъ. Думалъ, думалъ Кондратъ Иванычъ и, посовѣтовавшись съ управляющимъ, написалъ письмо и отправилъ Васю къ своему брату Лукьяну Иванычу въ одинъ большой городъ, гдѣ, какъ слышно, Лукьянъ Иванычъ живетъ припѣваючи.

— И ладно, Кондратъ Иванычъ, замѣтилъ управляющій: — хоть у меня лежитъ душа къ вашему брату какъ у собаки къ длинному полѣну, а все-таки Васѣ лучше тамъ будетъ, хоть свою грамоту мальчикъ пуститъ въ ходъ, авось кусокъ хлѣба будетъ, а у насъ его у самихъ маловато; да и для васъ безопаснѣе будетъ....

— Какъ такъ?

— Да такъ, оно конечно ничего, а гдѣ есть бабы, непригоже держать безъ дѣла молодого парня. Случай неровенъ, мало что̀ бываетъ....

— Богъ съ тобой!... любезнѣйшій!...

— Оно ничего, мое дѣло сторона, а какъ уѣдетъ, и я буду спокойнѣе, я вѣдь человѣкъ бывалый, видывалъ виды.

ЭПИЛОГЪ.

Осенью, еще нѣсколько лѣтъ спустя, въ довольно холодную темную ночь шелъ по глухому переулку большого города человѣкъ довольно странной наружности; платье на немъ было что̀ называется нѣмецкое, только страшно истаскано и разорвано, а сапоги видимо принадлежали когда-то дюжему ломовому извощику, о чемъ явно свидѣтельствовали: ихъ величина, форма и лошадиныя подковы, которыми они были подкованы; на головѣ у страннаго человѣка была круглая шляпа, измятая, порыжѣлая и кривобокая; но замѣчательнѣе

всего въ его нарядѣ было шерстяное одѣяло, когда-то бѣлаго цвѣта; это одѣяло висѣло на плечахъ его какъ тога на римскомъ сенаторѣ, иногда онъ распускалъ его за собою длиннымъ шлейфомъ по улицѣ, то закинувъ одинъ конецъ на плечо, драпировался будто Демосѳенъ на лубочной картинкѣ или Минерва на политипажѣ Дѣтской Миѳологіи.

Страшный человѣкъ, закутанный въ одѣяло, шелъ по улицѣ, страшно стуча своими кованными сапогами, и бесѣдовалъ самъ съ собою: онъ разсуждалъ о добрѣ и злѣ, о ерофеичѣ и полугарѣ, о дождяхъ и солнцѣ и тому подобныхъ обыкновенныхъ предметахъ человѣческой жизни; но его рѣчи, несмотря на свой интересъ, носили на себѣ сильный стенографическій характеръ; видно было, что говорящій находился подъ вліяніемъ какой-то посторонней силы, что эта сила разрывала и путала рѣчи, также, какъ путала его ноги и уклоняла ихъ отъ прямого пути на зло волѣ человѣка.

Разговаривая и лавируя по мостовой, человѣкъ въ одѣялѣ дошелъ до конца переулка и вдругъ остановился: тутъ была будка, изъ-за будки прямо передъ носомъ путешественника при фантастическомъ свѣтѣ фонаря блеснула алебарда и протянулась державшая ее сѣрая рука.

Собравшись съ мыслями, человѣкъ въ одѣялѣ ругнулъ алебарду и хотѣлъ было продолжать свой путь, но тутъ постигло его несчастіе: одѣяло ли запуталось въ ногахъ, ноги ли запутались въ одѣялѣ, только онѣ отказались служить, и незнакомецъ растянулся у будки и сейчасъ же, почувствовавъ себя въ покоѣ, захрапѣлъ сномъ невинности.

— Экъ его нарѣзался, а еще ругается. Вотъ народецъ!... говорилъ будочникъ, укладывая въ будкѣ пьянаго незнакомца.

На утро блѣдное солнце освѣтило большой городъ и вмѣстѣ глухой переулокъ, въ переулкѣ будку, а въ будкѣ спящаго незнакомца, завернутаго въ шерстяное одѣяло. Человѣкъ форменной наружности, стоя передъ незнакомцемъ, слегка толкалъ его ногой; незнакомецъ замычалъ, захлопалъ глазами, потянулся и приподнялъ свое блѣдное, брюзглое, небритое лицо.

— Вставай! полно нѣжиться; чтó за человѣкъ?

Незнакомецъ, толкнутый еще разъ ногою, всталъ и молча хлопалъ глазами, казалось, стараясь что-то припомнить.

— Кто ты? говорятъ тебѣ, какъ тебя зовутъ?...

— Василій Заборовъ, отвѣчалъ незнакомецъ, робко глядя въ землю.

Е. ГРЕБЕНКА.